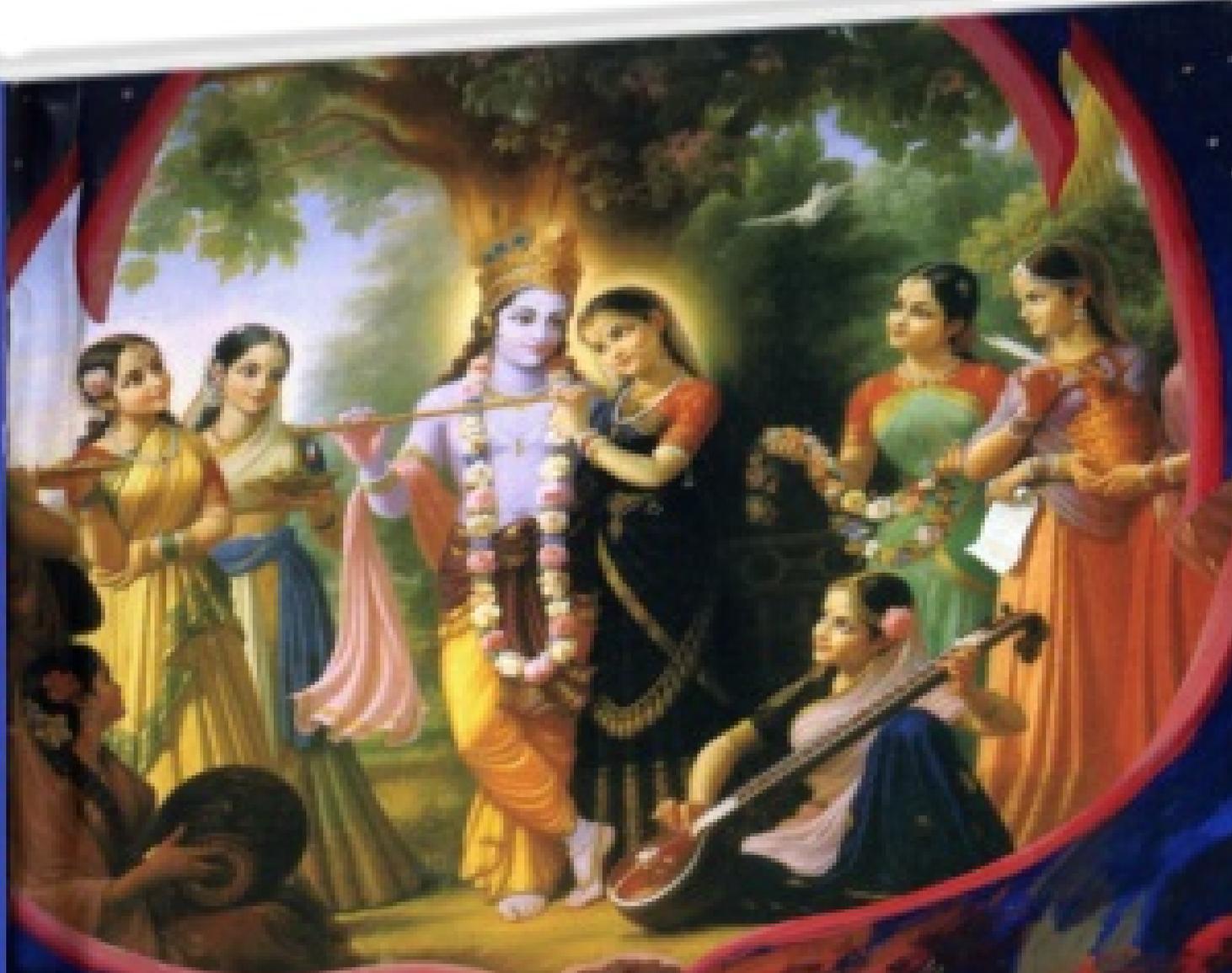


Святые Враджа

О. Б. Л. Каттур



Святые Враджа

О. Б. Л. Каттур (Аджитманна Дас)

Annotation

Люди испокон веков ищут пути, чтобы сделать свою жизнь счастливой. Они выдумывают разные измы и общественные устройства, надеясь изменить мир в лучшую сторону. Но мир катится в пропасть. Спросите у любого пожилого человека о сегодняшнем состоянии общества. Большинство ответит: «До чего докатились. В наше время такого не было». И они правы.

Человечество в поисках счастья, пытаясь исправить мироустройство, забыло одну простую истину: «Измени себя, и мир изменится вместе с тобой». Жизнь и смерть святых Враджа наглядный пример этой истины.

-
- [О. Б. Л. Капур \(Адикешава Дас\)](#)
 -
 - [Содержание](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [Шри Нандакишор Даса Госвамипад](#)
 - [Шри Харидас Бабаджи](#)
 - [Шри Джаякришна Дас Бабаджи](#)
 - [Шри Кришна Дас Бабаджи](#)
 - [Шри Шрикришнадас Бабаджи](#)
 - [Шри Нитьянанда Дас Бабаджи](#)
 - [Шри Мадхусудана Дас Бабаджи](#)
 - [Шрипада Навакишор Госвами и Шрипада Лочанананда Госвами](#)
 - [Шри Джаганнатха Дас Бабаджи](#)
 - [Шри Гауракишор Широмани](#)
 - [Шри Гаурачаран Дас Бабаджи](#)
 - [Шри Нала Бабу](#)
 - [Шри Санехирам джи](#)
 - [Пиши Ма Госвамини и Шри Гопешвар Госвами](#)
 - [Гаура Дас Бабаджи](#)
 - [Шри Радхараман Гхош Бхагавата-Бхушана](#)

- [Шри Джагадиша Дас Бабаджи](#)
- [Пандит Шри Рамакришна Дас Бабаджи](#)
- [Шри Манохара Дас Бабаджи](#)
- [Шри Мадхава Дас Бабаджи](#)
- [Шри Джаганнатха Дас Бабаджи](#)
- [Шри Пранакришна Дас Бабаджи](#)
- [Шри Манасингха Раджавата](#)
- [Раджарши Шри Ванамали Раджабахадур](#)
- [Шри Кришначайтанья Дас Бабаджи](#)
- [Слепой Бабаджи из Маданатеры](#)
- [Шри Гауранга Дас Бабаджи](#)
- [Шри Кришнапрема \(Рональд Никсон\)](#)
- [Шри Гаураговинда Дас Бабаджи](#)
- [Шри Шачинандана Дас Баба](#)
- [Шри Авадха Дас Бабаджи](#)
- [Шри Гопал Дас Бабаджи](#)
- [Шри Харигопал Госвами](#)
- [Шри Рамакришна Дас Бабаджи](#)
- [Шри Радхараман Дас Бабаджи](#)
- [Шах Кундан Лал \(Лалит Кишор\) и Шак Пхундан Лал \(Лалит Матхури\)](#)
- [Гулаб Сакхи](#)
- [Чхота Баба](#)
- [Карта Кришнадас Баба](#)
- [Шри Навалакишор Баба](#)
- [Пандит Джагадананда Дас Бабаджи](#)
- [Шри Югал Дас Баба](#)
- [Гвария Баба](#)
- [Дурлабха Дас Бабаджи](#)
- [Ананта Дас Бабаджи](#)
- [Шримати Гириджа Деви](#)
- [Шри Гауранга Дас Бабаджи из Мадана Тхора](#)
- [Шри Нитьянанда Дас Бабаджи из Нандаграма](#)
- [Об авторе](#)
- [Глоссарий](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)

- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)

- [150](#)
 - [151](#)
 - [152](#)
 - [153](#)
 - [154](#)
 - [155](#)
 - [156](#)
 - [157](#)
 - [158](#)
 - [159](#)
 - [160](#)
 - [161](#)
 - [162](#)
 - [163](#)
-

О. Б. Л. Капур (Адикешава Дас)

Святые Враджа

Посвящается
Моему дикша гуру Шри Шримад
Бхактисидханта Сарасвати Тхакуру
и
Моему шикша гуру Шри Шримад Гауранга Дасу
Бабаджи Махараджу

Содержание

Об авторе	6
Предисловие	7
Шри Нандакишор Дас Госвамипад	15
Шри Харидас Бабаджи	20
Шри Джаякришна Дас Бабаджи	24
Шри Кришна Дас Бабаджи	30
Шри Шрикришнадас Бабаджи	44
Шри Нитьянанда Дас Бабаджи	49
Шри Мадхусудана Дас Бабаджи	51
Шрипада Навакишор Госвами и	
Шрипада Лочанананда Госвами	58
Шри Джаганнатха Дас Бабаджи	65
Шри Гауракишор Широмани	79
Шри Гаурачаран Дас Бабаджи	86
Шри Лал а Бабу	91
Шри Санехирам	105
Пиши Ма Госвами и Шри Гопешвара Госвами...	Л08
Гаура Дас Бабаджи	118
Шри Радхараман Гхош Бхагавата-Бхушана	119
Шри Джагадиша Дас Баба	125
Пандит Шри Рамакришна Дас Бабаджи	133
Шри Манохара Дас Бабаджи	155
Шри Мадхава Дас Бабаджи	159
Шри Джаганнатха Дас Бабаджи (Варшана)	165
Шри Пранакришна Дас Бабаджи	170
Шри Манасингха Раджавата	175
Раджарши Шри Ванамали Раджабахадур	185
Шри Кришна Чайтанья Дас Баба	196
Слепой Баба из Маданатхора	209
Шри Гауранга Дас Бабаджи	213
Шри Кришнапрема (Рональд Никсон)	236
Шри Гаураговинда Дас Бабаджи	252
Шри Шачинандана Дас Бабаджи	259

Шри Авадха Дас Бабаджи 265
Шри Гопала Дас Бабаджи 272
Шри Харигопал Госвами 275
Шри Рамакришна Дас Бабаджи 277
Шри Радхараман Дас Бабаджи 284
Шах Кундан Лал и Шах Пхундан Лал 290
Гулаб Сакхи 297
Чхота Баба 301
Карта Кришна Дас Бабаджи 305
Шри Навалакишор Бабаджи 309
Пандит Джагадананда Дас Баба 316
Шри Югала Дас Бабаджи 317
Гвария Баба 321
Дурлабха Дас Бабаджи 334
Ананта Дас Бабаджи 335
Шримати Гириджа Деви 337
Шри Гауранга Дас Баба (Маданатхор) 345
Шри Нитьянанда Дас Бабаджи (Нандаграм) 347

Предисловие

Любого человека, взявшего в руки эту книгу, ждёт сюрприз. Его ожидает проблеск осознания духовного мира, о котором, возможно, он ничего не слышал и даже не грезил во сне, которое вдохновляет, волнует и чрезвычайно убеждает. Ибо святые Враджа осознавали Бога и поклонялись Ему не в Его привычном качестве творца и правителя вселенной, как просто тому, кто награждает благами и устанавливает справедливость, но в Его высочайшем аспекте любви и сладости (*мадхурье*), в котором Он не раздражается и не хмурит брови, взирая на наши ошибки и слабости, но любит, обожает, не обращая внимания на наше падшее положение, если, разумеется, и мы любим Его; в том аспекте, в котором Он стремится к нам с таким же рвением, с каким мы стремимся к Нему, влюбляется в нас так же сильно, как мы влюбляемся в Него, нуждается в нас в той же степени, в какой мы нуждаемся в Нём; в аспекте, в котором Он более естествен, чем сверхъестествен и более человечный, чем сверхчеловеческий, в котором Он обладает недостатками и слабостями обычных людей, но в котором, сколь бы парадоксальным это не казалось, недостатки становятся Его достоинствами и делают Его слаще и совершеннее, и неким образом не умаляют их, потому что проистекают не из присущей Ему слабости, а из Его естества, которое есть любовь, и Его любовь — для тех, кто любит Его. Мог бы Он быть столь сладок, если бы у Него не было слабостей и если бы, несмотря на тот факт, что Он господин вселенной, Он не испытывал жадность к молоку и маслу, принадлежащим пастушкам Враджа^[1], если бы не воровал и не бил горшки ради удовлетворения своей жадности и если бы не лгал из страха быть наказанным мамой Яшодой?

Его сладость (*мадхурья*) сгущается от того, что Он, несмотря на то, что творит, разрушает и поддерживает вселенную, бахвалится во Врадже положением сына Нанды и Яшоды, чьё имя Кришна, но кого из любовной привязанности называют различными другими именами: Канайя, Канай, Кану, Гопал, Говинда. Его манера облачаться в одеяние мальчика-пастушка, павлинье перо, которое Он любит носить вместо короны и флейта, — всё это символы сладости (*мадхурьи*), а не

величия (*айшварьи*). Величие Кришны затмевается сладостью до такой степени, что Он даже не осознаёт этого. И это соответствует естественному порядку вещей, потому что высшее развитие *прити* или любви возможно только в том случае, когда, и Кришна, и Его преданные, не осознают Его божественности.

Мадхурья Кришны неотделима от Его природы в качестве *расы* или трансцендентального наслаждения. В «Гайттирия Упанишад» (Ананда Валли, 7) Кришна описан как *раса*^[2]. Кришна — не только олицетворение *расы*, Он также *расика* или высший наслаждающийся *расой*. Как *раса* Он — высший объект наслаждения, как *расика* Он — верховный наслаждающийся *расой*. Его потенция наслаждения (*хладини шакти*) — главный источник *расы*. *Хладини шакти*, пребывающая в Кришне, даёт Ему возможность наслаждаться *сварупанандой* или блаженством, которое от природы существует в Нём Самом; *хладини шакти*, находящаяся в сердцах преданных, желающих служить Кришне, принимает форму *Кришна-прити* или любви к Кришне, которая более Ему приятна, чем Его собственная *сварупананда* (Джива Госвами, "Прити Сандарбха", 62).

Шри Джива Госвами спрашивает: как так получается, что собственная потенция Кришны — *хладини шакти* — наделяет Его большим счастьем, когда она находится в сердце Его преданного? И Джива Госвами объясняет это, обращаясь к примеру флейты и музыканта, играющего на ней. Музыкант способен произвести свистящий звук, выпуская воздух из своего рта. Но когда он вдвует тот же самый воздух в инструмент, то тот, проходя сквозь различные отверстия, из свиста превращается в мелодичные звуки, которые доставляют флейтисту большее удовольствие, чем свист, производимый без помощи флейты. Подобно этому, *хладини шакти* сама по себе имеет приятный вкус, который неописуемо сладок, когда пребывает в Кришне, но эта сладость увеличивается в тысячу раз, когда она помещена в сердцах Его преданных. Поэтому Он всегда возвращает *хладини шакти* в сердцах своих преданных, желающих Ему служить ("Прити Сандарбха", 65).

Это объясняет, как Кришна в Своей ипостаси *мадхурьи*, в которой Он входит в сокровенную любовную связь со Своими слугами, чувствует Себя в такой роли более свободно, чем в аспекте *айшварьи* и поэтому полностью реализует Свою природу. И это также объясняет

Его вечную подчинённость Своему преданному, что ясно видно из одного стиха «Бхагаватам», где Кришна говорит: «Даже будучи абсолютно свободным, Я становлюсь в подчинённое положение к Моим преданным, как будто, Я не имею свободы совсем». ("Бхагаватам" 9.4.68.) В биографиях святых Враджа мы найдём бесчисленные примеры полной зависимости Кришны от Своих слуг и Его безоговорочного подчинения им. Однако, необходимо отметить, что всё сказанное относится к вриндаванскому Кришне, а не к Кришне, чья обитель — Матхура или Дварака. Кришна в Своем высшем качестве, в котором *мадхурья* полностью проявлена, это Кришна во Вриндаване^[3]*. Кришна Матхуры и Двараки отличен от Кришны Вриндавана, Он Его частичное воплощение, называемое Васудевой. Невозможно думать о Кришне с плюмажем из павлиньих перьев на Его короне и флейтой в руках за пределами Враджа. В этом образе Кришна неразлучно связан с Вриндаваном, это засвидетельствовано тем фактом, что Радха, для которой невыносим даже момент разлуки с Кришной, осталась недовольна, встретив Его на Курукшетре, где Он явился царём с пышным окружением, а не пастушком с флейтой. ("Чайтанья Чаритамрита", Мадхья, 1. 72–73).

Являясь манифестацией внутренней энергии Кришны или *сварупа-шакти*, Вриндаван — часть самого Кришны. Он состоит, подобно Кришне, из атрибутов существования (*сам*), интеллекта (*чит*) и блаженства (*.ананда*) и отличен от воспринимаемого чувствами мира, который есть проявление внешней энергии Кришны (*майя шакти*). Вриндаван — подходящее место обитания для Кришны, поскольку, подобно тому, как Кришна является высшим проявлением Божественности, так и Вриндаван является высшей *дхамой* (обителью Бога). Он превосходит все другие *дхамы* в великолепии (*айшварье*) и сладости (*мадхурье*). Но *айшварья* Вриндавана практически не видна в сиянии его *мадхурьи*, так вот, всё здесь принимает форму столь сладкую, что невозможно выразить.

Божественный Вриндаван имеет копию на земле в виде географического Вриндавана, которая известна как её *праката пракаша* или проявленная форма.

Последний из-за нашего ограниченного зрения может показаться частью феноменального мира, но, в действительности, его сущность идентична с трансцендентальным аналогом. Если бы у нас было

духовное виденье, Вриндаван, без сомнения, предстал бы перед нами в своей истинной форме ("Чайтанья Чаритамрита", Ади. 5. 20–21). Преданные, кто достиг совершенства в духовной практике (*сидхавастха*), даже в наши дни благословлены виденьем божественных игр {*лил*} Кришны с его компаньонами (*парикарами*), хотя они живут в *дхаме* в своих настоящих телах и не перемещаются в другие *дхамы* (обитатели) или на уровни существования; этот факт больше, чем достаточно, доказывается биографиями преданных Враджа.

Высшее достижение в преданности может быть достигнуто посредством спонтанного (*рагануга*) *бхакти*^[4], которое обычно практикуют преданные Враджа. Оно отличается от ритуального (*ваидхи*) *бхакти*. *Ваидхи бхакти* — предписанное служение. Оно заключается в соблюдении правил и ритуалов, которые даны писаниями. Оно обусловлено страхом наказания за несоблюдение правил и поэтому — более механическое и формальное. В *рагануга бхакти* имеется постоянное течение *раги* или привязанности к Господу, которое делает для преданного невозможным следование правилам и предписаниям *ваидхи бхакти*. *Ваидхи бхакти* может быть объяснено как жизнь в законе, а *рагануга бхакти* как жизнь в любви. Любовь слепа. Она ищет объект любви, не обращая внимания на нормы поведения, которые обычно руководят действиями простого преданного и проявляется непосредственно из внутренней энергии, имени и атрибутов Бога. Преданный автоматически притягивается к Богу, как чувства спонтанно притягиваются к их объектам. Преданность может быть достигнута даже без знания предписаний, хотя соблюдение правил на ранних стадиях в большинстве случаев необходимо, пока ум не утвердился и естественная уравновешенность, являющаяся характеристикой *рагануга бхакти*, ещё не имеет места. Внешнее соблюдение ритуалов, таких, как поклонение *Шри Мурти*^[5], принятие *маханпрасада*^[6] и повторение Святого Имени, предназначено постепенно вывести на стадию уравновешенности посредством переключения ума с объектов чувств на лотосные стопы Кришны и воспламенения искры преданности, сокрытой в сердце. Как только искра зажглась, необходимость внешнего соблюдения ритуалов прекращается. Ибо преданность — деятельность души, а не тела, к которому относится внешнее следование предписаниям. Когда

естественная деятельность души пробуждается, активность тела и чувств регулируется спонтанной активностью души. Пренебрежение правилами и предписаниями на этой стадии не умышленно, а происходит вследствие естественного состояния *бхакти*, которое является аспектом внутренней энергии (*сварупа-шакти*) Господа, поэтому, если поведение святых Враджа иногда кажется не соответствующим норме, оно должно рассматриваться в этом свете.

Святые, чьи биографии включены в эту книгу, жили на протяжении последних двух с половиной столетий. Они все *Гаудия вайшнав*^[7], последователи Шри Чайтаньи, возможно, исключением могут быть только двое — Хари Даса Бабаджи и Санехи Рамаджи, чьи *сампрадаи* (религиозные движения в индуизме) неизвестны.

Последователи других *сампрадаи* не включены в эту книгу с намерением собрать их позже, если удастся, в другой, отдельной, книге в целях однородности. Однако, надо отметить, что святые Враджа в своём большинстве были Гаудия вайшнавами, поскольку именно Шри Чайтанья Махапрабху и Его последователи первыми в шестнадцатом столетии заново открыли Вриндаван, когда все признаки его существования были полностью уничтожены в течение нескольких столетий повторяющимися атаками мусульманских агрессоров. С того времени Гаудия вайшнав постоянно стекались во Вриндаван.

Оказалось невозможным расположить биографии в строгом хронологическом порядке, потому что в большинстве случаев точные даты рождения и смерти святых неизвестны.

Что касается подлинности биографий, можно утверждать, что они в общем и целом правдивы, хотя по своей природе они исключают возможность быть вне сомнений критически настроенных людей, обычно требующих подтверждения для каждой мелочи, даже для духовных событий и переживаний, для которых обычные свидетельства невозможны. Эти биографии, как и биографии других святых, кто реализовал Бога, содержат чудеса, о которых невозможно судить с помощью научных линеек и гальванометров, статистических подсчетов и уравнений. Сейчас даже учёные соглашаются с возможностью существования миров высшего измерения, которые не могут быть исследованы с помощью научных методов сбора и обработки статистических данных об атомах и электронах,

хромосомах и корпускулах. Высшие миры могут быть исследованы солнцем сверхсознания, а не свечой науки и логики. Для того, чтобы познать их, мы должны подняться на высший уровень существования. Мы можем познать это, глядя сквозь призму того, кем мы становимся, а не сквозь призму того, что наблюдаем, думаем и анализируем умом.

Источники, снабдившие материалом эти биографии, довольно достоверные. Один из самых важных — разобщенные записи в форме *сучака-киртанов*. *Сучака-киртаны* — обобщённые события из жизни святых, записанные их последователями в стихотворной форме на бенгали для пения во время празднования годовщины смерти в соответствии с традицией Гаудия Вайшнавов. Кроме того, некоторые книги, дающие длинные или краткие биографии святых, можно найти на бенгали. Самая важная из них — «Гаудия Вайшнава Дживана», написанная самим Шри Харидаса Дасом, святым, достигшим совершенства (*сиддха*) и знаменитым учёным, эта книга была опубликована в 1951-м году. Упомянутые выше источники вместе с материалом, взятым в интервью с хорошо осведомлёнными преданными, дают базовые сведения для этих биографий. Биографии некоторых святых слишком коротки и отрывочны и нуждаются в дальнейшей доработке. В целях сохранности от меня требовалось записать весь материал, имеющийся в наличии.

Я не хотел бы растягивать это предисловие, за исключением того, чтобы дать краткий, но приятный мне отзыв признания, хотя для каждого из тех, кто как-то помогал в публикации этой книги, служение являлось делом любви, а признание только неуклюжей формальностью, но я бы не исполнил свой долг, не выразив благодарность за помощь, оказанную ими. Я искренне благодарю Шримати Ведашастри за печатанье манускрипта и корректуру, и Шри Мулкараджи Вирмани, кто так же милостиво помогал в редакции текста.

О. В. Л. Капур

ВВЕДЕНИЕ

Господь полностью обеспечивает условия жизни живых существ в материальном мире. Это милость Господа, но у Господа есть особая милость, которая доступна не каждому. Это — любовь Господа. Особую милость Он дает тем живым существам, которые стремятся вернуться в духовный мир обратно к Богу. Возвращение к Богу является главной целью человеческой жизни.

Господь Свою милость проливает через Своих чистых преданных, которые очистили зеркала своих сердец до блеска и могут отражать без искажения Божественную любовь. Любовь, отраженную в сердцах, они могут передать другим живым существам. Таким образом, эти великие души являются проводниками Божественной любви, проливая милость Господа всем удачливым душам. Они свою миссию выполняют не только на земле, но и после ухода из этого бренного мира, обеспечивая непрерывный поток Божественной любви.

Таким образом, кто помнит и устремляет свои мысли к лотосным стопам святых, практикуя преданное служение, непременно удостоится милости Господа.

Книга О. Б. Л. Капура «Святые Враджа» является именно таким произведением, которое очень сильно вдохновляет каждого читателя и оставляет неизгладимое впечатление в сознание человека. В книге описаны жизнеописания наиболее известных святых. Многие из них были Сидха Бабаджи, то есть достигшие вершин духовного совершенства. Их духовный путь и способы достижения цели человеческой жизни — чрезвычайно важный опыт в развитии человека. Из жизни святых можно понять важность опыта прошлой жизни и в то же время роль усилия самого человека в достижении духовного совершенства. Эти люди достигли духовных вершин, поэтому они являются чистыми проводниками Божественной любви. В книге хорошо показана слава Враджа — святой земли в Индии, которая не отлична от духовного мира.

Для того, чтобы превратить свое сердце в Божественный Храм, нужно его постоянно омыwać в потоках чистой преданности. Жизни святых описанные в этой книге в совершенстве предоставляют такую

возможность полностью. Нам остается только подставить сосуд своего сердца в этот духовный поток, читая книгу, и насладится нектаром, который мы всегда жаждем.

Радха Кунда. Доктор наук, философ-теолог Дина Шьям.

Шри Нандакишор Даса Госвамипад

Генеологически Шри Нандакишор Даса Госвамипад принадлежал седьмому поколению потомков Шри Нитьяланды Прабху. Он был младшим сыном Шри Расикананды Прабху, проживавшего в Пуруния Пата, в районе Бакура, в Бенгалии. Будучи потомком Нитьяланды Прабху, он, в соответствие с Вайшнавской традицией, был почитаем всеми вайшнавами: молодыми или старыми, богатыми или бедными, домовладельцами (*грхастхами*) или теми, кто отрёкся от мира (*тьяги*). Это терзало его сердце, потому что, будучи с детства истинным вайшнавом, он считал себя ниже самого падшего. Кроме того, излишнее почитание является для *садхака*^[8] серьёзным препятствием. Он хотел совершать *бхаджан*^[9] под руководством учителя (*гуру*), который осознал Бога. Но никто не осмеливался принять его учеником. Как мог кто-либо принять своим учеником потомка Нитьяланды, прирожденного *ачарью* (наставника)?

Другая трудность была связана с вековой семейственной традицией. Традиционно потомки Нитьяланды Прабху обзаводились семьей и давали *дикшу* (инициацию в духовную жизнь) ученикам, чьи пожертвования были главным источником дохода семей этих Госвами. Родители Нандакишора хотели, чтобы он следовал семейным традициям. Но Нандакишор решил сохранять целибат всю свою жизнь и никому не давать *дикшу*, пока не осознает Кришну.

Когда родители начали вести переговоры о его женитьбе, Нандакишор стоял на перепутьи: следует ли ему действовать согласно воле родителей, или секретно отречься от мира, уйти во Вриндаван и, никому не раскрывая своего происхождения, инкогнито начать *садхану*^[10] под руководством *сидха махатмы* (святого, достигшего совершенства в *бхаджане*). Он выбрал последнее направление и тайно сбежал из дома во Вриндаван, где начал делать *бхаджан*, под руководством Шри Вишванатхи Чакравартипада, в те времена прославленного святого в *Чайтанья-сампрадае*. В течение некоторого времени никто не знал, что Нандакишор потомок Нитьяланды Прабху.

Его мать очень переживала. Она послала многих людей в различных направлениях искать сына. Один из них пришёл во

Вриндаван. Он рассказал Вишванатху Чакраварти о том, кто есть, на самом деле, Нандакишор и передал просьбу его матери, чтобы сын вернулся домой и женился. Вишванатха Чакраварти сказал Нандакишору Прабху: «Ты совершил оскорбление, скрыв своё имя. Но ты принял меня, как своего *шикша-гуру*^[11]. Если я попрошу у тебя *гуру-дакшину*^[12], дашь ли ты её мне?»

«Почему нет? Милостиво скажите, какую я должен дать *дакшину!*»

«В качестве *дакшины* ты должен вернуться домой и жениться».

Нандакишор должен был подчиниться. Он вернулся домой и вступил в брак. Вскоре у него родился сын. В 1872-м году он опять вернулся во Вриндаван. На этот раз он взял с собой Божества Шри Нитай-Гауранга и установил их в Шрипгарвате^[13], где им поклоняются по сей день. *Раджа* (царь) Джодхапура был впечатлён преданностью и учёностью Нандакишора Прабху. Он подарил ему во Вриндаване обширные земли и другую царскую собственность, чтобы тот мог использовать их в служении Божествам.

У Нандакишора был слуга и ученик, обычно пасший его коров, по имени Бхонду, что значит простофиля. Люди называли его Бхонду не из-за глупости, а потому что у него был простой, бесхитростный ум. У него было открытое сердце, свободное от пороков и обмана. Подобно маленькому ребёнку, он был до того доверчив, что с лёгкостью верил всему, что бы ему ни говорили. Каждое утро он обычно пас коров на другой стороне реки Ямуны, в лесу Бхандираван. Кто-то сказал ему, что Нандалала (Кришна, сын Нанды) и Его друзья, пастушки, также пасут коров в Бхандираване. Он обрадовался от мысли, что когда-нибудь встретится с Нандалалой, подружится с ним и будет танцевать, петь и играть вместе с другими пастушками. Его страстное желание встретиться с Нандалалой росло день ото дня. Он начал плакать и звать его. Как мог Нандалала, Кто по природе такой добрый и любящий, пренебречь плачем простосердечного юноши, чрезвычайно преданного Ему? И Он стал в той же степени стремиться ко встрече с ним.

Итак, одним днём Он явился перед ним с друзьями и стадом коров. Бхонду стал хорошим другом Нандалалы. Каждый день он приносил Ему вкусную еду, которой Нандалала наслаждался вместе с друзьями.

Как-то днём Бхонду выходил из храма пасти коров, Нандакишор Еосвами увидел его с ношей на голове.

«Что ты несёшь, Бхонду?» — спросил он.

«Я несу продукты для дала-бати^[14] для Нандалала и его друзей», — улыбаясь, ответил Бхонду.

«Дала-бати для Нандалалы?»

«Да, для Нандалалы».

«Какой Нандалала?»

«Нандалала, Кто играет на флейте и приходит в Бхандираван пасти коров».

«Нандалала, игрок на флейте! Скажи мне, как он выглядит, какого цвета его тело и что он носит?»

«О, Он очень красивый! Цвет Его лучезарного тела — синий. Он носит жёлтые одежды и гирлянду из цветов. Корона с павлиньими перьями украшает Его голову. У Него всегда очаровательная улыбка. О, Шрипада, я не могу описать, насколько прекрасно Он выглядит».

Шрипада не мог поверить словам Бхонду, но он также не мог не верить, поскольку знал, что Бхонду не способен говорить ложь.

Он сказал: «Очень хорошо, Бхонду, пригласи Нандалалу и Его компанию от моего имени на угощение дала-бати сюда в Шрингарават. Он придёт?»

«Да, почему нет? Я приведу Его завтра», — сказал уверенно Бхонду. На следующий день, когда Бхонду шёл в Бхандираван, он постоянно размышлял о том, как отреагирует Нандалала на приглашение. «О, как Он будет счастлив!» Но, когда он передал приглашение Ему, то сразу пришёл ответ: «Нет, Бхонду, я не пойду к Шрипаде».

«Нет, Нандалала, Ты должен пойти. Я обещал ему», — сказал Бхонду. Лицо Бхонду залилось краской от оскорбления и горя, поскольку это было оскорбительно не только для него, но и для его гуру.

«Нет, я не пойду. Какое мне дело до Шрипада?» — грубо ответил Нандалала.

Бедный Бхонду никогда не мог представить, что Нандалала может быть столь дерзок и неучтив. Ведь у него была незначительная просьба, и он был вправе верить, что Нандалала с готовностью согласится. Но Он этого не сделал. Сердце Бхонду было разбито.

Слёзы катились по его щекам. У него не было слов, чтобы выразить свои чувства, и он, быстро отделив своих коров от стада Нандалалы, отправился в другую сторону.

Нандалала был в шоке. Он спросил: «Что ты делаешь Бхонду?»

«Я от Тебя уйду. Если Тебе нет дела до Шрипада, моего гуру, то и мне нет дела до Тебя».

Для Нандалала это было слишком. Как Он мог вынести то, что Бхонду покидает Его? Бхонду сделал лишь несколько шагов, когда Он закричал: «Подожди, Бхонду, подожди! Слушай, Бхонду, слушай!» Как Бхонду мог остановиться и слушать? Он ускорил шаги. Но Нандалала не позволил ему уйти. Он побежал за ним.

Как это удивительно! Нандалала, который повелевает вселенной, Брахмой, Вишну, Шивой и другими бесчисленными полубогами, бежит вслед за Бхонду! Нандалала, без сомнения, Господин вселенной. Но во Врадже Он не Господин. Во Врадже Он пастушок, Кто наслаждается в любовных играх с пастушками и пастушками Враджа. Во Врадже Его *айшварья* или величие и великолепие не видны в ярком сиянии Его *мадхурьи* или очарования. Он совершенное воплощение любви. Любовь динамична. Её всегда не хватает. Чем больше у кого-то есть любви, тем больше он жаждет иметь её. Любовь Нандалалы безгранична, поэтому Он всё время страстно желает развития любви и появления новых преданных. В любовных играх со Своими преданными Он осознаёт и наиболее полно выражает Себя как Бог любви. Поэтому так известно Его признание, что Он зависит от Своих преданных ("Бхагаватам" 9.4.68), и поэтому Он сейчас бежит за Бхонду, как будто, лишается чего-то, что дороже Ему Себя самого. Если Нандалала бежит за кем-то, как может беглец убежать от Него? Вскоре Он догнал Бхонду и сказал голосом, прерывающимся от эмоций: «Бхонду, ты не понял Меня. Я не сказал, что не приму приглашение Шрипада. Шрипада твой гуру, и он так добр ко Мне. Как Я могу отвергнуть его приглашение? Я имел ввиду, что Баларама не пойдёт в Шрингарават, поскольку это излюбленное место Радхарани. Если бы Шрипада пришел и организовал пир здесь, то угощением наслаждался бы каждый из нас».

Это убедило Бхонду в том, что промах был с его стороны из-за непонимания того, что Нандалала имел ввиду. Он вытер слёзы со щёк

и с улыбкой сказал: «Тогда я попрошу Шрипаду прийти сюда завтра и устроить пир?»

«Да, любыми средствами, но скажи ему, чтобы он не брал с собой посторонних!»

На следующий день Шрипада пришёл в Бхандираван со всеми продуктами для приготовления *дала-баты*. Нандалала принял его с большой теплотой и любовью. Цель жизни Шрипады была достигнута. Он не только получил *даршан* Кришны, Баларамы и Их друзей, но вместе с тем благодаря великой удаче увидел их игры и оказал им служение, накормив пиром. Но после пира всё исчезло. Бхонду к этому времени уже привык к внезапным появлениям и исчезновениям Нандалалы и Его компании, но Шрипада — ещё нет. И он упал на землю без чувств.

В этом состоянии он услышал голос Кришны: «Не тревожься. Иди домой и опиши места, связанные с Моими лилами». В соответствие с этим приказанием, Шрипада написал две книги: «Шри Вриндавана-лиламрита» и «Шри Шри Расакалика».

Шри Харидас Бабаджи

"Шримад Бхагаватам" говорит, что Шри Кришна — это *Сваям Бхагаван* или Сам Господь. Рама, Нрисимха, Вамана и другие инкарнации — Его частичные воплощения. Подобно этому, Врадж, *дхама* или обитель Кришны — *сваям дхама* или изначальная обитель, а другие *дхамы* есть частичные проявления Враджа. Подобно тому, как *мадхурья* или красота и сладость Кришны превосходит *мадхурью* Его частичных воплощений, *мадхурья* Враджа превосходит *мадхурью* частичных проявлений Враджа. Поэтому не удивительно, что желание жить во Врадже и испробовать его сладость может появиться в умах других инкарнаций Кришны.

Более двухсот лет назад такое желание родилось в уме Шри Джаганнатхи. Джаганнатха обитает в Пури в образе Шри Мурти (Божества). Божество, стремящееся исполнить Свои желания, полностью зависит от преданного, который служит Ему. В действительности, Господь принимает форму Мурти для того, чтобы наслаждаться любовным служением преданного, чья душа воплощена в материальном теле и кто может служить Господу только тогда, когда Он принимает тело в форме Мурти, таким образом нисходя на уровень преданного. Нисхождение Господа в образе Божества — одновременно акт самоудовлетворения и акт милосердия. Самоудовлетворение, потому что таким путём Он удовлетворяет желание насладиться любовным служением преданного, которого Господь всегда жаждет, несмотря на то, что Он совершенен во всех отношениях. Милосердие, потому что, дав преданному возможность служить Себе, Он открывает путь для его освобождения от подневольности *майе* (материальной энергии). Мурти, хотя выглядит полностью похожим на обыкновенную статую, равно во всех отношениях Господу, за исключением Им самим установленной зависимости от преданного.

Джаганнатха стал искать преданного, кто бы смог отнести Его во Вриндаван и совершать любовное служение во время Его пребывания там. Ему не понадобилось много времени, чтобы найти подходящую душу в Харидасе, преданном святом, который совершал садхану на берегу Ямуны во Вриндаване. Он поклонялся Джаганнатхе и плакал

день и ночь, желая получить Его *даршан*^[15]. И Джаганатха явился перед ним. Харидас был так очарован Его великолепием, что не мог оторвать глаза. Но он не мог глядеть без конца и потерял сознание. Джаганнатха прикоснулся своей лотосной рукой к его голове, таким образом приведя в чувство. Придя в себя, он немедленно упал к стопам Джаганнатхи. Джаганнатха сказал: «Харидас! Я доволен твоей преданностью и страстно желаю твоего любовного служения. Пойди в Джаганнатха Пури. В этом году, в месяце *ашадха*, старое Мурти Джаганнатхи поменяют на новое. Принеси старое Мурти во Вриндаван, установи Его там и служи Ему».

Сказав это, Джаганнатха исчез. Харидас очень огорчился из-за Его исчезновения и снова лишился чувств. Очнувшись, он вспомнил о приказе Господа и начал готовиться к путешествию в Пури.

В те времена ещё не было железной дороги. Харидас с группой учеников, воспевая славу своего Господа, пошёл пешком, пробираясь сквозь джунгли и пересекая реки.

Когда он достиг Джаганнатха Пури, в городе шёл грандиозный фестиваль. После тридцати шести лет, в благоприятный месяц *ашадха*, должны были произвести смену Божеств. Миллионы людей со всех уголков страны пришли увидеть празднество, и город изобиловал местами представлений и беспрецедентным ликованием публики.

Харидас посетил главного священника Храма и попросил у него старое Мурти Джаганнатхи. Священник ответил: «Я не уполномочен в решении этого вопроса. Тебе надо обратиться к царю».

Харидас пришёл к царю. Царь с почтением поклонился и спросил, чем он может помочь. Харидас рассказал о приказании Джаганнатхи и попросил старое Мурти. Его просьба ввергла царя в затруднительное положение. Он сказал: «Махарадж! Джаганнатха приказал тебе, но Он не давал подобной команды мне. В соответствии с давно установленной традицией, каждый раз, когда происходит смена Мурти, старое Божество передают морской воде. Как я могу нарушить вековую традицию без команды Джаганнатхи? Поэтому в этом году старое Мурти тоже будет передано морю».

Харидас глубоко вздохнул и сказал: «Пусть так и будет. Когда старое Мурти Джаганнатхи будут погружать в море, моё тело так же будет утоплено».

Харидас взял обет поститься на неопределенный срок. Он пришёл к морю и сел на берегу, ожидая возможности утопиться вместе с Божеством Джаганнатхи.

В ту же ночь Джаганнатх предстал перед царём во сне и сказал: «Мой преданный пришёл к тебе и попросил Моё Мурти, в соответствии с Моим приказанием. Ты сделал нехорошо, отказав ему. Он сейчас постится на побережье. Пойди, попроси у него прощения и отправь Моё старое Мурти вместе с ним во Вриндаван».

Царя охватил сильный страхом. Он немедленно проснулся и пошёл к берегу моря, где Харидас ожидал момента, когда старое Мурти начнут погружать в морскую пучину. Он со сложенными руками извинился перед ним и пообещал исполнить его просьбу.

После установления новых Божеств царь приказал, чтобы старые Мурти Джаганнатхи, Баларамы и Субхадры усадили на приличествующую Им колесницу и доставили во Вриндаван в сопровождении эскорта военных. Он также дал Харидасу достаточно денег и необходимые принадлежности для служения Джаганнатхе во Вриндаване.

Харидас и его ученики вместе с Божествами достигли Вриндавана, в течение нескольких месяцев останавливаясь и устраивали праздники в различных местах, которые им понравились. Придя во Вриндаван, Харидас построил храм для Божеств, на том самом месте берега Ямуны, где Джаганнатха являлся ему, и после необходимых ритуалов установил Божества. Божества находятся там до сих пор. Это место называется Джаганнатха Гхат. В день Ратхатры большие группы преданных могут получить *даршан* Джаганнатхи прямо на улицах Вриндавана.

Шри Джаякришна Дас Бабаджи

Бхакти — гравитационная сила, работающая в двух направлениях. Она притягивает *бхакту* (преданного) к Бхагавану (Богу) и Бхагавана к *бхакте*. Бхагаван притягивается к *бхакте*, потому что блаженством, проистекающим из *бхакти*, которое живет в сердце *бхакты*, Он наслаждается даже больше, чем блаженством, изливающимся из Своей собственной природы. Как только цветок *бхакти* распускается в сердце преданного, Бхагаван, подобно пчеле, привлекается его ароматом. Цветок *бхакти* расцвёл в сердце Джаякришна Даса Бабаджи из Камья-вана, и Кришна не смог удержаться, чтобы не помчаться к нему.

Джаякришна Даса Баба — святой, Гаудия вайшнав в линии Шри Гангаматы Госвами, чьим именем назван Гангамата Матх в Пури. Никто не знает что-либо о его гуру или месте, где он жил, прежде чем прийти во Вриндаван. Он практиковал *садхану* под деревом на берегу Бимала-кунды в лесу Камья-ван, который с течением времени частично превратился в деревню. Бабаджи многие почитали как святого очень высокого уровня. Но мальчишки-пастухи, проходящие в Камья-ван пасти коров, часто дразнили его. Поэтому Баба стал задумываться о том, чтобы уйти в более уединенное место, где бы он мог практиковать *садхану* без беспокойств. Но такая идея рассматривалась местными жителями, как дурное предзнаменование. И они построили для него маленькую хижину.

Баба повторял *джану*^[16] и медитировал день и ночь напролёт. Он почти не спал. Сон и бодрствование — функции материального тела. Святые категории Джаякришна Даса, которые поднялись над потребностями тела и реализовали свою духовную природу, никогда не спят и не бодрствуют. Они живут в высших измерениях сознания.

В те времена Камья-ван был во владениях Бхаратпурского царя. Раджа прознал о духовных достижениях Джаякришны Даса и загорелся желанием увидеть его. Но все его попытки повстречаться с Бабой были тщетны, потому что тот не общался с людьми, подобными царю, всецело погруженными в мирские дела и заботы.

Баба обычно ходил каждый вечер в деревню за *мадхукари*^[17]. Одним днём, когда он отсутствовал, царь, переодевшись простым крестьянином, пришёл и сел возле двери его хижины. Настало время возвращения Бабы домой. Но он только прошёл половину пути, когда внезапно остановился и повернул назад. Баба пришёл обратно в деревню и громко закричал: «Друзья! Моя хижина полыхает! Идите и потушите огонь». Жители деревни побежали к его домику. Они были удивлены, увидев вместо пожара раджу, сидящего там под личиной крестьянина. Совершив *намаскар* (поклон со сложенными в области сердца руками), они посоветовали ему не упорствовать в своих попытках увидеться с Бабой против воли того, ибо никто, каким бы великим и могущественным он ни был, не смог бы принудить Бабу сделать что-либо вопреки его желанию.

Царь смирился перед волей Бабаджи. Он вернулся в свой дворец, не чувствуя себя оскорблённым, но с изменившимся сердцем. Этот случай помог ему осознать бесполезность его силы и богатства. Он стал смиренным и свободным от мирских привязанностей. И Баба вскоре пролил на него свою милость.

Баба практиковал преданность Кришне в течение длительного времени. Он был охвачен горем и беспокойством, потому что Кришна всё ещё не благословил его Своим *даршаном*. Одним днём, когда его Кришна-вираха^[18] достигла апогея, толпа мальчишек-пастухов собралась на берегу Бимала-кунды. Мальчишки постучались в дверь его хижины. Но ответа не последовало.

Они громко закричали: «Баба! Мы хотим пить. Дай нам воды». Но Баба не внимал им. Он полагал, что мальчишки только затем и пришли, чтобы доставить ему беспокойства. Пастушки заорали опять: «О, Бенгали Баба! Что за *бхаджан*, ты совершаешь? Какая польза от твоего *бхаджана*, если он делает тебя столь бессердечным? Почему ты не можешь выйти и дать нам воды? Разве ты не знаешь, что это оскорбление (*апарадха*) — проявлять безразличие к человеку, страдающему от жажды?»

После таких слов Баба вышел наружу с палкой в руках. Но, едва открыв дверь, очень удивился, когда увидел множество мальчиков-пастушков, каждый из которых превосходил другого в красоте и сиянии, и большое стадо прекрасных коров, которых прежде никогда

не видел. Гнев его тотчас утих. Он спросил одного из пастушков с павлиньем пером в короне: «Мальчик! Где ты живёшь?»

«Я живу в Нандагаоне», — ответил тот.

«Как тебя зовут?»

«Меня зовут Канайя^[19]».

Затем Баба спросил другого мальчика, стоящего поодаль: «А как зовут тебя?»

«Баладау», — ответил мальчик.

Канайя сказал: «Баба, сперва дай нам напиток. У нас во рту так пересохло, что мы не можем говорить».

У Бабы не было ни чашек, ни стаканов. Поэтому мальчики чашечками сложили ладони, и Баба лил в них воду из своей каравы^[20].

Когда Канайя пил, вода текла потоком на землю мимо его ладоней; ни он, ни Баба этого не осознавали. Каждый, как замороженный, был поглощён созерцанием другого, ибо такими были чары их любви друг к другу. И только тогда, когда, наблюдая эту сцену, все пастушки начали смеяться и хлопать в ладоши, они пришли в себя, и процесс подачи и приёма воды был завершён должным образом.

Потом Канайя произнёс: «Баба, обрати внимание! Мы приходим сюда каждый день, преодолевая большое расстояние, и возвращаемся, мучимые жаждой. С этого дня мы будем приходить к тебе ежедневно. Будь добр, держи для нас в своей хижине освежающие напитки».

Баба ответил: «Ну вот ещё. Не приходите беспокоить меня снова».

Он немедленно скрылся, хлопнув дверью. Но было нечто настолько магически привлекательное в пастушках, что, едва закрыв дверь, он снова почувствовал искушение её открыть, чтобы ещё раз на них взглянуть. К своему удивлению, он обнаружил, что все мальчики-пастушки и коровы исчезли. Куда они могли деться за одну секунду? Что это, сон или галлюцинация? Это не могло быть сном, поскольку Баба был полностью пробуждён. И это не могло быть галлюцинацией, ибо было даже более живым и реальным, чем всё, что когда-либо появлялось перед глазами Бабы. Помимо этого, сладкий и слегка сводящий с ума аромат тел пастушков до сих пор наполнял воздух и вода, пролившаяся на землю, стояла в луже возле дверей.

Внезапно Бабу осенило, что Канайя и Баладау, в действительности, были Кришной и Баларамой, кому он поклонялся. Волны *бхавы* (эмоций) и *бхакти* вздымались в его теле. По щекам

струились слёзы. Он был переполнен радостью и эмоциями от мысли, что получил *даршан* Кришны, сокровища его души. Но счастье обернулось горем, когда в ум пришла другая мысль, что он, подобно глупцу, сказал Ему не приходить снова. Горе было так невыносимо, что его сердце разрывалось на части. Но Кришна, если боль разлуки для преданного становится невыносимой, никогда не обманывает его ожидания. С очаровательной улыбкой Он предстал перед Бабой. Но Он появился лишь затем, чтобы исчезнуть опять. На прощание Кришна сказал: «Баба! Я приду к тебе завтра и никогда не оставлю снова».

На следующий день к Бабе пришла старушка вместе со Шри Мурти Гопала и сказала: «Баба, я стала бабусей. Я больше не могу служить Гопалу. Я оставлю Его тебе, чтобы ты за Ним присматривал».

Баба ответил: «Но где я возьму вещи, необходимые для служения Ему?»

«Не беспокойся об этом. Всё необходимое для служения Ему будет приходить к тебе ежедневно». Поведав такое, старая женщина ушла.

В ту же ночь старушка в облике Вриндадеви, богини Вриндавана, явилась Бабе во сне и благословила его. Баба осознал, что Кришна пришёл к нему, как и обещал: никогда не покидать его снова, в образе Гопала. И он до конца своей жизни с преданностью служил Гопалу.

Баба был *садхака мадхурья-расы*^[21]. Его поведение в момент смерти очевидно доказывает это. Его последние слова были: «Где моя *лаханга*, где моя *ангия*, где моя *чоли*^[22]?» Это был знак того, что он, возможно, услышал звуки флейты и в спешке готовился на свидание с Кришной, когда выходил из материального тела в своём духовном теле (*сиддха-дехе*), в женском облике и одежде.

Шри Кришна Дас Бабаджи

В средние века в Индии были широко распространены словесные сражения между пандитами. Одно время некий пандит из Южной Индии перемещался по стране, вызывая всех известных учёных на диспут по *шастрартхе*^[23], с целью завоевать себе титул *дигвиджая*^[24]. Одержав победу над всей Южной Индией, он пришёл во Вриндаван. Однако, у *пандитов* (учёных философов) Вриндавана не хватило смелости принять его вызов. Но они также не хотели, чтобы южно-индийский *пандит* ушёл с лёгкой победой над Враджем, бывшим на протяжении столетий важным центром культуры и образования. Они думали, что он, несомненно, потерпит поражение, если им удастся убедить его пойти на Говардхан и бросить вызов *сиддха*^[25] Шри Кришна Дасу Бабаджи. Тем не менее, риск состоял в том, что Шри Кришна Дас Бабаджи мог в силу своего смирения или же погружения в *бхаджан* принять поражение, не вступая в диспут. Итак, они пришли к *пандиту* и сказали: «О, досточтимый господин, мы убеждены в вашем исключительном интеллекте и образовании. Никто из нас не годится, чтобы даже просто говорить с вами. Но если вы пойдёте на Говардхан и одержите победу в *шастрартхе* над Бабой Шри Кришна Дасом, то автоматически будете признаны победителем мира, поскольку он известен по всей Индии как *крест-джуэл*^[26] среди *панбитов*. Но Баба вступит с Вами в дебаты, если только посчитает, что Вы для него — подходящий противник, в противном случае он откажется под тем или иным предлогом. Поэтому Вы должны завлечь его, сказав что-нибудь пренебрежительное о Врадже, это затронет сокровенные уголки в его сердце и принудит принять ваш вызов, чтобы спасти репутацию Враджа».

Этого было достаточно, чтобы вселить в гордого *пандита* энтузиазм встретиться и убедить Шри Кришна Даса Бабаджи вступить в дискуссию по *шастрартхе*. Он пришёл к Бабаджи на Говардхан и сказал: «Я слышал, что все *пандиты* Индии считают тебя великой драгоценностью среди учёных. Я пришёл бросить вызов, чтобы дать тебе возможность доказать вступлением со мной в диспут по *шастрартхе*, что ты по праву заслуживаешь этот титул. Я уже

установил своё превосходство в Южной Индии. Победой над тобой я желаю добиться того же самого в этой части страны».

Баба ответил: «Слухи, дошедшие до Вас, неверны. Далеко от того, чтобы быть подходящим соперником для великого *пандита*, я даже не заслуживаю места у Ваших стоп. *Шастрартха* со мной не имеет никакого смысла».

Пандит подумал, что всё, сказанное *пандитами* Вриндавана, скорее всего, имеет место. Баба тактично избегал поединка с ним, поскольку не считал его равным себе. И он вспыхнул: «Я пришёл сюда, в этот великий центр культуры и образования, с надеждой найти кого-нибудь, кто стал бы достойным противником для меня и с кем я бы мог обсудить *шастрартху*. Но я не разыскал ни одного разумного человека, хотя бы умеющего правильно декламировать Веды. Какой позор для земли Враджа!»

Баба сказал: «Да, это правда. Здесь нет ни одного человека, кто мог бы декламировать Веды, подобно Вам. Не могли бы Вы произнести одну строчку из "Сама-веды"?» Пандит только и ждал возможности показать свой исключительный талант. Он со вкусом процитировал *шрути-мантру*^[27], наслаждаясь своим голосом. К его удивлению, Баба указал ему на три ошибки в *сваре* (тоне и ударе). Пандит произнёс с негодованием: «Я не встречал ещё ни одного *пандита* в Бхарата-варше, кто бы мог декламировать *мантры* лучше меня! Позволь мне увидеть твоё умение».

Баба совершенным образом прочитал *мантру* в классическом стиле и *сваре* Сама-веды, которых *пандит* никогда не слышал прежде. Он был ошеломлён и не мог сдержаться, чтобы не упасть к стопам Бабы и сказать: «Махарадж! Ты непобедимый. Нет никого во всём мире, кто бы мог сравниться с тобой. Твоё знание не от этого мира. Это дар свыше».

Несомненно, знания Бабы были не от мира сего. По сути, всё, что принадлежало к обыденной действительности, с Бабой связано не было. С самого начала его жизнь была устроена и украшена неземной властью. То есть, жизнь святого Бабы не была спланирована им самим. Он был рождён в штате Орисса в богатой семье, чью родословную украшало имя великого святого Шри Нароттамы Тхакура. Когда его отец Санатана Канунаго умер, мать юноши стала *сати*^[28]. Во время следования на погребальный костёр её охватило экстатическое

возбуждение. И в этом состоянии мать поручила своим трём сыновьям принять три различных уклада жизни. Самому младшему сыну Бата Кришне она наказала идти во Вриндаван и делать там *бхаджан*. Позже Бата Кришна прославился как сидха Кришна Дас.

Человек, желающий отказаться от мира и вести жизнь *садху*^[29] или *саньяси*^[30], вынужден на пороге отречения бороться сам с собой, со своими родителями и со всем светом. Но для Кришна Даса жизнь святого была заранее спланирована духовной энергией. Она пришла к нему, подобно дару, от его праведной матери. В шестнадцать лет он отрёкся от мира и ушёл во Вриндаван. После двухлетнего пребывания во Вриндаване он отправился в Джаяпур с целью служить Говиндаджи. Махарадж (царь) Джаяпура с удовольствием назначил его *пуджарием* (священником) в храм Говиндаджи. Кришна Дас с преданностью служил Говиндаджи восемь или девять лет. Однако, в течение этого времени его часто допекало влечение к сексуальным наслаждениям. Это причиняло ему серьёзные беспокойства. Он удивлялся тому, что до сих пор находится в силках воздержания, несмотря на многолетнее принятие *прасада* от Говиндаджи. Неужели секс более могуществен, чем *прасад* Говиндаджи, который есть *чинмая* (трансцендентный), и, предполагается, имеет способность разрушать материальные желания?! Никто в Джаяпуре не мог предоставить ответа на этот вопрос. Итак, он вернулся во Врадж и объяснил своё затруднительное положение Джаякришне Дасу Бабе из Камья-вана.

Баба сказал: «Посмотри, мой сын, свежесрубленное и обмакнутое в воду дерево не горит в огне. Разве это доказывает, что у огня нет силы сжигать? У огня всегда есть способность жечь. Но он сожжёт намокшее дерево только тогда, когда оно высохнет. Для того, чтобы стать сухим, оно должно быть на некоторое время помещено в огонь. Подобно этому, душа, с незапамятных времён погружённая в океан чувственных наслаждений и греховной деятельности, должна освободить себя от любых вредных влияний, практикуя *бхакти-садхану* в течение необходимого срока, прежде, чем она осознает духовную природу и оптимальным образом прочувствует духовность объектов, таких, как *прасад* Говиндаджи. Во время исполнения *садханы* практикующий должен избегать есть что-либо, бывшее в соприкосновении с личностью, потворствующей чувственному удовлетворению или грехам, даже если это приходит в виде *прасада*

Говиндаджи. Разве ты не помнишь, что Махапрабху отказался есть *прасада* Джаганнатхи, купленный Рагхунатхой Дасом на деньги, посланные ему отцом и сказал: "Даже *прасада*, приобретённый на деньги *вишаи* (человека с мирским сознанием) возбуждает *раджа гуну*^[31]».

В этой связи Джаякришна Даса Баба рассказал историю: «У одной *вешьи* (куртизанки) из Бенгалии в сердце произошла перемена. Она приняла *дикшу* от *вайшнава* гуру и захотела предложить ему все свои сбережения. Гуру посоветовал ей идти во Вриндаван и пожертвовать все украшения и деньги Говиндаджи. Она пришла во Вриндаван. Но когда она выразила *пуджарию* Божества Говиндаджи своё желание, он отказался что-либо от неё принять. Это разбило её сердце. Решив поститься, пока не придёт смерть, она пришла на берег Ямуны и легла там, в течение трёх суток не приняв даже капли воды. На четвёртый день Говиндаджи явился *пуджарию* во сне и заявил: «Иди на берег Ямуны в то место, где лежит посетительница, на днях приносившая пожертвование. Возьми всё её богатство, купи продукты и предложи мне *бхогу* (пища для предложения божествам)». *Пуджарий* в точности исполнил приказание. Он предложил в громадном количестве *бхогу* и устроил грандиозный пир, на который были приглашены все *вайшnavы*. В ту же ночь во время сновидений многие потеряли семя, подозрение пало на *прасада*, съеденный накануне. Когда они спросили *пуджария* и узнали, что *бхогу* купили на деньги проститутки, их мучениям не было конца. *Вайшnavы* начали поститься, чтобы искупить грех принятия *бхоги*, предложенной распутницей. На третий день поста каждому из них приснился одинаковый сон, в котором Говиндаджи спрашивал: «Почему вы голодаете? Вы хотите совершить самоубийство?»

Вайшnavы ответили: «Что ещё мы можем поделать, если Ты принял *бхогу* от проститутки, и мы должны были есть её, потому что она пришла к нам в виде Твоего *прасада*? Разве это не разрушает нашу *дхарму* (религиозность)?»

"Но разве Я заставлял вас брать еду от нее? Я могу переварить всё, что угодно, но не принуждаю вас принимать всё, что вкушаю Сам», — произнёс Говиндаджи.

«Если пища, предложенная падшей личностью, приходит к нам в виде Твоего *прасада*, что нам делать? Должны ли мы совершать

оскорбление, отказавшись от неё?»

«В подобных обстоятельствах вы можете взять маленький кусочек, чтобы избежать оскорбления», — посоветовал Говиндаджи.

Бабаджи завершал рассказ: «В отношении *прасада* Говиндаджи тебе надо действовать согласно Его совету, потому что *бхога* для Говиндаджи частично финансируется Махараджем Джаяпура, кто есть *вишая*».

Кришна Дас всем сердцем принял совет Джаякришна Даса. Он решил больше не принимать *прасад* Говиндаджи. Покинув Джаяпур, подвижник стал совершать *бхаджан* в лесу Домана-ван, расположенном близ Нандаграма во Врадже. Он не принимал *прасад* ни из одного храма или *ашрама*^[32], а просил муку у *враджабаси* (жителей Враджа), смешивал ее с листьями дерева *ним*^[33], наливал воду и замешивал тесто в виде колобка. Колобок съедался порой испечённым, а порой сырым. В результате такой диеты он становился немогущее и немогущее и, в конце концов, потерял зрение. Слепой не мог более ходить по домам за мукой и несколько дней жил на одной воде из пруда неподалёку. Вскоре для него стало невозможным даже дойти до пруда. Силы оставили его. Два или три дня прошли без единого глотка воды.

Когда Радхарани увидела Кришна Даса в таком плачевном состоянии, Её сердце растаяло. Она сказала Ладите, своей ближайшей *сакхи* (подруге): «Лалита, неужели ты не видишь? Кришна Дас морит себя голодом. Разве ты позволишь ему заморить себя и, таким образом, скомпрометировать Меня? Возьми этот *тхала* (поднос) с *прасадом* и накорми его».

Лалита взяла поднос с *прасадом* из рук Радхарани, пришла в лес Домана-ван в облике *враджа-бали* (девушки *враджабаси*) и сказала Кришна Дасу: «Баба, прими этот *прасад*. Моя мама сжалилась над тобой и попросила меня, отнести тебе поесть».

Сладкие слова девушки и неземной аромат *прасада* возродили умирающего Кришна Даса. Он поднялся и съел *прасад*. После еды он принялся мыть поднос. Девушка спросила: «Баба, почему Вы не ходите собирать *мадхукари*!»

«Как мне это делать, *лали*^[34]? Я лишился зрения».

«А Вы будете ходить в деревню, если способность видеть будет восстановлена?.. Вот, моя мама послала глазную мазь. Я помажу ею

Ваши глаза, и Вы сможете видеть лучше прежнего».

Сказав это, она притронулась к его глазам пальцами. После нежного, целительного прикосновения слепота мгновенно оставила Кришна Даса. Он увидел местность окрест себя, но не увидел девушки и подноса, только что помытого им. Оба мистически исчезли, но их небесный аромат всё ещё наполнял пространство. Кто была эта девушка? Откуда она пришла? Каким образом она мгновенно исчезла? И как ей удалось простым прикосновением восстановить его зрение? Для него это всё оставалось тайной.

Он продолжал размышлять об этом на протяжении трёх дней. На третьей сутки, ночью, когда он дремал, внезапно вспыхнувшее сияние наполнило его хижину божественным светом и ароматом. Перед ним стояла Радхарани с пленительной улыбкой на прекрасном лице. Она сказала восхитительным голосом: «О чём ты сейчас думаешь? Для тебя не существует больше беспокойства и страхов. Ты достиг цели своей жизни. С этого момента Я твоя, а ты Мой. Прикосновением ладони Моей *сакхи* Лалиты, ты был благословен не только *дришти-шакти* (энергией зрения), но и всеми другими энергиями. Сейчас иди на Говардхан и найди для *вайшнавов*, преданных Мне, кратчайший путь обретения Меня». Произнеся это, Радхарани исчезла. Но ещё долгое время Её слова «Я твоя, а ты Мой» звучали в его ушах, казалось, эти слова превратились в океан любви, и Кришна Дас привольно наслаждался плаваньем в нём. Всю ночь волны океана швыряли его тело вниз и вверх, и оно сотрясалось под натиском могучих подводных течений *саттвика-бхавы*^[35].

Проснувшись следующим утром и кое-как оправившись от ночного шторма, он пришёл на Говардхан. Здесь, в местечке под названием Чаклешвара, он стал жить. Хотя Баба достиг совершенства в *бхаджане*, он все же не мог делать ничего, кроме *бхаджана*. Поскольку *бхаджан* есть средство и цель одновременно. Даже Бхагаван всегда занят в *бхаджане*. В то время, когда преданный медитирует на Бхагавана, Бхагаван медитирует на преданного. В те времена на Говардхане и Радха-кунде жили *вайшnavы*, совершающие *бхаджан* на основе работ, написанных на санскрите Шри Рупой, Шри Санатаной и другими Госвами. Кришна Дас тоже хотел поступить подобным образом, но он не знал санскрит. Поэтому он стал брать уроки «Харинамриты Вьякараны^[36]» у одного старого *вайшнава*. Это

вскоре поставило его в затруднительное положение. Он почувствовал, что обучение препятствует *бхаджану*, а *бхаджан* препятствует обучению. Бабаджи не мог примирить одно с другим и не мог оставить, ни санскрит, ни *бхаджан*. Проблема стояла так остро и болезненно, что он стал задумываться о том, чтобы покончить с жизнью, утопившись в Манаси Ганге. Ночью он услышал голос снаружи своего *кутира* (хижины), зовущий его: «Кришна Дас, Кришна Дас!» Выйдя из *кутира*, он увидел Санатану Госвами и Лалиту Деви, стоящих перед ним. Их присутствие переполнило его радостью и смущением. Он упал к их ногам, не зная, что делать. Санатана дружески потрепав его по голове, ободряюще произнёс: «Как ты себя чувствуешь, Кришна Дас? У тебя всё хорошо с *мадхукари*?»

«Да, *прабху* (господин)», — со сложенными руками ответил Кришна Дас.

Санатана Госвами сказал: «Обрати внимание, *шастры* (писания) безграничны. Никто не должен умирать из-за того, что не знает их полностью. Я благословляю тебя: с сегодняшнего дня ты можешь не изучать *шастры*, они сами войдут в твоё сердце и озарят его знанием. Не думай больше о самоубийстве. Мы хотим выполнить через тебя великую миссию».

Лалита добавила: «А я благословляю тебя тем, что, когда бы ты ни вспомнил о нас, в тот миг твоё сердце наполнится светом нашего присутствия, и ты откроешь новый вид *бхаджана*, который принесёт пользу *вайшнавам*, проживающим во Вриндаване». Сказав это, Санатана и Лалита прикоснулись своими стопами к голове Бабаджи Кришна Даса и исчезли.

С этого дня Кришна Дас вместо изучения «Харинамы Вякараны» начал преподавать её желающим. Он также стал обучать новому методу *лила-смаранам* (созерцания божественных игр) разработанному им самим, в котором *аштакалья-лила*^[37]. Радхи и Кришны, описанная в «Говинда-лиламрите», «Санкалпа-калпадруме», «Кришнадагити-чинтамани», «Кришна-бхаванамрите» и других писаниях, созерцается вместе с *аштакалья-лилой* Шри Чайтаньи Махапрабху.

В *аштакалья-лила-смаранам садхака* (практикующий) воображает себя в трансцендентном теле (*сидха-дехе*), соответствующем виду *бхакти*, к которому у него есть естественная

склонность и служит Радхе и Кришне день и ночь посредством этого тела^{[38]**}. Постоянные упражнения в медитации или *смаранам* разворачивают перед ним всю Враджа-лилу. Он входит в эту *лилу* в своём воображении с помощью служения Радхе и Кришне, в соответствии с принятой им определенной *бхавой* или настроением *бхакти*, и живет в экстазе этого наслаждения. Представляемое трансцендентное тело (*анташчинтита сиддха деха*), однако, не является выдуманным. Оно ментальное отражение духовного тела, которым Бхагаван милостиво наделяет преданного. Существование трансцендентного тела, являющегося даром Бхагавана, подтверждается второй строкой шлоки 3.9.11 «Шримад Бхагаватам», которая звучит:

*ядяддхия та уругая вибхаваянти
тат-тад-ванух пранаясе сад-ануграхая^[39].*

*Вайшнав*ы, получающие инструкции от Кришна Даса по *аштакалья-лила-смаранам*, собирались каждый вечер в его *кутире* и сообщали о своём *бхаджане*. Как-то один из *вайшнав*ов вместо того, чтобы доложить о своей медитации, начал плакать. Когда Баба спросил о причине его слёз, он рассказал: «Баба, сегодня я не смог сделать никакого *бхаджана*. В утреннем *лила-смаранам*, когда я украшал правую руку Радхарани, мой ум так погрузился в лучезарную красоту Её руки, что, несмотря на все мои попытки высвободить его, я не смог проследовать далее». Баба ободряюще сказал: «Сегодня из всех успешным был только твой *бхаджан*».

Существует много историй о *бхаджана сидхи* (совершенном *бхаджане*) Бабаджи Кришна Даса. Однажды в медитации Баба участвовал в *холи-лиле^[40]* вместе с Радхой и Кришной. В результате его тело было искрашено *гулала* (порошком из минерала ярко-красного цвета), *кастури* (мускусом) и другими красящими веществами различных цветов. Когда он после *смаранам* вышел из *кумира*, то пребывал в неполном внешнем сознании. Люди были очень удивлены, увидев его искрашенного красками и пахнущего неземным ароматом мускуса^[41].

В другом случае Баба наблюдал в медитации, как Радха и Кришна только что вышли из озера Манаси Ганга после *джала-кели*

(развлечений в воде). Лалита, Вишакха и другие *сакхи* (подруги Радхарани) были заняты их одеванием и украшением. Рупа *манджари*^[42] с подругами собирали цветы для изготовления украшений. Бабаджи Кришна Дас стоял неподалёку в его *сиддха манджари сварупе*^[43] с флаконом ароматного масла в руках. Услышав забавный и шуточный разговор Радхарани и Кришны, он был так переполнен *бхавой*, что стал сильно дрожать, в следствие чего флакон выскользнул из его рук и разбился. Повсюду распространился аромат масла. Люди, принимающие омовение в Манаси Ганге, были поражены, ощущая восхитительный небесный аромат, которого они никогда не испытывали прежде.

Когда они спросили Бабаджи о случившемся, тот ответил: «Что я могу сказать! Я *апарадхи* (оскорбитель). Я не подхожу для служения *прия-приятаме* (моим любимым Радхе и Кришне). Во время служения им я позволил флакону с ароматным маслом выпасть из моих рук. Аромат, который так поразил вас, был тем самым ароматом из флакона».

Однажды Бабаджи с *каравой* в руках пошёл принимать омовение на Манаси Гангу. Внезапно он увидел *прия-приятаму*, развлекающихся в воде. Он был так ошеломлён *бхавой*, что прыгнул в бездонные воды Манаси Ганги. В тот момент никого не оказалось рядом. Когда в течение продолжительного времени он не вернулся в свой *кутир*, его ученики стали искать своего гуру. Но обнаружить его не удалось. Стенания и плач наполнили Врадж. Однако, все были удивлены и счастливы, когда по истечении семи дней увидели его, выходящим из Манаси Ганги. Бабу спросили, где он пропал целых семь дней, тот удивился и ответил: «Семь дней! Что вы такое говорите, я только что вернулся после принятия омовения». Этот случай опровергает старый принцип абсолютизма пространства и времени и подтверждает современную теорию относительности. Баба вошёл в мир, где измерения времени и пространства были совершенно отличны от привычных. Но трансцендентный мир Радхи и Кришны превосходит пределы научного принципа относительности. *Шастры* нам говорят, что в духовном мире время и пространство тоже служат Радхе и Кришне; они расширяются и сжимаются в соответствии с Их желаниями.

Один раз Джасванта Сингх, царь Бхарата-пура пришёл к *сиддха* Кришна Дасу Бабаджи и спросил: «Баба, я хочу сделать какое-нибудь служение. Милостиво позвольте мне узнать, какую помощь я могу оказать Вам?»

Баба ответил: «Мы, *садху* Враджа, собираем *мадхукари* в домах *враджабаси*. Вы можете оказать помощь нам, служа им». Раджа пожертвовал *враджабаси* много земли и богатства, за что они благодарны ему до сих пор. Позже раджа опять пришёл к Бабе и сказал: «Я благодарил бы судьбу, если бы Вы тоже приняли что-нибудь от меня».

Поведение *сиддха* святых порой непостижимо. Баба промолвил: «Если Вы так стремишься оказать мне служение, тогда исполните одну просьбу. У Вас есть много цариц. Пошлите ко мне самую Вашу любимую царицу».

Раджа подчинился. Его дорогая *Рани* (царица) Лакшмини пришла к Бабе, окружённая со всех сторон занавесками, так чтобы никто, кроме Бабаджи, не мог её увидеть. Как только позвякивание царицыных *кинкини*^[44] и *нупуры*^[45] достигли слуха Бабаджи, он вспомнил о Радхараниных *кинкини* и *нупурах* и вошёл в состояние экстаза. С широко открытыми глазами он смотрел на неё, так как смотрел бы на Радхарани. *Рани* также застыла оцепеневшая и изумлённая на расстояние около трёх или десяти ярдов от него. Это продолжалось почти три часа. Служанки, сопровождающие *рани*, из беспокойства и любопытства приподняли занавеску, чтобы узнать происходящее. Они очень удивились, увидев царицу, стоящую в полубморочном состоянии и Бабаджи, не отрывающего от неё глаз. Они доложили об этом радже. Раджа пришёл и забрал свою *рани*. Поскольку, как долго она могла стоять обездвиженная, словно статуя? Но Баба продолжал оставаться в том же состоянии весь день и ночь. На следующий день он был в неполном внешнем сознании, а на третий день стал полностью осознавать внешнюю действительность. Царь не знал ничего о проявлениях *бхавы* (духовных эмоций) в высших состояниях *бхакти*, поэтому случившееся событие породило подозрения в его уме. Тогда Баба позвал раджу и, положив руку на его лоб, благословил. Подозрения моментально покинули ум царя. Он осознал, что мелодичный звук *кинкини* и *нупур* царицы подействовал, подобно *уддипана вибхава* (завораживающему возбуждению), и

проявил в уме Бабы осознание присутствия Радхарани; и на протяжении двух дней Баба был погружён в созерцание Радхарани, проявившуюся в царице.

Этот случай полностью изменил сердце *рани* Лакшмини. Стоя перед Бабой три часа подряд, она чувствовала, что тот с помощью глаз прививает *бхакти* к её сердцу. Она превратилась в преданную из царицы, привыкшей к роскоши. Истории о её преданности сохранились до наших дней. Однажды она пришла на Радха-кунду с намерением потратить большую сумму денег на служение святым *вайшнавам*, жившим здесь. Но святые сказали, что не могут принять служение от царицы. Отказ вызвал у неё слёзы. Она промолвила: «Милостиво благословите меня, чтобы в следующей жизни я не родилась в царской династии, а приняла бы рождение в семье, подходящей для служения *вайшнавам*».

Эти слова тронули *вайшнавов*, и они сказали: «Вы можете сделать одно служение. Если Вы насушите лепёшек из коровьего навоза, сделанных Вашими руками и продадите их, то мы сможем принять деньги, вырученные таким способом».

И царица сделала это.

Баба обычно слушал *бхакти-шастры*, читаемые ему квалифицированными *вайшнавами*. Очевидцы рассказывали, что во время слушанья *патха* (лекции) он был в такой степени переполнен *саттвит-бхавами*, что у него постоянно текли слёзы из глаз, мокрота из носа и слюни изо рта. Два человека, сидящие с двух его сторон, постоянно пытались удалить эти выделения с лица Бабы, но все их усилия были тщетны.

Во Врадже, пожалуй, не было ни одного *вайшнава*, кто бы не приходил к Бабе за советами относительно *бхаджана*. Хотя Баба был сам всегда поглощён *бхаджаном*, он приглашал всякого и вдохновлял его на *бхаджан*, давая необходимые инструкции. Большинство из *садхаков*, которым Баба давал наставления, стали *сиддхами*. Наиболее известные из них, это Кришнадаса (второй) из Говардхана, Нитьянанда Дас из Мадан Мохан Тхора, Баларама Дас из Джханумандалы и Лала Бабу (третий Кришнадас).

Шри Шрикришнадас Бабаджи

Ночью, когда Шрикришнадас сверхъестественным образом оставил в Ранаваре своё тело, Сиддха Шри Джаганнатха Дас Бабаджи и его ученик Бихари находились в *кутире* неподалёку. К концу ночи Джаганнатха Дас Бабаджи воскликнул: «Бихари! Беги и погляди, что творится в *кутире* Шрикришнадаса Бабы!» Бихари помчался исполнять приказ. Он обнаружил, что дверь *кутира* изнутри закрыта на задвижку. Заглянув в дверную щель, Бихари увидел, что Шрикришнадас сидит, скрестив ноги, а его тело охвачено пламенем, но всё же он спокойно повторяет Харинаму (святые имена), как будто ничего не случилось. Бихари прибежал обратно к Джаганнатха Дасу Бабаджи и выпалил: «Баба! Тела Шрикришнадаса горит огнём».

Джаганнатха Даса Бабаджи воскликнул: «О! *Вираханала, вираханала* (огонь разлуки)!»

Враджабаси, жившие по соседству, прибежали к *кутиру* Шрикришнадаса. Они выломали дверь и увидели, что пламя достигло горла Бабы, но тот, как ни в чём не бывало, продолжает повторять Харинаму. *Враджабаси* в испуге уставились на него. И он подняв две руки, горящих, словно поленья, объявил: «Я благословляю, что ни голод, ни эпидемии, ни стихийные бедствия никогда больше не обрушатся на вашу деревню».

Когда Джаганнатха Дас Бабаджи увидел огонь, охвативший горло Бабаджи, он скатал из ваты три фитиля и поместил их на лоб Шрикришнадаса. Фитили вспыхнули, и тотчас всё тело Шрикришнадаса обратилось в пепел.

Раньше Шрикришнадаса Бабаджи звали Шрикришнапрасада Чаттопадхьяя. Его место рождения — деревня Мохаммадапур в районе Джессоре в Бенгалии. Отца звали Гокулачандра Чаттопадхьяя. Когда родители Шрикришнадаса начали устраивать его женитьбу, он сбежал ночью из дома и пешком пришёл во Вриндаван. Там он в течение некоторого времени служил Божествам Маданамохана в одноимённом храме и затем ушёл в Ранавари.

Ранавари в то время был одним из самых дремучих лесов Враджа. В лесу Баба построил небольшую хижину и поселился в ней, совершая

целый день *бхаджан*. Вечером он ходил в соседнюю деревню за *мадхукари*. Поскольку все *враджабаси* почитали его, как истинного *садху*, каждый настаивал, чтобы он брал хотя бы немного пищи из его дома, и Баба не мог никому отказать. Он собирал так много *мадхукари*, что всю обратную дорогу кормил встречавшихся ему коров, а себе оставлял лишь чуть-чуть.

Баба пришёл во Врадж в очень раннем возрасте, и поэтому у него не было возможности посетить другие *тиртхи* (места паломничества). Достигнув пятидесятилетнего возраста, он задумался о том, что необходимо сделать паломничество хотя бы один раз в четыре важнейших *тиртхи*. В ответ на эти мысли Радхарани предстала перед ним во сне и предупредила: «Ты предался мне. Поэтому тебе нет нужды ходить куда-либо ещё. Живи во Врадже и совершай *бхаджан*. Именно здесь ты достигнешь всего». Он убедил сам себя, что сон и совет Радхарани являются плодом его собственного воображения и отправился в паломничество. Достигнув Двараки, он выжег на теле знак *тапта-мудру* храма Дваракадиши. Но этот ритуал противоречил принципам *рагануга-бхакти* Враджа, хотя и упоминается в «Хари-бхакти-виласе» (в собрание ритуалов и религиозных практик вайшнавов).

В день возвращения Бабы в Ранавари, Радхарани опять явилась ему ночью во сне и объявила: «Приняв *тапта-мудру* в Двараке, ты теперь принадлежишь к свите Сатьябхамы (жены Дваракадиша, царя Двараки). Ты больше не имеешь ничего общего с Враджем. Поэтому возвращайся обратно в Двараку!» На этот раз сновидение Бабе не показалось фантазией ума. Слова Радхарани потрясли его, как удар молнии. Он не знал, что делать и пошёл за советом к Сиддха Кришнадасу Бабе на Говардхан. Едва завидев его, Кришнадас Баба обрадовался и, тепло обняв, спросил: «Где ты был все эти дни?» Шрикришнадас ответил: «Я путешествовал в Двараку. Посмотри, я сделал там *тапта-мудру*».

«О, тогда с сегодняшнего дня ты такая возвышенная личность, что я не смею даже прикоснуться к тебе. Ты *севика* (фрейлина) величайшей царицы Двараки, в то время как я — *даси* (служанка) пастушек Враджа». Сказав так, Баба Кришнадас глубоко вздохнул и отошёл несколько шагов назад.

В те времена было достаточно много других сиддха *махатм* (великих душ) во Врадже. Шрикришнадас Баба навестил каждого, ища ответ на свой вопрос. Они отвечали: «Тебе необходимо действовать, согласно приказу Радхарани. Как мы можем сказать что-либо, противоречащее Её указаниям?» Разочарованный и с разбитым сердцем вернулся Шрикришнадас Баба в Ранавари. Он заперся в своём *кутире* и перестал пить и есть. Огонь раскаянья и разлуки (*вираха*) постоянно жёг его сердце. Три месяца прошли в таком состоянии. После чего огонь вышел наружу. В три дня пламя достигло горла. На четвёртый день тело Шрикришнадаса Бабы превратилось в пепел.

Через несколько дней к нему в *кутир* пришёл брат в боге Шри Премадас Бабаджи. Он лёг, распростёршись в поклоне перед пеплом Бабы и проговорил: «*Дада* (брат), ты не принял от меня дрова для погребального костра. Но я всё равно предложу их тебе сейчас». Он поместил вязанку хвороста возле его пепла. Дерево загорелось и вскоре смешалось с пеплом.

Шрикришнадас Баба оставил тело на *амавасью*^[46] в месяце *пауса*. Даже в наше время в этот день *враджабаси* Ранавари празднуют годовщину его ухода, устраивая фестиваль, на который приглашаются вайшнавцы со всего Враджа. До сих пор, вследствие благословения Бабы, деревня Ранавари остаётся свободной от нашествия эпидемий и стихийных бедствий. Кто-то может спросить: почему Радхарани, столь добрая и милостивая, проявила жестокость к Шрикришнадасу Бабе? Почему Она сказала ему идти и жить в Двараке просто из-за того, что он поставил *тапта-мудру* храма Дваракадиши? Ответ в том, что Шрикришнадас Баба плыл на двух лодках: первая это *рагануга бхакти*, которая неотделима от Враджа, где *мадхурья* доминирует до величины полного затмения *айшварьи*, а вторая это *ваидхи бхакти* Двараки, где *мадхурья* смешивается с *айшварьей*. Во Врадже Кришна — мальчик-пастушок. Павлинье перо, которое Он носит в короне и Его флейта — символы *мадхурьи*. В Двараке Кришна — властелин или правитель. Корона на Его голове и оружие в руках — символы *айшварьи*. Во *Враджа-бхакти мадхурья*, смешанная с *айшварьей*, не имеет места. Радхе не нравится *бхакти*, где *айшварья* играет какую-нибудь роль. Она не смогла воздержаться от того, чтобы не выразить Своё неудовлетворение даже при встрече с Кришной на Курукшетре, где Он явился как царь со своей свитой, а не как мальчик-пастушок с флейтой

(«Чайтанья Чаритамрита» Мадхья, 1. 72–73). Привязанность Шрикришнадаса Бабы к Двараке, была серьёзным препятствием на пути к достижению духовного Вриндавана и святых стоп Радхи и Кришны, и высшего наслаждения, и богатейшей, совершенной жизни, вытекающей из этого достижения.

Радхарани помогла ему удалить это препятствие, с помощью огня *анутаны* (раскаянья) и *вирахи* (разлуки).

Шри Нитьянанда Дас Бабаджи

Среди *сиддха махатм* Вриндавана личность *сиддха* Нитьянанда Даса Бабаджи, ученика *сиддха* Кришнадаса Бабаджи из Говардхана, была уникальна. Его *лила-смаранам* (внутреннее переживание божественных игр), происходящий либо в состоянии *джагарана* (бодрствования), или *свапна* (дрёмы), или *сушупи* (глубокого сна), никогда не прерывался, подобно течению реки. Во время бодрствования Баба казался спящим, потому что, пробудившись, он контролировал *бхаву* и оставался в основном серьёзным, неподвижным и *самадхистха* (погружённым в глубокую медитацию). Когда ученики будили его для исполнения необходимых дел, таких, как омовение или принятие *прасада*, он вставал, подобно крепко спящему человеку. Но во сне, переживая *лилы*, он смеялся, покрывался потом или разговаривал, словно бодрствующий, потому что в сновидениях он был не в состоянии контролировать *бхаву*. Поэтому было невозможным определить, спит ли Баба в данное время или бодрствует.

В этих обстоятельствах Баба был практически не доступен для бесед. Тем не менее, люди, приходившие к нему с вопросами и с целью освободиться от сомнений и трудностей, никогда не уходили разочарованными. Их сомнения уничтожались и трудности разрешались, когда они просто сидели рядом с ним.

Самой выдающейся чертой его характера было не имеющее себе равных смирение. Даже в своём неполном внешнем сознании, когда кто-нибудь приходил к нему, несмотря на то, что посетитель мог быть его учеником, он делал *дандават*^[47], опережая гостя. Если кто-то говорил в его присутствии что-нибудь о себе с ноткой самоосуждения, Баба думал, что тот косвенно превозносит его и начинал лить слёзы, потому что для него во всём мире не было никого более падшего, чем он сам.

Баба был *сиддха махатма* и гуру *сиддха махатм*, таких, как Пандит Рамакришна Дас и Гауракишор Широмаи. Даже Кришна подчинялся ему, чувствуя Себя должником перед его *бхакти*. Поэтому может показаться, что Баба только притворялся смиренным и падшим;

но не может идти речи о притворстве или поддельном поведении совершенных личностей, подобных ему. Внутреннее переживание *сидха махатм* в действительности делают их самыми смиренными среди смиренных. Маленькое существо может думать, что оно большое до тех пор, пока не столкнётся с кем-то по настоящему большим. Сидха *пуруша* (наслаждающийся) имеет опыт чего-то более великого, чем самое великое во всех отношениях. И не только это, он видит величайшего из великих в ничтожных проявлениях этого мира. Поэтому для него естественно относиться к даже самым маленьким творениям, как к превосходящим его и обожаемым им.

Быть может, кто-нибудь сказал бы Бабе: «Ваш такой-то ученик очень огорчился, из-за того что Вы поклонились ему. Разве такой поступок приличествует Вам?»

Тогда он, смутившись, ответил бы: «Что мне теперь делать? Будьте добры, посоветуйте. Он *махабхагавата* (великий преданный). Кришна милостиво послал его мне. Если моё поведение делает его несчастным, значит я нанёс оскорбление ему. Я не должен себя вести подобным образом по отношению к нему». Но, когда ученик придёт к нему снова, он всё забудет и опять сделает ему *дандават*.

Сидха Нитьянанда Дас Бабаджи обычно жил в Маданамохан Тхора во Вриндаване. Самые знаменитые среди его учеников были: Шри Ваджакишор Дас Бабаджи, Шри Нрисимха Дас, Шри Рамакришна Пандит Бабаджи, Шри Гауракишор Широмани Махарадж и Шри Нароттама Дас Адхикари.

Шри Мадхусудана Дас Бабаджи

Кто этот юноша и что он делает в полночь на берегу Радха-кунды^[48]? Он обвязал один конец верёвки вокруг *Гирираджа-шилы* (камня с холма Говардхан), а другой намотал себе на шею. Возможно, он собирается утопиться с *Гирираджа-шилой* в Радха-кунде.

Какое несчастье или горе заставляет его поступить подобным образом? Может быть, он сирота, принадлежащий к низкой касте, который в такой степени пренебрегался и притеснялся обществом, что собственная жизнь стала для него проклятием? Либо его выгнали из дома жестокие родители? Или молодая жена внезапно оставила его? А может, его ограбили, лишив всего имущества, и он стал нищим? Нет, он из богатой бенгальской семьи *брахмана*^[49] и горячо любимый сын своих родителей. Он женат, но в первую брачную ночь отрёкся от мира, жены и родителей и пришёл во Вриндаван. То самое, лишившись чего, люди совершают самоубийство, было оставлено им самим.

В чём же тогда дело, что заставляет его покончить с жизнью? У этого события имеется предыстория.

Будучи ребёнком, он часто слышал истории о мальчике, Чьё тело было прекрасного синего цвета, Кто жил во Вриндаване, был очень счастливый и шаловливый и любил играть на флейте. Музыкальные вибрации Его флейты возбуждали в слушающих ощущение необыкновенного счастья и буквально завораживали — так, что они забывали обо всём, даже самих себя и уносились в океан трансцендентного наслаждения. Он был таким чарующе нежным, что внушал любовь к Себе больше, чем кто-либо ещё кому-либо другому. Не было никого, Кто был бы равен ему в силе. Он устранял все материальные желания человека, любящего Его и защищал Своих преданных от всех проблем и бедствий. Не было ничего более приятного, чем быть в Его компании. С достижением Его не оставалось ничего, что оставалось бы не достигнутым. И звали Его Кришна.

С того времени он всегда думал о Кришне и часто забывался в думах о Нём. Ничего в этом мире не привлекало его больше, чем

Кришна. Он был полностью равнодушен к мирской жизни. Для того чтобы стряхнуть с него безразличие, родители женили его. После свадьбы, прежде чем первый раз встретиться со своей женой, он сбежал из дома и пришёл во Вриндаван. Во Вриндаване он жил в лесу, всё время думая о Кришне и плача по нему. Он выходил из леса только один раз вечером, чтобы собрать *мадхукари*.

Но никакое количество плача и стонаний не могло принести пользу. Встреча с Кришной оставалась далеко даже от его сновидений. Кто-то сказал ему, что без гуру Кришну осознать невозможно.

Однажды он сидел на берегу Ямуны возле Кеши-гхата, в его уме преобладала мысль о том, где и как найти гуру.

Говорится, что во Вриндаване все лианы и деревья — *калпатару* (деревья, исполняющие желания). Кроме этого, ходят слухи о том, что много *сиддха махатм* живёт здесь в невидимых телах, кто пытается помочь *садхакам* в трудную минуту. Возможно, один из них пришёл помочь юноше. Махатма появился откуда-то и сказал: «Мой друг, иди прими омовение в Ямуне и после этого приходи ко мне. Я дам тебе *дикша-мантру*^[50]».

Не было границ счастью юноше, когда он это услышал. Он побежал на Ямуну и вернулся, искупавшись. Махатма дал ему инициацию и исчез. В момент получения *дикша-мантры*, он упал на землю без сознания. Придя в себя, он с горечью обнаружил, что махатма исчез, не оставив ему шансов спросить о его имени и адресе.

Новообращённый пустился в поиски, но нигде не нашёл своего гуру. Когда он достиг Манаси Ганги^[51] на Говардхане, то повстречал *сиддха* Кришнадаса Бабаджи. В ответ на его просьбу дать *шикшу* (инструкции), Баба рассказал ему всё о *бхаджане*. Баба наставлял: «Наш *бхаджан* есть *рагануга*, в котором вступление в какой-нибудь вид взаимоотношений между *садхакой* и почитаемым Богом, является сутью. Связь должна быть *самбандхануга*, что значит, в соответствие с существующей связью между тобой, гуру и Богом. Но ты ничего не знаешь о своём гуру. Поэтому ты не уполномочен для *рагануга бхаджана*».

Их глаз юноши хлынули слёзы. Ибо дорога, ведущая к Кришне, была для него непроходима. Баба посоветовал ему пойти к Джаякришне Дасу Бабе и поступить согласно его совету. Он пришёл в Камьяван и рассказал всю историю Джаякришне Дасу Бабе. Но тот

повторил то же самое, что у него нет санкции на *рагануга бхаджан* до тех пор, пока есть недостаток знаний о гуру. Но Баба посоветовал, что ему необходимо повторять Харинаму и молиться Радхарани, ожидая Её совета.

Но была ли у него хоть какая-то возможность для ожидания? Когда юноша понял, что он даже не квалифицирован для *бхаджана*, ради которого он оставил всё самое дорогое, его горю и разочарованию не было предела. Жизнь стала бессмысленной и приносящей только страдания. Как он мог существовать такой жизнью? И он решил покончить с ней. Юноша обнял Гиридхари^[52] в форме Гирирадждашилы и прыгнул в глубокие воды Радха-кунды.

Никто не знает, как долго он оставался на дне Радха-кунды. Обретя вновь сознание, он обнаружил, что кто-то развязал верёвку, завязанную вокруг шеи и положил его тело на берегу Радха-кунды, вложи и в руку пальмовый лист, на котором было что-то накарябано.

Он понял, что всё случившееся произошло по милости Радхарани. Новая жизнь пришла к нему вместе с лучом надежды в его сердце. Как только наступил рассвет, он побежал к Джаякришне Дасу Бабе и, показав пальмовый лист, рассказал обо всём случившемся. Баба отметил: «Радхарани пролила на тебя особую милость. Но надпись на пальмовом листе неразборчива. Для *рагануга бхаджана* необходим ясный приказ. Пойди и опять стучись в Её двери. Она определённо не оставит тебя без внимания».

Юноша вернулся на Радха-кунду и, плача по Радхарани, стал звать Её. Радхарани вняла его плачу. Она предстала перед ним и приказала: «Иди совершать бхаджан на Сурья-кунду, там ты получишь желаемую тобой *рагануга севу* (служение). Никому не давай и не показывай *мантру*, полученную на пальмовом листе».

С того времени он начал совершать *бхаджан* на Сурья-кунде. Люди стали звать его Мадхусудана Дас Бабаджи. Возможно это имя пришло к нему от его гуру. Однажды Радхарани явилась Мадхусудана Дасу во сне и сказала: «Недалеко от места, где ты принимаешь омовение в Сурья-кунде, на глубине чуть ниже человеческого роста, лежит *шила* (камень). На эту *шилу* Я и Мои сакхи перед омовением положили наши *кеуры* (украшения одеваемые на верхнюю часть руки) и *ангады* (браслеты для рук). *Шила* расплавилась от прикосновения

наших украшений и они отпечатались на её поверхности. Возьми эту *шилу* и поклоняйся ей».

Мадхусудана Дас Баба вошёл в *кунду*. И *шила* была с лёгкостью обнаружена. Когда он стал поднимать её, она показалось ему невесомой, подобно цветку, хотя весила примерно восемьдесят или сто килограммов. Ему не составила труда поднять её из воды и вынести на берег.

С тех пор Мадхусудана Дас Баба стал знаменитостью, и люди стали звать его сиддха Мадхусудана Дас Бабаджи.

Мадхусудана Дас Баба обычно приходил поздно ночью на берег *кунды* и произносил следующую строчку: «Вишвамбхара Гаурачандра! Вришабханунандини! Радхея!»

Когда наступало утро и жители деревни начинали выходить из своих домов, он закрывался в *кутире* и до самых сумерек совершал *бхаджан*. Вечером Баба выходил за *мадху кари*.

Существует несколько историй о *сиддхавастхе* (совершенном бхаджане) сидхи Мадхусудана Даса Бабаджи. На девятый день месяца *пхалгуна*, *шукла пакта*, *Враджабаси* празднуют фестиваль Холи, на Варшане. В этот день в обеденное время Бабу обычно охватывало волнение, и он в белом одеянии бежал на Варшану участвовать в фестивале. Как-то по дороге он упал без сознания на землю. Непрерывающийся поток слёз из его глаз и слюны изо рта превратил дорожную пыль в грязь. Его дыхание стало очень медленным с большими перерывами, а тело распухло и покрылось гусиной кожей. Он лежал в таком состоянии до наступления вечера, затем поднялся, издав громкий и устрашающий крик. В это время каждый мог бы увидеть его белое одеяние вымокшим в красной краске, — ясный знак того, что он в своём *сиддха дехе* участвовал в Холи.

Однажды кто-то предупредил его: «Твоя жена пришла во Вриндаван увидеться с тобой. К вечеру, она будет здесь, на Сурьякунде. В это время Баба был уже старым, и его жена тоже постарела. Но он ушёл на Говардхан, как только услышал эту новость. Когда его жена узнала о его пребывании на Говардхане, то также отправилась туда. Но не успела она приблизиться к Говардхану, как Баба ушёл в другое место. Пожилая женщина поняла, что из-за неё Баба вынужден переходить с одного места в другое, и это создаёт беспокойства для его *бхаджана*. Итак, она помолилась Гирираджу,

испросив Бабу здоровье и достижение совершенства в *бхаджане*, и вернулась домой.

После некоторого времени у Бабы появилась язва на подошве ноги, и ему было очень трудно двигаться или ходить. Он решил уйти в какое-нибудь уединённое место и поститься до наступления смерти. Ночью с большим трудом он пришёл в глухой лес и лёг там. Баба не взял с собой ни еды, ни питья, но продолжал повторять имена Радхарани. Два дня прошли без капли воды. На третий день Радхарани пришла с хлебом и водой, переодевшись девушкой *враджабаси* и спросила: «Баба! Почему Вы здесь лежите? Я выбилась из сил, пытаюсь найти Вас. Вы не приходили за *мадхукари* вчера и позавчера. Моя мама передала Вам *мадхукари*». Она поставила поднос перед Бабой искомандовала: «Ешьте, Баба!»

Баба долгое время знал девушку и её родителей. Он проговорил: «Лали, зачем ты пришла сюда? Как ты узнала о моём местонахождении?»

«О, я знаю обо всём. Сейчас не задавайте пустых вопросов, а ешьте!»

«Я не буду есть».

«Почему Вы не будете есть? Моя мама наказала мне накормить Вас в моём присутствии и не возвращаться домой, пока Вы всё не съедите. Телесные страдания — пустяки. Они приходят и уходят. Зачем из-за них совершать самоубийство? Разве самоубийство может привести к совершенству в *бхаджане*? Сейчас же принимайтесь за еду».

Баба не смог не уважить чарующее приказание девушки, любящей его. Он съел всё, что она принесла. Затем напутствовал: «Не приходи снова».

Девушка ушла. Удаляясь, она оборачивалась снова и снова и глядела на Бабу с загадочной улыбкой. Одновременно с её уходом Баба почувствовал, что боль в стопе прекратилась. Он развязал бинты на ноге и к своему изумлению обнаружил, что язва исчезла. Это событие породило подозрение в его уме. Он пришёл в дом девушки и спросил у её матери: «Где Лали?»

«Лали гостит у её свёкра».

«Когда она уехала?»

«Около трёх месяцев назад».

Тогда Баба всё понял. Он вернулся в свой *кутир* и не рассказывал ничего о случившемся, боясь огласки. Но вскоре всем стало известно, что Баба получил милостивое благословение Радхарани, поскольку язва на его ноге мистически исчезла и его эмоциональное состояние подверглось внезапному изменению. Он всегда причитал: «О! Радхея Карунамая (воплощение милости)!» И лил слёзы.

Как-то Баба захотел вести *патх* «Шримад Бхагаватам». *Враджабаси* провели необходимые меры приготовления. Баба начал читать и объяснять «Расапанчадхья» (пятую главу «Шримад Бхагаватам», связанную с Расалилой^[53]). На *патх* приходил и слушал очень внимательно один ребёнок, принадлежащий к одной из самых низких каст. *Враджабаси* не любили его. Но Баба не препятствовал его посещениям. В последний день, когда *патх* был завершён, ребёнок пришёл, как будто одержимый кем-то, и сел на колени к Бабе. В середине *патла* он спросил: «Баба, после *раса-лилы* в каком месте отдыхал Кришна, в Сева-кундже или Санкета-ване?»

Прежде, чем Баба успел ответить, раздался громкий звук, подобный взрыву бомбы. Его душа вылетела через *брахма-рандху* (отверстие на макушке головы) и возможно достигла того места, где Радха и Кришна отдыхали после танца *расы*.

Шрипада Навакишор Госвами и Шрипада Лочанананда Госвами

Шрипада Навакишор Госвами и Шрипада Лочанананда Госвами были сыновьями Шрипада Лакшмиканта Госвами, потомка Шри Нитьянанды Прабху. Они жили в Дхачче. Оба брата были образованными и чрезвычайно преданными Кришне. Оба отреклись от мира в ранней юности и пришли во Вриндаван делать *бхаджан*.

Они осознавали огромную важность духовного руководства и хотели принять прибежище у *сиддха* Шри Кришнадаса Бабаджи из Говардхана. Но братья думали, что если открыть ему, кто они есть на самом деле, он будет относиться к ним как к достойным поклонения потомкам Нитьянанды Прабху и никогда не примет их в ученики. Поэтому они сказали ему, что принадлежат к низкой касте и попросили принять их в качестве слуг и наставлять в *бхаджане*.

Кришнадас Баба был впечатлён их искренностью и остротой ума. Он поселил их в своём *ашраме* и начал обучать *аштакалья-лила-смарана* (медитации на Кришна-лилу, разделённую на восемь отрезков времени в течение суток). Кришнадас Баба сильно состарился. И поэтому нуждался в помощи таких искренних учеников, как они. Итак, он без колебаний стал принимать от них всевозможные услуги. Они в свою очередь с верой исполняли служения разного рода, даже самые недостойные.

Через некоторое время их младший брат в поисках старших братьев пришёл на Говардхан. Он заявился в *ашрам* Кришнадаса Бабы. В это время два брата ушли принимать омовение на Манаси Гангу. Когда они вернулись, то увидели *сиддха* Бабу, красного от гнева и младшего брата, сидевшего возле него. Они поняли, что причиной гнева является оповещение Бабы об их происхождении. Братья попросили прощения, упав к стопам Бабы. Сиддха Баба проговорил голосом, звенящим от ярости: «Вы мошенники! Вы незаконно присвоили моё право служить и обманом вынудили принимать ваши услуги. Неужели в мире существует более великое вероломство, чем ваше? Я не мог даже представить себе, что *прабху-сантана* (потомки Нитьянанда прабху) могут быть самозванцами».

Два брата отвечали со сложенными в области сердца руками и слезами на глазах: «Махарадж! Мы великие грешники. Рождение за рождением мы накапливали грехи. Из-за этих грехов мы родились в семье, в которой по самой природе нашего рождения мы отделены от *бхакти*.

Наше рождение и родословная, по причине которых нас боготворят в обществе, наполняют наши сердца гордостью и делают нас не имеющими право на *бхакти*. Мы осознали, что пока не спустимся с пьедестала, на который нас поместило провидение, и не примем прибежище под сенью стоп *махабхагаваты* (совершенного святого), у нас нет надежды достичь *бхакти*. Мы знаем, что никто не принял бы нас в ученики, открой мы наши подлинные личности. Поэтому мы были вынуждены действовать подобным образом. Мы, без сомнения, совершили оскорбление. Сейчас Вы можете избрать наказание, которое мы заслуживаем».

Кришнадас Баба сказал: «Ваше наказание следующее: Вы оба моете ваши стопы своими руками и даёте мне выпить *чаранамриту*^[54]. Только таким способом вы искупите грех оскорбление, которое вы совершили, служа мне обманным путём».

Братья Госвами должны были подчиниться, хотя с большим нежеланием и мучаясь от смущения, чтобы только умиротворить Бабу. Баба успокоился и произнёс: «Я очень счастлив тем, что Кришна предоставил мне компанию двух великих личностей. Это только из вайшнавского смирения, вы относитесь к своему рождению и родословной как к проклятию. В действительности, благодаря вашему происхождению, вы так смиренны и преданны. У меня нет даже подобия той скромности и преданности, которыми наделены вы. Теперь вы можете продолжать жить в *ашраме* и делать *бхаджан*. И я буду считать себя вознаграждённым и благословенным».

Но братья Госвами обратились с просьбой о своей неспособности продолжать находиться в *ашраме*. Как они могли жить в нём и принимать почтение от *сиддха* Бабы и его учеников, перед кем они преклонялись сами? Они нашли уединённое место в отдалённой деревне Пашупа на западе Камьявана и обосновались там.

Иногда они ходили в Камьяван получить *даршан сиддха* Шри Джаякришнадаса Бабы. Их знакомство со Шри Джаякришнадасом Бабой было не ново. Они и раньше навещали Бабу, ещё перед

отречением от мира, чтобы иметь его *сатсангу* (духовное общение). Шри Джаякришнадас Бабаджи в то время был могучей притягательной силой *бхакти*, которая притягивала из различных мест не только *садхаков*, но и *божеств*. Однажды когда Навакишор Госвами пришёл пожить у него некоторое время, он взял с собой Божество Шри Радха-Маданамохана. Шри Радха-Маданамохан так сильно почувствовал магнетизм Бабы, что как-то ночью во сне сказал Навакишору Госвами: «Ты долго хорошо служил мне. Я был счастлив от твоего служения. Но сейчас я хотел бы остаться у Джаякришнадаса Бабаджи и принимать служение от него. Я не вернусь в Дхаччу». Навакишору Госвами пришлось вернуться одному, Радха-Маданамохан остался с Джаякришнадасом Бабой. Итак, направляясь к Джаякришнадасу Бабаджи, Навакишор Госвами обычно чувствовал двойное притяжение: магнетизм Бабы и магнетизм его собственного Тхакура (господина), Шри Радха-Маданамохана.

Спустя некоторое время братья Госвами получили информацию, что все члены их семьи умерли и не было никого, чтобы присматривать за семейным Божеством. Поэтому им пришлось вернуться в Дхаччу. К этому времени доход семьи значительно понизился и было трудно служить Божеству подобающим образом. Божество посоветовало им во сне: «Не беспокойтесь о служении мне. В деревне Чаттаграма живёт один мой преданный, богатый землевладелец. Скоро умрёт последний наследник, кому он мог бы оставить своё богатство. Возьмите меня к нему. Он передаст мне всё своё имущество. Служение мне будет совершаться за счёт дохода от его владений».

Оба брата отправились к землевладельцу вместе с Божеством и рассказали ему о сне, увиденном накануне. Он с радостью передал все свои владения Божеству, оформив соответствующие документы в суде, и братья получили должности *севаитов* (служителей). Служение Божеству стало исполняться должным образом и с царским величием. Стали часто проводиться фестивали с *санкиртаной*^[55] и угощением *прасадом* всех желающих.

Братья Госвами отреклись от мира ради *бхаджана*, но их вернуло обратно желание Кришны. Служило ли это препятствием на пути к *бхакти*? Нет. Ибо мир, в котором они сейчас жили, был миром Кришны. Они жили и дышали в мире Кришны и для Кришны.

Поэтому их развитие продолжалось ступень за ступенью, пока вершина *бхакти (сидхавастха)* не была достигнута. Этому свидетельствуют два эпизода из жизни Лочанананда Прабху, которые хорошо известны.

Однажды Лочананду Госвами пригласили на *санкиртану* в дом Шри Картика Адхикари, известного в Фардабадже врача. На *санкиртане* Лочанананда танцевал. Внезапно потрясённый сопутствующими эмоциями (*бхавой*), он выбежал из дома и исчез. Даже после завершения *санкиртаны* Лочананада не возвращался. Адхикари в поисках Госвами поднял на ноги всю Чаттаграму, но ему не удалось нигде его обнаружить. На следующий день были организованы более широкие поиски. Людей послали в Навадвипу, Нилачалу и Вриндаван. На четвёртый день, когда Адхикари сидел с группой преданных в своей гостиной комнате, он увидел, что несколько коров собралось вокруг кучи мусора напротив его дома. Некоторые из них стояли с краю кучи и удивлённо глядели на что-то находящееся внизу, некоторые, казалось, принюхивались к чему-то в мусоре, а какие-то, опьяневшие от запаха, танцевали в экстазе с хвостами поднятыми вверх. Происходящее вызвало в Адхикари и других любопытство. Они подошли к куче и увидели человека, лежащего лицом вниз, захороненного под мусором. Чьё это могло быть тело? Они разгребли кучу и вскрикнули, изумлённые: «Да это же Лочананда Прабху!» Лочананда Госвами в состоянии транса выбежал из дома во время *санкиртаны* и упал в месте, предназначенном для мусора. После *санкиртаны* был пир, на котором раздавали *прасад* на тарелки, сделанные из листьев, примерно пятистам гостям. Тарелки вместе с недоеденным угощением, выброшенные в отведённое для мусора место, полностью покрыли его тело. К этой куче пришли коровы поесть листьев. В результате чего были обнаружены стопы Госвами. Коровы стали лизать и нюхать его стопы. Это наполнило их таким возбуждением, что они начали танцевать в экстазе вокруг мусорной кучи.

Тело Лочанананды Прабху извлекли из под листьев с объедками и помыли, но в нём не было никаких признаков жизни. Все стали оплакивать его уход. Каждый сожалел, что такой святой человек принял неподобающую ему смерть. Но Шри Картика Адхикари, кто был не только опытный доктор, но и продвинутый преданный,

тщательно исследовал тело Лочананды Госвами и поставил диагноз: «Прабуджи не умер. Если бы он был мёртв, тогда его тело не оставалось бы без признаков разложения, спустя трое суток». Он попросил всех участвовать в *санкиртане*. Как только зазвучал *киртан*, Прабху внезапно поднялся и стал в экстазе танцевать, как ни в чём не бывало. Когда он пришёл в себя, преданные спросили Прабху о его побеге с *санкиртаны* и пребывание в течение трёх дней в куче с мусором. Тот поглядел на них непонимающим взглядом и ответил, что ничего не знает об этом.

Ситакунда Чандронатха, место в районе Чаттаграма, широко известно из-за храма Шамбхунатха и пятнадцатидневной ярмарки в связи с празднованием Шива-чатурдаши. Тысячи *садху* и пилигримов посещают ярмарку. Ворота храма открывают в полночь для *даршана*. Как-то Лочананда Прабху пришёл туда с группой преданных. В полночь, когда он шёл с преданными на *даршан* Шамбхунатха, то повстречал Джогешвару^[56] возле Вьясакунды в храме Кала-бхайравы. Тот был высоким и тучного телосложения. Его тёмное тело было покрыто пеплом, с шеи свисала гирлянда из человеческих черепов, а длинные жёлтые спутанные волосы достигали стоп. Лоб украшала *трипунда тилака*^[57] и его глаза сверкали, как клубки огня.

Преданные были напуганы его видом. Но он упал, распростёршись перед Лочанананда Прабху, и взмолился: «Мой господин! Я божество, управляющее этим местом. Меня зовут Кала-бхайрава. Я принимаю грехи людей. Поэтому я вынужден нести тяжкое бремя грехов. Я с нетерпением ожидал твоего появления здесь, чтобы освободиться от бремени. Будь добр, пролей свою милость на меня». Лочанананда Прабху дал ему Кришна-мантру. Он снова с почтением распростёрся перед ним, предложил его стопам золотой *мохур* (монету) и исчез.

В Фардабадже была река на расстоянии около пяти миль от дома Адхикариджи. Лочанананда Прабху обычно каждое утро ходил на реку искупаться. Однажды на деревню напала холера. Эпидемия брала каждый день большую дань человеческими жизнями. Одним днём, когда Лочанананда Прабху возвращался с реки после омовения, зловещая старая дама, с исходящим от её тела дурным запахом, прикоснулась к его стопам в поклоне. Он в гневе вспылал: «Кто ты,

грязная, презренная женщина? Дотронувшись до меня, ты осквернила воду, которую я нёс с реки для Божества».

Дама затряслась от страха и со сложенными в *намаскаре* руками обратилась к нему: «Прабху, я ужасная грешница. У меня одно предназначение — убивать невинных людей. Кроме этого я совершила оскорбление, коснувшись Ваших святых стоп. Теперь я не знаю, какая судьба ждёт меня впереди».

«Но кто ты?» — закричал Лочанананда Прабху.

«Я Вишучика деви (богиня холеры)», — ответила старая дама.

Лочанананда Прабху смилостивился и дал ей Харинаму. Затем она спросила: «Прабху, Вы мой гуру. Это мой долг предложить Вам пожертвование. Но что я могу Вам дать?»

«Немедленно покинь деревню и никогда не появляйся здесь снова. Только такой вид жертвования я могу принять от тебя».

Дама подчинилась.

Лочанананда Прабху опять пошёл к реке принимать омовение. Вернувшись в дом Адхикариджи, он предсказал: «Ваша деревня теперь свободна от нашествий холеры на все времена». Неожиданно все больные холерой немедленно выздоровели и никогда с тех пор в той деревне никто не страдал от этой болезни. Даже больше того, один больной холерой из другой деревни, придя сюда, также полностью излечился.

После некоторого времени оба Шрипада Навакишор Госвами Прабху и Лочанананда Госвами Прабху прибыли в Джаганнатха Пури на *Ратха-ятру*^[58]. Шрипада Навакишор Госвами Прабху оставил тело на Ратха-ятре во время *даршана* Джаганнатхаджи. Лочанананда сел у стоп мёртвого тела и обратился к брату: «Прабху! Я был твоей тенью с самого рождения. Неужели сейчас ты оставишь меня одного?»

С этими словами он тоже оставил тело и последовал за братом в *питья дхаму* (вечную обитель Радхи и Кришны).

Шри Джаганнатха Дас Бабаджи

У Джаганнатхи Даса Бабаджи была очень длинная жизнь. Он прожил сто сорок семь лет. Баба обычно жил шесть месяцев во Врадже и шесть в Навадвипе. Он был известен среди обитателей Бенгалии и Враджа как *сиддха пуруша*.

Однажды, когда он был в Навадвипе, Гопинатха Рай и Джанаки Натха Рай, два заносчивых землевладельца Бхагьякулы, пришли увидеться с ним. Они спросили его: «Баба, нам сказали, что Вы *сиддха пуруша*. Покажите нам какое-нибудь чудо».

«Что? Кто сказал вам, что я *сиддха*?» Сказав это, Баба постучал несколько раз своей тростью по земле.

«Лучше нам уйти отсюда. Баба гневается», — подумали испуганные братья и засобирались уходить.

«Нет, нет, я не злюсь. Я только пытался прогнать козу, которая в *кундже* Локанатха Госвами ела деревце Туласи», — скромно сообщил Баба.

Землевладельцы очень удивились. Как мог Баба увидеть и прогнать животное, находящееся на расстоянии многих сотен миль? Они немедленно послали телеграмму с оплаченным ответом кому-то на Радха-кунду, чтобы тот нашёл подтверждение этому случаю.

Ответ был следующим: коза в действительности в этот день ела Туласи в *кундже* Локанатха Госвами.

Братья снова пришли к Бабе и извинились за своё высокомерие. Когда они ушли, Баба сказал Бихари, своему ученику: «Бедные души Кали! Они не могут поверить, не увидев. Я показал им что-то, чтобы они не страдали из-за своих оскорблений».

Братья были глупцами, взявшись проверять *сидхи* святого посредством демонстрации чудес. *Сиддхи* Бабы были очевидными. Он являлся сам по себе чудом. Ему в то время исполнилось сто двадцать пять лет. Его тело было согнутым в полукруг, а длинные брови свисали на глаза, подобно занавескам. Он почти не ходил. Если ему надо было куда-то пойти, его ученик Бихари нёс Бабу на своих плечах. И всё же его запас жизненных сил и *бхаджан*. были уникальны. Он повторял *джану* почти всю ночь, а утром делал тысячу *дандаватов* перед

Божествами. Баба часто постился и даже не пил воду по трое суток подряд. Он предлагал Гиридхари листья Туласи с помощью двух учеников, которые стояли с обеих его сторон и подымали брови Бабы своими руками, чтобы дать ему возможность видеть то, что он делает. Во время *санкиртаны* он пел и танцевал, подпрыгивая в экстазе на четыре фута над землёй.

Великие святые не любят демонстрировать своё могущество и удивлять чудесами. Но они иногда вынуждены делать это, чтобы взрастить веру в скептических умах или из милосердия избавить кого-нибудь от страданий.

Джаганнатха Дас Баба тоже иногда поступал подобным образом.

Однажды всю Навадвипу затопило водой. Почти все жители переселились. Но Баба остался. Бихари, кто в то время сопровождал его, серьёзно заболел. Пьяримохан Госвами из храма Махапрабху вызвал доктора из Калькутты. Доктор определил состояние Бихари как критическое. И предрёк: «Больной не доживёт до рассвета». Лала Бабу позвал своего доктора. Тот подтвердил слова предыдущего. Но Баба опроверг: «Хорошо. Посмотрим кто сможет забрать от меня Бихари». Он уселся возле Бихари и погрузился в *джану*. Через полчаса Бихари открыл глаза и произнёс: «Баба, я очень голоден». Баба быстро приготовил *мохана-бхогу*^[59] и дал ему съесть. После еды Баба попросил его встать и идти на кухню готовить для Божеств. Бихари принял омовение и приступил к готовке.

Бихари был *враджабаси*. Он не знал бенгали. Но Баба попросил, чтобы тот читал ему «Чайтанья Чаритамриту» каждый день. Бихари ответил: «Баба, я не знаю бенгали». Но Баба послал его купить копию «Чайтанья Чаритамриты», что тот и сделал. Затем попросил читать. Бихари только поглядел рассеянно на его лицо. Баба сердито сказал: «Не смотри на меня. Смотри в книгу». Бихари начал вглядываться в буквы и к своему удивлению понимать и произносить слова, словно человек, уже изучивший бенгали и «Чайтанья Чаритамриту».

Подобно этому, одним днём Баба сказал ему: «Бихари, я буду петь, а ты подыгрывай на *мриданге*^[60]». Бихари ответил: «Баба! Я даже ни разу не прикасался к *мриданге*. Как мне играть на ней?» «С тобой ничего не случится, если ты попытаешься», — парировал Баба. Итак, Баба стал петь, а Бихари взял в руки инструмент и... о чудо! Он заиграл на *мриданге*, как опытный музыкант.

Сиддха святые иногда совершают чудеса, даже не зная об этом или не желая этого. В состоянии *бхавы* или экстаза, стимулированного переживаниями божественной любви, чудеса случаются сами по себе, потому что в таком состоянии святой настроен в унисон с Господом, с безграничным источником непостижимой власти и энергии (*ачинтья шакти*), которая превосходит законы природы или науки. Подобное происходило с Бабой в бесчисленных случаях. Однажды группа *киртана* проходила возле его *кутира* в Навадвипе. Услышав *киртан*, Баба попросил Бихари перенести его поближе к поющим. Бихари сразу же поднял Бабу на свои плечи и доставил по назначению. Баба в *дандавате* лёг, распростёршись перед группой *киртана*. Вскоре мелодия, танец и пение преданных наполнило его таким экстазом, что он встал и начал петь и танцевать вместе с ними. Он не был больше сгорбленным стариком, которого носил слуга в корзине на своих плечах. Баба участвовал в *киртане*, воспевая имена Бога и танцуя. Экстаз испытываемый им, заставлял его прыгать вверх на три или четыре фута и иногда падать без сознания на дорогу. Поскольку на дороге шёл ремонт, она была усыпана мелким щебнем, и падение на острые камни ранило кожу, но Баба абсолютно не осознавал опасности и не чувствовал боли. Когда он падал, лишившись сознания, преданные пели *киртан* ему в уши. Тогда он приходил в себя и снова продолжал петь и танцевать, как ни в чём не бывало. *Бхава* заразительна. *Бхава* Бабы тронула сердца преданных в группе *киртана*, подобно электрическому току, и они также потерялись в экстазе. Их движения замедлились. Поэтому им понадобилось шесть часов, чтобы покрыть расстояние от *кутира* Бабы до *баньянового* дерева в Ранигхате, где они и остановились. Баба в трансе прошёл с ними всю дорогу, танцуя и прыгая!

Баба практиковал долгий курс *садханы*, чтобы выйти на этот уровень *бхавы*. У него была стойкая апатия к материальному миру и полная свобода от привязанностей. Он даже не прикасался к деньгам. Однажды Бихари нёс его куда-то на своих плечах. По дороге один богатый человек пожертвовал ему *рупию*. Баба сказал Бихари положить монету в свой карман. После того, как Бихари прошёл около одной мили, Баба попросил его вернуться опять к дому человека, давшего деньги. Придя на место, он позвал его и сказал: «Пожалуйста возьми назад свою *рупию*. Мне сообщили, что у тебя тысячи *рупий*. Я

не могу вынести укусы одной монеты. Как это удивительно, что ты терпишь укусы такого огромного количества серебра». *Рупия* была у Бихари, но она жгла Бабу, потому что он прикоснулся к ней в уме, сказав слуге сохранить деньги.

Баба жил подобно аскету. Его диета была строго регулируемая. В продолжении четырёх месяцев сезона дождей в первый месяц он ел только четыре банана вечером, во второй — *гуавы*, в третий — сыворотку, в четвёртый — варёные с солью цветы банана.

Один раз Баба пришёл в Хришикеш с намерением взять обет *мантра-пурашчарана*^[61]. Бихари был вместе с ним. Совершая *пурашчаран*, он поднимался в три часа утра, принимал омовение, закрывался в своей комнате и сидел там, повторяя *джану* до вечера. На протяжении этого периода суток он ни с кем не говорил, ничего не пил и не ел. Если ему надо было сходить в туалет по маленькому или выпустить скопившийся в желудке воздух, он прекращал читать *джану* и омывался прежде, чем возобновить её. Вечером он принимал *хавишьянну* (варёный рис с топлёным маслом). Спустя два месяца, он увидел обильно плодоносящее дерево и, взволнованный, воскликнул: «Бихари, взгляни как много фруктов на дереве!» Это прервало его обет молчания и он должен был совершать *пурашчаран* с самого начала. После трёх месяцев аскезы у него был *даршан* Гаура-Нитай. Это событие сделало его *сиддхой*. Он обычно говорил, если преданный хочет в этой жизни увидеть Гаурангу Махапрабху или Шри Кришну, ему необходимо совершить *пурашчаран*.

Сидха-святые — своевольные и бесстрашные. Они живут в своём собственном мире и делают то, что им нравится, мало заботясь о мнении окружающих. Однажды, когда Баба жил во Вриндаване, он попросил подметальщика улиц дать ему поесть *роти* (хлеб). Подметальщик заволновался: «Баба, не шутите со мной так».

«Нет, я не шучу. Я очень голодный».

«Но я подметальщик. Как Вы можете есть хлеб из моих рук?»

«В чём дело? Ты дворник Вриндавана. А дворник Вриндавана выше, чем *брахман*».

Подметальщик не мог не подчиниться такому *садху*, как Баба. Против собственной воли он дал Бабе *роти*, которую тот тут же съел.

Бихари в смятение смотрел на происходящее. Он спросил: «Что Вы делаете, Баба? Общество будет относиться к Вам как к

неприкасаемому. И Вам придётся очень трудно во Вриндаване». Баба только улыбнулся в ответ.

Новость о том, что Баба ел роти подметальщика распространилась, подобно лесному пожару, по всему Вриндавану. Вскоре к нему пришла делегация, состоящая из Ниламани Госвами, Радхика Натха Госвами, Гаура Широмани, Гаура Сундара Рая и других высокопоставленных лиц Вриндавана. Баба попросил Бихари дать им *асану*, чтобы делегация могла присесть. Они уселись, но какое-то время переглядывались, поскольку никто не мог осмелиться заговорить.

Баба ободрил их: «Я знаю зачем вы пришли. Почему бы вам не раскрыть то, что у вас на уме?»

Тогда они смиренно обратились к нему: «Баба! Вы самый ценный бриллиант всего Враджа. Нам больно, если до нас доходят слухи, компрометирующие Вас. Сейчас все плохо говорят о Вас. Кто-то объявляет: «Баба совсем свихнулся». Другие беспокоятся: «Что случится с обществом, если Баба не придаёт значения вековым традициям?»»

Баба ответил: «Вы все образованные люди. Разве вы не знаете значение *раджа* (пыли) Вриндавана? Она так сильно заряжена Кришна-премой, что даже Брахма жаждет стать маленькой пылинкой. Неужели подметальщик, кто служит этой пыли, кто непрерывно дышит и омывается ею, не чище, чем кто-либо ещё?»

Никто не мог сказать что-нибудь сверх этого.

Баба был своенравный до такой степени, что иногда относился к Божествам, которым поклонялся, на свой манер. Одно время он жил на Сурья-кунде во Врадже. Местные жители сделали для него хижину. Но Баба хотел служить Гаура-Нитай, и *враджабаси* также соорудили храм для Божеств. Бихари принёс два великолепных Мурти из Бенгалии. Они были надлежащим образом установлены в храме. Мурти были сделаны из бронзы и блестели, как золото. Ночью, когда Баба совершал *бхаджан*, пришло несколько грабителей. Они заявили: «Баба, мы грабители. Тебе лучше по хорошему отдать всё, что у тебя есть». Баба ответил: «Что у меня есть? Я всего лишь слуга. Господа в храме. Идите к ним». Бандиты вошли в храм. Они бесконечно обрадовались, увидев Божества. Они думали, что Мурти вылиты из золота. Итак, они завернули их в одеяло и собирались скрыться. Но

предводитель шайки, кто нёс оба Мурти, ударился головой о дверной косяк и свалился вместе с Божествами. Решив, что это дурная примета, бандиты оставили Божества и убежали. На следующее утро Баба приказал Бихари отдать Божества кому-нибудь во Вриндаване. Бихари отнёс их во Вриндаван и вручил одной Ма Госвамине из Гаясапура. В настоящее время Божества установлены во Вриндаване в храме Гопала Багха. Они известны как *сонара* (золотые) Гауранга и Нитай.

Через какое-то время Баба снова обратился к слуге: «Бихари, я не чувствую себя счастливым без Божеств.

Достань откуда-нибудь для меня Мурти Махапрабху».

Бихари принёс шестирукое Мурти Махапрабху, которое взял у Дину Бабы, *манупури* вайшнава, проживающего в деревне Мукхара недалеко от Радха-кунды. Мурти должным образом установили и Баба десять лет поклонялся ему. После десяти лет он сказал Бихари: «Пойди и отдай Божество кому-нибудь во Вриндаване». Бихари отдал Божество Бабе Нитьянанда Дасу из Матха Гопалагуру во Вриндаване. В настоящее время Божеству поклоняются в храме на улице, расположенной неподалёку от стены Нидхувана во Вриндаване.

Трудно объяснить, почему Баба дважды приносил и отдавал Божества. Разве он не совершал *апарадху* поступая так? Неподобающе судить о поступках *сиддха* святых обычными канонами поведения. Поскольку они выше правил и предписаний, изложенных в писаниях для простых преданных. Любовная близость, развивающаяся между святым и Божеством, которому он поклоняется, не сочувствует любым правилам и предписаниям. В играх любви, происходящих между двумя, оба свободны поступать по своему выбору. Оба играют в прятки друг с другом. Может быть, два эпизода, описанных выше, будут наглядным примером игры в прятки между Божествами и Бабой.

Возможно Божества, сделав что-то, навлекли на Себя недовольство Бабы. Нет недостатка в примерах, когда преданный отчитывает Божество за Его проступки. Хорошо известен случай наказания Кришны Яшодой. Истории наказания Божеств другими преданными также не редки. Например, Вамшидас Баба из Навадвипы обвинил свои Божества Гаура-Нитай в потворстве ворами, укравшим у него два горшка, в которых он обычно готовил для каждого Божества в отдельности. Он сердито прикрикнул на них: «Поскольку кража была совершена на Ваших глазах — Вы сговорились с ворами. Как воры

смогли бы украсть, если Вы не дали бы молчаливого согласия? Поэтому вы должны пострадать за ваше преступление. Вы не получите никакой еды, пока горшки не вернутся обратно». Итак, оба, Гауранга и Нитай в этот день остались без еды. Баба тоже постился, поскольку он ел только *прасад* от Гаура-Нитай. На следующий день Нитай почувствовал сильное беспокойство, наверное, не от того, что он должен оставаться голодным, а потому что он не мог вынести того, что Баба постится из-за Него. Возможно, волнение Нитая перенеслось в ум вора, в чьи руки попал горшок, в котором раньше готовилась еда для Нитая. Вор скрытно пришёл с горшком и положил его на место в *кутире* Бабы. Вамшидас обратился к Гауре: «Этот горшок Нитая. Поэтому Он получит свою еду сегодня, но не Ты. Если Ты хочешь есть, то тоже должен принести Свой горшок обратно». Баба всегда, что говорил, то и делал. Итак, он приготовил для Нитая и дал ему поесть. Пока Нитай ел, Гаура просто стоял с вытянутым лицом и наблюдал. Как долго мог Гаура терпеть такое? В конце концов, повинувшись желанию или указанию Гауры, второй вор тоже принёс горшок. И Вамшидас начал готовить для Гауры.

Может быть, Джаганнатха Дас Бабаджи потому и выгнал Гаура-Нитай из своего храма, что подумал, будто якобы Они попустительствуют грабителям и приносят беспокойства его *бхаджану*. Но какое оскорбление совершил шестирукий Махапрабху, заслужив своё изгнание? Один Баба знает. Пути святых, кто осознал Бога, так же неисповедимы, как и пути Господни.

Однажды Баба сказал: «Бихари, пойдём в Навадвипу!»

«Когда, Баба?»

«Когда? Прямо сейчас».

Бихари поднял Бабу на свои плечи и собрался идти в Навадвипу. Когда он подымал Бабу, тот показался ему тяжёлым, как камень. Но вскоре он стал чувствовать, будто несёт на своих плечах лёгкую накидку из тонкой материи. Идя всю дистанцию пешком, Бихари пришёл в Навадвипу за девять дней. Кто может понять, было ли это благодаря чудодейственному влиянию Бабы или благодаря преданности Бихари Даса своему гуру?

Когда Бихари проходил через лес Бхагалапура, он внезапно остановился и повернул обратно. Баба спросил? «В чём дело, Бихари?» Бихари ответил низким голосом: «Впереди сидит лев». Баба

побудительно произнёс: «Нет. Нет, не лев, а *паршада* (компаньон) Чайтаньи Махапрабху, пришедший поприветствовать тебя". Как только он сказал это, лев посмотрел на Бабу и скрылся в лесу.

Когда Баба в последний раз собирался в Навадвипу, он решил никогда не возвращаться во Вриндаван. Новость о том, что Баба навсегда покидает Вриндаван, разнеслась по всему Враджу. Ниламани Прабху, Радхиканатха Прабху и другие вайшнавцы, *пандиты* и *враджабаси* стали приходить к нему, чтобы убедить отказаться от этой идеи. Они спросили его: «Баба, почему ты покидаешь Вриндаван на старости лет?» Этот вопрос внезапно поменял настроение Бабы. Его глаза наполнились слезами, тело задрожало, а волоски на теле встали дыбом.

Он ответил голосом, прерывающимся от эмоций: «Я уйду, потому что хочу провести последние дни моей жизни в Навадвипе, под сенью лотосных стоп Гаура-Нитай. Я падший человек. Я не знаю, сколько мною сделано оскорблений. Гаура-Нитай в Навадвипе более милостивы, чем Кришна во Вриндаване. Они прощают оскорбления, совершённые душой, обнимают её с любовью и принимают её как Своего компаньона или слугу».

По дороге в Навадвипу, Баба остановился в Амбика Калне, чтобы встретится со старым другом и братом в Боге, великим святым Бхагаваном Дасом Бабаджи из Калны. Сцена их встречи была уникальна. Люди, присутствующие на встрече, никогда не видели ничего подобного. Увидев друг друга, оба *садху* были так переполнены радостью, что крепко с любовью обнялись и, заключив друг дружку в объятия, стали кататься по земле в порывах эмоций. Это продолжалось четыре часа сряду. Оба, казалось, находились в *самадхи*^[62], которое никогда не кончится. В этом не было ничего ненатурального, потому что это не встреча двух обычных людей, а встреча двух преданных сердец, осознавших Кришну и переполненных Кришна-премой. *Према* так могущественна, что она может заставить не только преданных, но даже Кришну, дрожать от переживаний, кататься по земле и танцевать в экстазе.

Однако, ученики обоих *садху* были очень встревожены. Вишнудас Баба, главный ученик Бхагавана Даса сказал Бихари: «Сейчас одиннадцать часов вечера. Нам необходимо сделать что-нибудь, чтобы привести их в сознание. Джаганнатха Дас Баба после долгого

путешествия, должно быть очень устал и голоден. Он должен что-нибудь поесть».

Бихари ответил: «Да, Баба за последние три дня не принял даже кусочка еды». Сказав это, он поднял Джаганнатха Даса Бабу на свои колени и начал массажировать ему грудь. Спустя какое-то время Баба пришёл в сознание. Посмотрев, на Бихари он спросил:

«Бихари, ты поел?»

«Как я могу, Баба, когда Вы ещё голодны? Вы до сих пор ничего не принимали, а уже одиннадцать часов ночи».

«Ночь! Нет, нет сейчас вечер».

Все засмеялись. Баба пробыл у Бхагавана Даса Бабы десять дней, а затем ушёл в Навадвипу.

Достигнув Навадвипы, Бихари спросил: «Баба, в каком *ашраме* вы будете жить?»

Любой *ашрам* в Навадвипе всегда с радостью приглашал Бабу. Но Баба объявил: «Я не пойду ни в какой *ашрам*. Я буду жить под деревом». Итак, он поселился под деревом. Чуть позже Бихари с помощью Шри Кедаранатха Датта, известного как Бхактивинод Тхакур, купил кусок земли возле дерева и построил два *кумира* с соломенными крышами. Поздней Шри Ванамали Раем Бахадуром из Тарасы было построено три *кумира* с забором вокруг них. Баба прожил там тридцать два года. Он оставил тело в возрасте ста сорока семи лет.

В *ашраме* Бабы росло дерево *кели-кадамба*, под которым он обычно сидел в медитации и повторял Харе Кришна. После ухода Бабы дерево стало сохнуть, а его кора обваливаться. На обнажённой древесине проявилась надпись «Харе Кришна», которая была хоть и не совсем отчетлива, но с лёгкостью прочитывалась.

За четыре или пять дней до оставления тела Баба обратился к слуге с такими словами: «Бихари, ты так долго и много служил мне, но у меня не было возможности как-то отблагодарить тебя. Сегодня я дам тебе четыре или пять повозок, наполненных сокровищами».

Бихари ответил, усмехаясь: «Хорошо сказано, Баба. Но у Вас нет ничего, кроме старой *каравы*, и Вы собираетесь дать мне телеги с богатствами!»

«О Бихари ты ничего не понял. Я попрошу Махапрабху, и Он всё организует. Но сначала, позволь мне узнать, что ты предпочитаешь: меня или богатства?»

«Я хочу быть с Вами, а не с деньгами», — ответил, не задумываясь, Бихари.

Баба был счастлив услышать такие слова и с благодарностью предрёк: «Очень хорошо, Бихари.

Выбрав меня, ты получишь только нищего Бабу и никаких богатств. Но у тебя не будет недостатка ни в чём. Ты проживёшь сто лет, всегда повторяя Харинаму. Кали будет бессилён причинить тебе какой-либо вред. И ты будешь благословён *даршаном* Гаура Нитай».

Ничего не известно о ранних годах жизни Джаганнатха Даса Бабаджи, кроме того, что он принял *дикшу* у Шри Джагадананды Госвами из Шрингаравата во Вриндаване, а *вайшнава-саньясу* (отречение от мира) от сидха Шри Кришнадаса Бабы из Говардхана.

У Бабы было много учеников, некоторые из них стали *сидхами*. Среди *сидха* учеников можно упомянуть следующие имена:

1. Шри Бихари Дас Бабаджи.
2. Шри Бхагаван Дас Бабаджи.
3. Шри Гаурахари Дас Бабаджи из Навадвипы.
4. Шри Рамахари Дас Бабаджи из Вриндавана.
5. Шри Нитьянанда Дас Бабаджи из Варшаны.
6. Шри Кришна Дас Бабаджи из Кадамбакханды.

Баба обычно давал садхакам ценные наставления.

Например, он говорил:

Вы должны избегать общества женщин и мужчин, любящих женское общение, и даже компанию мужчин, которые общаются с личностями, проводящими время с женщинами.

Если вы хотите осознать высшую цель, то должны повторять Харинаму постоянно и неуклонно.

Постоянство необходимо. Оно должно поддерживаться даже ценою жизни.

Никогда не забывайте Гауру, ибо Он более благожелательный и милостивый, чем Кришна. Кришна принимает ваши оскорбления, подобно правителю, кто посредством судебной администрации принимает во

внимание нарушение закона. Гаура никогда не подсчитывает ваши оскорбления. В то время как Кришна более заинтересован в распространение законности, Гаура более заинтересован а распространение милости. С этой точки зрения Гаура-киртан более действенен, чем Кришна-киртан. Для примера Гаура-киртан: Шри Кришна Чайтанья Прабху Нитьянанда Шри Адвайта Гададхара Шривасади Гаура Бхактавринда.

Кришна — *аватара*^[63] Двапара-юги, Гаура — *аватара* Кали-юги. Нам должно петь гимны *аватаре*, в Чей век мы живём, подобно тому, как мы прославляем царя в своём государстве.

Шри Гауракишор Широмани

Тёща Шри Гауракишора Широмани была добродетельная женщина. Когда у неё умер муж, она выразила желание стать *сати*. Родственники пытались разубедить вдову, рассказывая ей о боли и муках, которым подвергают себя *сати*. Тогда она окунула палец в *гхи* (топлёное масло) и поднесла к огню свечи. Палец вспыхнул, словно факел. Показывая обожженный палец родственникам, она произнесла: «Посмотрите, как он обгорел, но это не причинило мне боли». После этого она обошла семь раз вокруг погребального костра, на котором возлежало тело её мужа, и прыгнула в пламя. Даже до сегодняшних дней место возле станции Гушкара в районе Вардхамана, где она стала *сити*, известно как Сати *дата*. Прежде, чем прыгнуть в погребальное пламя, она обратилась к своим близким с такой просьбой: «Когда моей дочери Рамадаси придёт время выйти замуж, отдайте её Гауранге Широмани, сыну Дханакришны Чаттопадхья из деревни Читахати в районе города Катоя.

В то время возраст Рамадаси был один год и шесть месяцев, а Гаурачандра был подростком, часто посещающим театральные постановки, и имел мало общего с изучением грамматики. Очевидно, мать Рамадаси увидела с помощью сверхъестественных сил в Гаурачандре *сиддха* святого, объявляя о замужестве с ним своей дочери прежде, чем та достигла необходимого возраста. К двадцати годам Гаурачандра даже не выучил, как следует, алфавит. Однажды один из его соседей высказался: «Гаура, кажется ты окажешься недоучкой на позор своей семьи». С этого самого дня Гаурачандра забеспокоился о том, чтобы получить образование. Обучившись основам бенгальского языка у одного *пандита*, он отправился в Катоя и поступил в *толу* (школу с изучением санскрита) *пандита* Ранчанана Таркаратна. Позднее он изучил все *бхакти-шастры* у Сакхичарана Даса Пандита Бабы из Катоя и стал известен как *пандит*, сведущий в *шастрах*. Он поселился в *натья-мандире*^[64] храма Махапрабху в Катое и стал давать уроки.

Он также принял *дику* у *сиддха* Шри Чайтанья Даса Бабы из Навадвипы и начал совершать *бхаджан*. С раннего утра до двух часов

дня он проводил время в *киртане*, *нама-джане* и *лила-чинтане* (медитации на *лилы*). После чего подметал дорожку, ведущую к Ганге и чистил место, используемое вайшнавами для мочеиспускания. Затем он принимал омовение в Ганге, приходил на *даршан* в храм Махапрабху, кланялся собранию вайшнавов и госвами и принимал горсть их *прасада*^[65], выброшенного в кучу мусора вне территории храма. Что касается его еды, то он варил горсть риса, добавлял немного соли и съедал, после предложения Махапрабху. Вечером он преподавал «Шримад Бхагаватам» и другие *шастры* ученикам. Один раз, комментируя *шлоку* «джанмадасья» из «Шримад Бхагаватам» в собрании великих *пандитов* вайшнавизма Катои, Широmani Махашая говорил тридцать пять дней и его объяснение целиком и полностью поддерживало концепцию и философию Шри Гауранги. *Пандиты* в один голос провозгласили его царём *пандитов* Катои и близлежащей территории.

Тантрики пандиты^[66] из Каграма в районе Мурзидабада стали завидовать ему. Они пригласили царя *пандитов* в Каграм на Бхагаватапатх с намерением унизить его достоинство. *Патх* был организован неподалёку от храма Вишну. На третий день лекций *тантрики* стали устраивать в том же самом месте вместо *патла пашу-бали* (жертвоприношение животного) для *Кали-пуджи*^[67]. Во время *Кали-пуджи*, начав жертвоприношение, им пришлось каждый раз дважды ударять мечом жертвенное животное, что было дурным предзнаменованием. Таким образом они пытались умиловить богиню Кали. Ночью богиня заявила во сне *пуджарию*: «Ты оскорбил вишну-бхакту. Я убью тебя!»

Тантрики очень перепугались. Они пришли к Широmani Махашая^[68], извинились за свои прегрешения и обратились к нему с просьбой что-нибудь предпринять для их спасения. Широmani Махашая попросил их пойти омыться в Ганге и повторять Харинаму. *Пандиты тантрики* подчинились. Они приняли омовение в Ганге и доставили удовольствие богине, приняв инициацию в Харинаму от Широmani Махашая.

После некоторого времени Широmani Махашая пришёл во Вриндаван и поселился в доме около Кешигхата, который известен и поныне как Широmani Кунджа. Во Вриндаване он днём преподавал «Бхагаватам» вайшнавам. Один старый вайшнав, которого никто не

знал, каждый день посещал *натх* «Бхагаватам», приходя прямо перед началом лекции, и уходил немедленно после завершения, не давая никому возможности спросить, кто он такой и откуда пришёл. Но он всегда слушал *натх* с предельным вниманием. В один день, когда Широmani Махашая описывал *дакша-ягью*, упомянутую в четвертой песне «Шримад-Бхагаватам», один из вайшнавов спросил: «Как могла Сати сжечь своё тело с помощью йоговской силы?» Прежде, чем Широmani Махашая смог сказать что-нибудь в ответ, старый вайшнав, не говоривший до этого ни слова, спросил: «Ты хочешь услышать или увидеть, как она это сделала!?»

Кто-то из присутствующих крикнул: «Кому захочется слушать, если можно увидеть?»

Старый вайшнав объявил: «Хорошо, смотрите». Он сел, скрестив ноги лицом на север и воскликнув «*Джай Гаура!*», стал медитировать. Спустя небольшой промежуток времени из больших пальцев его ног вырвался яркий огонь. Постепенно пламя охватило всё тело. «О, горе! Что за трагедия!» — закричали вайшnavы. Они пытались потушить пламя, поливая его водой, но ничего не помогало сбить языки огня, и тело старого вайшnavа быстро обратилось в пепел. Мы уже говорили о том, что во Врадже есть много *сидха махатм*, кто оставил материальные тела сотни лет назад, но продолжает жить там в своих духовных телах. Они помогают *садхакам* освободиться от сомнений и трудностей. Возможно, старый вайшнав был одним из них.

Широmani Махашая кланялся всякому, считая всех превосходящими его в преданности. Было очень трудно идти с ним по дороге, поскольку он делал поклоны каждому паломнику, пришедшему во Вриндаван. Когда кто-либо спрашивал его, почему он преклоняется перед каждым пилигримом, он отвечал: «Вы не знаете. Ваша преданность Вриндавану сохраняется до сих пор из-за его близости. В этом мало энтузиазма или особой привязанности. Но эти люди приходят из самых отдалённых мест. Одни приходят из Восточной Бенгалии, другие из Гуджарата, Махараштры, Мадраса или Мултауна несмотря на все бедствия и злоключения, которым они подвергаются в пути. Их энтузиазм и сильное желание попасть во Вриндаван более восхитительны. Поэтому моя голова естественным образом склоняется перед ними».

Широмани Махашая по мере возможности никогда не позволял кому-либо делать себе *дандават*. Кто-нибудь, желающий сделать ему *дандават*, находил его распростёртым в поклоне у своих стоп прежде, чем успевал что-либо предпринять. Однажды Шридхара, ученик Виджаякришна Госвами, пришёл к нему на *даршан*, когда тот спал. Шридхара сделал *дандават* у его стоп. Как только он поднялся, то увидел стопы Широмани Махашая автоматически переместившимися в другую сторону. Он, сменив место, снова распростёрся в поклоне. И опять обнаружил стопы, находящимися в другом направлении. Таким образом, он сделал три *дандавата*, каждый раз меняя направление в соответствии с расположением стоп Широмани Махашая, и каждый раз находил, что стопы спящего Широмани Махашая сами по себе меняют положение, чтобы избежать его поклонов.

Прожив какое-то время во Вриндаване, Широмани Махашая серьёзно заболел. Подумав, что его жизнь подходит к концу, он принял *веш* (*вайшнава-саньясу*) от сидха Шри Нитьянанды Даса Бабаджи из Маданамохан Тхора. После *веш* ему дали имя Шри Гауракишор Широмани. По милости гуру он постепенно восстановил своё здоровье. Сидха Шри Баларама Дас Баба посоветовал ему пойти жить в *ашрам* Шри Нитьянанды Даса Бабы. Послушав совет, он переселился. Даже перед принятием *веш* Гауракишор Дас Бабаджи был известен как *сидха махатма*. Дав ему *саньясу*, Нитьянанда Дас Баба стал знаменитым, и люди в больших количествах стали приходить к нему на *даршан*, в том числе за наставлениями относительно *бхаджана*. Увидев, что это приносит беспокойства *бхаджану* духовного учителя, Гауракишор Широмани сам сел возле дверей его *кутира*, чтобы помогать в устранении трудностей и сомнений людей, приходящих увидеть Нитьянанду Даса Бабаджи, к их полному удовлетворению. Если кто-либо настаивал на том, чтобы получить *даршан* Нитьянанды Даса Бабы, он просил его прийти вечером, когда Баба выйдет слушать ежедневный *патх*.

Однако, из-за помощи Шри Гурудеву у него появилось много беспокойств, мешающих его *бхаджану*. Но это не разубеждало его в правильности выбранного пути, поскольку он рассматривал служение Гурудеву намного ценнее, чем собственный *бхаджан*. Кроме этого, по прошествии некоторого срока он освоился с новой ситуацией и мог совершать *бхаджан* даже во время служения Гурудеву, не чувствуя

никаких беспокойств. Он обычно говорил *тьяги* (тем, кто отрёкся от мира), что в своём *бхаджане* они должны быть подобны голубю из *наубатакхана*^[69]. Спустя некоторое время после принятия *вешы* Гауракишором Широмани от Нитьянананды Даса Бабаджи, Пандит Рамакришна Дас Бабаджи сделал то же самое. Нитьянанда Дас Бабаджи наставил Рамакришну Даса Бабаджи: «Хотя Гауракишор твой брат в боге, ты должен относиться к нему как к своему гуру». Это говорит о том, насколько высоко сидха Нитьянанда Дас Бабаджи ценил Гауракишора Даса Бабаджи. Все другие вайшnavы были также очень высокого мнения о нём.

В те времена во Вриндаване, кроме Нитьянанда Даса Бабы и Пандита Рамакришна Даса Бабы, жило много других *сиддха махатм* и вайшnavов, таких, как Сиддха Баларама Дас Баба, Шри Брахмананда Госвамипада из Шрингарвата, Шри Ниламани Госвамипада, Шри Нарачандра Госвамипада, Шри Гангапрасад Рай из Тараса и Шри Наджара Махашая. Все они глубоко уважали Гауракишора Широмани.

Эти *сиддха махатмы* тщательно присматривали за всеми *садхаками*. Если они находили кого-нибудь нарушающим принципы поведения, описанные в *шастрах* для *садху* и вайшnavов, то строго осуждали его.

Как-то они даже упрекнули Гауракишора Широмани за одно его упущение. Царица Хетамапура прибыла во Вриндаван. Она была очень довольна, послушав Бхагавата-патх Гауракишора Бабаджи. После лекции *рани* послала ему в виде *дакшины* деньги, фрукты и цветы. Он принял, потому что не хотел обидеть её отказом. Вайшnavы сделали ему за это выговор. Гауракишор Баба осознал тяжесть своего оскорбления^[70] и попросил, чтобы его наказали. Вайшnavы приказали ему проводить Бхагавата-патх в каждом храме Вриндавана на протяжении года. Наказание было суровым, поскольку во Вриндаване очень много храмов. И всё же Гауракишор Баба исполнил приказ, читая несколько лекций в день.

Широмани Махашая всегда чувствовал себя легко и свободно, плавая в океане *бхавы*, и погружался в его глубины от незначительного стимула. Однажды он увидел танцующую девушку, которая возвращалась с представления. Девушка напомнила ему о Враджагопи, он переполнился *бхавой* и упал без сознания на землю.

Как-то ночью во сне Широмани Махашая услышал, как его гуру Шри Чайтанья Дас Бабаджи сказал: «Широмани, я пришёл во Вриндаван!» Он понял, что Гурудев оставил тело и участвует в Кришна-лиле в духовном Вриндаване. Это потрясло его. Вскоре в 1890-м году он также последовал за своим Гурудевом.

Шри Гаурачаран Дас Бабаджи

Сиддха Шри Гаурачаран Дас Бабаджи был потомком Шри Локанатха Госвами, спутника Шримана Махапрабху. Он родился в деревне Талкахари в районе Джессоре (Бангладеш). В очень раннем возрасте он оставил дом и пришёл в Навадвипу. Там он принял инициацию у сидхи Шри Чайтаньи Даса Бабаджи. Длительное время прослужив гурудеву, он попросил разрешение сходить посмотреть святой Врадж и затем возвратиться обратно. Гурудев предупредил: «Иди, но будешь ли ты способен вернуться? Оказавшись там, ты можешь обнаружить себя в силках любви Кришны и Баларамы. Они могут и не позволить тебе уйти».

Гаурачаран ответил: «Нет, Гурудев, ты можешь быть уверен, я быстро вернусь, сделав 84 коша^[71] парикраму Враджа».

Гаурачаран пришёл во Вриндаван и обошёл по кругу территорию Враджа. По завершении парикрамы он зашёл в Махаван, чтобы получить даршан Дауджи (Мурти Баларамы). Он решил провести здесь ночь и на рассвете отправиться в Навадвипу. Ночью, когда паломник спал, Дауджи позвал его по имени и попросил: «Послушай, ты очень дорог мне. Оставайся здесь и совершай бхаджан в пещере, расположенной неподалёку. Здесь ты достигнешь всего, чего желаешь».

Преданный поклоняется Бхагавану, потому что любит его. Но когда Бхагаван полюбит преданного, к чему ещё остаётся тому стремиться? Остаётся только пленительная игра в прятки, которая начинается между ними. У Гаурачарана была сакхья бхава или бхава дружеских отношений с Бхагаваном. Между друзьями часто бывают любовные распри. И естественно, что у Гаурачарана тоже были разногласия с Дауджи. Итак, протестуя просьбе Дауджи, он ответил: «Нет, в соответствии с наставлениями моего гуру, мне нужно идти в Навадвипу. Я здесь не останусь». «А я не позволю тебе уйти», — с игривой улыбкой сказал Дауджи. Гаурачаран оказался в затруднительном положении. Он не знал, кому подчиниться: своему гуру или Дауджи. Задумавшись на минуту, он произнёс: «Нет, нет! Я должен идти. Я сейчас же оставляю это место».

Сказав это, он немедленно подпрыгнул и, закинув на плечо свою сумку, выступил в полночь. Гаурачаран маршировал с большой скоростью. Когда он таким образом уходил, в его ушах иногда звучали слова гурудева: «Иди, но будешь ли ты способен вернуться?!», а иногда слова Дауджи: «Я не позволю тебе уйти». Улыбающееся лицо Дауджи, казалось, силой тянуло его обратно. Но всё же он большими шагами толкал себя вперёд. Через каждые небольшие отрезки времени он оборачивал своё лицо назад посмотреть, не идёт ли Дауджи позади него. Он вынес решение остановиться на время и отдохнуть только после того, когда пересечёт границу Враджа. Пройдя значительное расстояние, он подумал: «Сейчас, наверное, я вышел за пределы Враджа. Но, как только рассвело, он удивился, обнаружив своё местонахождение и воскликнул: «О! Неужели, я, подобно глупцу, делал всю ночь круги вокруг Баладева кундыН Конечно, эта иллюзия является проделкой Баладевы».

Слова гурудева оказались правдой. Гаурачаран осознал, что для него невозможно освободиться от захвата Дауджи. Что мог поделать беспомощный Баба? Он поселился в пещере, на которую ему указали, и стал делать свою *садхану*. Он поднимался очень рано, перед рассветом, принимал омовение и начинал повторять на больших чётках: «Рама (Баларама), Кришна». Это продолжалось до середины дня. Потом он выходил из пещеры, снова омывался и садился читать «Шримад Бхагаватам» и другие писания. С наступлением темноты он отправлялся просить еду. Баба ни с кем не общался и не посещал другие места. Двадцать лет он совершал *бхаджан* в таком стиле. Его концентрация при повторении *джаны* было глубока настолько, что даже во время его сна можно было слышать: «Рама, Кришна!»

Гаурачаран Баба в играх Кришны был младшим братом Шридамы и старшим братом Радхарани. Ходили разговоры, что Дауджи часто приходил к нему в пещеру и кормил его маслом и сахарными леденцами.

Через некоторое время репутация Гаурачарана как *сидха махатмы* распространилась повсюду. Один преданный касты *сахы* пришёл из Бангладеш, чтобы получить у него инициацию. Каждый вечер, когда Баба выходил за *мадхукари*, он видел его сидящим возле пещеры. Но Баба ничего ему не говорил. Таким образом прошёл целый год. Затем

Гаурачаран спросил: «Кто ты? Что ты хочешь?» *Саха Махашая* представился и сказал: «Я хочу Вашей милости (то есть, инициации)».

«Что ты держишь в руках?» — поинтересовался Баба.

«Это «Чайтанья Чаритамрита»», — ответил незнакомец.

Баба пригласил его в пещеру и попросил почитать вслух книгу. С этого дня на протяжении одного года *Саха Махашая* каждый день читал ему «Чайтанья Чаритамриту». В этот период Баба дал ему *дикшу*.

Позднее он дал своему ученику *вайшнава-саньясу* и имя Шри Даял Дас. Даял Дас был первым учеником Шри Гаурачарана Даса Бабаджи. После него многие другие приняли у Бабы *дикшу* или *веш*.

Во время слушанья декламации «Чайтанья Чаритамриты» Гаурачаран Дас Баба был часто переполнен *бхавой*. Обычно в этом состоянии из его глаз так обильно текли слёзы, что одежда Бабы промокала насквозь. Слушая каждый день «Чайтанья Чаритамриту», он так погружался в любовь к Гауре, что вместо повторения «Рама, Кришна» начинал повторять имена Махапрабху и его спутников: «Шри Гауранга, Нитьянанда, Шри Адвайтачандра, Гададхара, Шривасади Гаура Бхактавринда».

Как это понимать, что Гаурачаран Баба, кто был чрезвычайно предан Раме и Кришне, стал преданным Гауры? Не случилось ли это потому, что *мадхурья* Бхагавана в виде преданного наделённого *махабхавой* или настроением Радхараниной любви к Кришне — самыми высшими любовными переживаниями — даже более привлекательна, чем *мадхурья* Кришны — высшего воплощения всех *рас*?

Один год спустя, Даял Дас Бабаджи выразил гурудеву своё желание пойти в Навадвипу, чтобы получить *даршан парам-гурудева*^[72]. Гаурачаран Дас оказался в затруднительном положении. Он не хотел лишиться общения любящего преданного, каким был Даял Дас. Но поразмыслив немного, сказал с глубоким вздохом: «Хорошо! Иди. Я не могу вернуться служить гурудеву. Ты пойдёшь и служи ему».

Даял Дас ушёл. Но Гаурачаран не смог вынести разлуку с ним. Он стал думать, что Шри Гауранга Махапрабху сам пришёл к нему под видом Даяла Даса, чтобы дать ему Гаура-бхакти. Эти мысли вынудили его бродить из леса в лес и кричать подобно сумасшедшему: «Даял! Даял!» Неужели, Гаурачаран Дас в следствие его любви к Гауре забыл

Раму и Кришну? Такой вопрос не имеет смысла. Поскольку Гаура неотделим от Кришны. Он непосредственно *аватара* или проявление Кришны. Он Гаура-Кришна или золотой Кришна, принявший облик и умонастроение преданного. Гаура явился в этом облике для того, чтобы насладиться *мадхурьей* своего собственного образа Кришны и также насладиться Кришна-премой или блаженством любовного служения Кришне.

У Гаурачарана не было никаких перемен в *сакхья-бхаве* (дружеских отношениях) с Рамой и Кришной. Однажды под сводящими с ума чарами этих переживаний он пришёл в храм Говиндаджи во Вриндаване и случайно вспомнил о словах Кришны в «Шримад Бхагаватам»: «Я следую прямо за спиной своего преданного так, чтобы пыль с его стоп могла осесть на моё тело и очистить меня». Он встал перед Мурти Говиндаджи и произнёс: «Возьми пыль с моих стоп». *Пуджари* Говиндаджи подумали, что Баба сошёл с ума. Они вытолкали его из храма. Уходя из храма, он повернулся лицом к Говиндаджи и предупредил Его: «Прекрасно, Ты меня выгоняешь. Но запомни, моё имя Гаурачаран. Когда Ты вечером придёшь играть, я сделаю так, что Тебе придётся взять пыль с моих стоп. Поскольку я не буду с Тобой играть, пока Ты не сделаешь этого!»

Такое поведение Гаурачарана Бабы по отношению к Говиндаджи, скорее всего, возникло из возмущения. Но вот удивление, оно доставило Говиндаджи удовольствие. Он всегда наслаждается вспышками любовного гнева преданного больше, чем восхвалениями и молитвами преданного, осознающего его *айшварью*. Это исключительный пример преобладающей во Врадже *рагануга-бхакти* или спонтанного проявления преданности, свободного от гнёта и напряжения моральных назиданий или запретов священных писаний. И его главная характеристика: важность абсолютного отсутствия *айшварья-бхавы* в *рагануга-бхакти*.

Спустя некоторое время Шри Гаурачаран Дас Баба пришёл в деревню Кунджара и поселился там. У него была очень долгая жизнь. В последние годы он жил во Вриндаване с учеником Шри Кришна-Чайтанья Дасом (Рая Сахеп Шри Кайлаш Дас) в Манипури Кундже, где и оставил своё материальное тело и присоединился к Шри Кришне в духовном Вриндаване, чтобы участвовать в Его играх.

Шри Нала Бабу

Вечер. Солнце почти скрылось за горизонтом. Дала Бабу садится в паланкин для приятного путешествия в Калькутту. Впереди паланкина — вооруженный эскорт, а позади — вереница солдат и слуг. Паланкин несут и останавливаются в прекрасной роще из деревьев и лиан, усыпанных множеством разнообразных плодов и цветов.

Перед Лалой Бабу помещают хуку (кальян) с длинной трубкой и серебряным мундштуком. Дала Бабу отдыхает, подложив под один бок большую подушку в бархатной наволочке и затем начинает курить, расположив у самого рта изящно изогнутую трубку. Во время курения дует вечерний лёгкий ветерок и щебечут птицы, вернувшиеся в свои гнёзда, кажется, под их пение танцуют волны Ганги, а розовые лучи заходящего солнца прибавляют очарование создавшейся картине. Сердце Нала Бабу раскачивается на волнах радости, когда он поглядывает на явившееся перед его глазами природное зрелище. Он чувствует, что во всём мире нет никого счастливее его.

Внезапный луч света доставляет ему беспокойство. Свет видится из хижины неподалёку. Это жилище рыбака, который сейчас спит. Рыбацкая дочь пытается разбудить своего отца, говоря: «Папа, проснись! День закончился. Солнце садится».

Слова девушки продолжают некоторое время звенеть в ушах Лалы Бабу. Он чувствует, что услышал зов Вриндавана, зов Радхарани, которая говорит: «Баба, как долго ты будешь продолжать спать? Срок жизни подходит к концу. Поэтому просыпайся и сделай, что сумеешь, пока ещё есть время победить смерть».

Зов вошёл в него, как электрошок, и полностью расшатал основание материального тела. Мундштук трубки вывалился из его рта, и затихло бульканье кальяна. В нём произошла внезапная перемена, он больше не был Лалой Бабу, кто считал себя самым счастливым человеком на свете.

Счастье иллюзорного мира, в котором он так долго жил, теперь уже не привлекало его. Он осознал, что смерть гораздо реальней, чем могущество и богатство, величие и роскошь, которые раньше доставляли ему наслаждение.

Лала Бабу знал, что, когда придёт смерть, всё растает, превратившись в ничто, подобно каждому облачку дыма, которые он выпускал изо рта во время курения и разглядывал, как они, клубясь, постепенно таяли в воздухе. Зов развеял дрёму. Лала Бабу решил прекратить спать. Он был непоколебимо настроен отречься от мира и уйти во Вриндаван и посвятить остаток жизни служению Радхе и Кришне.

С таким твёрдым решением он вернулся домой и провёл всю ночь, плача и молясь Радхарани, чтобы она дала ему мужество немедленно действовать в ответ на её зов. Следующим утром он, позвав жену и детей, объявил: «Я услышал зов Радхарани и ухожу во Вриндаван». Супруга и дети стали плакать и стенать. Другие родственники и друзья приложили всю их силу и влияние, чтобы разрушить его решимость. Но он проигнорировал все их наставления и уговоры, а также плач и стенания жены с детьми и отправился во Вриндаван.

Настоящее имя Лалы Бабу было Кришна Чандра Сингх. Он родился в 1775-м году с серебряной ложкой во рту (в сорочке). Его дед Ганга Говинда Сингх был губернатором Бенгалии и Бихара во времена Варена Хастингса, генерал-губернатора Индии. Он с помощью своих экстраординарных способностей сделал блестящую карьеру и стал владельцем огромного состояния. Его брат Радха Говинда был также сказочно богат. Пранаكريшна Сингх, отец Кришны Чандры Сингха, был единственным наследником двух братьев. Поэтому в те годы он стал богатейшим и очень уважаемым человеком в восточной Индии. Кришна Чандра был его единственным сыном. Ганга Говинда Сингх из нежной привязанности обычно звал внука Лалой. Семейные слуги и другие люди из уважения звали его Лалой Бабу. Поэтому он был известен как Лала Бабу по всей Индии.

Лала Бабу обладал исключительным интеллектом. Его отец назначил лучших учителей обучать сына языкам: английскому, санскриту и персидскому. В короткий срок он в совершенстве овладел этими языками. Он любил читать «Бхагаватам». Его понимание «Бхагаватам» было настолько глубоким, что он мог легко объяснить самый сокровенный смысл любой шлоки с удивительной проницательностью и мастерством. Он был также очень добросердечным и великодушным. Его сердце таяло от вида страданий бедных и нуждающихся.

Однажды бедный человек, который не мог выдать свою дочь замуж по причине отсутствия денег, обратился к нему за помощью. Немедленно он приказал казначею выдать бедняку тысячу рупий. Казначей спросил разрешение у отца Лалы Бабу. Тот вынес решение: «Поскольку Лала уже пообещал деньги бедняку, то необходимо дать. Но объясни моему сыну, что он может давать пожертвования таким манером, только когда сам заработает что-нибудь и увеличит состояние семьи».

Для Лалы Бабу это было слишком. Он сказал сам себе: «Внук мультимиллионера Ганга Говинды Сингха не имеет полномочий сделать даже маленькое служение кому-либо! Очень хорошо, тогда он сам твёрдо встанет на ноги, прежде чем сделает что-либо подобное». Против желания родителей он поселился в Вардхамане и принял должность *саристедара* (начальника департамента) в местном управлении сбора налогов. По причине своих экстраординарных способностей он стал быстро продвигаться по служебной лестнице. В это время он также женился, и у него родился сын.

В 1803-м году Орисса вошла во владения Британской империи, и его назначили губернатором Ориссы. У него появилась возможность жить в Пури, в месте, где проходили божественные *лилы* Махапрабху Шри Кришны Чайтаньи. Это дало толчок его врождённой склонности к *бхакти*. После исполнения служебных обязанностей, он стал посвящать свободное время изучению священных писаний, повторению *джапы* и *киртану*.

Спустя некоторое время он получил известие о смерти отца. Новость наполнила его сердце болью и сожалением, потому что, покинув дом, он ни разу не навестил родителей, и заветное желание умирающего отца увидеть сына и внука так и не исполнилось.

Он оставил пост губернатора и вернулся в Калькутту, потому что бремя управления состоянием отца теперь легло на его плечи. Лала Бабу стал решать вопросы по управлению делами семейных владений. Но он часто задавался вопросом: «Может ли всё состояние семьи со всеми богатствами, которым я господин, служить реальной цели жизни? Если нет, почему мне не найти путь к *бхакти*, который обещает не только вечное спокойствие и счастье, но также вечное общение и любовное служение двум господам моего сердца, Радхе и Кришне. Казалось Радха и Кришна влекли его во Вриндаван. Но

мысли о долге по отношению к овдовевшей матери, жене и детям и, возможно, то желание, которое всё ещё пряталось где-то в уме, желание наслаждаться, по крайней мере, до тех пор пока богатства в его руках, толкало Лалу Бабу в обратном направлении. Этот конфликт происходил в его уме, покуда он не услышал зов Радхарани. Вместе с её зовом пришло окончательное решение, которое привело его во Вриндаван.

Во Вриндаване богач жил жизнью отшельника. Весь день с утра до вечера он проводил в *бхаджане*. Вечером он ходил просить подаяние и поддерживал себя едой, которую удавалось собрать.

Его сердце обливалось слезами, когда он видел состояние некоторых старых храмов и их Божеств, которым не оказывали должного служения. Нала Бабу хотел сделать что-нибудь, чтобы исправить сложившуюся ситуацию. Но он мог только желать, потому что был теперь нищим попрошайкой. Тем не менее, ему в ум пришла мысль. Он сказал сам себе: «Я нищий, но не мой Господь. Мой Господь — владелец огромного состояния, что я оставил в Калькутте. Из него я могу дать жене и детям их законную долю, а остальное потратить на служение Господу, но сам буду жить только на подаяние».

Он стал действовать с соответствии с этим планом и получил двадцать пять *лакхов*^[73] рупий от своего джамидари (состояния) в Бенгалии и Бихаре. На эти деньги он стал скупать обширные земли и другую собственность во Врадже. В общем Нала Бабу приобрёл семьдесят четыре *парагана*^[74] земли. Он использовал доход со своих владений для восстановления старых и постройки новых храмов и гостиниц и для организации соответствующего служения Божествам. Он также планировал построить прекрасный храм с Божествами Радхи и Кришны и устроить при нём ежедневную бесплатную раздачу прасада для сотен садху и нищих.

Через некоторое время началось строительство храма. Нала Бабу часто ездил в Раджастан покупать лучший мрамор. По пути туда или обратно он часто останавливался на два, три дня у махараджа Бхаратпура, кто был его старым другом.

По причине близких отношений с раджой у него как-то случились большие неприятности. В те времена Восточно-индийская компания вела переговоры с царями Раджастана. Роль Бхаратпурского царя была очень важной при обсуждениях договора. Раджа по каким-то причинам

отказался подписывать соглашение. Какие-то люди доложили господину Чарльзу Меткалфу, представителю Восточно-индийской компании в Дели, что царь собирался подписать договор, но передумал, послушавшись совета Нала Бабу. В связи с чем Меткалф арестовал Нала Бабу и доставил в Дели для судебного разбирательства.

Новость о аресте Нала Бабу распространилась, подобно лесному пожару, по всему Ваджу. Тысячи *ваджабаси* ринулись в Дели протестовать против его ареста. Меткалф был удивлён, а также обеспокоен, видя какое влияние имеет Лала Бабу во Вадже. Он отложил рассмотрение дела в суде и послал своих шпионов во Вадж провести необходимое расследование и рапортовать о прошлой жизни и характере обвиняемого. Их доклад открыл глаза Чарльзу Меткалфу. Он извинился перед Лалой Бабу и отпустил его. Чиновник также предложил удостоить его титулом Махарадж, но Лала Бабу, поблагодарив, отказался.

В своё время строительство на территории Брахма-кунды грандиозного и восхитительного храма Лалы Бабу было успешно завершено. В нём установили прекрасные Божества Радхи и Кришны. Также была проведена церемония *прана-пратиштха*^[75]. Мурти Кришны называли Шри Кришна Чандрама.

В гостинице при храме каждый день кормили *прасадом* сотни людей. Но Лала Бабу продолжал собирать *маджукари* у *ваджабаси*.

Однажды в январе, самом холодном месяце, когда он глядел на очаровательную фигуру Шри Кришны Чандрамы, странная мысль пришла в его ум. Он попросил *пуджария* подвесить над головой Божества лампаду с *гхи* (топлёным маслом). Пуджарий с удивлением посмотрел на него. Лала Бабу сказал: «Да, да, сделай, как я говорю. Я хочу посмотреть, действительно ли Божество ожило после *прана-пратиштхи*. Если Оно живое, тогда *гхи* растает под воздействием тепла, исходящего от головы».

Пуджарий должен был подчиниться. Небольшой кусочек масла положили на голову Шри Кришны Чандрамы. После нескольких минут *гхи* действительно расплавилось и стало стекать по щекам Божества. *Пуджарий* и другие преданные, присутствующие при этом, начали громко кричать со слезами радости на глазах: «Шри Кришна Чандрама ки джай! Шри Кришна Чандрама ки джай!» Лала Бабу так преисполнился *бхавой*, что упал, потеряв сознание.

Спустя какое-то время Нала Бабу снова захотел испытать Шри Кришну Чандраму. Он подумал, что если голова Божества имеет температуру, тогда у Него в носу должно быть дыхание. Почему бы не проверить и это? Он дал пуджарию клочок ваты и попросил поднести к ноздрям Божества. Усмехаясь, *пуджарий* взял клочок и поднёс к носу Шри Кришны Чандрамы, волоски ваты стали дрожать по причине вдыхания и выдыхания воздуха. Нала Бабу был опять переполнен *бхавой*. Не имея сил справиться с чувствами, он стал кататься по полу. Это удовлетворило Лалу Бабу, поскольку испытание подтвердило успешность *прана-пратиштхи*.

Однако, не надо думать, что одной *прана-пратиштхи* достаточно, чтобы оживить Божество. Более великое значение имеет *бхава* преданного. Божество оживает и двигается, является и исчезает в зависимости от *бхавы* преданного. Это была *бхава* Лалы Бабу, которая дала возможность Божеству пройти с успехом два испытания.

Как-то Шри Кришна Чандрама сказал Лале Бабу во сне: «Мне доставляет удовольствие твоё служение. Но Я хочу попросить у тебя ещё кое-что».

«Проси! *Прабху*, Тебе нужно только приказать своему смиренному слуге. Будь милостив, скажи, что ещё я могу сделать для Тебя?»

«Ты не знаешь, Лала Бабу, что Я попрошайка с рождения. Я везде хожу и прошу милостыню у Своих преданных. Хотя в мире не существует ничего, чем бы Я не владел и нет места, где бы Я не жил, Я предпочитаю есть то, что Мои преданные предлагают Мне и жить в храмах, которые они строят для Меня. Ты построил для Меня храм, в котором Я с удовольствием живу. Но Я хочу, чтобы ты построил ещё один храм».

«Ещё один храм? Ты знаешь, *Прабху*, что я нищий. Все деньги, которые я получил в наследство, уже закончились. Как я могу построить другой храм?»

«Я знаю, что ты отрёкся от всего и не осталось даже ракушки^[76], которую ты мог бы назвать своей. Но разновидность храма, что Я прошу тебя соорудить, можно построить только после полного отречения. Когда человек отказывается от всего материального, он может воздвигнуть храм в своём сердце. Мне нравится жить в сердце преданного даже больше, чем на Вайкунтхе. Ты построил много

храмов снаружи, воздвигни один внутри себя, чтобы Я мог пребывать в нём вечно. Сегодня Я стою перед твоей дверью и прошу о таком подаянии».

«Тогда, *Прабху*, позволь мне узнать, что я должен делать, чтобы моё сердце превратилось в Твой храм».

«Сначала обойди весь Врадж, чтобы увидеть различные места, связанные с Моими *лилами*. Затем совершай *бхаджан* на Говардхане. Когда ты будешь прогрессировать в *бхаджане*, тогда ты сам поймёшь, что нужно делать, чтобы твоё сердце стало подходящим местожительством для Меня».

Дала Бабу пустился в паломничество по Враджа-мандале. Он увидел все святые места, связанные с Кришна-лилой. Затем поселился в пещере на Говардхане и совершал там *бхаджан*. Каждое утро он обходил Гирирадж. После *парикрамы* сидел в пещере и делал весь день *бхаджан*. А поздно вечером выходил за *мадхукари*.

Как-то утром, когда он был на *парикраме*, *пуджарий* храма Гирираджа сказал ему: «Баба, не ходи сегодня за *мадхукари*. Я сам вечером приду в твою пещеру и принесу *прасад* Гирираджа».

Вечером началась гроза и продолжалась до ночи. Ливень был настолько сильным, что *пуджарию* было невозможно выйти во двор. *Пуджарий* не находил себе места, беспокоясь о Лале Бабу, кто, он думал, должно быть, очень голоден, поскольку принимал *прасад* только раз в сутки после *парикрамы* и *бхаджана*. Когда ливень поутих, он подумал о доставке *прасада* Лале Бабу. У него уже был приготовлен поднос, полный *прасада* и находящийся в храме. Когда он вошёл в храм, то к своему удивлению обнаружил пропажу подноса. У него не оставалось времени подумать о том, куда *прасад* мог исчезнуть. Он быстро собрал другой поднос и проследовал к пещере.

Как только он добрался до Лалы Бабу, тот спросил его: «В чём дело, *пуджарий*? Что ты там ещё принёс? Я не смог съесть даже то, что ты принёс раньше. Посмотри, *прасад* всё ещё лежит здесь».

Пуджарий был потрясён от изумления, увидев исчезнувший поднос с *прасадом* в пещере Лалы Бабу.

«Кто принёс это?» — воскликнул он вдруг.

Лала Бабу поглядел с удивлением на *пуджария* и сказал: «Что?! Ты хочешь сказать, что не приносил *прасад*?»

«Я не приносил его и не посылал с кем-либо».

«Нет, нет, ты принёс поднос. И я отчитал тебя за то, что ты всю дорогу шёл под ливнем и насквозь промок, но ты только улыбнулся и сразу ушёл. Это удивительно, как ты так быстро обо всём забыл. Ты случайно не *бханг*^[77] принял?»

Пуджарий знал, что не употреблял *бханг*. Он уставился на Лалу Бабу долгим взглядом, увлажнённым слезами, обильно текущими по щекам, и затем, внезапно протянув свои руки с намерением коснуться его стоп, произнёс: «Баба! Ты так удачлив. Ты с помощью своей любви так овладел Гирираджем, что он не смог видеть, как его преданный голодает, и, приняв мою внешность, сам пришёл к тебе с *прасадом* в ливень».

От этих искренних и волнующих слов всё тело Лалы Бабу наполнилось *ашта-сатвика бхавами*, и он рухнул на землю без сознания. Придя в себя, он начал говорить прерывающимся голосом и со слезами на глазах: «*Прабху!* Ты принял так много беспокойств, забота о Своём недостойном слуге, который даже не смог узнать Тебя. Как кто-то может опознать Тебя, если Ты не хочешь быть признанным? Но если Ты так добр к не заслуживающему внимания слуге, то почему пришёл, изменив Свою внешность? Разве это не усиливает его страдания в разлуке?»

Многие годы Лала Бабу в уме принимал *сиддха* Кришна Даса Бабаджи из Говардхана своим гуру. Но потом как-то попросил у него *дикшу*. Тот ответил: «Время для твоей инициации ещё не наступило. Некоторые тонкие *самскар*^[78] твоей предыдущей жизни продолжают портить твой *бхаджан*. Ты должен сжечь их в огне *вайрагьи* (принятие аскезы отречения от мира). Когда это случится, я сам приду к тебе и дам *дикшу*, ты же не должен приходить ко мне».

Лала Бабу продолжал делать *бхаджан* с обновлённой энергией. Хотя до сих пор не был иницирован, но он жил как Бабаджи. Он носил *каупину*^[79] и *кантху*^[80] и жил на *мадхукари*, подобно Бабаджам Враджа. Довольно приличное время прошло таким образом. Но *дикша* казалось была всё ещё далеко.

Лала Бабу часто ходил во Вриндаван посмотреть на качество служения Божествам и распространяемого *прасада* в храме Шри Кришна Чандрама. Один раз, придя туда, он стал плакать перед Божествами и говорить: «*Прабху!* Я знаю, что у меня по-прежнему нет способностей воздвигнуть храм в сердце, согласно Твоим

наставлениям. Мой гуру сказал, что у меня всё ещё есть какие-то *самскар*ы, которые загрязняют моё сердце. Но до тех пор, пока я не узнаю, что эти *самскар*ы из себя представляют, как мне от них избавляться? Я слеп. Если Ты не поможешь, я никогда не справлюсь с ними. Я всегда буду оставаться нечистым, и храм, который Ты хочешь увидеть в моём сердце, никогда не будет воздвигнут».

В следующую ночь Лала Бабу не сомкнул глаз. Он провёл её, плача и молясь. Ему никогда не доводилось раньше так много плакать. Слёзы вымыли нечистоты из его сердца. Когда он поднялся утром, его внутреннее виденье было предельно ясным. Он смог ясно увидеть *самскар*ы, вредящие его *бхаджану*, и сказал сам себе: «Я отрёкся от мира, от всех мирских забот и суетности, но отрёкся ли я от суеты сует, от суеты отречения? Разве тонкая гордость, вызванная отречением, не таится по-прежнему в моём уме? Не отношусь ли я к себе, где-то в потаённых уголках моего сердца, как к стоящему выше обычных людей, кто не принял отречение? Разве моё сердце полностью свободно от ненависти или злобы? Нет, это не так. По крайней мере существует одна личность, на которую я всё ещё таю злобу, и это Сетх Лакшмичанда. Если бы я не злился на него, то брал бы у него *мадхукари*, как беру у его соседей. Но я всегда пренебрегаю им. Разве это не веское доказательство того, что я до сих пор вынашиваю ненависть к нему?»

Сетх Лакшмичанда построил знаменитый храм Рангаджи во Вриндаване. Он был врагом Лалы Бабу и его соперником в такой деятельности как строительство храмов, раздача пожертвований и служение *садху*. Лала Бабу также когда-то возбудил против него дело в суде в связи с разногласиями по поводу права на владение участком земли во Вриндаване, которое выиграл. Но старая ненависть на Сетха по-прежнему пряталась в его уме. Как только ему это открылось, он сразу решил исправить ситуацию.

Однажды напротив храма Рангаджи собралась огромная толпа бедных людей. В толпе стоял красивой наружности нищий, с сумкой для сбора подаяний, висевшей на его плече. Он со слезами на глазах играл на *карталах* (кимвалах) и пел Харинаму. Его легко опознал охранник у ворот. Он немедленно пошёл и доложил Сетху джи: «Лала Бабу у Ваших дверей стоит за подаянием».

Сетх джи остолбенел. Но в несколько секунд оправился и приказал принести поднос, наполненный мукой, рисом, горохом, фруктами и сотней золотых монет. Он сам вышел с подношением и, с почтением поклонившись Лале Бабу, произнёс: «Бабу джи, я очень тебе благодарен за то, что, придя сюда, ты милостиво осветил своим присутствием это место. Будь добр, прояви свою благосклонность по отношению ко мне, приняв это подношение».

Лала Бабу ответил: «Сетх джи я пришёл к тебе за милостыней. Но то, что ты мне хочешь вручить, совсем не похоже на *бхикшу* (подавание)».

«Ты прав, — парировал Сетх, — я не даю тебе *бхикшу*. Ты царь, хотя и выглядишь как попрошайка. Я не в состоянии дать подачку царю. Я безрассудно вступил с тобой в конфликт, в котором потерпел поражение. Сейчас я побеждён второй раз. С первой победой ты захватил землю, которую я считал своей, со второй ты завоевал моё сердце. Теперь ты царь, властелин моей души. Поэтому то, что я тебе подношу, не *бхикша*, а *назарана*^[81] в признание твоего владычества над моим сердцем».

«Нет, нет, бедняк всегда останется бедняком. Он не заслуживает даров. Будь добр, дай мне только горсть риса с подноса. Я хочу попросить у тебя другую *бхикшу*. Если я осознанно или неосознанно совершу какое-либо оскорбление тебе, милостиво прости меня и благослови, чтобы моё сердце очистилось, и я стал достоин милости Кришны». Лала Бабу, произнося эти слова, плакал. Сетх джи тоже проливал слёзы. Оба переполнились эмоциями. Они крепко обнялись и омыли друг друга слезами.

Когда Лала Бабу возвращался в свой храм, по дороге он увидел махатму Кришна Даса, идущего навстречу ему с многозначительной улыбкой. После того, как Лала Бабу сделал ему *дандават*, он похлопал его по спине и сказал: «Мой сын, время твоей инициации пришло!»

Услышав это, Лала Бабу бесконечно обрадовался. В ближайший благоприятный день он получил *дикшу*. После инициации гуру произнёс: «Теперь возвращайся в свою пещеру и практикуй *садхану*. Не выходи из пещеры и не гляди в лица каких-либо людей до тех пор, пока не получишь *даршан* Кришны».

Лала Бабу стал совершать *садхану* строго в соответствии с наставлениями гуру. После нескольких лет он был благословён

даршаном Шри Кришны. Храм для Шри Кришны украсил его сердце, в котором, как на экране, проявилась вечная Кришна-лила.

Вскоре после этого Лала Бабу стал известен как *сиддха* махатма и люди из различных мест начали приходить к нему на *даршан* и за советом. Как-то махарадж Счиндия посетил его. Он лёг, распростёршись перед его стопами, и взмолился о *дикше*. Лала Бабу промолвил: «Махарадж! Одна *дикша* не поможет. Кришна хочет, чтобы ты протянул обе руки навстречу ему. Если ты держишь мир в одной руке, а другой пытаешься прикоснуться к стопам Кришны, то никогда не дотянешься до Его стоп. Ты готов отдать Кришне обе руки?»

Однако, махарадж не был готов отречься от всего. Он ответил: «Бабаджи! Вы сказали правильно. Этот путь не предназначен для мирских людей вроде меня». Он поклонился стопам Лалы Бабу и ушёл.

Время шло, и поток жизни Лалы Бабу становился всё слабее и слабее. Как-то он попросил людей из своего окружения проводить его на берег Ямуны, где и оставил тело, повторяя имя Кришны и созерцая Кришна-лилу.

Шри Санехирам джи

Все жители деревни Мат во Врадже с почтением вспоминают о Санехираме и поют с радостью и преданностью его песни, наполненные божественной любовью. Рождённый в Мате в 1842-м году, Санехирам с детства имел склонность к преданности. Его старший брат был фермером. Он часто посылал младшего работать в поле. Но тот, придя на место работы, садился в медитацию. Это раздражало старшего брата, кто думал, что младший лицемер и лентяй, и только строит из себя преданного, лишь бы ничего не делать.

Однажды брат взял Санехирама засеять поле. Сам стал пахать, а братишку попросил бросать семена в землю. Они работали, пока не пришла пора обедать. Санехирам увидел свою невестку, которая пришла на поле, неся на голове корзину с обедом. Он испугался, что брат начнёт есть, не предложив еду Господу, и что он тоже будет вынужден есть не предложенную пищу. Итак, он стал медитировать. В медитации он быстро разложил на подносе хлеб, кичри^[82] и сабджи^[83], положил сверху листья Туласи и начал, читая в уме мантры, предлагать обед Радхе и Кришне. Когда он таким образом совершал внутри себя *манаса-севу* (служение в уме), его внешняя работа сеятеля прекратилась. Увидев такое безобразие, старший брат крепко ударил его палкой по рукам и закричал: «Ты пришёл сюда работать или обезьянничать с закрытыми глазами, подражая великим святым, как лицемер?» Санехирам ответил: «Брат! Что же ты наделал? Я предлагал обед Господу, а ты ударил меня. И всё разлетелось в разные стороны».

«Ах, ты обманщик!» — заорал старший брат, собираясь опять ударить палкой брата. Но тут вдруг закричала его жена: «О! Что же это такое?» Она уставилась широко открытыми глазами на содержимое корзины, разбросанное по бороздам вспаханного поля. Внимание брата переместилось в направление крика жены, и он тоже изумился, глядя на еду, размазанную по свежевспаханной земле. Осознание того, что младший брат не лицемер, а настоящий святой, внезапно озарило ему душу. Его сердце пылало огнём раскаянья. Он ухватился за стопы

брата и стал молить о прощении. И с этого дня Санехирам был освобождён от всех работ по дому и в поле.

Санехирам джи был великим преданным Бихари джи. Поскольку храм Бихари джи — во Вриндаване, а деревня Мат — на другой стороне Ямуны, необходимо пересечь реку, чтобы попасть из Мата во Вриндаван. Но всё же Санехирам ходил во Вриндаван каждый вечер на *даршан* Бихари джи. Ему не могли препятствовать ни ливень, ни ураганный ветер. Он вкушал вечерний *прасад* только после посещения храма своего *Тхакура* (господина).

Как-то он просидел в медитации до двух часов ночи. Когда *бхаджан* был завершён, ему показалось, что сумерки только начали сгущаться.

И он собрался идти на *даршан* к Бихари джи. Достигнув Ямуны, он увидел при лунном свете, что все лодки причалены к берегу, и вокруг не было ни одного лодочника. Он забеспокоился, подумав, что, наверно, совершил оскорбление, по причине которого Бихари джи не хочет давать ему сегодня *даршан*.

Но вскоре перед его глазами предстал лодочник, идущий с другой стороны. Когда тот подошёл поближе, он сразу же признал его. Это был тот же самый лодочник, кто каждый вечер перевозил его на противоположный берег. Со вздохом облегчения он поднялся на его лодку. Санехирам переправился через реку и, подойдя к храму, обнаружил его открытым как обычно. Он смотрел на Бихари джи до полного удовлетворения и затем отправился обратно к Ямуне. Лодочник, ждавший Санехирама, переправил его на другой берег. Спрыгнув с лодки на песок, он сильно удивился, увидев несколько жителей деревни, собирающихся принимать омовение в Ямуне и спросил лодочника: «Что, сейчас утро?»

«Так оно и есть, господин. Было уже два часа, когда я перевозил Вас во Вриндаван».

«Как это случилось, что ты оказался здесь в такой поздний час?»

«О, господин! Не спрашивайте об этом. Вчера я поругался со своей женой. Поэтому не пошёл домой, а лёг в лодке, но не мог уснуть».

«Но почему храм Бихари джи был открыт до поздней ночи, — задумался Санехирам, — что это сон?»

На следующий день он пошёл на *даршан* в обычное время, лодочник, переправлявший его каждый вечер через реку, был на берегу. Он спросил: «Господин, неужели Вы не были вчера на *даршане*?»

«Конечно, был. Разве ты не помнишь?» — ответил Санехирам. Лодочник поглядел на него, подобно человеку, оглушённому ударом по голове, и пробормотал: «Когда Вы переправились? Я Вас не видел. Наверно, Вы сели на другую лодку, потому что вчера я ушёл домой немного раньше обычного».

Тогда Санехирам осознал, что это Бихари джи перевозил его через Ямуну, приняв облик знакомого лодочника. Осознание вызвало слёзы. *Ашта-сатвика-бхавы*, такие, как дрожь и обильное выделение пота проявились на его теле. Он с удивлением размышлял и размышлял, почему Бихари джи принял так много беспокойств из-за него. Но в этом не было ничего удивительного, поскольку Бихари джи любыми путями всегда ищет возможность послужить Своему преданному. У Него нет другого занятия. Он говорит:

мадбхактанам винодартха кароми вивидхах криях.

«Я совершаю разного вида деятельность только для того, чтобы доставить удовольствие своему преданному».

Падма-пурана

Пиши Ма Госвамими и Шри Гопешвар Госвами

Во Вриндаване возле Банакханди стоял маленький храм Гаура-Нитай. Божествам изначально поклонялся Мурари Гупта, близкий спутник Шри Чайтаньи Махапрабху. Его имя высечено на каменном фундаменте храма. Есть интересная история о том, как обнаружили Божества и принесли их во Вриндаван. После Мурари Еупты им поклонялись, начиная с его брата, семь поколений потомков в деревне Саркара Раяпура в районе Сиури (восточная Бенгалия). Но с течением времени в династии не осталось ни одного потомка, чтобы продолжить служение Божествам. Постоянные эпидемии малярии вынудили людей переселиться в другие места.

Заброшенная деревня через некоторое время превратилась в джунгли. Храм Гаура-Нитай развалился, и Божества исчезли под его обломками. Пастухи соседней деревни стали использовать джунгли в качестве пастбища для домашней скотины.

Один пастух, обычно приходивший в этот дикий лес пасти коров, заметил, что каждый день одна из его коров, отбившись от стада, приходила на развалины храма и орошала землю молоком из своего вымени. Он рассказал о странном явлении деревенским жителям. Те озадачились и, чтобы разрешить загадку, стали копать в указанном месте. В результате раскопок были обнаружены Божества. Жители соседней деревни восстановили храм в Сиури и организовали должное служение Божествам Гаура-Нитай. Спустя какое-то время сидха Баларама Дас Бабаджи из Ориссы стал служить этим Божествам в связи с полученным им во сне посланием.

Однажды Чандрашаши Госвамими, молодая женщина, принадлежащая к известной семье Мукхопадхьяя, землевладелец Делаграма в районе Надия, прибыла в Сиури и поселилась в доме недалеко от храма Гаура-Нитай. Она очень сильно привлеклась Божествами и развила материнскую привязанность к Ним. Госвамими захотела предложить Им сладости и стала оплачивать ежедневное приготовление *кхира*^[84] из сорока литров молока. Как-то Они сказали ей во сне: «Ма, Мы очень голодны и хотим есть *кхир*, приготовленный

тобой». Когда она рассказала об этом сновидении Балараме Дасу Бабаджи, он ответил: «Писания запрещают готовить еду для Божеств личности, которая не инициирована должным образом». Поэтому она получила *дикшу* от Баларамы Даса Бабаджи и предложила Божествам *кхир*, приготовленный собственными руками. В ту же ночь во сне она увидела Гауру и Нитай, ухватившихся за подол её юбки и просящих: «Ма! Никогда не уходи отсюда. Если ты уйдёшь, кто будет готовить для Нас *кхир*! Кроме того, ты Наша мама, а Мы твои дети. Как могут дети жить без матери?» Чандрашаши, подобно хорошей, но беспомощной матери, с любовью заявила о своей неспособности бесконечно оставаться в Сиури и попросила Их отпустить её одежду. Но Они продолжали крепко держаться. В результате соревнования по перетягиванию подола юбки, от него оторвался кусок материи, который остался в руках Гауры. Когда Чандрашаши проснулась, то обнаружила, что из её юбки действительно вырван кусок ткани. Она немедленно пришла к Балараме Дасу Бабе и рассказала о случившемся.

За окнами только начинало светать, и двери храма были ещё закрыты. Когда Баларама Дас Баба вместе со своей ученицей подошёл и открыл храм, они оба очень удивились, увидев в руках у Гауры оторванный лоскут материи, из которой была сшита юбка Чандрашаши.

Чандрашаши была переполнена мощным потоком преданности, в котором в один момент утонули её привязанности к дому, положению и богатству. С решимостью никогда не возвращаться домой, она осталась жить в храме и служить с материнской заботой Гаура-Нитай.

Однажды во время подготовки у неё начались месячные. Женщинам в этот период не разрешается заниматься приготовлением еды для Божеств. Поэтому она вышла из кухни и легла на веранде напротив Гаура-Нитай, смотря на Них с выражением беспомощности и досадуя, что у Них сегодня не будет возможности попробовать обед, приготовленный ею. Сокрушаясь таким образом, она увидела, как будто во сне, что оба Гаура и Нитай пришли к ней и сказали: «Ма! Почему ты горюешь? Ты Наша мама, а Мы твои дети. Поступай с Нами так, как обычные матери поступают со своими детьми в такой ситуации. Таким образом, ты не совершишь оскорбления. Иди, прими омовение, приготовь обед и накорми Нас. Мы очень голодны. Впредь у

тебя больше не будет подобных расстройств». С этого дня у Чандрашаши никогда не было месячных.

Чандрашаши в то время было только двадцать лет. Её долгое пребывание в храме вместе с Бабаджи породило подозрение в умах людей. Они стали злословить об отношениях гуру и ученицы. Как-то ночью, до того, как пойти спать, она расплакалась перед Гаурой и Нитаем и пожаловалась Им на своё затруднительное положение. В ту же ночь у неё был сон, в котором Гаура и Нитай с любовью обвили руками её шею и посоветовали: «Ма! Давай уйдём во Вриндаван».

Итак Чандрашаши и Баларама Дас Бабаджи взяли Их во Вриндаван. Они совершили путешествие на лодке. Когда лодка причалила к берегу Ямуны во Вриндаване, в реке омывалась преданная женщина из района Надия по имени Бхакта. Она была очень счастлива увидеть Гаура-Нитай. Бхакта взяла Божества вместе с Чандрашаши и Баларамой Дасом Бабаджи в свой дом в Банакханди. Чандрашаши у неё в доме была очень счастлива и от всего сердца служила Гаура-Нитай. Бхакта помогала ей, как могла. Жители Банакханди звали Бхакту Пиши Ма (сестра отца). Бхакта звала Чандрашаши словом диди (сестра). Поэтому Чандрашаши также начали звать Пиши Ма.

Гаура-Нитай были очень упрямые и шаловливые. У Них на уме были только проказы. Они всегда хотели того или другого, чтобы удовлетворить Свои причуды и допекали Пиши Ма бесконечными требованиями. Когда Пиши Ма не могла удовлетворить Их запросы, Они без колебаний шли и попрошайничали, у кого Им вздумается.

Разве это не странно, что Гаура и Нитай, повелители вселенной, чьими частичными экспансиями являются Брахма, Вишну и Шива, и Кто своей волей творит, поддерживает и разрушает мироздание, ходят с протянутой рукой? Да, это имеет место. Но мир любви, в котором Они любят жить и наслаждаться, отличается от материальной вселенной. Там Они не великие боги, Кто контролирует и управляет, наказывает и награждает, а Сами контролируются и управляются Своими преданными, кто любит Их всем сердцем и кто ничего не хочет от Них, но желает отдать Им всё, что имеет. В том мире Они не дающие, а просящие, поскольку, хотя у Них нет ограничений в собственности и могуществе творить всё, что пожелают, имеется одно сокровище, которого Они лишены и не в силах сотворить, и это

любовное подношение от Своих преданных, которого Они жаждут больше всего на свете.

У Гаура-Нитай не было *кхараун* (деревянных сандалий). Они не просили их у Пиши Ма, потому что знали — если попросят, она скажет: «На что Вам деревянные сандалии? Вам незачем куда-либо ходить». Она не хотела разлучаться с Ними даже на мгновение. Поэтому Они ждали появления другого преданного. В месяце *шравана* одна преданная из Серапура Багуна в Восточной Бенгалии пришла во Вриндаван на *даршан*. Она остановилась в Чиниякундже, неподалёку от храма Гаура-Нитай.

Как-то днём шёл моросящий дождь. Пиши Ма сидела в алтарной комнате. Левой рукой она омахивала веером Божества, а правой перебирала чётки. Постепенно на неё нашла дрёма. В этом состоянии она увидела, что Нитай спрыгнул с алтаря и вышел из храма во двор. Гаура также последовал за Ним. Она закричала во двор: «Гаура-Нитай, куда Вы пошли в такой дождь? Вы же простудитесь!» На какое-то мгновение она почувствовала, будто видит дневной сон и, начав махать веером, опять задремала. Тем временем Гаура-Нитай пришли в Чиниякунджу, где спала выше упомянутая преданная из Серапура Багуна. Гаура-Нитай потрясли её руку и сказали: «Вставай! Ты что, пришла сюда спать?» Женщине показалась, что она видит сон и спрашивает: «Кто вы такие?»

«Нас зовут Гаура-Нитай. Мы сыновья Пиши Ма из Банакханди».

«Зачем вы сюда пришли?»

«Мы пришли сказать, что у нас нет сандалий. Дай их нам. Посмотри, как без обуви пачкаются наши стопы».

Преданная была очарована тонкими чертами лиц Гаура-Нитай. Её глаза никогда раньше не наслаждались такой красотой. Проснувшись, она продолжала помнить двух озорников и не могла понять, почему из её глаз постоянно текут слёзы. В таком состоянии она вышла из дома, чтобы их найти. Дождь по-прежнему моросил. Она спросила кого-то о доме Пиши Ма в Банакханди. Ей указали на храм Гаура-Нитай. Она вошла внутрь и спросила Пиши Ма: «Это дом Пиши Ма?»

«Да, это дом Гаура-Нитай, сыновей Пиши Ма, — ответила Пиши Ма и спросила, — почему Вы плачете?»

«Где сейчас твои сыновья? Я хочу их увидеть».

Пиши Ма сказала: «О! Они здесь». И открыла двери храма. Женщина была изумлена, увидев двух мальчиков, в точности похожих на Гаура-Нитай, которых она видела во сне. Её чувства так переполнились эмоциями, что с ней случился обморок, и она упала на пол. Очнувшись, она поведала о своём сне Пиши Ма, а та рассказала о том, что ей привиделось, когда она дремала. Они обнялись и некоторое время обливались слезами любви и радости. Удачливая преданная подарила Гаура-Нитай две пары серебряных сандалий, которыми Они пользуются до сих пор.

Другая женщина из Серапура Багуна по имени Прасаннадаси, жившая во Вриндаване, тоже один раз во сне увидела Гаура-Нитай. Ей приснилось, что Они пришли к ней, убранные разного вида украшениями и попросили: «Посмотри, у Нас есть все украшения, кроме *нупур* (ножных колокольчиков). Дай Нам их». Она преисполнилась любви и подарила Им золотые *нупуры*.

Один Бабаджи, кто какое-то время помогал Питии Ма служить Гаура-Нитай, как-то ночью убежал, прихватив всё золото Божеств. Следующим утром, когда Пиши Ма открыла двери храма, она была шокирована, увидев Гаура-Нитай без украшений. Горюя и переживая, она легла перед алтарём и задремала. В этом состоянии Пиши Ма сказала: «Мальчики! Почему Вы не скажете мне, кто ограбил Вас?»

Они ответили: «Ма, этот Бабаджи, кто служил нам, очень бедный. Мы отдали ему наши золотые украшения, потому что он много раз угощал нас *рабри*^[85]. Ничего не говори ему».

Что ей оставалось делать? Она не могла купить новые украшения, потому что Гаура-Нитай сделали её нищей. Пиши Ма рассмеялась и произнесла: «Очень хорошо, делайте, что хотите. Отдавайте Своё золото любому, кто Вам понравится. Я знаю, если Вы захотите вернуть его, то выпросите у кого-нибудь. Вы не стесняетесь попрошайничать, поскольку являетесь сыновьями брахманов».

Однажды Гаура-Нитай во сне попросили её: «Ма! Давай сходим на *парикраму* Враджа». Итак, на следующий день она усадила Гаура-Нитай в паланкин и в сопровождении двух вайшнавов, которых звали Матхурадас и Вишнудас, отправилась на *Враджа-парикраму*. Когда они достигли Матхуры, Пиши Ма и Вишнудас ушли вперёд, чтобы сделать в городе покупки, оставив Матхурадаса позади вместе с паланкином. В это время в городе квартировали британские солдаты.

Их охватило любопытство, когда они увидели паланкин, накрытый красной тканью. Один из них спросил: «Что находится внутри?»

«Божества», — ответил Матхурадас.

«Покажи нам Божества!»

Матхурадас, испугавшись, что солдаты причинят какой-нибудь вред Гаура-Нитай, ответил извинительным тоном: «Господа, сейчас не время для их *даршана*».

Солдаты попытались применить силу. Но, внезапно вырвавшийся из паланкина, яркий сноп света ослепил их. Они закричали: «О, Боже!» и убежали.

Когда Матхурадас сообщил Пиши Ма о происшествии, та обрадовалась: «Я счастлива, что мои дети проявили способности к самозащите. Теперь мне не нужно заботиться об Их безопасности».

Пиши Ма омывалась в Ямуне три раза в день и служила Божествам с почтением и преданностью. Когда Пиши Ма таким образом дожила до ста лет, ей стало очень трудно оказывать Гаура-Нитай прежнее служение и она передала свои полномочия Шрипаде Гопешвару Госвами, потомку Нитьянанды Прабху. Гопешвар Госвами был хорошим преданным. Его отношение (*бхава*) к Божествам была *сакхья бхавой* (дружеской). Он хотел служить Гаура-Нитай с предельным удовлетворением своих отношений к Ним. Но трудность была в том, что Божества были маленького размера и скорее походили на детей, Бала-Гаурангу и Бала-Нитая, чем на юных Гаурангу и Нитая. Поэтому Они соответствовали *ватсалья бхаве* или родительским отношениям Пиши Ма, а не *сакхья бхаве* или дружеским отношениям Гопешвара Госвами. Он сказал Пиши Ма, что маленьким Божествам не удалось пробудить в нём дружеские чувства, поэтому ему трудно служить Им с любовью и преданностью. Пиши Ма разрешила его затруднительное положение. Позже она рассказывала Шри Харидасадасу, автору книги «Гандия Вайшнава Дживана», как вошла в храм, подставила под подбородки Гаура-Нитай свои ладони и подняла их вверх. Немедленно Божества приняли свою нынешнюю форму, которая выше прежней.

Но Гаура-Нитай так привыкли к служению и материнской привязанности Пиши Ма, что, видимо, не смогли подстроиться под дружеское отношение и служение Гопешвара Госвами. Пиши Ма в

зимнее время обычно омывала Божества тёплой водой. Но Гопешвар Госвами не подогревал воду. Поэтому Они простудились.

К этому времени Пиши Ма перешла жить на второй этаж храма и редко спускалась вниз. Но когда случалось что-нибудь, доставляющее беспокойства или неудобства для Гаура-Нитай, то вибрации, исходившие от Них, трогали её сердце. Один раз она почувствовала, что Божества страдают от холода и спустилась вниз, чтобы посмотреть на Них. Увидев, что Их глаза покраснели, а из носа текут сопли, она вытерла выделения своим сари и к тому же, прикоснувшись к телам Гаура-Нитай, определила высокую температуру. Затем она позвала Гопешвара Госвами и обратилась к нему со слезами на глазах: «Что ты наделал? Ты искупал моих детей в холодной воде и навёл на Них болезнь. Посмотри, как Они сильно простудились и как у Них бежит из носа». Сказав это, она показала ему конец своего сари, испачканный соплями от Гаура-Нитай. Гопешвар Госвами не мог поверить своим глазам. Пиши Ма в гневе снова поднесла к носу Гауры другой конец сари и попросила: «Баба, чихни». Гаура чихнул. Снова из Его носа потекло, и храм наполнился сверхъестественным ароматом. Гопешвара Госвами упал к стопам Пиши Ма, раскаиваясь в содеянном.

По причине чрезмерного потакания Своей матери Гаура-Нитай стали озорными, упрямыми и напористыми. Если кто-нибудь в храме делал что-либо против Их воли, Они становились необузданными и не колебались показывать Свой нор. Так случилась в день Кужагара *Пурнимы*. В это день обычно Гаура-Нитай выносили на веранду и зажигали у ворот лампаду с десятью фитилями. Но в эту *пурниму*^[86] Гопешвар Госвами не вынес Их на веранду, а сам ушёл куда-то поздно вечером, потушив лампаду, чтобы сэкономить на масле. Это привело Гаура-Нитай в ярость. Внезапно Пиши Ма услышала громкий дребезжащий звук и храм поглотила темнота. Гаура выбросил из храма лампаду, освещавшую алтарную, вместе с подставкой. Пиши Ма поняла, что разлило Гауру. Когда Гопешвар Госвами вернулся, она упрекнула его: «Гопешвар! Сегодня ты не вынес Гаура-Нитай на веранду и потушил лампаду с десятью фитилями. Посмотри, как разгневался Гаура. Он выбросил из алтарной лампаду и сидел в темноте! Почему ты поступил таким образом?"

Пиши Ма исполнилось сто шесть лет. Она позвала Гопешвара Госвами и назвала ему определённый день и время, когда она оставит

тело. В указанные ею день и час она сидела на веранде храма, не имея каких-либо болезней или недомоганий и вдруг оставила материальное тело, чтобы служить Гаура-Нитай и Радхе с Кришной в духовном теле (*сидха-дехе*).

После ухода Пиши Ма, Гопешвар Госвами один раз тяжело заболел оспой. Болезнь обернулась серьёзными последствиями, и он оставался без сознания несколько суток. В этом состоянии он увидел, что похожая на чудовище женщина пришла, чтобы забрать его. Затем появились Пиши Ма с Гаура-Нитай. Увидев их, страхолудина исчезла. Нитай ласково сказал Гопешвару Госвами: «А ну-ка, поднимайся. Если ты будешь всё время валяться, кто даст Нам поесть? Вставай же, Мы очень голодны!» Гопешвар Госвами немедленно пришёл в сознание. Он извергнул из своей груди большой объём слизи и почувствовал себя намного лучше.

После этого случая Гопешвар Госвами служил Гаура-Нитай несколько лет, но у него возникло разочарование. Он сказал сам себе: «Я так долго служил Гаура-Нитай. Но что получил взамен? Если бы я делал *бхаджан*. в уединении, то непременно бы чего-нибудь достиг». Он назначил другого преданного служить Гаура-Нитай, а сам ушёл на Кусум-саровару делать *бхаджан*.

На третий день в полночь он сидел на берегу прекрасного озера Кусум-саровара под деревом *бакул*, погружённый в *бхаджан*. Вдруг он увидел свет, умиротворяющий глаза и сердце, который возник из середины озера. Постепенно свет стал приближаться к нему. И через несколько мгновений он увидел Гаура-Нитай, стоящих перед ним под деревом. Они сказали: «Дада! Три дня Мы ничего не ели и не пили. Почему ты бросил Нас? Неужели ты не вернёшься снова?» Какие возражения могли появиться у Гопешвара Госвами, чтобы не возвращаться обратно, тем более, что сейчас он достиг того, чего хотел?

Гаура Дас Бабаджи

Около 1893-го года в Нандаграме, в хижине на берегу Павана-саровары, где раньше совершал *бхаджан* Шри Санатана Госвами, жил Бабаджи по имени Гаура Дас. Он был *сидха* святой. Основной частью его *садханы* было предложение цветочных гирлянд, которые он нанизывал из цветов, собранных им в Газипуре, в месте неподалеку от Павана-саровары. В течение пяти лет он непрерывно с преданностью совершал это служение Кришне в надежде, что Кришна смилостивится и удостоит его *даршаном*. Но по прошествию этого срока он начал думать, что он зря надеялся на чудо. Кришна оказался не таким добрым, как он считал. Если бы он делал то же самое служение Радхарани, Она уже давно оказала бы Свою милость, потому что Она не такая, как Кришна, Её доброта безгранична. Её тело и душа состоят из одного только милосердия.

Поэтому он решил покинуть Нандаграм и поселиться на Варшане, чтобы служить вместо Нандалалы Радхарани. Как-то днём он действительно забросил своё старое одеяло на плечо и отправился на Варшану. Он прошёл всего одну милю, когда увидел несколько мальчиков-пастухов, которые после пастьбы коров возвращались в Нандаграм. Один из них с привлекательным лицом и сияющим взглядом остановился, увидев его, и спросил: «Баба, куда ты идёшь?»

«Нала, я иду на Варшану», — ответил Баба со слезами, бегущими по его щекам. Мальчик поглядел на Бабу с глубоким участием и громко произнёс: «Баба, не уходи».

Баба возразил: «Нет, нет, Лала, я должен уйти. Что я получил, прожив здесь пять лет?»

Мальчик расставил свои руки, преградив ему путь, и продолжал настаивать на своём: «Баба, не ходи. Я не позволю тебе уйти».

Баба разозлился: «Отойди, вредный мальчишка. Не преграждай мне дорогу».

Мальчик воскликнул со слезами на глазах: «Баба, если ты уйдёшь, кто будет делать *пхула-севу* (служение с гирляндами цветов)?»

Баба удивился и спросил дрогнувшим голосом: «Кто ты такой, мальчик?!» Но как только он произнёс эти слова, вдруг всё — мальчик,

коровы и пастушки — исчезло.

Горю Бабы не было предела. Он стал кататься по земле, восклицая: «Кришна, о, Кришна!» и потерял сознание. Придя в себя, он снова начал сокрушаться: «О, Кришна! Как Ты коварен, как Ты разыграл меня! Ты дал мне Свой *даршан*, но я не смог распознать Тебя. Как я мог узнать, если Ты не хотел быть узанным? Ты даже не задержался на время, чтобы я мог разглядеть Тебя до полного удовлетворения. Это случилось потому, что Ты так скуп на милость? Но нет, это не Твой недостаток. Это моя вина, поскольку у меня нет *бхакти*, чтобы узнать или удержать Тебя».

Гаура Дас не смог продолжить свой путь. Он вернулся в Нандаграм. Нандавала приказал *пуджарию* смотреть, чтобы Гаура Дас не оставил *пхула-севу*. Он сказал, что не примет *пхула-севу* от кого-либо другого.

Шри Радхараман Гхош Бхагавата- Бхушана

Шри Радхараман Гхош был сыном Шри Кришна Говинда Гхоша, жителя Дхакка (Восточная Бенгалия). Закончив образование, он стал управлять владениями Махарши Девендра Натха Тхакура. Позднее его назначили личным секретарём Махараджа Вирочандры Бахадура, правителя Шрипура.

Махарадж Вирочандра Бахадур был великим преданным Шри Чайтаньи Махапрабху. Радхараман Гхош отличался сильным характером, волей и экстраординарным интеллектом. Но он гордился своими способностями. Кроме того у него были предубеждения относительно вайшнавов, потому что они требовали смирения.

Махарадж часто посещал Вриндаван. Он останавливался в своём доме и проводил время в беседах с вайшнавами. Однажды раджа сидел в комнате на втором этаже своего дома и был занят в обсуждении с вайшнавами духовных вопросов. На веранде слуги разложили многие вещи, самой ценной из них был красивый *чадр* (шаль). Вдруг на дереве перед верандой появилась мартышка, она прыгнула внутрь и убежала, прихватив с собой *чадр*. Свита царя, включая Радхарамана, и прислуга пытались забрать *чадр* у обезьяны, но все их крики и угрозы не возымели действия. Они начали бросать хлеб и фрукты в сторону мартышки, но она даже не глядела на них. Несмотря на свою жадность и естественную любовь к фруктам, казалось, что она была только заинтересована в том, чтобы разодрать *чадр* на куски. Шум, происходящий по поводу случившегося, привлёк внимание махараджа. Он вышел на веранду и стал смотреть на мартышку, которая сидела на вершине дерева и терзала шаль, абсолютно пренебрегая соблазном отвесть заманчивые фрукты. Махарадж продолжал смотреть на нарушителя спокойствия. Радхараман и обслуживающий персонал видели, что он был погружён в размышления, и слёзы сочились из его глаз. Было очевидно, что махарадж плакал не по причине утраты *чадра*. Но ни у кого не хватило смелости спросить царя о том, что в действительности на него нашло. Его состояние чрезвычайно возбудило любопытство Радхарамана. Он стал искать возможности

спросить его об этом и как-то вечером пришёл в его комнату, где тот сидел один. Выразив почтение, он смиренно обратился к нему со словами: «Ваше высочество! Нам очень стыдно, что этим утром по причине нашей небрежности Вам пришлось переживать по поводу утраты ценного *чадра*. Но мы были удивлены Вашим спокойствием и тем, что Вы ничего нам не сказали. В противоположность этому, мы заметили, что сцена обезьяны, терзающей *чадр*, пробудила некоторые благородные чувства в Вашем сердце, признаки которых обнаружили на Вашем лице. Я умоляю Вас милостиво раскрыть мне все эти секреты».

Махарадж засмеялся и ответил: «Радхараман, это была не обезьяна, грызущая мой *чадр*. Это был *садху*, кто пришёл под видом обезьяны и удалился, преподав мне ценный урок. Урок состоял в том, что я должен быть смиренным, если хочу что-нибудь получить от моих визитов Вриндавана. Я не должен появляться здесь как махарадж вместе со своей свитой и ценными вещами, которыми обладаю. Мне нужно быть здесь обычным преданным, кто ничего не имеет и ничего не хочет за исключением жизненно необходимого и способствующего *бхаджану*. Моё сердце наполнилось благодарностью к обезьяне за урок, который она мне дала, разодрав мой *чадр*, и слёзы, капающие из моих глаз, были только внешним выражением того, что я почувствовал в сердце. Впредь, всякий раз, когда буду посещать Вриндаван, я должен оставлять царя в своем дворце».

Эти слова тронули сердце Радхарамана. К нему пришло новое осознание. Его гордость была подавлена, а ум очищен от предвзятого мнения против смирения вайшнавов. Он выглядел, подобно потрясённому и разочарованному человеку. Махарадж, который давно знал о его гордости и предубеждениях, сейчас почувствовал подходящую возможность срубить их под самый корень. Он продолжил свою речь: «Радхараман, очень трудно быть истинным вайшnavом. Сущностью вайшнавизма является смирение. Сам Махапрабху был воплощением смирения. Он пришёл показать, что милость Господа естественно течёт по направлению к смиренным и падшим, подобно дождевой воде, которая всегда стремится в низину. На людей, сидящих на скалах гордости, не может снизойти поток милости. Я царь, моей гордости нет предела. Разве это не удивительно, если Господь когда-нибудь прольёт милость на тщеславную личность,

подобную мне?!» Едва царь закончил говорить, как слёзы брызнули из его глаз.

Несколько раз до этого люди спорили с Радхараманом Гхошем, пытаясь убедить его в том, что смирение является божественным качеством души и что человек, не имеющий смирения, не может духовно прогрессировать. Они были не способны убедить его. Но живой пример смирения, показанный ему махараджем, возымел сильное воздействие на него. У него появилось интуитивное предчувствие внутреннего состояния равновесия, предания и самоуничтожения, необходимого для снисхождения божественной милости, которое было привнесено в махараджа посредством качества смирения. Он был убеждён, что смирение по своей природе божественно и что религия Шри Чайтанья, которая предаёт величайшее значение смирению и которая способна превращать в святых очень разумных и тщеславных людей, подобных махараджу, и преступников, подобных Джагаю и Мадхаю, является высшей религией. Он решил стать вайшнавом Чайтанья *сампрадаи* и следовать преданности, предписанной Махапрабху.

Теперь Радхараман Гхош не был прежним Радхараманом, кто гордился своим характером и считал смирение слабостью, а вайшnavов, которые культивируют смирение, низшим сортом людей. Он сам сейчас стал смиренным и преданным вайшнавом, убеждённо стремящимся получить *даршан* Господа. Если чистота сердца — необходимое условие для *даршана* Господа, как говорят священные писания, тогда он был достойным получить этот *даршан*, поскольку его сердце, имевшее только два чёрных пятна — гордость и предубеждение — было теперь очищено. И Господь благословил его своим *даршаном* таким неожиданным манером, который был одновременно таинственным и беспримерным.

Он теперь обычно проводил большую часть своего времени в лесах Враджа, занимаясь медитацией. Как-то днём, бродя по лесу, он увидел святого вайшнава, сидящего лицом к дереву *тамал* и громко читавшего «Шримад Бхагаватам». Он был *вакта* (тот, кто говорит), а Шри Кришна, чьё присутствие было воображаемо им в дереве, был единственным *шрота* (тот, кто слушает). Слёзы любви, не прекращаясь, текли из его глаз. Таким образом святой каждый день читал «Бхагаватам» Шри Кришне. Радхараман уселся позади *садху* и

стал слушать *патх* «Бхагаватам». Когда *патх* закончился, он потихоньку ушёл, и *садху* не узнал о его присутствии.

На следующий день он опять в то же самое время на том же самом месте сидел позади *садху* и слушал *патх*. Так продолжалось несколько дней. Затем *садху* заметил его и с почтением попросил сесть рядом с ним и слушать *патх* ежедневно, пока тот не будет завершён. Он также объяснил ему, что он будет вторым слушателем *патха* и что Кришна является первым. Радхараман не только безоговорочно поверил его словам, но также был вдохновлён от мыслей, что он будет слушать *патх* рядом с Кришной. В последний день *патха* случилось чудо. Ствол дерева *тамал* разорвался. Трещина, которая таким образом образовалась в стволе, вспыхнула голубым сиянием. В середине сияния появился Кришна, стоявший в позе, изогнутой в трёх местах, державший у рта флейту, с пером павлина, раскачивающимся в Его короне и с очаровательной улыбкой ласково глядевший на двух преданных. Радхараман увидел Кришну, но в следующий момент он упал, бесчувственный, на землю. Когда к нему вернулось сознание, он обнаружил, что его голова лежит на коленях *садху*. Он поднялся и распростёрся у его стоп. Святой вайшнав погладил его нежно по волосам и сказал: «Радхараман, ты благословен *даршаном* моего Радхарамана. Сейчас слушай моё указание: читай каждый день Шри Кришне «Бхагаватам». И Кришна с удовольствием будет проливать на тебя Свои благословения бесконечно».

С этого дня Радхараман начал ежедневно читать «Шримад Бхагаватам» Кришне, или дома, или под каким-нибудь деревом. *Садху* объяснил ему, что для того, чтобы читать «Бхагаватам» Шри Кришне, нет необходимости приглашать Его, поскольку Он так любит слушать Бхагаватам, что Сам прибегает в место, где читают *патх*, подобно корове, бегущей за своим телёнком, и сидит в сердцах читающих и слушающих, как заключённый в тюрьме. («Бхагаватам», 1. 1. 2). И так он читал «Шримад Бхагаватам» с убеждённой уверенностью, что Шри Кришна был его единственный слушатель. Он не только читал громко *шлоки*, но и также объяснял их. Его объяснения всегда имели ориентацию на философию Гауранги. Они подавались так мастерски и привлекательно, что другие люди тоже начали посещать его лекции. Он стал знаменит как мастер истолкования «Шримад Бхагаватам» и *пандиты* присвоили ему титул Бхагавата Бхушана.

Это благодаря усилиям Радхарамана Гхоша и финансовой помощи Махараджа Вирачандры Маникья были опубликованы Барахамапура издание «Шримад Бхагаватам» с четырьмя комментариями и переводами, изданными Шри Раманараяной Видьяратной и многие другие издания.

Шри Джагадиша Дас Бабаджи

Не очень далеко от знаменитого храма Мадана Мохана находится Калиядаха, часть реки Ямуны, где Кришна давным давно танцевал на головах многоголовой кобры Калия. На берегу реки есть красивое местечко, окружённое деревьями. Представим, что между деревьев перед старой хижинкой сидит старый садху махатма. Он высокий и крепкого телосложения, хотя ему много лет. Сияние его обнажённого тела, кажется, пронизывает и рассеивает нарастающий сумрак на закате солнца. Медленные движения его губ и большие чётки в руках указывают на то, что он занят повторением *джапы*. Но его прямая шея, неподвижно пристальный взгляд и сияющая улыбка говорят о том, что он полностью потерялся в наслаждении сценой сверхъестественной красоты. Рядом с ним сидит в одной набедренной повязке из джута очень красивый юноша. Он тоже повторяет *джапу*. Юноша поглядывает на лицо Бабы и затем — в направлении его неподвижного взгляда. Но, не имея способности что-нибудь рассмотреть среди густой листвы деревьев, он снова с любопытством глядит на лицо Бабы.

Баба внезапно восклицает: «Смотри, Гопал, смотри! Видишь, Кришна и Баларама возвращаются из леса и позади тянется стадо коров? О, как они прекрасны!»

«Я ничего не вижу, Баба», — отвечает Гопал со слезами на глазах.

«Ты увидишь. Я сказал, ты увидишь», — подбадривает Баба и с любовью слегка хлопает его по щеке.

Старый Бабаджи это — сидха Джагадиша Дас Бабаджи их Калиядаха, а юноша — Дхирендра Натх Чакравати, сын Бхупендры Натха Чакравати, землевладельца в Бенгалии. Юноша в будущем будет известен как Сидха Шри Гауранга Дас Бабаджи из Раманрети во Вриндаване, но Джагадиша Дас Бабаджи из нежной привязанности зовёт его Гопалом.

Джагадиша Дас Бабаджи вышел из уважаемой семьи брахмана Вардхамана в Бенгалии. Он был преуспевающий доктор, обычно практиковавший в Калне. В пятидесятилетнем возрасте он принял инициацию у сидха Шри Бхагавана Даса Бабаджи из Калны. Вскоре

после этого он отрекся от мира и пришёл во Вриндаван. Во Вриндаване Баба жил некоторое время в старом храме Мадана Мохан, но позднее переселился в хижину в Калиядахе.

Жизнь Бабы была простой и аскетичной. Он жил на *мадхукари* и не ел соль. Бхагаван Дас Бабаджи обычно советовал своим ученикам только повторять *джану*. Но он считал Джагадишу Даса находящимся выше обычных преданных, поэтому инициировал его в *рагануга бхаджан*^[87]. Практикуя *бхаджан* в соответствии с *рагануга бхакти*, Баба обычно большую часть суток был поглощён медитацией. Иногда его концентрация была настолько сильной, что Баба не замечал даже *прасад*, который ученики ставили перед ним, и еда оставалась нетронутой до тех пор, пока он не приходил во внешнее сознание. Иногда люди приходили увидеться с Бабой и, поклонившись ему в *дандавате*, сидели прямо перед ним, но он не осознавал их присутствия, покуда его медитация не прекращалась, и кто-нибудь не говорил ему об этом. Потом он чувствовал себя неудобно и думал, что совершил *апарадху* (оскорбление) по отношению к гостям. После этого, чтобы защитить себя от *апарадх*, он, когда садился снаружи хижины, ставил перед собой *шалаграм-шилу*^[88], таким образом, поклоны, делаемые посетителями, предназначались *шалаграму*, а не ему.

Если когда-либо у Джагадиша Даса Бабаджи были трудности с *лила-смаранам*, он искал покровительства вайшнавов или *раджа* (святой пыли Вриндавана). Однажды, когда ему не открылось виденье *лилы*, он, как всегда, вечером пошёл в Шрингарават за *мадхукари*. Премананда Госвами, кто был в то время *адхикари* (управляющий) Шрингаравата, сказал: «Баба, в чём дело? Почему сегодня я не вижу обычное вдохновение и сияние на твоём лице?» Баба ответил: «Что я могу сказать? Сегодня мои звёзды поблекли. Я стою здесь в надежде на Ваше благословение». Госвамиджи понял, что Баба хотел этим сказать, и посоветовал ему обвалиться в пыли Вриндавана. Тот стал кататься по земле во дворе Шрингаравата. Катаясь, он начал чувствовать, что шлюзы, перекрывшие поток Кришна-лилы, опять открыты.

Джагадиша Дас Баба обычно чувствовал себя в медитации, как рыба в воде, естественно и свободно плавая в океане Кришна-лилы. Смена сценария *лилы*, вызывала соответствующие изменения его

эмоций. Его переживания были настолько сильны, что их эффект был ясно виден в соответствующих изменениях цвета его тела. Когда по каким-то причинам поток *лилы* прекращался, он чувствовал себя, как задыхающаяся и бьющаяся рыба, выброшенная на берег. Боль была до того невыносима, что он даже начинал думать о самоубийстве. Один раз в таком состоянии он попросил Гопала: «Гопал, не мог бы ты сделать для меня одно одолжение?»

«Непременно, Баба, позволь мне узнать, что я должен сделать?»

«Я встану на краю колодца, а ты столкни меня вниз».

Первый раз Гауранга был вынужден не подчиниться Бабе. И не только это, теперь всякий раз, заметив, что Баба не в себе, он внимательно следил за ним, чтобы тот ненароком не покончил с собой и всегда был рядом, пока тот не приходил в нормальное состояние.

Согласно наставлению Джагадиша Даса Бабы, Гауранга жил на Говардхане, где он практиковал *рагануга-бхаджан*. Но он часто приходил во Вриндаван присматривать за Бабой. Как-то во время сна на земле возле кровати Бабы, он почувствовал, что тот нежно поместил свою ногу на его грудь. С тех пор в его сердце начали проявляться духовные игры Радхи и Кришны.

Однажды Гауранга Дас пришёл на Радха-кунду. Его пригласил пожить здесь вместе с ним один незнакомый *садху*. Гауранга принял приглашение. Ему понадобилось пробыть у него только одну ночь, чтобы понять, что *садху* принадлежит к псевдо-религиозной секте, в которой женщины и вино были необходимой частью *садханы*. Следующим утром он оставил его компанию, но обнаружил, что его сердце опустело. Тонкий эффект общения с нечестивым человеком заблокировал его виденье, и он потерял способность созерцать Кришна-лилу. Гауранга ощутил состояние задыхающейся рыбы, которая обнаружила, что озеро, в котором она до этого счастливо обитала, внезапно высохло.

Гауранга немедленно отправился на *парикраму* (обход) вокруг Гирираджа. Это происходило в июне, в месяце, когда солнце наиболее испепеляющее. Он шёл целый день под палящими лучами солнца, молясь Гирираджу, и, к вечеру почувствовав усталость, прилёг отдохнуть на ступенях Удхава-кунды, но нечаянно заснул. Спать на ступенях небезопасно, поскольку, если повернуться во сне, можно упасть в воду. Проснувшись, он нашёл себя лежащим в безопасном

месте. Кто-то перенёс его тело, пока он спал. Он огляделся вокруг, чтобы узнать, кто бы это мог сделать, но к своему удивлению никого поблизости не заметил.

На следующий день он пришёл к Джагадиша Дасу Бабе во Вриндаван. Но он ещё не успел сделать *дандават* перед его стопами, как тот на него прикрикнул: «Ты спишь, где попало, подобно глупцу! Неужели ты не знаешь, где можно спать и где этого делать не следует?» Гауранга сразу понял, что это Баба поднял и перенёс его со ступеней Удцхава-кунды.

Этот случай дал ему осознание, что гурудев следует за своим учеником, словно тень, куда бы тот ни пошёл и всегда защищает его. Эта реализация вызвала слёзы на его глазах.

Гауранга Дас затем рассказал Бабе о своих страданиях по поводу потери виденья, возникшей из-за общения с сектантом с озера Радхакунда, и попросил благословение. Баба пролил свою милость, и его виденье восстановилось.

Джагадиша Дас Баба был всегда очень осторожен, не желая совершить оскорбление кому-нибудь. Святые такого уровня часто избегают визитов гостей по причине погружённости в *бхаджан*. Но Баба был всегда внимательным в том, чтобы не разочаровать какого-нибудь посетителя. Если кто-нибудь давал ему противоположный совет, он говорил: «Меня зовут Джагадиша Дас, что означает слуга Джагадиши (Бога). Я отношусь к любому, кто приходит ко мне, как к самому Джагадише, который принял облик гостя. Я чувствую служение ему своим долгом. Махапрабху посылает ко мне человека, чтобы я, ответив на его вопросы, устранил сомнения и дал ему необходимые наставления относительно *бхаджана*. Если я не буду служить ему таким образом, разве это не будет оскорблением обоих: гостя и Махапрабху?»

Баба в своём месте не организовывал *катхи*^[89] или *патха*, чтобы люди, которые приходили к нему за советом во время лекции, не возвращались разочарованными. Он был доступен для посетителей в любое время за исключением периодов, когда он был поглощён *лила-смаранам*. В середине обсуждения той или иной темы он иногда сам задавал вопросы и отвечал на них, затем спрашивал мнение других, потому что ему не нравилось спорить, а, если они первыми выражали свои взгляды, он мог понять, насколько их мнение отличалось от его

собственного. После беседы, когда люди собирались уходить, он с волнением всматривался в их лица, пытаясь понять, уходят ли они счастливыми и удовлетворёнными.

Как-то брат Бабы прибыл из Бенгалии. Баба отнёсся к нему с любовью и спросил о его благополучии. Когда тот сказал, что его жена умерла, Баба ответил: «Божья милость! Она освободила тебя. Теперь ты можешь поселиться во Вриндаване и делать *бхаджан*».

Когда брат ушёл, он стал думать: «Мой брат не выглядел счастливым, когда уходил. Возможно, он был не доволен мной, так как я вместо того, чтобы выразить сочувствие его тяжёлой утрате, сказал, что Господь проявил к нему благосклонность». Если Баба знал бы, где брат остановился, он побежал бы извиняться перед ним. Но тот сказал, уходя, что вернётся во Вриндаван через два или три дня. Поэтому Баба два или три дня ходил на станцию, надеясь встретиться там с ним и извиниться. Но встреча не состоялась. Он также не знал его адрес в Вардхамане, поэтому написал письмо другу в Вардхаман и попросил того узнать у брата, простил ли он его. Друг ответил, что брат вовсе не сердится, а не навещает Бабу снова только потому, что не хочет беспокоить его *бхаджан*. С тех пор, когда кто-нибудь приходил увидеть Бабу, он первым делам узнавал у гостя его адрес.

Баба никогда не видел недостатки у кого бы то ни было и не говорил плохо о других. Он не ходил никуда слушать религиозные обсуждения, потому что предчувствовал, что лектор может сказать что-нибудь, противоречащее его мировоззрению, и это может послужить ему поводом, чтобы найти в нём недостатки.

Во Вриндаване некоторые *садху* часто организовывали фестивали в праздничные дни, например, дни рождения Рамы или Кришны. Но Баба никогда не устраивал фестивалей, так как это доставляло беспокойство *бхаджану*. Обычно преданные считают своим долгом отмечать день ухода своих гуру. Баба отмечал день ухода своего гуру тем, что покупал одну *малпуру*^[90] и каждому, кто приходил к нему, давал кусочек этой сладости, как *прасад*. Однажды преданный по имени Сину Бабу дал ему сорок рупий, чтобы он мог отпраздновать годовщину ухода своего гуру. Баба не смог отказаться от пожертвования, данного в честь гурудева. Он пошёл на рынок и купил патоку на двадцать рупий для приготовления *малпур*. Оставив патоку в своём *кумире*, Баба пошёл омыть стопы к колодцу неподалёку, но

забыл закрыть двери. В его отсутствие большая компания мартышек залезла в *кумир* и устроила там пир, поедая патоку. Вернувшись и обнаружив пировавших обезьян, он от души рассмеялся. Не было и речи о том, чтобы прогнать хвостатых воришек, поскольку они были обезьянами Вриндавана, милостиво пригласившими сами себя на торжество по случаю празднования годовщины ухода гурудева. Когда пир закончился, и объевшиеся макаки стали выбираться на свежий воздух, Баба поклоном выразил им своё почтение.

Вечером, когда Сину Бабу пришёл узнать, как прошёл фестиваль, Баба пошутил: «Торжество прошло очень успешно. Большая компания обезьян пришла на пир отведать сладкой патоки. Пир обошёлся в двадцать рупий. Вот оставшиеся двадцать рупий, которые я с благодарностью возвращаю. В отношении *прасада*, ты можешь зайти в мою хижину. Возможно, тебе удастся найти его капли, засохшие на земляном полу».

Джагадиша Дас Баба был свободен от всех материальных желаний, но как-то одно желание возникло в его уме. Он захотел, чтобы в Калиядахе^[91] было выкопано красивое озеро в честь памятования танца Кришны на головах кобры Калия. Баба рассказал о своём плане Камини Бабу, управляющему делами Раджарши Ванамали Раябахадуре. Камини Бабу начал собирать пожертвования на проект. Богатые люди с готовностью давали деньги. Одна вдова из семьи Лала Бабу пожертвовала семьдесят пять тысяч рупий. Хетамапурский царь дал двадцать пять тысяч. Раджарши Ванамали Рай согласился взять остальные расходы. Проект и смета для сооружения прекрасного озера были составлены в соответствии с консультациями Джагадиша Даса Бабы. Но вскоре Баба обнаружил, что озеро заняло место Кришна-лилы в его уме. Он так разозлился на себя, что спрятался в лесу на несколько дней. Его пытались отыскать, но безрезультатно. Вдруг через несколько дней он сам вернулся обратно. Камини спросил разрешение приступить к работам. Баба стал очень серьёзным и объявил: «Желание соорудить озеро стало помехой моему *бхаджану*. Если сейчас начнутся работы, моему *бхаджану* придёт конец. Поэтому я настаиваю, чтобы никто даже не упоминал об этом, пока я живой».

Джагадиша Дас Бабаджи был очень смиренным. Махапрабху сказал в своей знаменитой *иьюке* «тринадапи», что преданный должен чувствовать себя ниже травы и быть терпеливее дерева. Он должен

оказывать почтение каждому, не желая уважения к себе. Значение этой *шлоки* приняло в Бабе концентрированную форму. Когда кто-нибудь спрашивал его, как достичь *премы*^[92], он отвечал: «Для того чтобы достичь *премы*, человек должен втиснуть себя в рамки *шлоки* «тринадапи». Чем точнее его размеры будут совпадать с ней, тем ближе он будет к *преме*, и когда они полностью совпадут, он, без сомнения, достигнет своей цели». Он также говорил: «Когда ваш ум полностью освободится от всех желаний, кроме *према-бхакти*, тогда и только тогда вы осознаете Кришна-бхакти.

Сидха святые могут оставлять тела по своей воле. Когда Джагадише Дасу Бабе исполнилось сто лет, он захотел оставить тело. В это время Гауранга Дас Бабаджи жил вместе с ним. По причине привязанности к Гауранге Дасу для Бабы было невозможно уйти из тела в его присутствии. Поэтому он повелел ему жить на Варшане и служить Бханукара *сароваре* (озеру), каждый день подметая и очищая прибрежную территорию. Когда его уход был близок, он посоветовал ему: «Запомни три вещи: никогда не ищи содействия кого бы то ни было, никогда не раскрывай секреты своего сердца и никогда не посещай пиры».

Гауранга Дас поселился на Варшане и стал регулярно служить Бханукхара *кунде*. Через несколько дней Джагадиша Дас Баба явился ему в теле, состоящим из света. Гауранга Дас увидел его, стоящим на некоторой дистанции от него. Но когда он стал приближаться к нему, Баба, махая руками, дал знать, чтобы он этого не делал, и исчез. Гауранга Дас понял, что гуру оставил тело. Охваченный горем, он немедленно отправился во Вриндаван, по пути узнав, что Баба действительно ушёл из тела на шестой день второй половины месяца *ашадха* (1915 г.).

Пандит Шри Рамакришна Дас Бабаджи

Пандита Рамакришну Даса Бабаджи раньше звали Рамапратар. Он родился в семье со строгими традициями *бхакти*. Его дед был вайшнавом Рамануджа *сампрадайи*. Он был сидха в *нараяна каваче*^[93] и прекрасно знал *шастры*. Рамасингха, махарадж Джаяпура, назначил его гувернёром *явараджа* (наследного принца). Он также дал деду в собственность две деревни и построил для него дом рядом с царским дворцом. Сын деда по имени Лакшминараян был также великим преданным. Юношей он оставил дом и ушёл в лес, где несколько лет повторял *джапу* Рама-мантры. Он был благословён *даршанам* Рамы и его братьев, сидящих всадниками на конях. Рама сказал ему вернуться домой и жениться. От его жены Камала Деви был рождён Рамапратар.

Рамапратару было всего лишь три года, когда умер его отец. Исключительный разум и любовь к учёбе сделали его способным в одиннадцатилетнем возрасте выучить наизусть «*Сутры Панины*», «*Сарасвати व्याкарану*» и «*Амара-коша*^[94]». После священной церемонии вручения брахманского шнура он провёл *Савитри-пурашчаран* и получил *даршан* Савитри Деви. Она посоветовала ему идти во Вриндаван. Он уже собрался уходить во Вриндаван, но его мать не разрешила. Тем не менее, в тринадцать лет ему удалось сбежать из дома. Во Вриндаване он жил в храме Говиндаджи под присмотром Госвами, управляющих храмом.

Даже поселившись во Вриндаване, он продолжал учиться. Он изучил логику *ньяя* у Сударшана Шастри из храма Рангаджи, «*Шримад Бхагаватам*» у Нрисимха Дасаджи из Караули-кунджи и «*Хари-бхакти-виласу*» у Гопала Госвами. Во время изучения «*Шатсандарбхи*» он обычно прочитывал каждый день пятьдесят глав «*Шримад Бхагаватам*» перед Гопешвара Махадевом. Он закончил своё образование в двадцатилетнем возрасте.

Закончив обучение, он принял *дикшу* и *веш* от сидха Нитьянанда Даса Бабаджи и получил имя Шри Рамакришна Дас. Но из-за учёности его обычно называли Пандит Баба. По совету гурудева он поселился на Говардхане и учился науке *Кришна-лила-смаранам* у сидха

Шрикришны Даса Бабаджи из Говардхана. После этого он жил на Варшане и практиковал *лила-смаранам*.

На Варшане жил знаменитый Киртания Гаурачаран Дас Бабаджи. Пандит Баба начал обучаться у него *Балагана киртану*. Постепенно его поглощённость *киртаном* увеличилась, а погружённость в *лила-смаранам* уменьшилась. Гурудев сказал ему прекратить заниматься *киртаном* и посвятить себя только *бхаджану*. Но даже после того, как он прекратил учиться *киртану*, его концентрация в *бхаджане* не улучшилась. Гурудев посоветовал сделать *пурашчаран* Кришна-мантры на протяжении семнадцати дней. В течение первых трёх дней он принимал только молоко, двенадцать следующих — одну лишь воду и в последние два постился без воды. На семнадцатый день он получил *даршан* Радхи и Кришны.

Это было подтверждено самим Бабаджи, когда он жил в Дауджи *багича* (небольшом саду), где в настоящее время находится Исследовательский Институт Вриндавана в районе Раманарети. В тот день он лежал под жестяным навесом в саду. Несколько преданных, включая Прияшарана Бабу, Крипасиндху Бабу и Лалита Мохана Госвами, сидели на небольшом расстоянии и обсуждали *пурашчаран*, совершённый Бабой. Один из них сказал, что Баба после *пурашчарана* получил *даршан* Кришна-Баларамы. Баба внезапно проговорил: «Нет, не Кришна-Баларамы, а Радха-Кришны.

И добавил ещё: «Радха-Кришна сказали: «Мы довольны тобой. Позволь Нам узнать, что ты хочешь?» Я ответил: «Я не знаю чего я хочу, кроме Вашего счастья». Затем Радха-Кришна улыбнулись и исчезли».

После этого Баба стал жить в пещере Рагхава в Пучхари, на оконечности Гирираджа, где жил Рагхава Пандит, спутник Махапрабху. По милости Радха-Кришны теперь он стал *сидхой* в *лила-смаранам*. С двух часов утра до двух часов дня он обычно сидел в пещере и совершал *лила-смаранам*, после чего выходил наружу. К этому времени обычно у пещеры собиралось много *садху*. Они приходили за советами относительно *бхаджана*. Баба разрешал их сомнения и трудности. Затем устраивали *патх* и *киртан*, которые продолжались до вечера. Вечером Баба уходил собирать *мадхукари*.

После некоторого времени погружённость Бабы в *лила-смаранам* стала настолько глубокой, что для него стало невозможным следовать

какому бы то ни было режиму. Никто не знал, когда он садился в медитацию и когда выходил из пещеры. Иногда он оставался погружённым в *бхаджан* на протяжении двух или трёх дней и даже не выходил из пещеры за *мадхукари*. *Садху*, которые обычно собирались у пещеры, были лишены его общения.

Как-то в это время мать Бабы приехала из Джаяпура повидаться с ним. Ей пришлось два дня сидеть у пещеры, ожидая его. На третий день, выйдя наружу, он сразу пошёл за *мадхукари*, даже не взглянув на неё. Его мать проследовала за ним некоторое расстояние, плача и стелая, но он даже и тогда не поглядел в её сторону. Она вернулась домой с разбитым сердцем.

Когда мать уехала, у него начались трудности с *лила-смаранам* и беспокойства. Он пришёл к Кришна Дасу Бабе и спросил об их причине. Баба сказал: «Причина банальна. Ты совершил оскорбление своей матери».

Тогда он написал письмо матери, в котором извинился и пригласил её во Вриндаван. Он подыскал для неё отдельный домик в Пучхари, где она прожила до конца своих дней. Он заботился о ней и старался сделать всё возможное, чтобы она была счастлива. Как только он стал помогать ей, его *шакти* (концентрация) в *лила-смаранам* восстановилась.

Мать Бабы тоже была преданной. Кришна может простить любое оскорбление по отношению к себе, но он никогда не прощает оскорбления преданных.

После некоторого времени в Гаудия Вайшнава Сампрадаёе возник конфликт относительно Гаура-мантры, кто-то утверждал, что отдельное повторение Гаура-мантры необходимо, другие говорили, что нет необходимости в Гаура-мантре, поскольку Гаура по существу не отличен от Кришны. Пандит Баба не хотел участвовать в конфликте. Поэтому он ушёл на Варшану и поселился в Мора-кути — уединённом месте на вершине холма. Прожив там восемь лет, Баба снова вернулся в свою пещеру, когда конфликт был исчерпан.

Одной зимней ночью он для поддержания тепла разжег на полу древесный уголь и уснул в пещере с закрытой дверью. Проснувшись утром, он обнаружил себя лежащим на свежем воздухе. Очевидно кто-то вынес его из пещеры, чтобы спасти от угарного газа, который мог быть смертельным. В этом, однако, не было ничего необычного,

поскольку, как мы уже рассказывали выше, во Врадже к *садхакам* часто приходит духовная помощь во время трудностей или критических ситуаций.

Как-то духовная помощь снова пришла к Бабе, когда несколько людей, принадлежащих к другой *сампрадаё*, пытались навредить ему. Бабе обычно выражали почтение *ачарьи* (наставники) всех *сампрадаё* из-за его преданности, учёности и широкого кругозора. Он хорошо разбирался в *шастрах* (писаниях) всех *сампрадаё* и был также хорошо знаком с методиками их религиозных практик. Пандит Амолака Рама Шастри и Баба Хамсадаса из Нимбарка *сампрадаё*, Шри Сударшаначарья, Шри Дулари Прасада Шастри и Ганapati Шастри из Рамануджа *сампрадаё*, Санкаршана Дасаджи из Рамананда *сампрадаё*, и Пурушоттама Бхаттаджи известный учёный и *катка вачака* из Пушти *сампрадаё* — все приходили к нему за советами по вопросам, касающимся писаний или религиозных практик, и Баба всегда советовал им в соответствие с философией и практикой их собственных *сампрадаё*. Даже Пранагопал Госвами, потомок Нитьяланды Прабху и величайший представитель философии Гаудия Вайшнавизма тех времен и Шримад Бхакти Сиддханта Сарасвати Махарадж^[95], основатель-ачарья Гаудия Миссии, были о нём очень высокого мнения и приходили за советами. Но некоторые ортодоксальные и злонравные члены отдельных *сампрадаё* завидовали ему. Как-то раз они хотели оклеветать Шри Рупу и Шри Санатану, самых почитаемых *ачарьев* Гаудия *сампрадаё* тем, что проповедовали, будто они сначала принадлежали их *сампрадаё*, но были выгнаны из неё по причине неправильного поведения. Баба убедительно осудил их. Они почувствовали себя униженными и сговорились убить его. В соответствие со своим планом они спрятались возле его пещеры, ожидая, когда он пойдёт за *мадхукари*, чтобы напасть на него. Но, когда Баба вышел из своего прибежища и направился в сторону деревни за *мадхукари*, они увидели льва, следовавшего за ним, подобно идущему за хозяином верному псу. Когда они таким образом достигли деревни, лев спрятался с правой стороны от неё, около *самадхи* Госвами. На обратном пути лев опять сопровождал его до самой пещеры и затем исчез. Заговорщики были одновременно изумлены и напуганы. Они осознали, что Баба был

сидха махануруша и их враждебное отношение к нему сменилось на любовь и преданность.

Однажды, когда Баба делал *бхаджан* в своей пещере, ядовитая змея заползла на его тело и обвилась вокруг груди и шеи. Но он продолжал спокойно медитировать. Спустя какое-то время змея сползла вниз и скрылась. Ночью Баба услышал голос: «Оставь эту пещеру!» Он немедленно перебрался в Шьяма-кути возле Кусумасаровара.

Пандит Баба не дал *дикшу* ни одному человеку. Но многие преданные, получавшие его наставления относительно *бхаджана*, считали его своим *шикша-гуру*. Самыми известными среди них были: Шри Гауранга Дас Бабаджи, Шри Прияшарана Дасаджи, Шри Крипасиндху Дасаджи, Шри Вишну Дасаджи, Шри Кешава Дасаджи и Шри Лалита Мохан Госвами. Также были такие, которые не получали ни у кого *дикшу*, но считали его своим гуру, например, Тхакур Кушала Сингхаджи из Гиджагарха.

Гауранга Дас Бабаджи, кого раньше звали Дхирендра Натх Чакравати, сын богатого землевладельца в Калькутте и блестящий студент Шотландского Церковного колледжа. Дхирендра отрёкся от мира в двадцать лет, приняв *дикшу* у Шри Рамы Даса Бабаджи из Калькутты и, прибыв во Вриндаван, стал совершать *бхаджан* под руководством Сидха Шри Джагадиша Даса Бабаджи. На Бабу произвело большое впечатление его *бхакти-бхава* и исключительный интеллект. Он сказал ему изучать *шастры* у Пандита Бабы. Пандит Баба проявил к нему большой интерес и стал обучать. В должное время он достиг мастерства в знании «Шримад Бхагаватам», «Шат-Сандарбх» и других *бхакти-шастр*. Пандит Баба затем попросил его брать одну книгу за другой и объяснять их в присутствии *садху*, которые опять начали собираться у него вечером. Его лекции привлекали толпы людей и стали регулярной частью обычных занятий Бабы вечером.

Прияшаран Баба тоже был молодым, когда пришёл во Вриндаван. Он учился в Варанаси и прибыл во Вриндаван с коротким визитом. Но встретив Пандита Бабу, он так привлёкся им, что не вернулся обратно. Будучи уже инициированным в Нимбарка *сампрадае*, он принял его как *шикша-гуру* и стал делать *бхаджан* под его руководством. Баба наставлял его в соответствии с методами поклонения и медитации,

преобладающими в Нимбарка *сампрадае*. Подобно тому, как Гауранга Дас вырос в знаменитого *сидха махатму* и лидера *сампрадаи* Гаудия Вайшнавов, Прияшаран Баба рос в выдающегося *махатму* Нимбарка *сампрадаи*.

Примерно в это же время появился Крипасиндху Дас Баба. Своей преданностью Пандиту Бабе он внушил тому такую любовь к своей личности, что был пожизненно принят им как компаньон и слуга. У него был большой прогресс в *бхаджане* под присмотром Бабы. Он стал таким продвинутым и так сильно и всей душой привязан к Бабе, что чувствовал его состояние, даже находясь на большом расстоянии от него. Однажды Баба заболел. От слабости он уже не мог говорить. Его мучила жажда, но вместо слов с просьбой о воде из его рта выходили нечленораздельные звуки и поэтому преданные, находящиеся рядом с ним, ничего не могли понять. Крипасиндху в это время ушёл за *мадхукари* и по дороге тоже стал чувствовать жажду. Он часто пил воду, но в горле по-прежнему было сухо. И ему интуитивно пришло понимание, что Баба хочет пить. Он поспешно вернулся и дал ему воду. Когда Баба утолил свою жажду, его жажда тоже автоматически прекратилась.

Как-то у Бабу случилось острая зубная боль. Позвали зубного врача удалить зуб. Доктор спросил: «Баба, который зуб болит?»

«Я не знаю», — ответил Баба.

Доктор засмеялся и сказал: «Тогда кто знает?»

«Крипасиндху знает».

И Крипасиндху указал на больной зуб.

В 1918-м году Пандит Баба заболел гриппом. Его привезли лечиться во Вриндаван. Восемь лет он прожил в различных местах Вриндавана. С 1926-го года он стал жить в Дауджи Багичи, где и дожил до конца своих дней.

Вишнудас пришёл к Бабе, когда тот переселился в Дауджи Багичи. Ему было тогда только четырнадцать лет. Он был послан своим гуру, Ядунандана Дасом Бабаджи с Сурьякунды, служить в Дауджи Багичи из-за преклонного возраста Пандита Бабы и делать *бхаджан* под его руководством. Он шёл всю дорогу пешком от Сурьякунды до Вриндавана и по причине испепеляющего зноя почувствовал ухудшение самочувствия и высокую температуру. Когда путник добрался до Дауджи Багичи, жар в теле был настолько сильным, что он

лёг, обессиленный, около стены сада. Вечером Баба вышел из своей комнаты за *мадхукари*. Вишнудас в поклоне лёг, распростёршись у его стоп. Баба поприветствовал его: «Добро пожаловать, Вишнудас, пойдём вместе собирать *мадхукари*».

«Баба, у меня высокая температура», — проговорил Вишнудас.

«Итак что ты предлагаешь?» — сказал Баба и, взяв его за руку, повёл за собой. В тот момент, когда Баба прикоснулся к его ладони, Вишнудас почувствовал, что от его жара и усталости не осталось и следа. Баба, раз взяв его за руку, уже больше не отпускал. Вишнудас оставался с Бабой до конца, везде следуя за ним, словно тень. Он много приобрёл благодаря общению с ним. Баба был погружён в Кришна-лилу даже тогда, когда вместе с Вишнудасом ходил за *мадхукари*. Его внутренние переживания иногда передавались ученику, подобно электрическому току, через прикосновение, поскольку он часто держал его за руку или плечи во время ходьбы.

Однажды в июне, после сбора *мадхукари*, Баба вместе с Вишнудасом возвращался к себе в *кутир*. Его рука покоилась на правом плече юноши. Внезапно на пути Вишнудас испытал изменение окружающей действительности. Горячий летний воздух превратился в прохладный и умиротворяющий весенний ветерок, и всё пространство наполнилось сладким ароматом цветов дерева *кадамба*. Вишнудас будто перенёсся в состояние блаженства и спросил: «Баба! Что это такое?» Баба ответил: «По милости Радхарани ты получил проблеск осознания настоящей природы Вриндавана. Вриндаван полностью духовен. Он только кажется земным. Во Вриндаване сосуществуют все сезоны и служат Радха-Кришне в соответствии с их желаниями. Когда сердце садхаки очищается посредством *бхаджана*, он видит духовный Вриндаван и вечные *лилы*, в которых развлекаются Радха и Кришна».

Тхакур Кушала Сингх был крупным землевладельцем в Раджастане и главным судьёй в Верховном суде Джаяпура. Он был также очень учён, религиозен, бесстрашен и решителен. Оставив пост главного судьи, он пришёл к Бабе с намерением отречься от всего и стать *садху*. Он обратился к Бабе с просьбой дать ему *веш*. Баба дал ему совет: «Тебе не нужно отречься. Разве невозможно совершать *бхаджан*, ведя семейную жизнь? Мои дни подходят к концу. Сейчас пришло плохое время. *Садху* будут делать всё, что делают *грихастхи* (домохозяева). Они будут строить великолепные здания, держать счёт

в банке и наслаждаться роскошью. Лучше жить дома и незаметно делать *бхаджан*. Таким образом, ты не будешь известен как святой, и никто не будет доставлять тебе беспокойства».

Кушала Сингх отбросил идею стать святым. Он обычно приезжал во Вриндаван один или два раза в месяц, жил какое-то время в обществе Бабы и затем возвращался в Джаяпур.

Тхакур Хари Сингх был землевладельцем в Нимония, районе Джаяпура. Подобно Кушала Сингху он также считал Бабу своим гуру и часто приезжал во Вриндаван для *сатсанги* (общения). Как-то он сообщил ему: «Баба, моя жена серьезно больна. Астрологи предсказали, что у неё сейчас плохое расположение звёзд в гороскопе, поэтому она скоро умрёт. Доктора тоже потеряли всякую надежду. Милостиво посоветуй, что ей нужно делать в свои последние дни, чтобы спасти свою душу».

Баба дал совет: «Пусть она читает «Шримад Бхагаватам». Её звёзды станут благоприятными. Звёзды неблагоприятны только для людей, которые не преданны Богу. Они расположены дружески и приносят пользу тем, кто предан Господу».

«Но она слишком слаба, чтобы читать «Бхагаватам»», — пожаловался Шри Хари Сингх.

«Тогда ты можешь читать ей».

Тхакур Хари Сингх стал читать жене «Бхагаватам». Звёзды действительно начали оказывать на нее благоприятное влияние. Она выздоровела и жива по сей день ^[96].

Пранагопал Госвами приезжал из Калькутты во Вриндаван и один месяц, сидя перед Бабой, читал «Шримад Бхагаватам» и другие *бхакти-шастры*. Один раз, даже до назначенного времени его прибытия, Баба стал тревожиться и спрашивать о нём у всех посетителей. Они удивлялись и говорили: «Баба, почему Вы так беспокоитесь? Он приедет в назначенное время во второй половине дня. Сейчас всего лишь двенадцать часов». Но Пранагопал приехал на один день позже по причине столкновения составов в Бамараули, и в поезде, в котором он ехал, погибли сотни людей. Купе, занятое Пранагопалом и его компаньонами, уцелело, тогда как последующее и предыдущее были раздавлены. Когда Пранагопал прибыл во Вриндаван, он объявил, что только благодаря переживаниям и заботе

Бабы он и его компания были спасены, иначе как бы их купе оказалось неповреждённым, когда были разрушены оба соседних?

Пранагопал Госвами был знаменит из-за своей учёности и мастерского представления священных писаний. О нём сложилось всеобщее мнение как об авторитете, дающим окончательное суждение по всем религиозным вопросам. Если у кого-то возникали трудности или сомнения, они обращались за разъяснениями к Пранагопалу. Но, когда они возникали у самого Пранагопала, он искал совета Бабы. Много раз его трудности разрешались простым посещением Бабы, без фактического обращения к нему. Одного присутствия Бабы было достаточно, чтобы в его ум интуитивно вошло правильное решение.

Даже ещё загадочнее, чем этот факт, был способ, которым Баба один раз разрешил трудности Гауранга Даса, связанные с комментариями на *сутру* «анандамайо-абхьясат». В это время Баба жил в пещере в Раманрети, которая известна как Маданамохана-китибари. Гауранга Дас пришёл к нему и, не заходя в пещеру, прокричал о своих затруднениях. Он услышал голос Бабы изнутри пещеры, который подсказал решение и затем спросил: «Ты всё понял?»

«Да, Баба», — ответил Гауранга. Но когда он вернулся в свой *кутир*, то удивился, увидев Бабу, идущего с противоположной стороны вместе с Амолака Рама Шастри, и, недоумевая, сказал: «Я только что был возле Вашей пещеры, поскольку не мог разобраться с одной *сутрой*, и Вы помогли мне. Как это возможно, что Вы сейчас оказались здесь?» Баба парировал вопрос, сказав: «Много *садху* живёт во Вриндаване в невидимых телах. Они незаметно помогают *садхакам*, когда те испытывают проблемы».

Пандит Баба был живым примером шлоки Чайтанья Махапрабху «тринадапи суничена», в соответствии с которой человек должен быть смиреннее, чем трава и оказывать почтение каждому, не желая быть почитаемым другими. Когда бы он не пришёл на религиозные собрания, на которых проводилась *катха* или *киртан*, то всегда садился позади всех. И никто не осмеливался предложить ему пересесть в передний ряд.

Он никогда не позволял кому-либо прикасаться к своим стопам. Один человек из Бихара, страдающий острой болью в желудке, услышал как кто-то сказал ему во сне: «Возьми пыль со стоп Пандита Бабы, натри ею своё тело, и ты избавишься от болезни». Больной

также получил адрес Бабы. Он пришёл во Вриндаван и, повстречав Бабу в Банакханди, когда тот возвращался в свой *кутир* после *мадхукари*, захотел дотронуться до его стоп. Но Пандит Баба отругал его и не позволил касаться своих стоп. Больной почувствовал обиду и разочарование. Кто-то подсказал ему обратиться к Крипасиндху Бабе. Крипасиндху Баба посоветовал ему взять щепотку пыли со следов Бабы, когда тот следующим утром пойдёт по нужде. Что он и сделал. Затем, втерев пыль со стоп Бабы в свой лоб, он немедленно вылечился.

Однажды один человек, увидевший, как Рама Дас Бабаджи Махарадж из ашрама Ратхабари в Калькутте прикоснулся к стопам Пандита Бабы, заинтересовался у последнего: «Если Вы позволяете великому святому, подобному Рама Дасу Бабаджи, дотрагиваться до Ваших стоп, то почему запрещаете нам?» Баба ответил: «Рама Дас Бабаджи — махатма. В любом случае, коснётся ли он к моих стоп или попросит меня прикоснуться к его стопам, я должен молча согласиться».

Баба всегда был вежлив с посетителями. Но, если кто-нибудь приходил к нему с мирскими воззрениями или делал что-нибудь, противоречащее вайшнавским правилам поведения, он приходил в ярость. Один раз к нему пришёл раджа в царском одеянии со всей своей свитой. У него была сумка с золотыми монетами. Он поставил её перед Бабой и уселся рядом. Баба спросил: «Что это?»

«Золотые монеты, Баба. Ты можешь пользоваться ими по своему желанию», — ответил раджа.

Баба сказал: «Они бесполезны для меня. Отдай их кому-нибудь другому».

«Но я принёс золото для Вас лично, Баба. Вы должны принять мой дар», — настаивал раджа с повелительной ноткой в голосе. Баба взбесился. Он выпалил в него залп ругательств и попросил выйти вон. Но раджа продолжал упорствовать. Тогда Баба заорал на него: «Если ты сейчас же не уберёшься вместе со своей мошной, я разобью себе голову». Он уже намеревался удариться головой об пол, когда раджа вскочил и, прихватив свою сумку, выбежал во двор.

Раджа был в дружеских отношениях с одним *пандитом враджабаси*. Он рассказал тому всё о происшедшем и пожаловался: «Какой же Баба *сидха* махатма? Я хотел оказать ему служение. Но он

внезапно стал ругаться и нанёс мне тысячи оскорблений. Чего ради он надругался надо мной подобным образом?»

Враджабаси посоветовал: «Это Ваш промах. Ваша идея, что золото может послужить Бабе, в действительности, — медвежья услуга. И Вы к тому же на этом настаивали. Поэтому Баба разозлился. Вы совершили оскорбление ему и таким образом вызвали гнев Господа, кто никогда не прощает подобное обращение со своими преданными. Вы можете освободиться от последствий оскорбления, если пойдёте к нему со мной и сделаете, как я скажу. Сделав это, Вы так же увидите, насколько он сердечный и обходительный человек».

Раджа согласился поступить согласно совету *враджабаси*. Он пришёл вместе с ним к Бабе на следующий день. Как тот ему посоветовал, он не взял с собой своих сопровождающих и снял царское облачение. Раджа пришёл, как обычный человек, с тилакой, украшавшей его лоб, с *туласи-кантхи* (бусами из дерева Туласи) вокруг шеи и мешочком для чётки, что сделало его похожим на преданного вайшнава.

Пандит враджабаси и раджа сделали *дандават* Бабе и сели у его стоп. Ответив на вопрос Бабы о его благополучии, *пандит* произнёс: «Мне сказали, что раджа вызвал у Вас вчера раздражение. Я уверен, что он очень сожалеет о нанесённом Вам с его стороны оскорблении».

Баба ответил: «Нет, нет. Он не совершил никаких оскорблений. Он проявил себя с хорошей стороны. Несмотря на своё царское величие, он молча выслушал мою гневную брань. Я отругал раджу для его собственного блага. Если бы я принял сумку с золотыми монетами и использовал деньги на служение вайшнавам, это отравило бы их сознание. Кроме того, золото привлекло бы воров и разбойников, которые доставили бы преданным много беспокойств. И раджа должен был бы страдать по причине его ответственности за случившееся положение дел».

Раджа был тронут этими словами. Он упал к стопам Бабы и взмолился: «Баба, я ужасно глупый раджа. Милостиво простите меня за оскорбление, нанесённое Вам».

Однажды Гауранга Дас Бабаджи пришёл на Радха-кунду. Он пробыл там одну ночь и вернулся на следующий день утром. Его уговорил пожить у себя один *садху* из Баула *сампрадайи*. Действительным намерением этого *садху* было желание переманить

его в свою веру, в которой общение с женщинами было неотъемлемой частью *садханы*. Он отнёсся к нему очень хорошо, вкусно накормил и постелил постель. Сквозь сон Гауранга Дас почувствовал нежное прикосновение женских рук, массирующих ему стопы. Он немедленно вскочил, отругал незнакомку и *садху* и ушёл в другое место. *Садху* испугался, что рано или поздно Гауранга Дас доложит о случившемся Пандиту Бабе, и ему будет невозможно находиться во Врадже. Он подумал, что Пандит Баба может не поверить словам ученика, если опередить и очернить его перед Бабой. Клеветник пришел к Бабе на следующее утро и прошипел: «Баба, Вы думаете, что Гауранга Дас хороший *садху*. О, Вы не знаете о нём всего. У него есть тайная любовница».

Баба не смог стерпеть эту наглую ложь. Он неистовствовал в гневе и взорвался: «Дьявол! Ты набрался наглости осквернить имя великого святого, подобного Гауранге Дасу. Ты не знаешь, что тебя ожидает за это преступление. Ты сдохнешь, как паршивый гавкающий пёс! Убирайся и запомни мои слова — ты умрёшь собачьей смертью».

Вскоре после этого клеветника укусил бешеный пес, он страдал тяжёлым поражением нервной системы и умер, скуля и рыча, как собака.

Вайрагья (отречение) Бабы было не имеющим себе равных. Вся его собственность состояла из *ланготи*^[97], *бахирвасы*^[98], *каравы* и нескольких книг. Если что-нибудь кроме этого попадало к нему в *кутир*, оно становилось жертвой его гнева и выбрасывалось как можно дальше. Как-то раз в жаркое лето Прияшаран Баба принёс и поставил в *кутир* новый глиняный горшок с водой. Баба увидел его, вернувшись после сбора *мадхукари*. Немедленно горшок был вынесен наружу и разбит в дребезги. Баба спросил Прияшарана Бабу: «Зачем ты это сделал?»

Тот ответил: «Я принёс воду, потому что было очень жарко и Вы постоянно просили пить».

«Я знаю ты принёс горшок, чтобы не ходить каждый раз за водой на колодец. Глупец, ты не понимаешь, что этим доставил бы беспокойства моему *бхаджану*, — горшок заманивал бы других людей зайти в мой *кутир*, чтобы напиться прохладной воды».

Однажды Баба заболел. Ему посоветовал *вайды* (врач) принимать средство *макарадхваджа*. Шьмасундара Дас и другие вайшнавцы,

помогавшие Бабе, должны были растирать макарадхваджу с помощью *кхарала*^[99] и *лорхи*^[100]. Если бы Баба узнал, что вайшnavы так тяжело трудятся из-за него, он перестал бы принимать это лекарство. Поэтому Шьямасундара готовил *макарадхваджу*, когда Баба уходил собирать *мадхукари*, и затем после растирания прятал от его глаз *кхарала* и *лорхи*. Каким-то образом *лорхи* раскололся, и Шьямасундара попросил Кушала Сингха принести другой камень. Через какое-то время Баба заметил, что Кушала Сингх передал Шьямасундару что-то, завёрнутое в бумагу. После того, как Кушала Сингх ушёл, он спросил слугу, что тот принёс. Шьямасундара ответил: «Ничего, Баба, только небольшой *лорхи* для растирания *макарадхваджа*».

Баба замер. Его лицо было красным от гнева. Он взял свою *траву* и сумку для *мадхукари* и сказал: «Только небольшой *лорхи*! Живите здесь вместе с камнем, а я уйду». Баба уже собирался уходить, но Шьямасундара упал к его стопам и взмолился: «Баба! Я совершил оскорбление. Милостиво прости меня, или я умру». «Тогда немедленно иди и верни камень».

Шьямасундара быстро ушёл и отдал *лорхи* Кушала Сингху.

После этого Баба успокоился.

Баба собирал *мадхукари* только у *враджабаси*. И даже у них он не брал ничего принесенного из мест, находящихся вне Враджа. Однажды кто-то принёс много *парабалы*^[101] для Нарахари Даса Бабаджи, махатмы Радха-кунды. Нарахари Бабаджи послал какую-то часть овощей Пандиту Бабе. Баба сказал человеку, принёсшему *парабалу*: «Скажи Нарахари Бабе, что ему не следует посылать мне что-либо, доставленное из-за пределов Враджа».

Посетители, присутствовавшие при этом разговоре, спросили: «Баба, какой вред в том, если Вы примете что-нибудь из-за границ Враджа?»

Баба ответил: «Вы совершаете *бхаджан*? Если бы вы делали *бхаджан*, тогда вы реализовали бы какой вред в том, когда принимаешь что-нибудь из-за пределов Враджа».

Для обычного человека может оказаться трудным осмыслить это. Но Баба не был заурядной личностью. Он был святой с сердцем безукоризненной чистоты, всецело поглощенным Враджем и Враджалилой. В его сердце не оставалось места для чего-либо, что не являлось бы неотъемлемой частью Враджалилы или что было бы

связано с чем-нибудь из-за пределов Враджа. Любые подобные вещи были не приемлемы для него, как чёрное пятно на белой одежде. Баба также не принимал *прасад* из храмов, в которых служение божествам финансировалось с помощью людей мирского склада ума. Как-то раз Кушала Сингх привёз *прасад* Говиндаджи из Джаяпура вместе с цветочной гирляндой, украшавшей до этого Божество. Но Баба взял только маленькую частицу, чтобы избежать оскорбления, а остальное распространил среди вайшнавов, после чего дал наставление Кушала Сингху: «Никогда не приноси сюда *прасад* Говиндаджи. Только один Говиндаджи может переваривать это». Служение Говиндаджи совершалось на деньги Джаяпурского махараджа.

Кто-то возможно не поймёт, каким образом *прасад*, оплаченный личностью, предающейся мирским наслаждениям, может повредить духовному здоровью *садхаки*. Но этот факт был много раз подтверждён практикующими преданными. Тонкости духовного мира находятся вне постижения материального ума. Если Баба, не зная, ел что-либо, принесённое из неподходящего источника, он мог легко определить это по причине тонких беспокойств, возникающих в его уме. Последующие расспросы о источнике всегда подтверждали его интуитивные догадки.

Однажды Раджарши Ванамали Рай Бахадур послал Бабе *прасад* от его Божества Шри Винода Лалы. Баба принял только щепотку и остальное раздал другим. Ночью Винода Лал сказал ему во сне: «Почему ты отказался от моего *прасада*? Служение, оказываемое мне, оплачивается от доходов моей собственности, а не Ванамали Рая». Это была правда. Владения, налоги с которых обеспечивали храмовые службы для Шри Винода Лала, были записаны на имя Божества.

Следующим утром Баба прошёл пешком весь путь от Говардхана до храма Шри Винода Лала во Вриндаване и попросил *прасад*. Он наелся *прасада* сверх вместимости своего желудка и после этого никогда не давал Винода Лалу возможности выразить подобное недовольство.

Как многие другие *сиддха махатмы*, Баба обладал способностью творить чудеса, но он, насколько возможно, пытался не использовать ее с целью внушить страх или прославиться в качестве *сиддха пуруши*. А если его к тому вынуждали обстоятельства, он всегда отнекивался от чуда, объясняя его тем или иным путём. Однажды Пранагопал Госвами

послал ему двести рупий, чтобы накормить вайшnavов в связи с годовщиной смерти его матери. В соответствии с этим Баба организовал пир, на который был приглашён узкий круг вайшnavов. В тот же день пришёл Рама Дас Бабаджи со своей группой бенгальских вайшnavов из Калькутты. Рама Дас Баба послал новость Пандиту Бабе, что придёт вечером в его *ашрам* вместе с группой преданных и устроит Гаура-Гададхара *киртан*. Одна неизменная инструкция Бабы, данная Крипасиндху Дасу, заключалась в том, чтобы любой вайшнав, оказавшийся в *ашраме* во время проведения *утсавы* (праздника) или пира, должен быть накормлен вместе со всеми. Поэтому всегда готовили дополнительно на десять или двенадцать человек больше. Но в группе Рама Даса Бабы было около трёхсот вайшnavов. Их невозможно было накормить ограниченным количеством приготовленного *прасада*, и в связи с этим Крипасиндху Дас выразил свои беспокойства Пандиту Бабе. Но тот не отнёсся к ним серьёзно, сказав: «Не переживай. Бенгальские вайшnavы едят очень мало». Это высказывание не освободило Крипасиндху от его озабоченности. Но что он мог поделать? Он отдался на произвол судьбы. Однако, вечером, когда пир уже закончился, он был изумлён, обнаружив всех насытившимися и вдобавок немного *прасада*, оставшегося на кухне. Баба объявил Крипасиндху Дасу: «Разве я не говорил тебе, что бенгальские вайшnavы едят очень мало?» Крипасиндху Дас ничего не ответил, но в душе посмеялся над хитростью Бабы.

Постепенно Баба становился старше и слабее. Для него стало невозможным ходить собирать *мадхукари*. Он начал поддерживать своё тело фруктовыми соками. Но, хотя Баба был физически слабым, ментально он оставался в состоянии боевой готовности, и его *бхаджан* шёл как обычно. Он вставал в два часа ночи и продолжал сидеть, повторяя *джану* и медитируя на Кришна-лилу, до двух часов дня. *Нама-джана* стала частью его жизни. Она продолжалась всё время и без перерывов. Даже во время сна было иногда слышно, как он повторяет святые имена. Его указательный палец, который во время повторения *джаны* остаётся снаружи мешочка с чётками, стал таким прямым и окостеневшим, что не сгибался и им нельзя было пользоваться даже во время приёма *прасада*. Постепенно потребление Бабой сока становилось всё меньше и меньше, а его слабость увеличивалась. Он в основном оставался заключённый в узкие рамки

кровати, стоящей в его *кутире*. Если он хотел выйти из *кутира*, его помощники выносили его вместе с кроватью. Один раз, когда его выносили таким манером, он проговорил, шутя: «Раманама сатъя хай» (только имя Бога есть истина). В этом был определённый юмор, потому что, согласно обычаю, эту строку громко повторяют люди, несущие мёртвое тело к месту погребального костра. Хотя Баба произнёс её шутливым тоном, Крипасиндху Дас подумал, что Баба намекает, что он скоро оставит тело.

Услышав, что состояние Бабы ухудшается, Кушала Сингх и Хари Сингх приехали из Джаяпура. Они пригласили доктора из Калькутты, и Бабу начали лечить. Но что мог поделать *вайдыя* (врач), если Баба сам не хотел больше жить? Пробыв несколько дней Кушала Сингх и Хари Сингх, вернулись в Джаяпур. Но перед тем, как покинуть Бабу, Хари Сингх помолился ему в уме с просьбой, чтобы его и Кушала Сингха информировали прежде, чем наступит предугадываемый им конец. Его молчаливая молитва была замечена Бабой.

Баба попросил Крипасиндху Даса позвать Гададхару Дасу Бабаджи, *киртанию* и его группу из Говардхана и организовать на протяжении одного месяца в его *ашраме аштакалья-лила киртан*. Это был другой знак для Крипасиндху Даса, указывающий на то, что Баба готовится оставить тело. Он организовал *киртан*. *Киртан* продолжался один месяц, и Баба всё это время был погружён в *лила-смаранам*. Одним вечером, когда всё его близкое окружение сидело вокруг него, Баба обратился к нему со словами: «Когда я оставлю тело, вы все покиньте *багичи*. Уйдите куда-нибудь». Возможно, он сказал так с целью гарантировать, чтобы никто из его помощников не взял после него сад в свою собственность.

«Кто-то спросил: «Баба, Ваше *самадхи!*»

«Никаких *самадхи*. Ваш *бхаджан* будет моим *самадхи*».

«А как насчёт *утсавы!*»

«Никаких пиров. В этот день все вы соберите *мадхукари*, сядьте вместе и поешьте».

Затем он обратил взгляд на молодых *садхаков*, живущих в его *ашраме* и сказал: «Спасите этих юношей от женщин».

На следующий день был Радхаштами, и Баба как обычно постился. Он также ничего не поел в очередной *экадаши*^[102]. В эти два дня Крипасиндху дас настаивал, чтобы Баба принял немного

панчамриты^[103] или, по крайней мере, воды, но безуспешно. На особенно настойчивые уговоры он отвечал со сложенными в *намаскаре* руками: «Пожалуйста, не разрушайте мой пост».

Через пару дней он попросил Крипасиндху Даса позвать Кушала Сингха и Хари Сингха, отбив им телеграмму. Крипасиндху Дас не обратил особого внимания на эту просьбу, поскольку думал, что состояние Бабы ещё не вызывает опасений. На следующий день Баба опять поинтересовался: «Послал ли ты телеграмму в Джаяпур?» И после этого вошёл в *самадхи*. Телеграмму сразу же отправили.

На двития, второй день *кришна-накиш* (темной половины) месяца *ашвина* Баба внезапно заговорил. Он сказал Крипасиндху: «Смотри, смотри Прия (возлюбленная) и Приятама^[104] (Радха и Кришна) пришли».

«Прия и Приятама одни или вместе с Ними Ваша *манджари-сварупа*^[105]?» — спросил Крипасиндху.

Баба ответил: «Моя *манджари-сварупа* с Ними».

На *чатуртхи*, четвёртый день месяца, Баба попросил Крипасиндху приготовить для него постель из Враджа-раджа (святой пыли Враджа). Все были потрясены, услышав это.

Постель приготовили, и Баба лёг на неё. В этот момент появились Кушала Сингх и Хари Сингх. Кушала Сингх привёз с собой *прасади-мала* (гирлянду) от Говиндаджи. Он одел гирлянду на шею Бабе, и тот сразу же оставил тело.

Говиндаджи пришёл в форме *малы* и забрал Пандита Бабу.

Шри Манохара Дас Бабаджи

Манохара Даса Бабаджи раньше звали Махендра. Он родился в 1847-м году в деревне Мадхава-пура в районе Надия. Его мать Пьяри-сундари умерла, когда ему исполнилось шесть лет, а отец Шри Бхоланатха Адхикари скончался в день тринадцатилетия сына. После смерти отца он принял *дикша-мантру* от Нандакишора Госвами, потомка Шри Адвайтачарьи.

Махендра любил учиться с самого детства. Он завершил начальное образование в *толе* (школе) в Мадхавапуре. После инициации юноша пришёл в Навадвипу, чтобы изучать грамматику санскрита, *аланкару*, философию *ньяя* и *даршану* сперва у Випиначандры Бхаттачарьи, а затем у Кришначандры Смритиратны.

Махендра принял *веш* у Шри Сварупа Даса Бабаджи из Бана Акхана в Навадвипе. После *веш* ему дали имя Манохара Дас. Во время проживания в Навадвипе Манохаре Дасу выпала большая удача наслаждаться в обществе *сиддха* Шри Чайтаньи Даса Бабы, Пандита Нароттама Даса Бабаджи Махараджа из Бана Акхана и *сиддха* Бхагавана Даса Бабаджи из Калны.

В 1881-м он пришёл во Вриндаван, где пять лет изучал *бхакти-шастры* у Гопилала Госвами Прабху из храма Шри Радхараман и с пользой проводил время в компании *сиддха* махатм, таких, как Баларама Дас Бабаджи из Джанумандалы, Джагадиша Дас Бабаджи из Калиядаха и Ниятянанда Дас Бабаджи из Маданамохан Тхора. Затем молодой Баба практиковал *бхаджан* на Кусум-сароваре, в Камьяване и Нандаграме. В 1893-м году он услышал во сне, как кто-то сказал ему идти жить у подножью Гирираджа на Говиндакунде. С тех пор Баба стал жить в *кутире* под *баньяновым* деревом в саду на Говиндакунде. В то время *сиддха* Шри Рамакришна Дас Пандит Бабаджи жил в Пучхари, на расстоянии около одной с половиной мили от Говиндакунды. Когда он ходил в деревню Анийор, то часто навещал Манохара Даса на Говиндакунде и наслаждался с ним беседами на различные темы, связанные с *лилами* Радха-Кришны. В 1915-м году Манохара Дас Баба соорудил пещеру на Говиндакунде и совершал в ней *бхаджан* в течение всего дня, только вечером выходя за *мадхукари*.

Он всё время был занят в *лила-смаранам* и *нама-джане*. *Джана* и *смаранам* продолжались даже ночью. Баба очень мало спал, возможно, всего лишь один или два часа. Он повторял *Харинаму* не меньше семи *лакхов* в день. Его едой были только *роту* (пресные лепёшки) и суп из горьких листьев дерева ним. Позднее он перестал есть лепёшки и пил каждый день только немного молока. Отшельник избегал общества людей и почти не разговаривал. Его украшением было безграничное смирение. Он кланялся всем без разбора, никогда не позволял кому-либо прикасаться к своим стопам и в разговоре всегда представлял себя в дурном свете.

Его концентрация в *бхаджане* была настолько сильна, что он почти не осознавал своё тело. Садху на Говардхане использовали москитные сетки, чтобы защититься от комаров, но когда они стали настаивать в том, чтобы и Баба пользовался сеткой, тот резюмировал: «Москиты не приносят нам никакого вреда. Они только помогают нам делать *бхаджан* тем, что не дают спать».

Как-то зимой во Врадже было так холодно, что температура опустилась ниже нуля. Баба имел только *кантху* (одеяло из обрезков разных тканей), чтобы укрываться. Ночью его тело замёрзло и стало мешать делать *бхаджан*. Разозлившись на него, он выбежал и нырнул в ледяную воду Говиндакунды. Навадвипа Дас Баба, кто жил с ним рядом, спросил его на следующий день, зачем он купался в озере ночью. Баба ответил: «Моё тело стало требовать больше одежды, и я приучал его к дисциплине».

Навадвипа Дас Баба посоветовал: «В сильные холода необходимо укрываться шерстяным одеялом».

«*Вайраги*, кто отрёкся от мира, не пользуется дорогими вещами», — парировал Баба.

Искренняя и непоколебимая привязанность Бабы к *бхаджану* и полное безразличие к телу стали общеизвестны. Поэтому не удивительно, что милость Радха-Кришны снизошла на Бабу, сделав его *сидхой*. У него обычно было непосредственное восприятие Кришна-лилы. Он написал книгу, обсуждающую развлечения Кришны, называемую «Вайдагдхи-виласа» и книгу «Намаратна-мала» о *Харинаме*.

Однажды один вайшнав спросил его, как избавиться от трудностей и препятствий в *бхаджане*. Баба ответил: «Преданный

должен быть непоколебим в *бхаджане*. Для человека, который непреклонно практикует *бхаджан* и, вкладывая в него свою душу и сердце, считает его дороже жизни, препятствия превращаются в иллюзию, подобную рогам зайца. Сам Господь мостит для него дорогу *бхаджана*. Но это не случается в один день; необходимы два качества: упорство и терпение».

Манохара Дас Баба обычно говорил, что *бхаджан* невозможен без полного предания стопам Господа и всецелой зависимости от него. Только в состоянии абсолютной зависимости от Господа, человек может наслаждаться спокойствием ума, которое необходимо для *бхаджана*. Ум, обеспокоенный различными видами мирских тревог, не годится для *бхаджана*.

Он давал определение *бхаджану*, как состоянию, в котором ум постоянно поглощён медитацией на Господа и восстаёт на посторонние мысли, как на врагов.

Шри Мадхава Дас Бабаджи

Шри Мадхава Дас Баба появился на свет в 1851-м году в деревне Баргхарья, находящейся недалеко от слияния рек Махананды и Падмы в Бенгалии. Будучи ещё ребёнком, он потерял отца. Поэтому его образование осталось незавершённым. Он умел только читать и писать, когда стал тратить большую часть своего времени на изучение литературы о *бхакти*, на *киртаны* и *садху-сангу* (общение со святыми). В возрасте двадцати семи лет он отрёкся от мира и пришёл во Вриндаван. Он принял инициацию у Шри Парамананды Прабхупады из Шрингаравата и стал практиковать *бхаджан*.

После некоторого времени он получил разрешение у гуру заниматься *бхаджаном* в каком-нибудь уединённом и спокойном месте. Он ушёл в Санкетават и стал жить там вместе со Шри Джагадананда Дасом, учеником сидха Нитьянанда Бабы из Вриндавана. Мадхава извлёк большую пользу из общения с Джагаданандой Дасом, кто был идеальным *садхакой*. Они оба ходили вечером за *мадхукари* по одиночке, но, вернувшись, ели вместе.

Однажды Мадхаве Дасу дали *батермилк*^[106]. Когда они сели есть, он выразил желание: «Было бы намного вкуснее, если немного подсолить *батермилк*. Давай я схожу и попрошу соли». Джагадананда Дас предостерёг: «Мадхава, не потакай каждому соблазну. Всегда остерегайся своего ума! По самой своей природе он своенравный. Нет конца его стремлениям и запросам. Сегодня он захотел соли, завтра — патоки, затем — сладости и ещё что-нибудь. Твой *бхаджан* будет испорчен». Мадхава Дас послушался его совета. Он научился довольствоваться тем, что собирал в домах *враджабаси*.

Как-то в одной деревне был фестиваль, и Мадхава Дас пошёл туда на пир. Когда он вернулся, Джагадананда спросил: «Как далеко отсюда эта деревня?»

«Четыре мили», — ответил Мадхава.

«Сколько ты съел *малпури*!»

«Восемь».

«Как ты себя сейчас чувствуешь?»

«Я чувствую усталость и сонливость».

«Тогда почему бы тебе не устроиться жить в той деревне, куда пришлось добираться, преодолевая расстояние в четыре мили, просто чтобы съесть восемь *малпури*! Или не переселиться во Вриндаван, где часто проводятся пиры и фестивали, и нет нужды ходить в такую даль, чтобы поесть *качори*^[107] и *малпури*?»

Выговор Джагадананады Даса принёс желаемый результат: Мадхава перестал ходить на пиры. После некоторого времени Джагаданада ушёл на Варшану и поселился на берегу Бханукунды. Мадхава опять составил ему компанию. В период пребывания на Варшане, у него появился удобный случай воспользоваться *сатсангой* Пандита Рамакришна Даса Бабы и Шри Харичарана Даса Бабаджи.

Из Варшаны Мадхава переселился в Камьяван. Он прожил там много лет на берегу Бималакунды неподалёку от места, где раньше совершал *бхаджан* сидха Джая кришна Дас Бабаджи. Целенаправленное прикладывание усилий в *бхаджане* в течение нескольких лет очистило ум. Тонкие загрязнения от всех материальных привязанностей и желаний были удалены. Оставалось только одно желание — получить *даршан* Радхи и Кришны. Желание было таким могущественным, что Мадхаве стало невозможно жить, не удовлетворив его. Однажды он действительно захотел покончить с собой. Он сказал сам себе: «Я так долго делал *бхаджан*, но два сокровища моего сердца, на которые я постоянно медитирую, так и не появились передо мной даже во сне. Даже Радха — воплощённое милосердие — не сжалилась надо мной». «Но, — он продолжал вслух, — данный недостаток нельзя отнести на Её счёт. Это моя погрешность. Моё сердце наполнено лицемерием, и поэтому мой *бхаджан* лишён чистосердечности. На самом деле я не достоин Их *даршана*. Тогда зачем мне тянуть бесполезное бремя жизни? Зачем я собираю *мадхукари* и страдаю без необходимости, держа вместе тело и душу? Пусть это тело умрёт». В этот день он не пошёл за *мадхукари*. Огонь сокрушения и самобичевания полыхал в его сердце. Мадхава повалился на пол и стал рыдать.

Тогда вдруг молодая девушка из семьи брахмана появилась у его двери и позвала: «Баба! О, Баба!» Он открыл дверь и увидел девушку с подносом, наполненным *пури*^[108], *качори*, *кхира* и другими вкусными приготовлениями. Она объявила: «Баба, Вы не пришли сегодня за *мадхукари*. Моя мама послала Вам это. Вы должны поесть».

Баба узнал девушку. Её приход с едой в то время, когда он решил не ходить за *мадхукари* и вообще больше ничего не есть, навёл его на мысль, что это забота Радхарани, которая побудила мать девушки послать ему поесть. В него снова вселилась вера в то, что рано или поздно Радхарани благословит его своим *даршаном*, и он принял подношение.

Враджабаси расценивают что-либо, предложенное им *садху* из его *мадхукари*, как священное и с удовольствием едят. Поэтому Мадхава сказал девушке взять что-нибудь из вкусностей, которые она принесла. Но она ответила: «Нет, Баба, сегодня мои соседи угостили меня разными вкусными блюдами, и я просто объелась. Я не могу ничего больше съесть».

Посланница ушла. Баба сел обедать и поразился неземному аромату и вкусу всех отведанных блюд, которые к тому же вызвали в его теле *саттвика-бхавы*. Хозяйка дома, где жила девушка, давала ему много раз *мадхукари*, но он никогда не испытывал такого вида ощущений.

Баба также стал припоминать, что он раньше не видел божественного сияния, исходящего от лица знакомой девушки, которое несказанно украшало её, стоящую у его двери и что он никогда не замечал, чтобы она так нежно глядела на него или говорила с ним таким завораживающим голосом. Была ли это его знакомая, или это сама Радхарани, принявшая её наружность? От этих раздумий на его коже высыпали мурашки, а на глазах навернулись слёзы. Он немедленно отправился в дом девушки. Её мать в это время доила корову во дворе. Она сказала: «Баба, ты сегодня поздно. Подожди немного, я дам тебе *мадхукари*».

«Ма! Разве ты уже не посылала мне полный поднос *пури*, *качори* и *кхира*, через свою *лали* (дочку)?»

«Что? — спросила хозяйка, — кто-то другой, должно быть, послал тебе это угощение. Моя дочь с самого утра сидит дома».

«Нет, ма, ты можешь сама спросить у неё. Это точно была твоя дочь, которая пришла и принесла мне поднос».

Мать тут же позвала дочку и поинтересовалась: «Послушай, *лали*, что утверждает Баба. Он клянется: «*Лали* только что была у меня и накормила роскошным обедом»». Хозяйке удалось передать интонацию голоса Бабы, и они обе рассмеялись. Её дочь пролепетала

сквозь смех: «Баба, Вам наверно приснился сон. Помните, Вы действительно бодрствовали или, может, дремали, когда видели меня у себя в хижине?»

Баба был доволен, поскольку догадка подтвердилась: сама Радхарани разыграла его. Но, для того чтобы скрыть это, он согласился: «Да, *лали*, ты права. Я конечно задремал днём. Я даже не знаю, что на меня нашло». И он вернулся в свой *кутир*.

Баба был счастлив тем, что Радхарани всё таки дала ему свой *дарилан*, но в то же время сожалел, поскольку Она пришла в облике обычной девушки. За это он проклинал себя, ибо думал, что ещё не заслужил увидеть Радхарани в Её настоящем облике.

Говорится, что *бхакти* — мать смирения. Мадхава Дас был таким смиренным, что считал себя самым падшим и даже неприкасаемым. Поэтому он никогда не принимал приглашения на *бхандару* или пир. Но, когда была *бхандара* в Шрингаравате, в месте где жил его гуру, он обязан был присутствовать. Гуру знал, что он не сядет вкушать *прасад* в *пангату* (ряд) вайшнавов. Поэтому несмотря на возмущение вайтпнавов он разрешал ему сидеть в одном ряду с людьми из низких каст и попрошайками.

Смирение Мадхава Даса и его преданность служению вайшнавам заставило всех вайшнавов Враджа полюбить его. Они предложили ему занять место *маханты* (руководителя) *ашрама* сидха Джаякришна Бабаджи в Камьяване. Он не мог отказаться от обязанностей, возложенных на него вайшнавами и поэтому согласился стать *махантой* на короткий срок, после чего опять стал свободно скитаться по Враджу. Скиталец долгое время жил во Вриндаване, иногда в *самадхистхане* (место захоронения) Гопала Бхатта Госвами, а иногда в Лотана-кундже или Джханумандале. Во время проживания в Джханумандале он задумался об одном всеобщем поверье. Оно утверждало, что Санатана Госвами, кто был специально уполномочен Шри Чайтаньей Махапрабху смотреть за нуждами вайшнавов, отрёкшихся от мира и пришедших во Врадж совершать *бхаджан*, даже и сейчас заботится о вайшнавах, не позволяя никому оставаться голодным. Для того, чтобы проверить эти толки, Мадхава Дас в этот день решил не ходить собирать *мадхукари* и поесть только в том случае, если кто-нибудь сам предложит ему еду. Позже, проходя мимо *самадхи* Гопала Бхатта Госвами, он увидел Мадхура Даса Бабу,

служителя *самадхи*, который стоял возле входа и ждал его. Увидев Мадхаву Даса, тот спросил: «Баба, ты не собираешься идти за *мадхукари*? Не ходи сегодня. Зайди к нам. *Бхога* для Тхакура уже готова. Мне не здоровится — большая температура. Будь добр, предложи обед Тхакуру и Гопалу Бхатта Госвами, а затем поешь сам». Мадхава Дас поступил согласно этим указаниям. Его сердце наполнилось благодарностью к Санатане Госвами, чьё милосердие он сейчас полностью осознал.

В 1892-м году во Вриндаван прибыл Радхиканатха Госвами. Мадхава Дас почувствовал сильную симпатию к нему по причине его вдохновляющей *Хари-катхи*. А Радхиканатхе Госвами в свою очередь понравился Мадхава Дас из-за его *бхава-бхакти* и способности понимать и наслаждаться изысканностью *расы*. Они становились всё ближе и ближе до тех пор, пока им стало невозможно жить друг без друга. Каждый день они были так поглощены бесконечными разговорами о Кришне и его развлечениях, что не осознавали время и место, не чувствовали голод и желание спать.

В 1894-м году Раджарши Ванамали Раябахадур, землевладелец в Танасе, приехал во Вриндаван. Ему понравились оба: Радхиканатха Госвами и Мадхава Дас, и он присоединился к их компании. У него был роскошный дом на Радхакунде, где он жил во время своих приездов, но он построил ещё один во Вриндаване, который стоит до сих пор под названием храм Танаса. Он стал жить в этом новом доме, чтобы всегда иметь общение с Мадхавой Дасом Бабаджи. Мадхава Баба так повлиял на Шри Кришнананду, *саньяси* из Шанкара *сампрадаи*, что тот начал считать его своим гуру. По совету Бабы он принял *дикшу* у Пранагопала Госвами, стал известным вайшнавом Чайтанья *сампрадаи*, и у него было много последователей.

Ещё около девятнадцати лет, приблизивших его к концу жизни, Мадхава Баба прожил в *ашраме* Гопала Чханидар, расположенном в Гопинатха Бхаге. В этот период лекции, *киртаны* и вайшнава *сева* были характерной чертой данного *ашрама*. Шри Рагхунандана Прасада Сингх, раджа Мунгхера, обычно финансировал их. Однажды Мадхава Баба попросил его: «Когда я умру, вайшnavы будут просить у тебя деньги, чтобы устроить *утсаву* (празднование с пиром). Не давай им ничего. Лучше дай сейчас, сколько сможешь, чтобы я мог потратить

их на лекции и *киртаны*». Это вдохновило раджу жертвовать более свободно.

В 1933-м году Мадхава Дас Бабаджи оставил тело, войдя в трансцендентный Вриндаван во время *киртана*, исполняемого известным *киртанией* Шри Ганешой и его группой в присутствии Пранагопала Госвами и других знаменитых вайшнавов.

Шри Джаганнатха Дас Бабаджи

В Варшане, на берегу озера Бханукунда, жил Баба, кто в раннем возрасте оставил Вардхаману, его родное место жительства и пришёл жить на Варшану, чтобы заниматься медитацией, надеясь увидеть Радхарани. Его звали Джаганнатха Дас Бабаджи.

Баба поддерживал своё тело только несколькими кусками лепёшек, которые собирал в домах *враджабаси*, но в его *кутире* можно было увидеть большое количество глиняных горшков, наполненных рисом, пшеницей, горохом и другим зерном и много маленьких банок, содержащих *амалаки*, *харитаки*, *бахеру* и другие лекарственные сушёные плоды и растения. Но это всё предназначалось не для него, а для *садху* и *враджабаси*, которые приходили к нему во время трудностей. Баба также порой готовил для них еду.

Однажды на Варшане свирепствовал сильный голод. Плач и молитвы о милости наполнили воздух деревни. В связи с этим Баба не решался пойти собирать *мадхукари*. Он уже раздал все продукты, хранившиеся у него, другим *садху*, которые были наиболее подвержены голоду. Для него было невозможным уйти в другое место, потому что от одной мысли покинуть Варшану, у него начинало ныть сердце и из глаз текли слёзы. Он не знал, что ему делать. Так, без единой крошки еды, проходил день за днём, и, в конце концов, Баба решил оставить Варшану.

Когда, собрав в сумки своё имущество, Баба уже вышел из своей хижины, молодая местная девушка, которую он хорошо знал, пришла к нему и спросила: «Баба, куда Вы уходите?»

«Куда-нибудь», — ответил Баба со слезами на глазах.

«Но почему?»

«Почему? В твоей деревне стало невозможно собирать *мадхукари*, потому что *враджабаси* самим не хватает продуктов. А как я могу жить без *мадхукари*?»

«О чём Вы говорите, Баба? Невозможно собирать *мадхукари*! Моя мама каждый день оставляет для Вас *мадхукари*. Почему Вы не приходите? Даже сегодня у неё для Вас кое-что припасено на кухне. Идите и возьмите. И не вздумайте уходить отсюда».

Баба был очень голодный. Он подумал, что если мать девушки уже припасла для него *мадхукари*, было бы неплохо сначала поесть, прежде чем покинуть это место. Вернувшись в *кутир* и, бросив свою поклажу на пол, он направился к дому девушки.

Её отец, едва увидев его, быстро заговорил: «Баба, ты пришёл очень поздно. Мы уже всё съели. Почему ты не пришёл пораньше?»

«Но я пришёл по приглашению твоей *лали*, которая сказала мне, что её мать оставила для меня *мадхукари* на кухне».

«Моя *лали*? — удивился *враджабаси*, — её нет дома. Она давно ушла к свёкру. Ты, наверно, обознался, приняв за мою дочь какую-то другую девушку».

«Нет, нет. Это была она, я уверен».

Враджабаси заулыбался, но всё-таки обратился к своей жене со словами: «Посмотри, нет ли на кухне чего-нибудь дать Бабе. Он должно быть очень голоден».

Жена ушла на кухню. Едва открыв дверь, она вдруг закричала: «О, боже мой, это просто чудо. Я не знаю, кто принёс сюда поднос, наполненный *роти*, рисом, *далам* и *сабджи*!»

Враджабаси обомлел. Но внезапно в его уме пронеслись мысли: «Это, наверно, сама Радхарани приходила приглашать Бабу под видом моей дочери и оставила для него в нашей кухне *прасад*. Кто бы это ещё мог быть?»

Баба подумал то же самое. Он был так переполнен *бхавой*, что из его глаз полились слёзы, а сердце затрепетало от огромного чувства благодарности к Радхарани, утонув в глубинах океана Её милости.

Хозяйка дома отдала Бабе всё, что Радхарани для него принесла. Баба обычно собирал в качестве *мадхукари* только *роти*. Но на этот раз он также взял рис, *дал* и другие блюда, потому что их ему преподнесла Радхарани.

Когда Баба уходил, оба, муж и жена попросили его: «Баба, приходи каждый день за *мадхукари*». Бабе припомнились слова Кришны из «Бхагавад Гиты», что он сам заботится о своих преданных и история об одном преданном *брахмане*, сомневавшемся в их истинности. История была следующая: В Джаяннатха Пури жил благочестивый *брахман* с женой. Он поддерживал семью на подаяние, но был очень религиозен. Он любил «Бхагавад Гиту» и проводил всё

свое время за чтением и медитацией на её стихи. Как-то раз он размышлял над следующей *шлокой*:

*ананьяшчинтаяанто мам е джанах парьюпасате
тешам нитьябхияюктанам йогакшемам вахамьяхам*

(Бх. Гита 9. 22)

«Для тех, кто с исключительной преданностью постоянно поклоняется мне и никому больше, я сам беру ответственность за удовлетворение всех их потребностей (включая желание освобождения или достижения моих стоп) и защищаю от всех бед».

Он думал, что составное слово *вахамьяхам*, которое означает: «Я сам беру ответственность за удовлетворение их потребностей», было неуместным. Здесь должно быть употреблено другое сложное слово *каромьяхам*, что значит: «Я организую удовлетворение их потребностей или делаю это через других». «Почему Кришна, кто контролирует и повелевает вселенной, и чьим приказам подчиняются Брахма, Шива и Вишну и все остальные боги и богини, должен нести это бремя на своих плечах?» Итак он соскрёб *вахамьяхам* и написал *каромьяхам*. Через некоторое время на город обрушился сильный ливень, и *брахман пандит* не смог в этот день пойти просить подаяние. Он и его жена должны были остаться без еды. На следующий день, когда ливень прекратился, *пандит* вышел из дома. Спустя немного времени, к нему в дом пришёл очень красивый мальчик с полной корзиной продуктов и ссадиной на лбу, из которой сочилась кровь и сказал его жене: «Ма, *пандит джи* послал этот *прасад*». Жена *пандита* была очарована, увидев прекрасное лицо мальчика и услышав его сладкий голос, но почувствовала боль в сердце от вида крови, стекающей со лба. Она спросила: «Моё дитя, кто поцарапал твоё лицо?»

«Пандит джи», — ответил мальчик.

«Пандит джи?! Какой пандит джи?»

«Твой муж».

«Мой муж?! Он такой простой и добросердечный. Почему же он нанёс ссадину такому красивому мальчику, как ты».

«Я говорю тебе правду, ма. Это был твой муж, который повредил мой лоб острым концом дротика.

«Но почему?»

«Он один знает почему».

Мальчик поставил корзину перед женщиной и исчез. Она была ужасно поражена, увидев, как он испарился на её глазах.

Когда брахман вернулся, его жена в подробностях пересказала ему всё случившееся голосом, проникнутым одновременно удивлением, горем и возмущением. Бедный пандит утратил возможность соображать. Его горю и сожалениям не было конца. Поскольку ему не потребовалось много времени, чтобы понять, кем был красивый мальчик. Его осенило, что Гита — словесное воплощение Кришны, и что он, соскребя в ней одно слово и исправив его на другое, в действительности, поранил своим пером тело Кришны. К тому же Кришна сам принёс продукты в его дом, доказав этим буквальность утверждения, что он сам несёт ответственность за исполнение желаний своих преданных. Сердце брахмана так заняло от угрызнений совести из-за своей вины, что он упал на землю без чувств.

Когда Джаганнатха Дас Бабаджи вспомнил эту историю, он сказал сам себе: «Если Кришна так милостив к своим преданным, то как может Радхарани отставать от Него? Она ведь более милостивая».

Автор книги «Гаудия Вайшнава Дживана» написал еще более пятидесяти лет назад, что даже в то время, по милости Радхарани, Банакханди (потомки семьи *враджабаси*, которая раньше давала *мадхукари* Джаганнатхе Дасу Бабе) были самыми счастливыми и богатыми людьми на Варшане.

Шри Пранакришна Дас Бабаджи

Пранакришна Дас Бабаджи родился в 1802-м году в деревне Багнапана Вардхаманского района в Восточной Бенгалии. Он принял инициацию у Ядунанданы Прабху из Багнапаны, Госвами в *парампаре* от Джахнави Ма, но долгое время практиковал *бхаджан* под присмотром сидха Бхагавана Даса Бабаджи из Калны. После чего он пришёл во Вриндаван и поселился в Калиядахе, неподалёку от кутира сидха Джагадиша Даса Бабаджи.

Он очень внимательно прочитал две шлоки из «Шримад Бхагаватам» (9. 12. 1–2), в которых Кришна говорит Удхаве: «О, Удхава! Йога, *джнана*, *дхарма*, изучение Вед, аскезы, отречение, жертвоприношение, деятельность на благо общества, такая, как рытьё колодцев, прудов и т. п., посты, паломничество, самообладание и соблюдение правил и предписаний, — всё это не может привлечь меня. Но я легко покоряюсь посредством *сатсанги*, которая искореняет все мирские привязанности».

Теперь он был убеждён в важности и абсолютной необходимости *сатсанги*. Он знал, что Бога можно достичь только с помощью любви к Богу, а любовь к Богу можно обрести только по милости *махануруш*, которые уже обрели милость Бога.

*мукхьяатасту махаткрипаяйва бхагават
крипалешабдва*

(Нарада-Бхактисутра 38)

Поэтому Пранакришна Дас Бабаджи воспринял служение *маханурушам* как основное средство для достижения божественной любви. На его удачу рядом с ним в Калиядахе жили два великих святых, на кого снизошла милость Господа: Шри Джагадиша Дас Бабаджи и Шри Даяла Дас Бабаджи. И он начал от всей души служить им. Они оба — сидха махатмы — обычно находились погружёнными в божественные *лилы*, почти не осознавая свои тела и их потребности. Пранакришна Дас Баба заботливо присматривал за ними. Он готовил для них и иногда даже кормил из собственных рук, делал массаж и

выполнял все виды служения, которые многие считают недостойными. Кроме того, при смене настроений этих махатм он служил им, воспевая *шлоки* в соответствии с их *бхавой*.

Через служение этим святым, которые были сидхи в *манаса-сее* Радха-Кришне, Пранакришна Дас Баба также достиг совершенства в ментальном служении. В *манаса-сее* он принял подметание *никунджи* Радха-Кришны как своё основное служение. Во время занятия этим служением Баба, казалось, внешне подметал в Калиядахе, но внутренне, в своём *сидха-дехе* или духовном теле как *гопи* (постушка) Враджа, он подметал *никунджу*. В своём *сидха-дехе* он не только наблюдал, но также участвовал в играх Радхи и Кришны.

Шри Рупамадхури джи, сидха махатма Шука *сампрадайи* и современник Пранакришна Даса Бабы, написал в его честь поэму на *Враджа-бхаша* (язык *враджабаси*), в которой сказано: «Бабе сто четыре года. Он заключил Радха-Кришну в плен внутри своего сердца. Его слова исключительно приятные и воодушевляющие». (Рупамадхури Джи Ки Вани 3-19).

Причиной, почему его слова были так сладки и вдохновенны, являлось то, что они изливались из сердца, в котором поселились Радха и Кришна, два воплощения трансцендентной сладости и блаженства. Радха и Кришна привлеклись Бабой, потому что Им нравилось слушать беседы о Себе, а он всегда только и делал, что думал и говорил о Них. В «Шримад Бхагаватам» говорится:

*шринватах шрадхая нитьям гринаташча свачештитам
калена натидиргхена бхагаван вишате хриди*

«Тем, кто всегда с верой рассказывает или слушает Кришна-катху, Шри Бхагаван быстро входит в его сердце».

(«Шримад Бхагаватам», 2.8.4)

Пранакришна Баба не был образован. Он едва мог читать и писать. И всё же он выучил наизусть «Говинда Лиламриту», книгу, написанную Кришнадасом Кавираджем, описывающую *аштакалья-лилу* Кришны и медитировал на Кришна-лилу в соответствии с этим описанием. Баба дожил до преклонных лет, постоянно медитируя и беседуя о Кришна-лиле, и всё же его неукротимое желание думать и

говорить о ней не уменьшалось, а росло день ото дня. Он непросто размышлял и беседовал о *лилах*, но постоянно созерцал их, при этом иногда смеялся, а иногда плакал. Даже ночью, когда предполагалось, что Баба спит, на самом деле, он участвовал в Кришна-лиле, и можно было слышать раздающийся внутри его *кумира* смех, рыдания или разговоры.

Когда нектар Кришна-лилы, до краёв наполнив чашу его сердца, начинал переливаться, Баба страстно стремился поделиться им с кем-нибудь, передав в беседе эту сладость. Если Баба не находил желающих испробовать нектар Кришна-катхи, тогда, в порыве своей пылкости, он шёл на *парикрама марг* (дорогу вокруг) Вриндавана и садился вместе с попрошайками. В то время, как нищие выпрашивали что-нибудь у пилигримов, обходящих Вриндаван, он настойчиво просил тех взять что-нибудь у него. В его руках был *прасад*. Паломники не могли отказаться от милости Кришны. Когда они подходили ближе и протягивали руки, чтобы получить *прасад*, Баба обращал на них любезный и влажный от слёз взгляд и говорил с мольбой в голосе: «Не хотели бы вы послушать Кришна-катху? Кришна-катха подобна нектару». Его манера держаться, с которой он упрашивал, была так учтива и убедительна, что даже если люди и не имели интереса к Кришна-катхе, они не могли отказаться. Затем Баба так обворожительно описывал Кришна-лилу, что семя преданности Кришне не могло не зарониться в сердцах слушающих.

Евоорится, что в преданном, осознавшем Кришну, проявляются в идеальной форме все благородные качества, такие, как смирение, доброта, снисходительность и отречение. В случае с Джагадиша Дасом Бабаджи и Пранаكريшна Дасом Бабаджи, это можно прекрасно проиллюстрировать посредством одного эпизода, относящегося к ним обоим.

Люди, которые приходили к Джагадиша Дасу Бабе, обычно приносили ему подарки. Но он даже не прикасался к ним. Баба попросил Пранаكريшна Даса убирать их и использовать по мере необходимости для служения Тхакуру и вайшнавам. Как-то раз один посетитель предложил ему десять рупий вместе с *лотой* (маленьким горшком для воды) и *балати* (ведром). Пранаكريшна Баба убрал подарки. Жадный Джатадхари Баба (Баба со свалывшимися волосами), который жил по соседству, сказал Джагадиша Дасу Бабе: «Отдай их

мне». Баба с готовностью пообещал отдать. Он хотел попросить Пранакришна Даса исполнить просьбу соседа, но забыл. Джатадхари Бабу обуял гнев. После двух или трёх дней он бросил кусок кирпича в направлении Джагадиша Даса Бабы. Кирпич не попал в него, но напомнил об обещании. Немедленно он позвал Пранакришна Даса и сказал: «Я совершил оскорбление Джатадхари Бабе. Я пообещал отдать ему горшок, ведро и деньги, которые мне подарили на днях, но забыл. Он милостиво напомнил, бросив в мою сторону обломок кирпича. Мы должны отдать ему эти вещи и деньги».

«Да, это необходимо сделать, — согласился Пранакришна Дас, — мы должны также попросить его забирать всё, что гости предлагают нам, расценивая эти подношения как свою собственность. Если Джатадхари Баба согласится, мы будем очень благодарны ему, поскольку, поступая таким образом, он защитит нас от *майи*».

Джагадиша Дас Баба был очень счастлив услышать это предложение. На следующий день он пригласил злого Бабу к себе в *кутир* на *прасад*. Тот пришёл. После приветствия и поклона его усадили для принятия *прасада*. Ему поднесли *сандеш*, *расагулы*, *рабри* и другие деликатесы. В то время, как Джагадиша Дас Бабаджи обслуживал его, Пранакришна Дас Баба омахивал гостя пальмовым листом.

В процессе служения Джагадиша Дас Баба обратился к нему со словами: «Махарадж! Я прошу прощения за то, что забыл передать обещанные мной *лоту*, *балати* и деньги. Я должен был отдать их в тот же день. Но Вы же знаете, насколько забывчив и небрежен я в своём поведении».

Как только Баба закончил говорить, Пранакришна Дас принёс упомянутые вещи и деньги и положил их перед гостем. Джагадиша Дас Баба добавил со сложенными в области сердца ладонями: «Махарадж, у меня к Вам есть одна просьба. Вы знаете, что мы подобны детям, хотя и стары, и относимся к Вам, как к своему отцу. Мы здесь живём и делаем *бхаджан* благодаря Вашей защите. Мы так слабы и глупы, что можем в любой момент попасть в сети *майи*. Но вы настолько могучи, что *майя* даже боится приблизиться к Вам. Вы держите *майю* в заточении в своей *камандале*^[109]. Поэтому оставьте Вашу *камандалу* здесь, чтобы наши посетители могли класть в неё

свои подношения. Таким образом, Вы поможете нам держать *майю* на безопасном расстоянии».

Джатадхари Баба молча выслушивал обращённые к нему слова. Под воздействием стыда его голова понурилась, и в сердце запылал огонь раскаянья. Его ответом были только пролившиеся слезы. Он ушёл в свой *кутир*, не прикоснувшись к деньгам и ведру с горшком. В эту ночь ему не удалось заснуть. Со следующего дня он стал действительно защищать Джагадиша Даса Бабаджи и Пранакришна Даса Бабаджи и также служить им.

Пранакришна Дасу Бабаджи было сто четыре года, когда Рупамадхури джи написал о нём упомянутую выше поэму. Даже в это время он был полон энергии, и его речь сильно привлекала и воодушевляла. Но он прожил, продолжая вдохновлять людей и наставлять их в *рагануга бхаджане* ещё тридцать два года. Пранакришна Дас Бабаджи оставил тело 1938-м году в возрасте 136-ти лет. Его *самадхи* находится рядом с *самадхи* Джагадиша Даса Бабаджи в Калиядахе.

Шри Манасингха Раджавата

Шри Манасингха Раджавата был старшим сыном Шри Савайсингха, землевладельца района Лорани в Джаяпурском царстве и занимающего площадь в размере двенадцать тысяч *бигхов* земли. Он родился в 1913-м году. Подрастая, он под воздействием способностей своего разума и сердца и вдохновлённый историей царства, начал писать стихи, прославляющие родную землю. Но Савайсингх был недоволен сыном, потому что, несмотря на все его хорошие качества, тот не развивался как *кшатрий* (воин). Ему не нравилось есть мясо и пить вино, и он отвергал все виды насилия. В *наваратру*^[110], празднование по случаю поклонения богине Дурге, проводившегося в доме отца, когда приносили в жертву животных, он обычно покидал это место, потому что не мог выносить вида крови невинных существ, проливаемой для удовлетворения богини.

Савайсингх хотел заинтересовать сына традиционными увлечениями *кшатриев*: стрельбой, верховой ездой, охотой. Но ни одно из этих занятий не подходило его темпераменту. Ему больше импонировали беседы на религиозные темы, общение с *садху*, изучение священных писаний и поклонение Божествам.

Отец подумал, возможно, женитьба отвлечёт сына от всей этой религиозности и сделает из него настоящего воина. Поэтому он женил его в семнадцать лет, что было раньше обычного. Хотя у него была прекрасная жена, которая родила ему сына, она не смогла отвлечь мужа от увлечения религией. Наоборот, семейная жизнь раздула огонь *вайрагьи*, который тлел в его сердце, высвечивая совершенную бессмысленность мирской жизни и связанных с нею наслаждений.

В «Шримад Бхагаватам» говорится: «Тот, кто предан Господу, вместилищу высшего блага, наслаждается в океане нектара. Он не может чувствовать влечения к материальным наслаждениям, ни в этом мире, ни в следующем, которые для него подобны мутной воде в грязной луже».

Манасингха был рождён с сильными *самскарами* преданности, и поэтому это было вполне естественно, что все материальные объекты и наслаждение казались ему загрязняющими сознание. Будучи

старшим сыном своего отца, он являлся законным наследником его собственности.

У него было всё, что только мог дать ему мир: могущество, богатство, здоровье, высокое происхождение, уважение, любовь родителей, прекрасные жена и сын. Но всё это представлялось ему, как наживка, подброшенная *майей*, соблазняющая и держащая его привязанным к материальному миру, чтобы он страдал всеми его несчастьями в устрашающем круговороте рождений и смертей. Его сердце тосковало по лотосным стопам Господа, которые одни могли дать ему вечный покой и счастье.

Он решил избавиться от парадного одеяния, предложенного ему *майей* и отправиться, не сворачивая, по пути, ведущему к желанной цели. Но он не знал, как это сделать. Ему обычно давали инструкции Шри Нараяна Свами, *садху*, приходивший к его матери и Шри Гопал Дасаджи, *садху* из Даду *сампрадайи*, к которому он сам часто ходил. Но они не могли ничем помочь. Он раньше слышал о Тхакуре Кушаласингхе, землевладельце Гиджагарха, кто в те времена был известен в Раджастане как самый продвинутый преданный среди *раджпутов*. Его дом находился в Джаяпуре. Итак Манасингха, никому ничего не сказав, приехал в Джаяпур и повстречался с Кушаласингхом. Представившись, он объяснил ему своё состояние ума и попросил руководства. Кушаласингх дал объяснение: «Причина, почему ты так обеспокоен и несчастлив, скрывается в неправильном выборе тобой *гьяна-марга* (пути знания), тогда как ты естественно склонен к *бхакти*.

"*Бхакти* — самый лучший и лёгкий путь осознания бога".

ануасмат саулабхьям бхактау

(*Нарада-Бхактисутра*, 58)

"*Бхакти-марг* также — самый верный путь к достижению

спокойствия, потому что сама его природа есть покой и высшее наслаждение".

шантирупатпараманандарупачча

(Нарада-Бхактисутра 60)

«Что я должен делать для достижения *бхакти*», — спросил его Манасингха.

«Центр *бхакти* — Вриндаван. Тебе необходимо идти туда».

«К кому мне нужно обратиться и у кого искать милости во Вриндаване?»

«Ты должен повстречаться с Пандитом Рамакришна Дасом Бабой, кто является *сиддха* святым. Он само олицетворение *бхакти*».

Манасингха, не теряя времени, тотчас отправился во Вриндаван. Достигнув Вриндавана, он остановился вместе с другими *садху* в Сахаджаханпура-Ки-Багичи, возле Дауджи-Ки-Багичи, где обычно жил Пандит Рамакришна Дас Бабаджи. По причине своего смирения он не смог набраться смелости пойти и повстречаться с ним лично. Он каждое утро стоял в месте, откуда было видно, как Пандит Баба выходит из своего *кутира* в туалет. Когда он проходил рядом, Манасингха кланялся ему. В ответ Баба кивал ему головой, но ничего не говорил. Он даже не поднимал глаз, чтобы посмотреть кто стоит перед ним. Так прошло три месяца. Но всё же как-то раз Пандит Баба из любопытства бросил на него взгляд и поинтересовался: «Кто ты такой?»

Манасингха представился. Баба спросил: «Почему ты здесь стоишь каждый день?»

«Чтобы получить Ваш *даршан*», — ответил Манасингха.

Баба больше ничего не сказал. Еще один месяц прошёл подобным же образом. Затем Баба спросил снова: «Где ты живёшь?»

«В Сахаджаханпура-Ки-Багичи», — ответил тот.

Баба посоветовал: «В четыре часа будет *катха* в Дауджи-Ки-Багичи. Ты можешь прийти и послушать».

Манасингха стал посещать лекции. Бабу впечатлила его преданность, серьёзность и энтузиазм. Однажды он сказал ему: «Почему бы тебе не пожить здесь в саду под каким-нибудь деревом?»

Для Манасингха, кто жил далеко в пасмурном унынии и одиночестве, сквозь облака засиял луч надежды. Его счастьем не было предела. Он даже не представлял, что Баба может проявить такую

милость к нему. Счастливец переселился в *ашрам* Пандита Бабы, найдя себе прибежище под деревом, увитым лианами.

В саду было очень много обезьян. Когда Манасингха под деревом пёк на огне лепёшки, хвостатые воришки обычно высматривали возможность внезапно наброситься и убежать вместе с ними. Иногда сам Пандит Баба приходил к нему под дерево с палкой и говорил: «Ты пеки свой хлеб, а я посмотрю за обезьянами». Для Манасингха это было уже слишком. Как он мог выносить бремя милости Бабы в таких размерах? Но ему было некуда деваться. Это походило на проглатывание пилюлей, которые были горьки но всё же приносили здоровье.

Родители Манасингхи очень переживали в связи с внезапным исчезновением сына. Они организовали обширные поиски. В конце концов, сыщики добрались до Вриндавана и обнаружили пропавшего. Родители пытались убедить сына вернуться домой. Но им пришлось уйти назад разочарованными и расстроенными.

Прожив в саду у Пандита Бабы восемь месяцев, Манасингха обратился к нему за *дикшей*. Баба посоветовал ему принять инициацию у Шри Мадхава Даса Бабаджи из Пучхари. Он поступил согласно его совету, но продолжал относиться к Пандиту Бабе, как к своему настоящему гуру, и практиковать *бхаджан* под его руководством. Баба взаимно относился к нему, как к своему ученику, проливая на него всю свою любовь и милость. Он не позволял кому бы там ни было даже прикасаться к своим стопам, но Манасингхе разрешал их массажировать.

Возможно, после *дикши* Манасингха принял *вехи* у Мадхава Даса Бабы. Хотя принц жил как вайшнав *саньяси*, никто не знает определённо, действительно ли он принял *веш*, и если да, то от кого. Он собирал еду подаянием и сам шил себе одежду из тряпок, выброшенных *враджабаси*. Для воды он использовал жестяную банку вместо *каравы*, потому что этот глиняный горшок, обычно используемый *садху*, в любой момент мог легко разбиться, и каждый раз, когда он ломался, нужно было прилагать определённые усилия, чтобы раздобыть новый. Враджабаси не знали его имени, полученного во время принятия *саньясы* и называли его Бхагата джи.

Родители и другие родственники, которые любили и уважали его, часто приезжали повидаться с ним. Когда они видели его в таком

состоянии, их горю не было границ. Контраст между его прежней жизнью принца в великолепном особняке и нынешним существованием в качестве отшельника был слишком велик для их чувствительных натур. Картину, изображающую Манасингха в одеянии принца с мечом в руке, можно увидеть и в наше время во Вриндаване в *ашраме* Бхагават Нивас в Раманрети, построенным Шри Крипасиндху Дасом Бабаджи, выдающимся учеником Пандита Бабы. Однажды кто-то спросил Крипасиндху Даса Бабу, зачем он повесил в своём *ашраме* эту картину Манасингхи, прямого наследника крупного землевладельца, вместо картин изображающих *садху*. Он ответил: «Люди поймут Манасингху лучше, если узнают, кем он был, прежде чем стать *садху*. Сколько людей, купающихся в богатстве и имеющих роскошные вещи, которыми многие мечтают владеть, отрекается, подобно ему, от мира, как от безделицы или западни, устроенной *майей!*»

Через некоторое время Панд и Баба оставил этот мир. Разлука с ним была невыносима для Манасингхи. Он плакал день и ночь и, как сумасшедший, бродил вокруг, восклицая: «О, Баба! О, Радхея! О, Баба! О, Радхея!» Его родители подумали, что он действительно сошёл с ума и силой увезли сына лечиться в Лорани. Манасингха, протестуя против насилия, перестал пить и есть. Но родители отнеслись к этому как к очередной фазе сумасшествия. Они оставляли в его комнате лучшие фрукты, сладости и другие деликатесы, чтобы соблазнить больного. Но он на них не глядел. В течение восемнадцати дней он не съел даже горсти еды и очень сильно ослабел. После чего пригрозил своим родителям: «Я не буду ничего есть, пока вы не отправите меня во Вриндаван».

Им пришлось отправить сына назад во Вриндаван. Но во Вриндаване они тщательно организовали его проживание в Дхираджа Лала Ки Багичи, дав корову и двух слуг, которые ему не нравились. Жить в Дхираджа Лала Ки Багичи Манасингхе также не понравилось от того, что там проживало много других *садху*. Он хотел находиться в уединении и поэтому переселился в Бихариджи-Ки-Багичи; слуги следовали за ним. Потом он перестал пить молоко и начал просить еду в *кшетре* (месте бесплатной раздачи пищи для нищих). Манасингха брал там каждый день только две *роты*.

В конце концов, для того чтобы полностью избавиться от общества людей, он, скрытно покинув *багичи*, прятался в неизвестном месте на протяжении шести месяцев. Слуги пытались его найти, но безуспешно. Он вернулся в Бихариджи-Ки-Багичи, когда его родственники, забрав корову, покинули это место. Через какое-то время они вернулись, чтобы увидеть его, и он попросил их откровенно:

«Вам нельзя теперь приходить ко мне. Сейчас у меня нет никаких родственных связей с вами. Ваши посещения беспокоят меня и мой *бхаджан*». Они послушались его и уехали.

В месяц *магха* родственники появились опять. На этот раз Манасингха попросил своего брата Мадана: «Не мог бы ты съездить в Матхуру?»

«Да, почему нет?» — ответил Мадана.

«Тогда поезжай и привези мне *бахирвасу*, *чадар* и *циновку*. Я хочу уйти к Пандиту Бабе. Но моя одежда, сшитая из тряпок, найденных в разных местах, считается грязной. Когда я пойду к нему моя одежда должна быть чистой. Кроме того, ты же знаешь, что приближается месяц *пхалгуна*, в который проводится фестиваль Холи. Мне нужны ароматное масло и *гулала* для Радхарани. Будь добр привези мне и их тоже».

Возможно, Манасингха получил послание от Пандита Бабы и готовился присоединиться к нему в вечном Вриндаване. Но его родственники подумали, что он хочет сходить в Бхагават Нивас, где находилось *самадхи* Бабы. Они были одновременно удивлены и обрадованы, потому что Манасингха в первый раз попросил их оказать ему служение. Это было признаком того, что его безумие начало проходить и он будет расположен всё больше и больше принимать от них помощь.

Мадана съездил в Матхуру и привёз вещи, заказанные братом. Манасингха попросил положить их в шкаф в его комнате. Затем он многократно настаивал, чтобы родственники вернулись домой. Они согласились уехать назад, но оставили своего слугу Рангила присматривать за ним.

Через два дня после их отъезда (это происходило 1945-м году) Манасингха пришёл утром на *даршан* в храм Радха-Валлабхи и

посмотрел *раса-лилу* в ашраме Уния Бабы, а затем, приняв омовение в Даванала-кунде, вернулся в *багичи*.

Прямо к этому моменту появился Рангила. Он спросил слугу: «Ты знаешь, где находится Бхагават Нивас?»

«Я не знаю. Но я могу узнать у кого-нибудь и сходить».

«Тогда сходи и скажи Крипасиндху Дасу Бабе, что Бхагатаджи попросил дать ему *прасад* от Пандита Бабы и его *кантхи*».

После того, как Рангила ушёл, Манасинха одел новую *бахирвасу* и лёг на циновку, накрывшись *чадром*.

Когда слуга вернулся, он был поражён, увидев Манасингху, лежащего на циновке со взглядом, устремлённым в определённом направлении, как будто тот с нетерпением ожидал появления кого-то, очень дорогого ему. Слёзы непрерывающимся потоком текли из его глаз, казалось он не мог вынести даже секундной задержки ожидаемой встречи. Флакон с ароматным маслом и упаковка *гулала*, стоявшие рядом, указывали на то, что он был готов провести обряд торжественной встречи.

Рангила сказал: «Радхея, Радхея! Я принёс *прасад*».

Манасингха протянул руку, не отводя глаз от направления, в котором они были зафиксированы. Рангила дал ему *прасад* и *кантхи*. Манасингха положил кусочек *прасада* себе в рот и одел *кантхи* на шею, по-прежнему не меняя положения взгляда.

Рангила побежал к Шри Чхаджураме, живущему в *багичи* и выпалил: «Идите и посмотрите, что творится с Бхагата джи! Если есть необходимость, вызывайте доктора».

Чхаджурама джи помчался глядеть на Манасингху. Но то, что он увидел не показалось ему ненормальным. Он отозвал Рангила в сторону и попросил: «Манасингха, кажется, медитирует. Ты не должен мешать ему. Посматривай за ним издали. Если будет необходимо, позови меня снова».

Чхаджурам джи ушёл. Рангила пошёл в *кутир* Манасингха. Подходя к *кутиру*, он услышал громкий возглас: «Джай хо!», как будто Манасингха приветствовал кого-то. В следующий момент, когда он вошёл внутрь, принца в комнате уже не было. Куда он ушёл? Он ушёл в своём сидхе *манджари дехе* (в духовном теле *манджари*) в духовный Вриндаван. Пандит Баба пришёл в своей сидхе *манджари*

сварупе и забрал его в *никунджу* служить Радхе и Кришне на празднике Холи с помощью ароматного масла и *гулалы*.

Раджарши Шри Ванамали Раджабахадур

Появившийся на свет в 1863-м году, Раджарши Ванамали Раджабахадур был землевладельцем поместья Танаса в районе Пабана в Восточной Бенгалии. Британское правительство удостоило его титулом раджа. Он унаследовал религиозные *самсары* от своих родителей. В то время, как он находился в животе своей матери, она с мужем, Шри Гангапрасадом Раем, пешком совершала паломничество в Пури. Через небольшой промежуток времени после рождения сына, родители дали согласие на его усыновление Раджой Ванавари Налом, правителем Танаса, а сами ушли совершать *бхаджан* во Вриндаван.

Ванавари Нал умер, когда Ванамали Налу исполнилось семнадцать лет. Бремя управления делами огромного поместья Танаса легло на его плечи. Как благородный землевладелец, заботящийся всем сердцем о благополучии своих подданных, он начал в своих владениях рыть колодцы, строить гостиницы, школы и больницы. Но его внутренняя жизнь изначально была жизнью *садхаки*. Он попал под влияние Брахма-дхарамы *сампрадайи* и практиковал *садхану* в соответствии с учением этого религиозного движения.

История его жизни в основном связана с историей семейного Божества Шри Радхавинодаджи. Изначально Радхавинодаджи был найден удивительным образом Шри Ванчхарамой, *адхикари* (управляющим) деревней Наваграма в имение Танаса. Ванчхарамаджи был очень преданным человеком. Каждый день перед совершением *сева-пуджи* он ходил принимать омовение на реку Каратоя в Наваграме. Как-то раз, купаясь, он услышал сладкий голос: «Возьми меня из реки в свой дом». Ванчхарамма огляделся вокруг, но не нашёл его источника.

После омовения он пошёл домой, но эти слова продолжали звенеть в его ушах. На следующий день, придя на реку, он опять услышал тот же самый голос, но не смог определить, откуда он исходит. На третий день, когда он, приняв омовение, выходил из реки, голос опять зазвучал и одновременно что-то пристало к его стопам. Вытащив это из воды, он в изумление воскликнул: «О, Боже!». Его

глазам предстало прекрасное *Мурти* Радхавинодаджи. Некоторое время он стоял, окаменевший от потрясения, затем обняв Божество, омыл его слезами из своих глаз. Его тело дрожало, покрывшись капельками пота и мурашками.

Только один Радхавинод знает, как долго Он лелеял желание быть обнятым своим преданным и омытым его слезами. Он даже не поколебался схватиться за его стопы ради исполнения этого желания! В этом нет ничего странного, ибо Он Бог любви. Господь любит своих преданных, а любовь слепа.

Ванчхарама принёс *Мурти* домой. После необходимых церемоний он стал служить Ему так хорошо, как только мог. Но Винодаджи, так Божество назвал Ванчхарама, был большой любитель роскоши. Его запросам не было конца. Он мог иногда попросить разных видов сладостей, а иногда какое-нибудь новое причудливое одеяние, ароматические масла или другие роскошные вещи и украшения. Когда Ванчхарама не мог исполнить Его требований, тогда Он или побуждал к этому кого-нибудь другого или Сам каким-то образом и непонятно откуда приносил понравившиеся вещи, даже если для этого Ему приходилось воровать или грабить.

Однажды Винодаджи захотел поесть *сабджи*, приготовленное из цветов горчицы. После захода солнца Он пошёл в крестьянское поле и стал собирать соцветия. Хозяин услышал, как кто-то расхищает его урожай, и закричал: «Кто здесь?» Винодаджи быстро завязал наворованное в угол своего *питамбара* (жёлтого *чадра*) и убежал. Ночью Он сказал Ванчхараме во сне: «Поскольку Я так долго не ел блюда, приготовленного из цветов горчицы, предложи его Мне сегодня». Ванчхарама не знал, где взять горчичных соцветий, поскольку ближайшие поля с горчицей находились на расстоянии не меньше двух миль. Он страшно переживал по этому поводу. Когда раздосадованный хозяин дома вошёл в храм, чтобы провести утреннюю службу, он с удивлением обнаружил цветы горчицы, украшающие оба уха Божества и к тому же несколько жменей цветов, завязанных в угол Его *чадра*. Он понял, что Винодаджи Сам откуда-то принёс цветы, чтобы у Его преданного не было трудностей, связанных с поисками горчичных полей. Затем Ванчхарама приготовил заказанное цветочное *сабджи* и предложил его Божеству.

Неизвестно, как Винодаджи пристрастился к курению хуки (кальяна). Возможно, преданный, служивший Ему раньше, имел привычку курить. Курильщик не был знаком с правилами ритуального поклонения и не знал, что следует и не следует предлагать Божеству. Перед курением кальяна он предлагал его от всего сердца Божеству, и Винодаджи не только принимал подношение, но и Сам наслаждался им, поскольку оно делалось с любовью.

Однажды Винодаджи попросил во сне одного богатого преданного подарить ему хуку. Преданный предложил Божеству кальян с длинной трубкой и серебряным мундштуком. Винодаджи стал курить кальян каждое утро и всякий вечер после *раджа-бхоги* (предложения основной еды). В это время некоторые удачливые преданные могли слышать бульканье кальяна.

Ванчхарама был очень гостеприимным. Для каждого, кто бы не приходил в его деревню, двери дома управляющего были всегда открыты. Если гости изъявляли желание остановиться на какое-то время, им оказывали хорошее служение. Как-то ночью, когда он и его жена уже спали, три гостя постучались в двери. Винодаджи не хотел, чтобы был потревожен сон Ванчхарамы. Поэтому Он сам подошёл к двери под видом его сына и принял гостей. Он сказал им: «Отец уже спит. Если вы хотите, я могу его разбудить, в другом случае сами приготовьте себе поесть. Я организую продукты и всё необходимое».

«Нет, мы не хотим беспокоить его сон. Мы лучше приготовим сами», — ответили гости. Винодаджи пришёл в магазин, где Ванчхарама обычно покупал продукты и обратился к продавцу: «Меня послал Ванчхарама взять кое-какие продукты за его счёт. Пожалуйста дайте мне их».

«Как я могу дать продукты мальчишке, которого не знаю? Я никогда не видел тебя и ничего не слышал о твоём существовании», — ответил продавец.

Тогда Винодаджи снял со своей руки золотой браслет и предложил: «Вы можете оставить под залог этот браслет и вернуть его Ванчхараме, когда он оплатит покупки».

Владелец магазина согласился. Винодаджи вернулся домой с продуктами и устроил всё необходимое для готовки. Гости приготовили еду, наелись и пошли спать.

Следующим утром, когда Ванчхарама увидел гостей, он спросил у них: «Когда вы пришли? Кто открыл вам двери?»

«Когда мы пришли, Вы уже спали. Ваш сын открыл двери и организовал для нас ужин. Мы не хотели Вас тревожить».

Ванчхарама застыл от изумления. «Могла ли это быть *лила* Винодаджи?» — была первая мысль, пришедшая ему в голову. В полдень, когда владелец магазина пришёл с золотым браслетом, тайна чуда была разрешена.

Долгое время у Винодаджи не было супруги. Одиночество тяжелой ношей повисло на Его плечах. Любящий развлекаться, Он стал задумываться о женитьбе и выбрал Себе в жёны одиннадцатилетнюю дочь Раджи Ванавари Лала, которую звали Радха. Он направил одного из своих преданных к Радже Ванавари рассказать ему о Нём таким манером, чтобы тот был вынужден прийти к Нему на *даршан*.

Преданный пришёл к Радже и сообщил ему новость: «В деревне Наваграма, принадлежащей к твоим личным владениям, твой личный служащий Ванчхарама нашёл *Мурти* Шри Кришны. Божество очень энергичное и шаловливое. Ежедневно Оно удивляет всех, устраивая новые *лилы*». Сотни людей приходят, чтобы получить Его *даршан*. Неужели Вам неинтересно посмотреть на Него?»

«Как Ванчхарама нашёл *Мурти*! Какие *лилы* Оно совершает?» — из любопытства спросил Раджа Ванавари Лал. Преданный рассказал ему все подробности, и тот сильно привлёкся Божеством. Через несколько дней он отправился на *даршан* к Винодаджи вместе с женой и дочкой Радхой. Когда они увидели Винодаджи, Радха очень заволновалась. Она ухватилась за мать и возбуждённо проговорила: «Посмотри, мама, как Тхакурджи улыбается мне!»

«Глупенькая!» — успокоила её мать, нежно потрепав по щеке.

«Нет, мама, Он действительно улыбается и подмигивает мне!»

Но мать проигнорировала утверждения дочери, приняв их за детские фантазии.

Сладкая улыбка Винодаджи завладела сердцем Радхи, и она думала о Нём день и ночь. Несколько раз, уступая её настойчивым просьбам, Раджа Сахиб возил дочь на *даршан* к Винодаджи.

Постепенно Раджа Ванавари Лал также всё больше и больше привлекался Божеством. Как-то раз, когда они приехали посмотреть на

Него, Радха попросила отца: «Папа, давай заберём Винодаджи в наш дом. Я очень хочу служить Ему, красиво наряжая в разные одежды».

Раджа ответил: «Я тоже ощущаю подобное, — забрать Винодаджи к себе. Но разве Ванчхарамы позволит нам сделать это?» Произнеся эти слова, он вопросительно взглянул на своего управляющего.

Ванчхарамы вместо того, чтобы молча уступить или открыто возразить, произнёс: «Господин, я Ваш слуга и так же Божества. Как я могу запретить или разрешить забрать Его? Этот вопрос может быть решён только между Вами и Винодаджи».

В ночном сне Винодаджи сказал Ванчхараме: «Позволь Мне уйти вместе с Радхой. Я очень доволен тобой, но сейчас у меня появилось желание принимать служение от Раджи. Тебе не надо горевать, поскольку ты вскоре осознаешь Меня».

Что мог поделаться Ванчхарамы, он отправил послание Радже Сахибу. Раджа был ошеломлён, узнав, что Винодаджи пролил на него милость. Немедленно он пошёл и передал новость жене и дочке, и они затанцевали в восторге.

Были проведены тщательные приготовления для переселения Винодаджи. В благоприятный день Он прибыл на паланкине в сопровождении эскорта слонов, всадников и музыкантов, играющих на различных инструментах.

Радха стала от всей души служить Винодаджи. Не было сомнений, что Ему служил пуджарий, но это была Радха, кто выносил окончательное решение, в какой день и какое одеяние надевать на Него и что Он будет есть. Она также изготавливала различные украшения из цветов и наряжала Его собственными руками. Винодаджи был очень доволен её служением, но часто дразнил свою будущую жену. После еды Он иногда вытирал Свои грязные руки о её одежду, а иногда щипался и даже плевался. Но любовь Радхи к Нему только увеличивалась день ото дня. Что поделаться, если Божество любит проказничать. Как-то раз, когда Радха одевала на Него гирлянду, Он схватил её за подол платья и сделал предложение: «Ты должна выйти за Меня замуж».

Она рассказала об этом матери, но та не поверила.

Через какое-то время Радха заболела. Винодаджи сказал её матери во сне: «Радха не выживет. Но тебе не надо беспокоиться. Она умрёт,

чтобы стать Моей невестой. В вашем саду есть сухое дерево *девадара*. Из его древесины сделайте Мурти Радхи и обвенчайте нас».

Теперь мать Радхи была убеждена, что Винодаджи действительно хочет жениться на дочери. Она рассказала мужу о своём сне. Они оба проливали слёзы горя и радости, думая о новой *лиле* Винодаджи. Родители горевали, узнав, что Радха оставит тело, но они были также счастливы тем, что Винодаджи примет её Своей супругой, и дочь с зятем будут жить с ними в их доме в образе Мурти.

Дерево *дэвадара* срубили и приступили к вырезанию из него *Мурти*. Как только работа была закончена, Радха умерла. Приготовления для её похорон и свадьбы проходили одновременно. Когда их обвенчали, Винодаджи стали звать Радха Винод. Даже сегодня можно увидеть Винода и Винодини (Радху), счастливо живущих в храме Танаса около Рамакришна Сева-ашрама во Вриндаване, где по-прежнему надлежащим образом празднуется годовщина Их венчания.

Жизнь в имении Танаса была сконцентрирована вокруг Радха Винода до тех пор, пока Раджа Ванавари Лал был жив. *Катка*, *киртаны* и фестивали были обычным содержанием дня. Но это деятельность уменьшилась, когда управление имением перешло в руки Ванамали Дала. Служение Радха Виноду было практически запущено, потому что Ванамали Лал получил инициацию в Брахма-дхараме, где не верили в поклонение Божествам. Только *пуджарий* выполнял обычное служение Божествам. Но из-за пренебрежительного настроения Ванамали, ни у кого не было энтузиазма поклоняться Радха Виноду.

Внезапная перемена произошла в настроении молодого землевладельца, когда он повстречал Джагадбандху Прабху, великого святого из Пабаны, кто по причине золотого сияния, исходящего от его тела и огромной любви к Радхе и Кришне, принимался некоторыми людьми как инкарнация Шри Чайтаньи Махапрабху. В тот день Раджа Ванамали Раджабахадур проезжал по центральной дороге Пабаны на царский манер, восседая на украшенном слоне в сопровождении эскорта вооружённых всадников и обслуживающего персонала. Навстречу ему приближался Джагадбандху, танцующий в группе *киртана*, которая состояла из сотен преданных, танцующих и поющих под бой *мриданг* и звон *караталов*. Ванамали Рай спустился со слона

на землю, бос и пеш направился к *киртану* и присоединился к преданным. Как под гипнозом, он поднял свои руки вверх и начал петь и танцевать вместе с группой *киртана*. Он продолжал участвовать в *киртане* до тех пор, пока процессия не пришла в место назначения и не прекратилась музыка. Затем он поклонился Джагадбандху Прабху и попросил его оказать милость Ванавари Нагару, хотя бы раз осветив это место своим присутствием, и удалился.

Вернувшись, он почувствовал, как новые волны *бхакти* вздымаются в его сердце. Это ощущение путешествия на гребнях волн перенесло его через пустыню *брахма-упасаны* (медитацию на брахман) в преддверие цветущего оазиса, орошаемого родниками *бхакти*.

Он нашёл вход в оазис, когда Джагадбандху Прабху прибыл в его дом и прожил вместе с ним несколько дней, дав инструкции относительно *рагануга-бхакти*. После чего раджа понял, что Бог не только объект почитания и поклонения в молитвах, чему учит Брахма-самаджа, но также объект любви или *прити*. *Прити* не бывает односторонней. Это не так, что только преданный любит Бога, Бог тоже любит преданного. В действительности, Он любит *бхакту* больше, чем *бхакта* любит Его, и для Него нет ничего более ценного, чем сердечное служение Своего преданного. Ввиду того, что *бхакта* в своём падшем положении не имеет доступа к Господу, Господь Сам в форме Мурти принимает его служение.

Ум Ванамали Рая теперь устремился к Радха Виноду. Он предпринял всё возможное для организации самого лучшего служения Божествам. Но он прекратил предложение кальяна, потому что такое служение не разрешалось *шастрами*.

В эти дни с ним жил Шри Кришнасундара Рай Прабху, кто был сидха махатмой. Он тоже курил хуку. Перед курением Рай Прабху предлагал кальян Радха Виноду. Он всё время был погружён в *лила-смаранам*. Во время курения его основным занятием также было памятование игр Кришны, а вдыхание и выдыхание табачного дыма оставалось на втором плане и шло автоматически как одна из его привычек, хотя курение приостанавливалось, когда *смаранам* углублялся, и Рай Прабху брал в рот мундштук через продолжительные интервалы. В течении этих интервалов Радха Винод брал трубку кальяна в Свой рот и курил более свободно. Таким

образом, Он не чувствовал больших неудобств, когда Ванамали запретил Его хуку.

В 1892-м году Рай Прабху выбрал двенадцатый день *кришна-пакша*, чтобы оставить тело. И после этого Радха Винод четыре дня практиковал принудительное воздержание, обходясь без хуки. Но умеренность была не свойственна Его природе. В день *амаваси*, после утренней службы, когда *пуджарий* повторял *джану* и погрузился в дрему, он, находясь в этом состоянии, услышал, как Радха Винод сказал ему: «Дай Мне хуку. Поскольку эти люди прекратили предлагать Мне кальян, Я обычно ходил курить вместе с Райем Прабху. Но теперь его не стало, и Я не брал в рот трубку кальяна целых четыре дня».

Вечером, когда Ванамали рай пришёл в храм, *пуджарий* рассказал ему о своём сне. Раджарши сделал необходимое распоряжение, чтобы возобновить предложение Божествам хуки, но его ум не покидало сомнение: действительно ли Радха Виноду нравится курить кальян.

Как-то Джагадбандху Прабху остановился в комнате, примыкающей к алтарной храма. После *раджа-бхоги* он подозвал Ванамали Рая и предложил: «Давай сегодня насладимся *лилой* курения кальяна *Лиламайей* (развлекающимся Господом). Он пригласил Ванамали Рая следовать за ним на веранду перед храмом, где они и расположились. Через некоторое время Джагадбандху Прабху прошептал: «Видишь, Винодаджи курит.

Послушай, как булькает Его хука». Одновременно с этими словами он дал Ванамали Раю духовный слух, посредством которого тот мог слышать булькающие звуки кальяна. Во время слушания он вошёл в состояние *бхава-самадхи*, и слёзы полились из его глаз.

Теперь вера Ванамали Рая в духовную природу *Мурти* стала такой крепкой, что любой человек, сказавший, что Божество является обыкновенной статуей или совершающий действия, подразумевающие это, больно ранил его сердце. Сейчас ему не терпелось получить персональное служение Радха Виноду. Но он без надлежащей инициации не был квалифицирован для служения Божествам, поэтому в 1897-м году приехал во Вриндаван и принял *дику* у Шри Радхика Натха Госвами, потомка Адвайта-ачарьи Прабху.

После инициации он так погрузился в служение Шри Радха Виноду, что для него стало невозможным делать что-либо ещё. По

милости фортуны у него был очень способный и заслуживающий доверия управляющий Шри Камини Кумар Гхош. Ванамали Рай возложил на него управление имением, чтобы иметь возможность посвятить всё своё время Радха Виноду.

Спустя некоторое время он приехал во Вриндаван и построил два здания одно во Вриндаване и другое на Радхакунде. Они известны как храм Танаса и Раджабани. Он жил вместе с Радха Винодом иногда во Вриндаване, а иногда на Радхакунде.

С тех пор, как Ванамали Рай прибыл во Вриндаван, он был центральной фигурой в обществе вайшнавов Враджа. *Садху* и вайшnavы всегда благословляли его дом своим присутствием, потому что там постоянно проходили лекции, *киртаны* и фестивали. Он построил госпиталь для бесплатного лечения *садху*, вайшнавов и *враджабаси*, открыл школу для изучения *бхакти-шастр* и за свой счёт устроил для студентов питание и проживание. Он также организовал типографию, где были напечатаны «Шримад Бхагаватам» с восьмью комментариями и другие книги по *бхакти*, которые бесплатно распространялись среди *садху* и вайшнавов.

В те времена во Врадже царствовала плеяда сиддха-махатм. Он был благодетельствован общением с каждым из них. Среди них были некоторые, к кому он чувствовал особую привязанность и кто свободно проливал на него свою милость. Это были Шри Радхиканатха Госвами Прабху, Джагадбандху Прабху, Шри Радхараман Чаран Дас Бабаджи Махарадж, Шри Виджаякришна Госвами, Шри Гауракишор Широmani, Шри Рамахари Дас Бабаджи, Шри Кришнасундара Рай Прабху, Шри Харисундара Бхаумика Бхуян, Шри Джагадиша Дас Баба и Шри Рамакришна Дас Пандит Баба.

Благословениями этих махатм Ванамали Рай с легкостью достиг лотосных стоп и любовного служения Радха Виноду в его вечной *дхаме* (обители) Вриндавана.

Шри Кришначайтанья Дас Бабаджи

Шри Кришначайтанья Дас Баба, кого раньше звали Ашвини Кумар, родился в 1861-м году в городе Чандана Нагар в Восточной Бенгалии. Его отец Шри Ваджакумар Нанда имел бизнес в Калькутте.

Хотя Ашвини Кумар был сыном богатого бизнесмена и имел все возможности для мирских наслаждений, этот мир мало привлекал его. С самого детства в его сердце светилась духовная искра. Он жаждал чего-то совершенного и более возвышенного, чем всё, что мог ему предложить материальный мир, и всегда забывался в мечтах. Это вызывало тревогу у его отца. Он сделал две вещи, чтобы убавить мечтательность юноши. Немедленно после сдачи сыном вступительных экзаменов, отец женил его и приобщил к бизнесу.

В положенный срок Ашвини Кумар стал отцом. Казалось, что он со всех сторон окружён *майей*, но божественная искра внутри него не потухла. Ее свет продолжал напоминать, что для него есть более возвышенные стремления и судьба. Он принял *дикшу* у семейного гуру и стал вести жизнь, казавшуюся внешне мирской, но внутренне одухотворённую и строго дисциплинированную. Он был очень регулярен в утренних омовениях в Ганге, *киртане*, *патле* и *джане*. В результате чего, из искры постепенное возгорелся огнедышащий вулкан, и для него стало невозможно оставаться *гривастхой* (семьянином). Он решил отречься от мира и целиком посвятить себя *бхаджану*.

Ашвини Кумар добился у отца разрешения сходить в Пури на *даршан* к Джаганнатхе по случаю приближающейся Ратха-ятры, но вместо того, чтобы после фестиваля вернуться домой, он отправился пешком в паломничество на юг Индии. Повторяя *джану*, он преодолевал каждый день расстояние в двадцать миль, не отдыхая до тех пор, пока не прочитывал необходимого количества кругов. Завершив *джану*, пилигрим омывался, делал свои ежедневные обязанности и *пуджу*, затем шёл за *бхикшей* (подаванием). Он заходил за подаванием только в семь мест и ел лишь то, что удавалось там собрать. Иногда ему ничего не давали, и дальше он должен был идти голодным. В пути у него было много тяжёлых испытаний и лишений,

но он никогда не нарушал религиозной дисциплины, которой следовал на протяжении паломничества.

Его маршрут, начиная с Пури, пролегал через Годавари, Шиваканчи, Вишнуканчи, Баладжи, Шри Рангам, Панчатиртха, Рамешварам, Насик, Дварака, Пушкар, Джаяпур, Кароли и закончился во Вриндаване. На всё путешествие потребовалось три года.

Аттвипи Кумар хотел поселиться во Вриндаване и практиковать *бхаджан*. Но однажды ночью он увидел сон, в котором божественное существо сказало ему: «Время для твоего Вриндавана-васа (жительства во Вриндаване) ещё не пришло. Тебе всё ещё нужно заниматься кармической деятельностью».

Он не обратил внимания на совет, потому что решительно настроился оставаться здесь до конца своих дней и совершать *бхаджан*. Но через какое-то время он снова увидел тот же самый сон и услышал тот же совет, который, как ему показалось, прозвучал в виде команды. Это заставило его подчиниться приказу. Он вернулся в Калькутту. Родители, жена и дети были очень рады увидеть его вернувшимся обратно после долгих, тревожных ожиданий и переживаний.

Аттвипи Кумар начал свой собственный бизнес. Он тяжело работал и достиг успеха. Но и в продолжении этого периода его *бхаджан* оставался непотревоженным и совершался с прежним интересом и энтузиазмом. Он обычно ложился спать в девять, просыпался в час ночи и садился в *бхаджан*. Затем в пять часов утра, после утреннего омовения в Ганге, он приступал к своим обычным религиозным занятиям: *пуджа*, *патх*, *джана* и *киртан*. После чего сам готовил себе еду, поскольку твёрдо верил, что для *бхаджана* более благоприятна пища, приготовленная своими руками. Жена и дети помогали ему и следили за тем, чтобы ничто не потревожило его *бхаджан*. Таким образом проходили его счастливые дни.

Но с самого начала он чувствовал неудовлетворённость из-за отсутствия у него одной вещи. Во Вриндаване он видел две картины Нитай-Гаура и Радха-Говинда, которые завоевали его сердце. Все его попытки найти их копии заканчивались неудачей. У него часто были бессонные ночи по причине сильного чувства разлуки, которое он испытывал из-за невозможности опять взглянуть на них. Как-то раз ночью он заплакал и пожаловался Нитьянанде: «Нитай, Ты известен

как спаситель и благожелатель падших душ. Неужели я настолько падший, что Ты не считаешь меня достойным Твоего *даршана* вместе с Гаурой и Радха-Говиндой, даже в форме изображения на бумаге? Тогда почему бы Тебе не стереть все следы моего бесполезного существования на земле?»

В ту же ночь он увидел сон, в котором ему удалось приобрести эти картины в магазине на улице Читпура в Калькутте. Утром он пошёл на улицу Читпура и удивился, увидев магазин, точно такой же, какой видел во сне. Когда Ашвини Кумар вошёл внутрь, то несказанно обрадовался, обнаружив то же самое изображение Нитай-Гауры, которое видел раньше во Вриндаване. Он огляделся вокруг в надежде найти и Радха-Говинду, но их нигде не было. Внезапно его взгляд упал на шкаф, виденный им во сне. Он попросил владельца магазина посмотреть, может быть картина Радха-Говинды находится в шкафу. Но тот ответил: «В нём много разных вещей, но нет картин».

Сердце Ашвини Кумара изнывало от горя, а глаза наполнились слезами. Вдруг какая-то невидимая сила напомнила хозяину магазина, что вроде так оно и было: некоторое время назад он получил упаковку с картинами, которую положил в шкаф и забыл. Он вытащил этот пакет наружу. Как только Ашвини Кумар его распаковал, он увидел изображение Радха-Говинды в точности такое, как давно во Вриндаване. «Вот она эта картина!» — воскликнул счастливец и запрыгал от радости. Он купил обе репродукции. Они не были для него простыми картинами, а являлись самими Нитай-Гаурой и Радха-Говиндой, которые пришли к нему в ответ на его молитвы.

С тех пор, как Ашвини Кумар вернулся из Вриндавана, истекло уже четыре года. Его сердце опять заболело по Вриндавану. Поскольку его дело шло хорошо, а сыновья уже стали взрослыми и полностью способными самостоятельно контролировать себя и бизнес, он подумал, что с оставшейся кармой, которую необходимо было изжить, теперь покончено, и он наконец-то может отречься от мира и уйти во Вриндаван.

Его родители, жена и дети отдали свои голоса за это решение, потому что он сообщил им, что без Вриндавана больше не может жить. Ашвини Кумар подумал, что его возвращение во Вриндаван облегчилось благодаря милости Радха-Говинды, потому что Они пришли за ним из Вриндавана, чтобы забрать его туда вместе с Собой.

Милость Радха-Говинды на этом не исчерпалась. Они пришли к нему в форме картин, поскольку он так хотел. Но Радха-Говинда желали быть с ним в образе Божеств, потому что в таком виде Они могли наслаждаться его *према-севой* (любовным служением) больше, чем в форме изображений. Поэтому, когда он прибыл во Вриндаван, Они явились к нему во сне и сказали поклоняться Им в образе Божеств. Радха-Говинда также сообщили ему о месте, где Они ожидали его именно в таком виде. Он принёс Божества из указанного места, построил для Них храм и после *прана-пратиштхи* должным образом установил на алтарь. После этого ритуала Говиндаджи получил новое имя Гониджанаваллабха^[111], и Ашвини Кумар начал служить Ему с любовью и преданностью.

Через некоторое время он принял *саньясу* у Шри Харичарана Даса Бабы, ученика Шри Гауракишора Широмаи и был назван Шри Кришначайтанья Дасом. Харичаран Баба посоветовал ему уйти в уединённое место во Врадже и там практиковать *бхаджан*. К этому времени его сын Гаура тоже пришёл жить во Вриндаван. Шри Кришначайтанья Дас Баба передал в его руки служение Гопиджанаваллабхе, а сам ушёл на Кусумсаровару. Какое-то время он практиковал там *бхаджан* и затем поселился на Радхакунде. В то время, как он жил на Радхакунде, его ум всегда находился подле Гопиджанаваллабхи. И если случались какие-либо несоблюдения правил или упущения в служении Божествам, он всегда узнавал об этом. Один раз он позвал Гауру из Вриндавана и сообщил ему: «Ты не уделяешь должного внимания служению Гопиджанаваллабхе. Знаешь ли ты, что несколько дней назад была осквернена *бхога* из-за волоса, который попал в одно блюдо, а в другой день она была непригодной, потому что поднос для предложения был плохо помыт и на нём осталась крошка *учхишты* (остатков после еды)? Два дня Божества страдали от голода. Ты думаешь и дальше оставаться таким нерадивым? Тебе не кажется, что у тебя нет твёрдой веры? Божества принимают служение только тогда, когда оно делается с полной верой и никак иначе». В связи с этим он рассказал историю о Радхавиноде, Божестве, которому поклонялся на Радхакунде Раджарши Ванамали Рай Бахадур из Танаса: «На протяжении всего лета Раджарши обычно нанимал слуг для охлаждения Радхавинода двадцать четыре часа в сутки с помощью специального опахала, висевшего над Божествами.

Один преданный, имевший сильную веру в то, что Радхавинод доволен этим служением, каждый день приходил в храм перед его закрытием и помогал обмахивать Божества уставшим слугам, подменяя их. Как-то в полночь, дергая за верёвку, он раскачивал опахало и случайно задремал. В этом состоянии он почувствовал, как Радхавинод трясёт его и говорит: «Ты спишь, а Я мучаюсь от жары. Отнеси Меня на берег *кунды*». Он усадил Винодаджи на своё плечо и понёс Его на *кунду*. Но на его плече была опухоль. Винодаджи спросил: «Что это такое? Мне неудобно сидеть». Сказав это, Он прикоснулся к больному месту Своими руками. Преданный принёс Его к пруду и усадил на берегу, а сам улёгся рядышком спать. В этот момент он проснулся и с удивлением обнаружил, что действительно лежит на ступеньках *кунды*, а подойдя к храму, увидел другой сюрприз: двери храма, как раньше, были закрыты снаружи на замок. Но всё же большей неожиданностью оказалось приятное ощущение в больном плече — когда он провёл по опухоли рукой, то обнаружил, что она исчезла».

На Радхакунде Шри Кришначайтанья Дас принял аскезу *пурашчарана*. Затем он ушёл жить на Чандрасаровару и снова ограничивал потребности материального тела, совершая второй *пурашчаран*. Живя здесь, Баба обычно в три часа утра начинал обход Говардхана. Однажды во время *парикрамы* начался проливной дождь, и он укрылся под деревом. Как только он присел на землю, на него, вдруг высунув голову из дупла, зашипела змея. Баба продолжал бесстрашно сидеть и повторять *джану*, поскольку верил, что животные во Врадже никому не причиняют вреда. Однако, кто-то невидимый, но находившийся рядом, набросил на него непромокаемую накидку и взволнованно предупредил: «Баба! Ты не боишься змею?! Быстрее убегай! Она ужалит тебя!» Голос был женским. Он слышал, что во Врадже живут невидимые личности, всегда помогающие *садхакам* и направляющие их на верный путь. Поэтому Баба подумал, что это *гопи* предостерегла его и дала накидку, чтобы он мог продолжать *парикраму* под дождём.

Он прикоснулся лбом к подарку, словно это был *прасад* от *гопи*, затем накрылся им и отправился дальше обходить Гирирадж.

На Чандрасароваре Шри Кришначайтанья Баба обычно практиковал *бхаджан* в *кутире* внутри дома. Он так погружался в *бхаджан*, что часто входил в *самадхи* и оставался без сознания

несколько часов. Однажды его гуру Шри Харичаран Баба пришёл к нему вместе с Санатаной Дасом Бабой. Но дверь в *кутир* была закрыта изнутри. Он закричал: «Чайтанья! Чайтанья!» Но ответа не последовало. Через несколько секунд он закричал снова: «Чайтанья! Чайтанья!» И опять ничего. Санатана Дас заволновался, подумав, не случилось ли чего с Бабой. Но Харичаран Дас его успокоил словами: «Нет никаких причин для беспокойств. Он часто с такой силой концентрируется в медитации на Кришна-лилу, что часами не осознает окружающую действительность».

Постепенно его сосредоточение сознания в медитации на игры Кришны достигла таких пределов, что он был не в состоянии прожить без неё даже несколько минут. Но материальное тело с его потребностями не давало ему оставаться поглощённым Кришна-лилой всё время. Поэтому он стал готовиться к освобождению от него. Он позвал своего сына и попросил: «Обрати внимание, Гаура, тебе надо организовать большой одиннадцатидневный фестиваль. Каждый день должны совершаться киртан и раса-лила^[112].

И ещё устрой Бхагавата-саптах^[113]. Необходимо пригласить много вайшнавов и должным образом организовать для них проживание и *прасад*. Для проведения *киртанов* пригласи Киртанию Бхактичарана Даса Бабаджи, а для Бхагавата-саптаха — Бхагавата-патхаку Шри Мадхусудана Бхатту джи».

Все приготовления для фестиваля были сделаны. Чандрасаровара выглядела нарядно и празднично, и в течение одиннадцати дней туда стекались люди из окрестных деревень. На десятый день все *враджабаси* и махатмы, которые жили в пределах четырнадцати миль, были приглашены на грандиозный пир. Когда всё для провидения пира было приготовлено, Баба внезапно сделал свой последний вздох. Фестиваль закончился, и тёмные облака горя и смятения накрыли тенью праздничную сцену. Напрасно долгое время вайшnavы ожидали появления признаков жизни в мёртвом теле. Были окончены последние приготовления для погребальной церемонии, и тело Бабы доставлялось носильщиками для сжигания в место кремации. Но как только они поднесли его к месту погребального костра, вдруг послышался слабый голос Бабы: «Куда вы меня тащите? Поворачивайте обратно!»

Все были изумлены, и возгласы «Хари Бол!» наполнили воздушное пространство. Облака уныния и беспокойств рассеялись так же внезапно, как собрались. Празднование было завершено всеобщим ликованием.

Баба организовал *вайшнава-севу* (распространение прасада вайшнавам) по случаю его высвобождения из материального плена. Он действительно оставил тело и ушёл на Голоку, когда приготовление пира было завершено, но его вернула Радхарани, потому что ему предстояло еще сыграть определённую роль в выполнении божественных планов.

Как-то один преданный спросил Бабу: «*Кала* (смерть) атакует преданного тем же самым способом, как и других людей?»

Баба ответил: «Нет, не таким же способом. В случае с обычным человеком *ямадути* (посланники бога смерти) нападают, когда тому пришло время умирать и забирают клиента в обитель Ямараджа (бога смерти), не обращая внимания на обстоятельства и его желания. Но в случае с преданным, когда срок его жизни истекает, *Кала* приходит к нему сама и, сложив в почтении руки, информирует, что ему пора умирать. Если преданный не собирается уходить из тела, а желает остаться в материальном мире, чтобы дальше практиковать *бхаджан*, она подчиняется его воле и уходит ни с чем. Смерть враждебна для непреданных, но преданным она служанка. Она действует как кошка: кошка держит своих котят теми же зубами, что и мышей. Она *Кала* для мышей, но мать для котят. Кошка своими зубами убивает и съедает мышь, но в тех же зубах уносит своего котёнка в более безопасное и удобное место».

После описанного выше эпизода Баба стал известен как сидха святой. Люди начали приходить к нему на *даршан* из самых отдалённых мест. Это доставляло ему очень много беспокойств. Поэтому как-то ночью он тайно перешёл из своего *кутира* на Чандрасароваре в Шешашайи, а оттуда в деревню Вамши.

Многие люди стали просить его дать им *дику*, но он не принимал учеников. Однако, по настоянию гурудева, он дал инициацию Шьямападе Бабу и его жене Радхадаси. После чего инициировал Шри Кумара Сахиба, важного судью из Говардхана, Кумара Саджджана Прасада Сингха и несколько других преданных.

Когда Баба дал *дикишу* Саджджану Сингху и его друзьям, каждый из них дал ему подношение. Об этом прослышали разбойники, и в ту же ночь они пришли с *латхи* (палками) ограбить его *кутир*. Баба дал им *чаранамриту*, которую он обыкновенно предлагал всем посетителям. Она произвела незамедлительный эффект, поменявший их настрой ума. Грабителей обуял страх, и они убежали прочь, в панике оставив свои дубинки и башмаки.

Баба опять вернулся на Чандрасаровару, где Шри Шьямапада и Кумар Сахиб построили для него несколько комнат. В 1930-м году к нему пришёл Ракхала Дас Кунду и признался: «Баба, вряд ли на земле существует грех, которого бы я не совершил. Сейчас я состарился и ничего не могу исправить. Ужасные мысли завладевают мной, ведь я должен отправиться в ад и страдать там за совершённые злодеяния. Скажи мне, есть ли у меня шанс спастись от *ямадутов*?»

Баба спросил: «Ты собираешься уйти отсюда обратно домой?»

«Нет, я не хочу возвращаться. Но разве Радхарани позволит грешнику, подобному мне, находиться в *дхаме*?»

«Не сомневайся. Сейчас в этом состоянии тебе не нужно делать ничего другого. Только один раз выслушай «Шримад Бхагаватам» и оставайся во Врадже до конца своих дней, постоянно повторяя Харинаму. Проживание во Враджа-дхаме само по себе является великой *садханой*. Брахма и Удхава молились Кришне, чтобы получить такое благо, потому что они считали его величайшей *садханой*. Ты тоже прими Враджа-васа (проживание во Врадже), как свою *садхану*, и ничего не бойся. Радхарани обязательно окажет тебе милость».

Ракхала Дас стал жить во Вриндаване и повторять Харинаму. Он также посещал Бхагавата-саптах. Вскоре после лекций на него пролилась милость Радхарани. В один счастливый момент, когда Ракхала Дас энергично и в полном сознании повторял *джану*, он вдруг оставил этот мир, приняв прибежище у лотосных стоп Радхарани в её *нитья* (вечной) обители.

Враджамохан Дас из Яшохары, живший на Чандрасароваре после принятия у Бабы *вешы* и служивший ему, как-то раз попросил у него инструкций по *лила-смаранам*. Баба в связи с этим выразил мнение двух великих святых его времени, которые стали сидхами посредством *лила-смаранам* и рассказал две истории: «Когда Пандита Рамакришна Дас жил в Балапокхаре на Говардхане, я пришёл к нему и попросил

наставлений касательно *смаранам*. Он ответил: «Если кто-нибудь ещё попытается узнать у меня, как делать *лила-смаранам*, я дам ему пощёчин». Я понял, что он имел в виду, но не набрался смелости сказать что-либо в ответ. *Ли́ла-смаранам* это не так легко, как может показаться.

Однажды двое преданных пришли к Джагадиша Дасу Бабе из Калиядаха и тоже попросили инструкций относительно *лила-смаранам*. Баба рассказал о многом другом, но ни слова о *смаранам*. Они появились через несколько дней и опять спросили о том же. И снова вернулись разочарованными, потому что Баба парировал все вопросы, касающиеся *лила-смаранам*. Тогда они начали практиковать *смаранам*, получив руководство у другого махатмы. В следующий раз придя к Бабе, преданные обнаружили, что он без лишних расспросов знает всё об их *бхаджане*, хотя они ничего ему об этом не говорили. Он спросил у них, улыбаясь: «Как продвигается ваш *смаранам*?»

«Что-то получается, но не так, как хотелось бы», — ответили преданные.

Тогда Баба произнёс: «Вы ничего не знаете. Нету *смаранам* без *маранам* (смерти). Преданный должен полностью овладеть своим умом и телом и совершенно забыть о них, прежде чем преступить к *лила-смаранам*. Он должен умереть для всех практических начинаний, поскольку они касаются материального мира»».

Шри Кришначайтанья был уже очень старым. И всё же вставал в два часа ночи, омывался в Чандрасароваре (даже в самое холодное время года) и садился в *кутире* совершать *бхаджан*. Но боль, от которой он страдал из-за разлуки с Радхарани, увеличивалась день ото дня. Он один раз побывал у Радхарани, но Она вернула его обратно. С тех пор Баба Её не видел. Его неспособность существовать без Радхарани увеличивалась всё больше и больше. Поэтому он предпринял ещё одну попытку улететь к Ней.

Однажды одному *брахману враджабаси*, кто был учеником Бабы, в ум вкралось подозрение, что тот покинул этот мир. Враджабаси обычно каждый день рано утром, после омовения в Чандрасароваре, проходил мимо *кумира* Бабы и, крикнув «Джай Радхея!», делал *дандават* перед его дверью. Баба принимал поклон ответным возгласом: «Джай Радхея!» Но в этот день отклика не последовало. Дверь *кумира* была закрыта изнутри, и *враджабаси* не мог войти, но

несколько раз громко прокричал: «Джай Радхей!» По-прежнему никто не отозвался. Тогда он пришёл к махатме, жившему неподалёку и выразил ему свою тревогу. Махатма отреагировал словами: «Отсутствие ответных возгласов ещё ни о чём не говорит, поскольку Баба так глубоко погружается в *лила-смаранам*, что часто входит в *самадхи* и часами остаётся без сознания. Но сегодня утром случилось что-то невероятное. Я видел *кумир* Бабы, полыхающий сверхъестественным светом, с которым никогда не сталкивался в моей жизни. Непонятно, что было источником этого сияния, поскольку я никогда не замечал в его *кутире* лампы. Кроме того, сегодня я не слышал скрипа открывающейся двери, который всегда раздаётся, когда Баба выходит из *кутира* принимать омовение в Чандрасароваре. Это определено является причиной для беспокойств. Но давай подождём ещё немного, чтобы посмотреть, вернётся к нему сознание или нет».

После этого они прождали довольно долго и много раз подходили к *кумиру* и кричали: «Джай Радхей!» Но ответа не было. Тогда они позвали деревенских жителей. *Враджабаси* пришли и сломали двери. Заглянув внутрь, они увидели Бабу, лежащего без сознания с почти прекратившимся дыханием. Чтобы привести его в чувства, они стали петь *киртан*, который продолжался до вечера. Но его состояние не менялось. В воздухе витало предчувствие того, что Баба больше не поднимется. Вдруг прибежал сын Госвами из Варшаны с *пана-бини*^[114] в руке и спросил: «Где Бенгали Баба, который при смерти?»

«Баба внутри *кутира*», — ответили *враджабаси*.

Юноша быстро заговорил: «Дайте Бабе этот *пана-бини*. Его послала ему Радхарани. Она сказала мне во сне вчера ночью: «Один Бенгали Баба на Чандрасароваре получил Мой *даршан*, поскольку он был не в силах терпеть *вираху* (разлуку) со Мной. Но его смертная оболочка не смогла вынести Моего *даршана*. Он сейчас умирает. Сбегай и дай ему этот *пана-бини*. Это Мой *прасад*. Он предотвратит его смерть».

Как только *прасад* от Радхарани был помещён в рот Бабы, он тут же пришёл в себя и сел, воскликнув: «Джай Радхей!» Но он оставался несколько месяцев в состоянии *дивьянмада* (божественного сумасшествия). В соответствие с обуревавшими его эмоциями он иногда смеялся, иногда лил слёзы, а иногда падал без сознания на землю.

Окружающие подумали, что Баба сошёл с ума. Они отвезли его лечиться в храм Гавалиер на Кусумсароваре. В этом храме кормили *прасадом*, приготовленным от имени брата раджи Гавалиера. Достигнув этого места, Баба сразу произнёс: «Я не буду есть еду раджи. Везите меня отсюда обратно».

Его доставили на Чандрасаровару. Постепенно его сумасшествие стало убывать. Радхарани снова расстроила попытку Бабы оставить тело, поскольку Она хотела оставить его в материальном мире ещё на некоторое время, чтобы он, подобно путеводной звезде, светил падшим душам, указывая им на путь *бхакти* своим примером и наставлениями. В конце концов, время пришло, и Радхарани захотела принять его для служения к Себе. Баба узнал про это и решил в последний раз навестить всех дорогих ему людей. Поэтому он посетил Шешашайи, Вамши, другие деревни и вернулся обратно. Возвратившись, он поделился с Ваджамоханом Дасом: «На этот раз я сказал всем при расставании, что эта моя последняя встреча с ними. Они очень сильно сожалели. Однако, что я могу поделать?»

В 1940-м году, в Картику, на Кришна *a штамн*, Баба оставил тело и наконец-то принял прибежище у лотосных стоп Радхарани. Его *самадхи* находится на Чандрасароваре.

Слепой Бабаджи из Маданатеры

Около восемнадцати лет назад во Вриндаване, возле храма Маданамохан, жил в *кумире* слепой Бабаджи. Никто не знал его имени. Люди называли его Мадана-тера-вале (Баба из Мадана-теры^[115]), потому что он в основном проживал в уединении на территории, окружающей храм Маданамохан. Рано утром, после омовения в Ямуне, он обычно прятался в зарослях Мадана-теры и находился там до вечера, вспоминая о развлечениях Радхи и Кришны и проливая при этом слёзы. Затем Баба приходил в храм Говиндаджи, что-то Ему говорил и плакал. Вернувшись оттуда, он заходил в три или четыре дома за *мадхукари*, ел и ложился спать. Но из глаз его постоянно текли слёзы. По причине постоянного плача он потерял зрение. Баба об этом не сожалел, потому что глаза, которые не могли видеть Кришну, были для него бесполезны.

К тому времени он проплакал сорок лет. Его жизнь подходила к концу, и последний предел его терпения остался позади. Боль разлуки стала невыносима. Иногда по этой причине он терял сознание и часами лежал среди кустов и деревьев. Не было никого, кто мог бы помочь ему или выразить сочувствие. Лишь природа пыталась пробудить его щебетанием маленьких птиц, пением кукушек и криками павлинов, но безрезультатно.

Когда мучения, испытываемые преданным в разлуке, причиняют ему нестерпимые страдания, они становятся невыносимы и для Бхагавана. Радха и Кришна не могли больше оставаться разлучёнными с Бабой. Однажды, прогуливаясь, Они зашли в Мадана-теру, где он под деревом плакал.

Радха сказала Кришне: «*Пьяре* (любимый), Баба постоянно плачет. Почему бы не устроить так, чтобы он немного посмеялся?»

Кришна подошёл к Бабе и спросил: «Баба, почему ты плачешь? Может кто-нибудь побил тебя или лишил чего-то?»

«О, нет! Уходи отсюда», — разозлившись, прикрикнул слепой Баба.

«Баба, я принесу тебе *роти* и *чхач*^[116] или всё, что только пожелаешь. Но прошу тебя, прекрати рыдать!» — с мольбой в голосе

произнёс Кришна.

«О, пастух! Иди паси своих коров. Зачем ты пришёл издеваться надо мной?» — сказав это, Баба отвернул лицо от Кришны.

«Кришна вернулся назад и сказал Радхарани: «Баба ничего не хочет слушать. Он всё плачет и плачет».

Радха промолвила: «*Пьяре*, Ты не сумел. Посмотри, как Я рассмешу Бабу».

Они приблизилась к Бабе и спросила: «Баба, почему ты плачешь? Может от тебя ушла жена?»

Баба рассмеялся и ответил: «Лали, у меня никогда не было жены».

«Я понимаю, итак, ты страдаешь, от того, что у тебя нет ни одного близкого человека», — искренне посочувствовала Радхарани.

Баба горестно произнёс: «Нет, Лали, я не поэтому проливаю слёзы. Я плачу потому, что Те, Кто для меня самые родные, позабыли меня».

«Кто они такие, Баба?»

«Лали, ты не знаешь. Один из них это бессердечный сын Нанды, Кто всегда прельщает соблазнами, но никогда не показывается; а другая, о, что я могу сказать о Ней, Лали? Другая это Радха, кто тоже лишилась милосердия из-за дурной компании с Ним».

Нежное сердце Радхарани мучительно заныло.

«Я, Я бессердечная!» Она вспыхнула, затем пытаясь скрыть Себя быстро проговорила: «Баба, Меня тоже зовут Радхой. Скажи, что ты хочешь?»

«Что я могу сказать, Лали? Чего мне ещё хотеть, кроме Их *даршана*?»

«Баба, ты такой простой. Разве ты не понимаешь, что не сможешь Их увидеть, если даже Они и предстанут пред тобой, поскольку у тебя нет зрения».

«Лали, ты сама наивная, а не я. Неужели тебе не известно об Их могуществе? Способность видеть вернётся ко мне, как только Они прикоснутся своими лотосными руками к моим глазам».

Радха не могла сдерживаться ни на мгновение дольше. Она дотронулась своей нежной, словно лотосы, рукой до одного глаза Бабы, а Кришна коснулся другого, и зрение Бабы немедленно восстановилось. Он сразу увидел обоих, Радху и Кришну, Божественную чету, две драгоценности своего сердца, стоящих перед

ним в Своей ослепительной красоте и милостиво глядящих на него с любовью. На него с такой силой нахлынули волны эмоций и ликования, что он лишился чувств.

Всю ночь Баба пролежал без сознания. Следующим утром несколько человек, совершающих парикраму вокруг Вриндавана, узнали его. Они принесли бесчувственное тело в храм Маданамохана. Госвами, проживающие в храме, сумели понять, что у Бабы был опыт переживания божественного экстаза, вследствие чего с ним случился обморок. Они попросили всех встать вокруг него и петь *киртан*. Звуки *киртана* постепенно вернули Бабу в сознание. Затем Госвами отвели его в сторону. Оказав ему соответствующее служение и устроив Бабу поудобнее, чтобы он почувствовал себя в домашней обстановке, они спросили его, почему он потерял сознание. Он рассказал обо всём случившемся прерывающимся голосом и со слезами, струящимися бесконечным потоком.

Заветное желание Бабы, к которому он стремился всю жизнь, было исполнено. Но даже теперь его слёзы не переставали течь. Он плакал больше и больше. Это естественно, потому что расставание после свидания более болезненно, чем разлука перед встречей. Не в силах больше выносить разлуку с Радхой и Кришной после этого долгожданного свидания, он оставил материальное тело, чтобы в своём духовном теле повстречаться с Ними в трансцендентном Вриндаване.

Кто-то может удивиться тому, что если действительно Радхарани очень милостивая, тогда почему Она позволила Бабе плакать о Ней в течении сорока лет? Неужели Она не могла появиться перед ним раньше? Она могла. Но смог бы тогда Баба Её увидеть? Тело Радхарани не состоит из костей и плоти, которые могут видеть наши глаза, оно сотворена из любви. Радха — олицетворение любви. Для того чтобы увидеть Её, преданный должен иметь глаза, умащенные любовью. Любовь не может прийти в грязное сердце. Его нужно очистить садханой, а лучшая садхана — плач в разлуке. Слёзы, текущие при воспоминании Радхи и Кришны, смывают все грехи и оскорбления, а огонь разлуки, вспыхнувший в сердце, уничтожает заросли всех видов материальных желаний. Только в этом случае подготовлена почва для того, чтобы семя любви проросло и росток набрался силы. Когда он оденется листвой и начнёт цвести, Радха и

Кришна не смогут сохранять безразличие. Они естественным образом привлекутся ароматом цветущей любви.

Шри Гауранга Дас Бабаджи

После того, как мой духовный учитель Шри Шримад Бхактисидхант Сарасвати Госвами Махарадж оставил тело, я испытывал сильные душевные страдания. Хотя я знал, что его благословения всегда останутся со мной, но всё же ощущал себя, подобно сироте. Не было никого, к кому я мог бы обратиться за помощью, наставлениями или вдохновением. Моя жена переживала тяжелее, потому что она получила от него только Харинаму. Она ожидала благоприятного дня, чтобы получить инициацию соответствующим образом. Но Махарадж ушёл перед тем, как такой день наступил.

Мы часто ездили во Вриндаван в поисках сидха махатмы, кого бы мы хотели принять нашим духовным руководителем или опекуном. Однажды я спросил одного старого *садху* во Вриндаване: «Существует ли в настоящее время сидха святой, духовная динамо-машина, к кому я мог бы приходиться подзаряжать свои батареи, когда они садятся или разряжаются?»

«Конечно, — ответил *садху*, — ты что-нибудь слышал о Шри Гауранга Дасе Бабаджи Махарадже из Раманрети?»

«Нет».

«Тогда для чего ты приезжаешь во Вриндаван? В настоящий момент во Вриндаване только он является сидха святым. Он скромный и смиренный. Но духовное богатство, скрывающееся за простотой, не может ускользнуть от глаз пронизательного *садхаки*. Ты должен пойти и посмотреть на него».

Мы с женой отправились к нему в тот же вечер и увидели привлекательного вида *садху* плотной комплекции, около шестидесяти лет, сидящего в полном одиночестве в своей комнате и повторяющего *джану*. Его глаза были влажными, лицо сияющим, и неземной покой царил над ним и вокруг. Казалось, что из глаз *садху* выплёскивалась любовь, которая не могла поместиться в его сердце и переливалась через край. Он окинул нас ласковым взглядом и, как будто, через глаза приблизил нас к своему сердцу и с любовью обнял. Мы почувствовали, что, наконец-то, нашли нашего духовного попечителя,

великого святого, которого так долго искали. Наши сердца растаяли, и по щекам заструились слёзы.

Баба заметил наше бедственное положение и промолвил голосом, наполненным любовью: «Не переживайте, если что-либо причиняет вам страдание. Идите и расскажите о вашей беде *калпатару* (дереву, исполняющему желания), вон там (он указал на дерево *ним*, которое росло на территории его *ашрама*). Все деревья во Вриндаване — *калпатару*. Если вы обнимете дерево желаний и от всего сердца расскажете о вашей горе, оно услышит и поможет. Нету такой беды, с которой *калпатару* не смогло бы справиться. Оно даже может исполнить самое сокровенное желание вашего сердца: увидеть Радху и Кришну. Если вы этого сильно пожелаете».

Баба продолжал: «Послушайте, я вам объясню на примере. Один молодой человек, вдохновившись получить *даршан* Кришны, отрёкся от мира и пришёл во Вриндаван. Хотя он родился в семье аристократов и долго жил в роскоши, он стал Бабаджи, поселился в лесу и целыми днями в полном одиночестве практиковал *бхаджан*. Только один раз вечером он выходил в близлежащую деревню собирать *мадхукари*. Баба носил лишь кусок материи из грубой ткани, прикрывающей нижнюю часть тела, всегда оставаясь полуголым. Однажды, зимним утром моросило, и Баба стал дрожать от холода. Поскольку в лесу не было другого прибежища, он залез в огромное дупло в старом дереве и стал медитировать на Кришну, проливая слезы. Через какое-то время он услышал голос, исходящий от дерева напротив. Оно говорило дереву, в котором сидел Баба: «Посмотри, махатма нашёл в твоём дупле пристанище. Окажи ему милость».

«Почему бы тебе самому не помочь ему?» — ответило другое *калпатару*. Тогда с кроны дерева напротив слетел павлин и встал перед Бабой, распустив хвост. Затем прилетел другой павлин и таким же манером пристроился рядом. Затем они стали слетаться один за одним, пока перед Бабой не образовалась полуокружность из павлинов. И в следующий момент он увидел самого Кришну с павлиньим пером в короне, с флейтой в руках и обворожительной улыбкой на губах, стоящего в окружении необыкновенно красивых птиц».

Я был ошеломлён! Гауранга Дас Бабаджи не назвал имя молодого Бабы, кто был по милости *калпатару* так чудесно благословен *даршаном* Кришны. Но, как я узнал позже, это история относилась, ни

к кому иному, как к самому рассказчику. Поэтому, когда Баба описывал сцену появления Кришны среди павлинов, казалось, что он в данный момент переживает происходящее, отчего и вошёл в транс. Но он, так или иначе, совладал с собой и добавил: «Итак, вы увидели, как могущественны и милостивы *калпатару* во Вриндаване. Если вы пойдёте и помолитесь им, они дадут вам всё, что ни пожелаете».

Моя жена вступила в беседу: «Баба, если я пойду молиться к дереву желаний, то у меня есть только одна просьба, с которой мне хотелось бы к нему обратиться. Я попрошу: «Дай мне гуру, желанного моему сердцу». Но поскольку такого желанного гуру я нашла именно в Вас, то почему я должна просить у *калпатару*, а не помолиться напрямую Вам: «Не могли бы Вы быть так милостивы, чтобы принять меня Вашей ученицей, дав мне *дикшу*?».

«Лали, ты всегда была моей», — с нежностью ответил Баба.

«А как насчёт меня?» — волнуясь, поинтересовался я.

«Вы оба мои», — ответил Баба, посмотрев на меня с глубокой привязанностью.

«Но, Баба, я уже инициирован у Шри Шримад Бхактисидханты Сарасвати Госвами Махараджа».

«Ну и в чём дело? Он твой *дикша* гуру, а я *шикша* гуру. Тебе необходимо рассматривать *дикша* гуру и *шикша* гуру, как одну личность».

Моя проблема разрешилась. Баба дал мне всю свою любовь и благословения, и я несколько оставшихся лет его жизни находился с ним в тесном контакте.

Гаурангу Даса Бабаджи раньше звали Дхиренра Натха Чакравати. Он родился в аристократической семье *брахмана* в деревне Чангрипота, расположенной примерно в десяти милях от Калькутты. Его отец Шри Бхупендра Натх был богатым землевладельцем. Он послал Дхирендру и его младшего брата Пханиндру в Дарджилинг, поскольку там можно было получить лучшее образование. Дхирендра сдал вступительные экзамены в первом отделении от Дарджилинга и был зачислен в Санскрит колледж в Калькутте. Пханиндру также приняли учиться в этот колледж, где уже проходил обучение их старший брат Нарендра. Пханиндра и Нарендра попали под влияние Джьётина Мукерджи, великого революционера, погибшего в сражении с англичанами при Балешваре, которого население Бенгалии называло

Банга-кешари (львом Бенгалии). Оба брата посвятили свои жизни революции. Они были лидерами вооружённого нападения в Пабане. Нарендру арестовали, а Пханиндра, переплыв Бенгальский залив, через Бирму пробрался в Китай, чтобы достать оружие для повстанцев.

Пламя революции бушевало также и в сердце Дхирендры. Но это было не обычное восстание против правителей и государства. Это была великая революция, свергающая *майю*, повелительницу всех вождей. Дхирендра был щедро благословен *майей* всем, что только она могла ему предложить: богатым наследством, хорошим здоровьем, привлекательной внешностью, исключительным интеллектом и всеми возможностями для блестящего образования и процветающей карьеры. Но всё это тускнело в незначительность из-за отсутствия одной личности, которая имела реальное значение и придавала смысл всему остальному. Дхирендра был решительно настроен пожертвовать всем ради этой личности. Но он крайне нуждался в наставлениях гуру, которые могли бы привести к желанной цели.

Сестра Ниведита, ученица Свами Вивекананды, очень любила Дхирендру. Как-то раз она пригласила его с собой в матч Белура к Свами Брахмананде для инициации, но Брахмананда вынес мнение, предсказав: «Этот юноша скоро станет великим вайшнавом и его будущий *дикша-гуру* — сидха вайшнав».

Дхирендра погрузился в поиски святого сидха-вайшнава. Во время обучения в колледже он ездил из Чангрипоты в Калькутту на поезде. Как-то раз в дороге он повстречал одного преданного и спросил у него: «Не пересекались ли Вы когда-нибудь на своём жизненном пути со святым вайшнавом?»

«Да, мне выпала такая удача. Ты что-нибудь слышал о Шри Рама Дасе Бабаджи Махарадже? Он единственный мне знакомый сидха вайшнав. Я видел такие проявления *ашта-саттвика бхавы* на его теле во время *киртана*, какие не видел у кого-либо ещё и о которых я даже не слышал никогда прежде. Рама Дас Бабаджи ученик Шри Радхарамана Чарана Бабаджи Махараджа, чьи чудеса такие, как танцующее дерево во время *санкиртаны*, оживление трупа, приготовленного к сжиганию на погребальном костре, способность всего лишь одним объятием наделять людей Кришна-премой и многие другие, — хорошо известны в Бенгалии и Ориссе».

«Вы имеете в виду Бане Бабаджи Махараджа?»

«Да, Бане Бабаджи, так его обычно называли».

«Я, конечно, слышал очень много историй о его сверхъестественном могуществе, включая способность изменять жизнь человека одним взглядом или прикосновением. Будьте так добры, скажите, где живёт его ученик?»

«В настоящее время он проживает в Колхутале в домике Шри Мотилала Сиал».

В этот день Дхирендра не пошёл на занятия в колледж, а отправился напрямик по указанному адресу. Там он увидел *садху* с цветочной гирляндой на шее и *мала-джхоли* (мешочком для чётки) в руке, прохаживающегося по веранде. Заметив пришельца, *садху* остановился, и его проницательный взгляд зафиксировался на нём с такой силой, что, казалось, он хотел заглянуть в самые сокровенные излучины его сердца, как будто, святой все эти дни искал и, наконец-то, нашёл кого-то, кто был ему очень дорог. Дхирендра также почувствовал, что отыскал душу своей души, гуру, к которому стремился всё это время. И всё же он подумал: «Гурудев, если Вы действительно мой гуру, дайте мне знать, набросив на меня Вашу гирлянду». *Садху* немедленно снял с себя гирлянду и одел её на шею юноши, безумно желающего обладать ею. Дхирендра упал к его стопам и произнёс голосом, прерывающимся всхлипами: «Гурудев, ха, Гурудев!» Гурудев поднял его и, заключив в объятия, ободрил словами: «Не беспокойся, я принадлежу тебе, а ты мне».

В благоприятный день Дхирендра был должным образом иницирован Рама Дасом Бабаджи Махараджем. Как только он услышал *дикша-мантры*, то сразу же вошёл в *самадхи* (глубокую медитацию) почти на восемь часов. В этом состоянии он увидел свою *сварупу* (своё истинное я, духовное тело), прекрасную девушку одиннадцати или двенадцати лет, которая излучала золотое сияние и несла в руках цветы для украшения волос Радхарани.

Теперь Дхирендре стало трудно жить без гурудева. День за днём он отправлялся учиться, но вместо того, чтобы посещать занятия в колледже, он отправлялся в домик Шри Мотилала Сиал, садился у стоп гурудева, слушая от него *хари-катху* и участвуя в его, волнующих душу и размягчающих сердце, *киртанах*.

И всё-таки ему удалось сдать промежуточные экзамены в первом отделении. Его зачислили в Шотландский Церковный Колледж на бакалавра гуманитарных наук. Дхирендра значительно выделялся среди учащихся этого колледжа как разносторонний гений. Он был блестящим студентом с уникальной памятью, способной удерживать и с точностью воспроизводить всё, услышанное хотя бы один раз. У него были лучшие в классе оценки на семестровых экзаменах. Он хорошо играл в футбол, выступая на соревнованиях за самую знаменитую команду в Калькутте, и также отлично боролся, как-то раз удивив всех своей победой над японским борцом, приехавшим в их колледж продемонстрировать борцовское искусство. Кроме всего этого, у него был идеальный характер, отличавшийся искренней религиозностью. Учитель английского языка ласково называл Дхирендру мастер (учитель) пуритан^[117].

Родители заметили его серьёзное увлечение религией, и у них появилось предчувствие, что сын может убежать из дома и стать *садху*. Поэтому было решено женить его, как можно раньше.

Однажды, когда Дхирендра сидел дома в гостиной комнате, один человек заглянул туда. По его одежде и поведению Дхирендра мог понять, что он богат и пришёл в их дом впервые. Посетитель спросил: «Бхупендра Бабу дома?»

«Да», — ответил Дхирендра.

Тогда гость внимательно поглядел на него и ласково поинтересовался: «А ты случайно не сын Бхупендры Бабу, Дхирендра?»

Мастер пуритан почувствовав, что тот заявился с брачным предложением, рассматривающим его как жениха, ответил: «Нет, а что Вам угодно от Дхирендры?»

«Я пришёл договариваться относительно помолвки моей дочери с ним!»

«Но Дхирендры больше нет. Он мёртв».

«Мёртв?! Как это случилось? Бхупендра Бабу написал мне только два дня назад и пригласил прийти и поглядеть на сына».

«Он умер вчера от холеры!»

«О, какая трагедия! Я хотел бы выразить свои соболезнования Бхупендре Бабу».

«Он сейчас, по причине тяжёлой утраты, не в настроении встречаться с кем-либо». Гостю пришлось удалиться печальному и разочарованному.

Но Дхирендра был начеку. Он подумал, что заговор родителей о заточении его в темницу *майи* уже запущен в действие и решил отречься от мира, приняв прибежище у лотосных стоп гуру прежде, чем их планы реализуются. В ту же ночь он сбежал из дома и на следующий день полностью предался стопам гурудева. Гуру дев отправил его в Навадвипу в Самаджа-бани практиковать *бхаджан*. под руководством Лалиты Даси^[118], другого сидха ученика Шри Радхарамана Чарана Даса Бабаджи.

Бхупендра Быбу уже разослал своих людей искать сына во всех направлениях. Как только отец узнал, что тот находится в Самаджа-бани, то немедленно отправился туда вместе с Хаджари Бабу, полицейским инспектором и двумя полисменами, чтобы, если в том появится необходимость, с их помощью вернуть его домой.

Сначала он сам, оставив полицейских неподалёку, попытался всеми возможными средствами убедить сына вернуться домой. Когда все его уговоры и угрозы не возымели действия, он пошёл звать инспектора. Но он прошёл всего лишь несколько шагов, когда вдруг вернулся, в недоумении оглядываясь вокруг, и пробормотал: «О! Куда, куда ты исчез, едва появившись? Неужели ты не дашь мне своего *даршана* снова?»

Лалита Даси всё это время внимательно за ним наблюдала и, когда он приблизился к ней, спросила: «Кого Вы ищете?»

«Этого высокого Бабаджи с лицом, излучающим яркое сияние. Он следовал за мной и затем похлопал меня по спине. А когда я обернулся, он обнял меня и... (его голос прервался от эмоций, и он продолжал обрывистыми фразами)... и дрожь пробежала по моему позвоночнику. Он... он поглядел на меня ласково со слезами на глазах и... и сказал: «Бхупен, как долго ты, находясь в иллюзии, будешь продолжать ценить вещи, которые, в действительности, тебе не принадлежат, но ты считаешь их своими и мучаешься бесчисленными страданиями из-за привязанности к ним? Неужели ты не понимаешь, что Дхирендра принадлежит мне?!» О! его... его волшебное прикосновение! Кажется, оно полностью разрушило мои иллюзии.

Где... где же он? Я чувствую себя без его *даршана* таким несчастным!»

Лалита Даси предложила: «Пойдёмте, я проведу Вас к нему». Она подвела его к статуе Шри Радхарамана Чарана Даса Дева в натуральную величину и сказала: «Посмотрите, не тот ли это Бабаджи?»

«Да, это он!» — воскликнул Бхупендра Бабу и упал к ногам статуи, бормоча, бог знает что, и проливая бесконечные потоки слёз. Он стал теперь другим человеком. Его иллюзии рассеялись. Он осознал, что его право на устройство судьбы сына есть фикция. Дхирендра принадлежал своему гуру и *парам-гуру*^[119] и путь, выбранный им, является единственно правильным для проницательного человека, чьи глаза видят истину. Отец Дхирендры вернулся домой умиротворённый, оставив сына жить под присмотром его гурудевов.

Спустя некоторое время Дхирендра с разрешения своего гуру ушёл во Вриндаван и начал практиковать *бхаджан* под руководством сидха Шри Джагадиша Даса Бабаджи из Калиядаха, который стал его *шикша* гуру и нежно называл своего нового ученика Гопалом. Джагадиша Дас Бабаджи стал сидха, практикуя *аштакалья лила смаранам*. Раньше он никого не инициировал в *бхаджан* такого вида, поскольку считал, что для практики *лила-смаранам* пригоден только *садхака*, поднявшийся над уровнем телесного сознания. Но в Дхирендре Баба нашёл исключительно квалифицированную личность, поэтому он с готовностью дал ему инициацию.

Обычно Дхирендра был всё время погружён в Кришна-лилу, хотя внешне казалось, что он слоняется без дела в лесах или по берегам Ямуны. Иногда *враджабаси* говорили Бабе: «Твой Гопал не делает никакого *бхаджана*, он только бродит вокруг, подобно лунатику». Джагадиша Дас Баба отвечал: «То, что совершает Гопал, это *бхаджан* высшего порядка. Он не может делать ничего, кроме *бхаджана*».

Однажды вечером, когда Дхирендра сидел рядом с Бабой, тот внезапно воскликнул: «Смотри, смотри, Гопал! Рама и Кришна возвращаются с коровами из леса! О! Как они прекрасно выглядят!»

Дхирендра уныло ответил: «Я ничего не вижу, Баба».

Джагадиша Баба сделал небольшую паузу, затем слегка похлопав его по щеке, благословил: «Ты увидишь, Гопал, я говорю: ты

увидишь».

После некоторого время Джагадиша Дас Баба сказал Дхирендре изучать *шастры* и практиковать *бхаджан* под руководством Пандита Рамкришна Даса Бабы. В те дни Пандит Баба жил в Шьяма Кути, на Кусум-сароваре, а Дхирендра поселился в *кумире* около Гвалапокхара, на некотором расстоянии от него. Ежедневно в полдень он приходил к Пандиту Бабе для изучения писаний. Дхирендра быстро овладел "Шримад Бхагаватам" "Шатсатсандарбхами" и многими другими *бхакти-шастрами*. В тот же период времени он выучил наизусть все *бани-грантхи* (книги стихов) на *Враджа-бхаша* (языке Враджа), описывающие божественные *лилы* Радхи и Кришны и стал известен как *пандит*, сведущий в *шастрах* и во *Враджа-сахитье* (литературе Враджа).

По распоряжению Пандита Бабы он начал каждый вечер напротив Шьяма Кути проводить обсуждения *бхакти-шастр*. На его вдохновляющие лекции, которые к тому же были полны эрудиции и очень эмоциональны, приходили маханты даже из самых отдалённых мест.

Через некоторое время опять, согласно наставлению Пандита Бабы, он вернулся к своему *дикша-гуру*, Рама Дасу Бабаджи и принял от него *вайшнава-саньясу*, после чего получил имя Гауранга Дас. Согласно образу жизни *саньяси*, всё его имущество заключалось в *каупине*, *бахирвасе* и *караве*. Дни и ночи он проводил в лесу, практикуя *джану* и медитацию, и только один раз вечером выходил в деревню за *мадхукари*.

Как-то ночью он увидел сон, в котором услышал, как из места неподалёку его позвал Гирирадж^[120] и сказал: «Возьми Меня в свой *кутир*. Я жажду твоего служения Мне». Следующим утром, придя в это место, он увидел там людей, копающих колодец. Когда они углубились на два или три фута, появился великолепный Гирирадж, который в точности походил на камень, виденный Гаурангой Дасом во сне. Гауранга Дас сразу же поднял Его и, прижав к груди, отнёс в свой *кутир*.

Он стал служить Гирираджу телом, умом и душой. Но, как долго могла просуществовать компания аскетичного Гауранги и Гирираджа, привыкшего к роскоши? Гауранга никогда ничего не просил кроме *мадхукари*, зато запросы Гирираджа были бесконечны. Чего Он только

не хотел иметь! Подавай Ему шёлковые одеяния, золотую флейту и корону, лучшие благовония, фрукты и сладости... Гауранга Дас тратил всё своё время на удовлетворение Его требований, у него почти ничего не оставалось для *лила-смаранам*.

В этом затруднительном положении он пришёл во Вриндаван к Джагадише Дасу Бабаджи и, доложив ему о своих проблемах, спросил: «Теперь скажите мне, должен ли я, согласно Вашим наставлениям, посвятить свою жизнь *лила-смаранам* или подчиниться Гирираджу и проводить дни и ночи, выполняя Его бесконечные запросы?»

Джагадиша Дас Баба ответил: «Со сложенными в намаске руками скажи Гирираджу о своей неспособности служить Ему, затем принеси Его на холм Говардхан и оставь у подножья. Ты сам должен следовать путём воздержания и медитации, проложенным Шри Рупой и Шри Санатаной».

В соответствии с этим советом Гауранга Дас и поступил.

Санатана Госвами следовал путём строгой умеренности и самоограничений. Чтобы удерживать душу в теле, он обычно съедал раз в день *бати* (колобок из пшеничной муки, слегка приплюснутый и запечённый на костре) даже без соли, прежде предложив это же самое в качестве бхоги Шри Маданамохану.

Однажды Маданамохан пожаловался ему: «Санатана, Я нахожу очень трудным проглатывать твои несъедобные колобки. По крайней мере, дай хотя бы соли».

Санатана ответил: «Прабху, сегодня Ты попросил соли, а завтра захочешь *дал*, *сабджи*, сладости и ещё что-нибудь. Где мне всё это взять? Я Бабаджи, поддерживающий своё тело всего лишь горстью муки, которую прошу у *вradжабаси*. Если я буду ходить и собирать всё, что Ты захочешь, то где мне взять время для *смаранам*? А если у Тебя есть желание лучшего поклонения, тогда Сам позаботься об этом».

Маданамохан вынужден был приложить собственные организаторские способности. Он задействовал в строительстве величественного храма одного богатого торговца по имени Рама Дас Капур и устроил там Себе такое служение, какое хотел. Санатана не прожил на территории храма даже одного дня. Служение Маданамохану он передал *пуджарию*, а сам поселился отдельно, всё своё время посвящая *лила-смаранам*.

Иногда необходимо пожертвовать какой-то незначительной целью для более высокой. Санатана Госвами и Гауранга Дас Бабаджи принесли в жертву служение более низкого уровня, исполняемое посредством материального тела и физических ингредиентов, для высшего служения в духовном теле на трансцендентальном плане *лила-смаранам*.

Вайрагья (безразличие к телу и его потребностям) Гауранги Даса Бабаджи стала настолько интенсивной, что он иногда совершенно не осознавал своё тело. Он также не мог жить на одном месте подолгу, поэтому, в основном живя в лесу, часто менял деревья, служащие ему прибежищем. Вечером отшельник выходил в близлежащую деревню за *мадхукари*. Иногда вместо сбора подаяний, он поддерживал своё тело листьями и дикими плодами, которые мог найти в лесу, а иногда вовсе обходился без пищи в течение нескольких дней. Временами *враджабаси* видели его лежащим почти без сознания под каким-нибудь деревом по три-четыре дня подряд. Тогда они начинали носить ему под дерево еду. Но его погружённость в Кришна-лилу была настолько глубока, что во время медитации он не чувствовал, ни голода, ни жажды, и еда, принесённая *враджабаси*, оставалась нетронутой. В этом состоянии он также не осознавал, есть на нём одежда или нет.

Однажды, будучи в полусознательном состоянии, он пошёл в деревню за *мадхукари*. Одна из крестьянок, которая раньше давала ему роти, закрыла двери своего дома, едва заметив его. Другая сделала то же самое, захлопнув дверь перед самым носом Бабы. И ещё одна закричала, разозлившись: «Ты сумасшедший Бабаджи, убирайся отсюда». Гауранга Дас не понимал, почему женщины Враджа, которые раньше любили его, как своих сыновей и с удовольствием давали *мадхукари*, внезапно настроились враждебно к нему. И только после того, как какие-то уличные мальчишки начали бросать в него обломками кирпичей, он полностью пришёл в сознание и увидел себя абсолютно голым.

Именно в этом состоянии *дивьонмада* (божественного сумасшествия) он был благословён виденьем Кришны среди павлинов.

Однажды зимой Гауранга Дас лежал под деревом в лесу Падараван, около Варшаны, глубоко погружённый в *лила-смаранам*. Откуда-то приползла кобра и залезла ему на грудь. Она сидела некоторое

время на нём с поднятой головой и раздутым капюшоном. *Враджабаси*, пришедшие в лес пасти коров, закричали: «Баба! О, Баба! На твоей груди — змея!» Баба открыл глаза. Увидев кобру, он подумал, что Ананта Дев пришёл пролить на него милость и, сложив в почтении руки, стал молиться о благословении. Кобра опустила голову, как бы благословляя, и, соскользнув вниз, исчезла в траве.

Вскоре её благословение принесло плоды. Гауранга Дас пришёл во Вриндаван на *даршан* к Джагадиша Дасу Бабе. Ночью, сделав массаж стопам гуру, он лёг спать возле его кровати на земляной пол. Джагадиша Дас Баба, возможно, вспомнил свои заверения, что ученик однажды увидит Кришна-лилу, а, может быть, он подумал, что подошло время для исполнения обещания. Но, так или иначе, он с любовью поместил свои стопы Гауранге Дасу на грудь. Как только он сделал это, Гауранга Дас почувствовал, что у него, как будто, открылся третий глаз, как если бы внезапно открылись шлюзы и поток Кришна-лилы свободно устремился в его сердце.

С этого момента у Гауранги Даса открылось непосредственное восприятие (*сакшатакара*) Кришна-лилы и ощущение трансцендентального блаженства, он, подобно умелому пловцу, легко и свободно наслаждался плаваньем в океане *рас*.

Мы уже говорили выше, что махатмам Враджа очень нравились чтение и объяснения книг, относящихся к *лилам* Радхи и Кришны, особенно "Вриндавана Махимаамриты" и "Радха-раса-судханидхи", в исполнении Гауранги Даса. Они всегда страстно искали возможность послушать его *патл*. И не только махатмам, Тхакурам Вриндавана также нравилось слушать эти лекции.

В 1922-м году, уступая настойчивой просьбе *враджабаси* из Свамиграма, Гауранга Дас читал лекции по "Вриндавана Махимаамрите" в храме Свамиграма в течение двадцати дней. Закончив *патл*, он следующим утром решил покинуть это место. Но в ту же ночь Тхакур храма сказал *пуджарию* во сне: «Мне очень понравился *патл* Гауранги Даса Бабаджи. Попроси его от моего имени продолжить *патл* ещё на пять дней». *Пуджарий* рассказал об этом Гауранге Дасу, и Баба продолжал читать лекции на семь дней дольше.

Одно время у него был план устроить в некоей деревне пятидневную *Хари-катху*, а на шестой день уйти в другое место. Но на пятый день после завершения *катхи*, ночью ему привиделся сон, в

котором он собирал в этой деревне *мадхукари* и встречал возле каждой двери Радху и Кришну, ожидающих его. Они, соперничая, опережая друг друга, пытались дать ему *мадхукари* и забавно спорили: «Бери, Баба, бери. Возьми у меня, возьми у меня». На следующий день он оставил идею покинуть это место, потому что подумал, что необходимо пожить подольше в деревне, где два Божества его сердца спорят о том, кто первый даст ему *мадхукари*.

В 1924-м году Пандит Рамакришна Дас Бабаджи переселился из Говардхана во Вриндаван, в Дауджи-Ки-багичи. Гауранга Дас Баба также поселился во Вриндаване, в Сахаджаханпур-Ки-багичи, неподалёку от Дауджи-ки-багичи. Во время проживания в этом месте он каждый вечер, после *мадхукари*, читал "Радха-раса-судханидхи" *калпатару* (деревьям желаний), стоявшим вокруг его хижины. Как-то он вернулся позже обычного и лег спать в *кутире*, поскольку уже стемнело. Вскоре Баба услышал, как кто-то стучится в дверь. Выйдя в сад, он услышал голос, исходящий от близстоящего дерева: «Гауранга Дас, разве ты не будешь читать сегодня "Радха-раса-судханидхи"?» Баба ответил: «Махарадж, я извиняюсь, я вернулся поздно с *мадхукари*. Уже стемнело, и ты знаешь, что у меня нет лампы или свечки».

«Нет, нет, зайди внутрь и погляди. В одном из углов твоего *кутира* лежат свечка и коробок спичек», — сказала *калпатару*.

Гауранга Дас, войдя внутрь, в действительности, нашёл спички и свечу, которую сразу же зажёл и сел читать "Радха-раса-судханидхи". Согласно с указаниями Пандита Бабы Гауранга Дас начал читать лекции по "Вриндавана Махимамрите" напротив его *ашрама*, в Дауджи-Ки-багичи. Его *катку* всегда оценивали по достоинству образованные люди и безграмотные, *садку* и подобия *садку*. Но сейчас у неё появилась добавочная привлекательность: *ашта-сатвика-бхава*, которая во время *катки* постоянно проявлялась на теле Гауранги Даса. Когда он декламировал *шлоки*, описывающие красоту наполненного счастьем духовного Вриндавана и развлечения Радхи и Кришны, из его глаз постоянно текли слёзы. Иногда *лилы*, которые он описывал, проявлялись перед ним. Баба в это время полностью в них забывался, и *катка* приостанавливалась до тех пор, пока к нему не возвращалась способность говорить. Махатмы и *бкакты* со всего Враджа приходили слушать его лекции.

Сверхъестественный характер *катки* может быть понят из историй, к которым даже сейчас относятся с теплотой и преданностью некоторые пожилые люди, кому выпала удача на ней присутствовать.

Как-то во время *катки*, люди увидели прекрасные белые цветы, падающие с неба. Все с удивлением поглядели на Пандита Бабу, как будто, просили его объяснить феномен. Пандит Баба объявил: «Здесь нечему удивляться. Гауранга Дас читает лекцию, и боги осыпают его цветами».

Во время *катки* одна змея приползала и лежала возле каменной ограды *ашрама*, а уползала, как только лекция заканчивалась.

Одна большая ветвь дерева *ним* так низко свисала над местом, где проходила *катка*, что там становилось темно прежде, чем садилось солнце, и поэтому лекции заканчивались раньше. Все хотели, чтобы эта ветвь исчезла, и в один день, когда не было *катки*, она сама обломилась.

Подобно другим сидха махатмам, Гауранга Дас обладал сверхъестественными способностями и мог творить чудеса, но никогда не хотел их использовать. Тем не менее, иногда он оказывался в ситуациях, когда вынужден был применять эти способности. Однажды он поехал в Калькутту получить *даршан* гурудева. Гурудев попросил его рассказать о могуществе Харинамы на вечере организованном для элиты города. Рассказывая обстоятельно о сверхъестественной силе Харинамы, он сказал: «Для Харинамы нет ничего невозможного. Она может даже оживить мёртвого». В этой связи он предоставил пример Шри Радхарамана Чаранадаса Бабаджи, который однажды произвёл большую сенсацию в Калькутте, простым повторением святых имён оживив женщину Марвари, чьё тело уже собирались кремировать на берегу Ганги.

Как только Гауранга Дас Бабаджи произнёс эти слова, вдруг с ветки дерева, прямо перед ним, упала мёртвая птица, как бы предоставляя шанс доказать сказанное. Он заметил на лицах всех собравшихся вызов и сильно заволновался. Его реакция на вызов была аномальной. Описывая свои переживания в связи с этой историей, он как-то сказал автору: «Обычно, если я вижу кого-то в беде, то призываю Господа. Но на этот раз я не призвал Господа. Я не мог стерпеть, чтобы Харинама была скомпрометирована подобным образом. Я сказал сам себе: «Нет, этого нельзя допустить!» И

почувствовал, как моё сердце автоматически улетело к птице и вдохнуло в неё жизнь. Птица затрепетала и взлетела. На следующий день эта история появилась в газетах Калькутты. Кто-то рассказал об этом Рама Дасу Бабаджи Махараджу. Баба Махарадж сказал мне неодобрительно: «Торговля чудесами?» Я извинился со сложенными в *намаскаре* руками и ответил: «Баба, я не смог не подействовать этому, потому что принижалось достоинство Харинамы».

Подчиняясь воле гурудева, Гауранга Дас Бабаджи стал какое-то время давать *дику*. У него было много учеников. Иногда в критические моменты их жизней, он не мог воздержаться, чтобы не использовать свою духовную силу, помогая им.

В случае со мной, один астролог предсказал, что, согласно моему гороскопу, сорок третий год моей жизни будет роковым. Но Баба ободрил меня: «Капур, ничего не бойся. Даже если придёт отец Калы (бог смерти), он не сможет прикоснуться к тебе». Кала пришла в назначенное время, и я видел своими глазами и слышал собственными ушами, как Баба прогнал её подальше.

Возможно, от того, что Баба часто брал на себя чужие недуги, в этот период он заболел. Но, каким бы ни было состояние его тела, в душе он всегда оставался спокоен. Как-то раз, когда Баба захворал, я сидел рядом с ним. В моём уме постоянно возникали мысли: «Почему вообще *сиддха нуруша*, подобный Бабе, должен страдать?» Баба смог услышать вопрос, который я сам себе задавал и ответил метафорически: «Капур, у Рави Тхакура есть песня, в которой поётся: один путешественник, пробираясь через безлюдное место, был напуган, внезапно собравшимися в небе, чёрными тучами, ужасным громом и вспышками молний, угрожающими его жизни. Ах! Если бы путешественник только знал, что над тучами под аккомпанемент очаровательной музыки совершался танец *Раса*^[121], и над всей атмосферой царил восхитительный покой!»

Однажды Бабе необходимо было вырезать на спине карбункул. Доктор хотел применить хлороформ. Но Баба сказал: «Тебе не нужно беспокоиться насчёт наркоза. Во время операции ты делай свою работу, и я буду делать свою. Я даже не буду осознавать, что ты делаешь с моей спиной». Доктор неохотно стал оперировать без наркоза. Но на протяжении всего процесса удаления карбункула Баба

даже ни разу не охнул и не застонал. Он был всё время в *самадхи*, абсолютно равнодушный к происходящему.

Как-то один преданный спросил у него: «Баба, Ваши молитвы помогли стольким людям избавиться от страданий, Вы даже вытащили многих из когтей смерти. Почему Вы не помолитесь за себя?»

«Мы всегда заняты в *бхаджане*. Наша цель доставить счастье Радхе и Кришне, а не собственное счастье. Почему мы должны беспокоить Их из-за таких пустяков, как болезни тела».

Но хотя Баба никогда не молился за себя, в критических случаях к нему всегда приходил на помощь его гурудев. Однажды, когда ему удалили коренной зуб, в рану попала инфекция. Опухоль увеличивалась до размера, когда ему стала невозможно проглатывать пищу. Один из его учеников сообщил об этом Рама Дасу Бабаджи. Тот немедленно отбил телеграмму с просьбой доставить Гаурангу Даса к нему в *ашрам*. Его привезли в Калькутту. Была организована консультация лучших хирургов города. Они вынесли решение, что заражение достигло стадии, на которой хирургическое вмешательство стало невозможным. Рама Дас Бабаджи увёз ученика в Навадвипу. Он положил его перед *мурти* своего гуру Шри Радхарамана Чаранадаса Бабаджи в Самаджа-бани и сказал: «Разве истории о твоих милостивых чудесах будут содержаться только в книгах, или люди смогут их снова увидеть своими глазами? Сейчас предоставляется такая возможность. Гауранга — твоя собственность. Поступай с ним, как пожелаешь». Сразу же после этих слов Гауранга Дас Баба увидел Радхарамана Чарана Даса Дева, стоящего рядом и говорящего: «Гаура, что с тобой случилось?» Баба сердито ответил: «Разве Вы не видите, что случилось?»

Затем Радхараман Чаран Дас слегка потёр его руку и щеку. Опухоль немедленно прорвало, из неё потоком начал изливаться гной. Операция завершилась, и Гауранга Дас почувствовал облегчение.

Баба в течение тридцати пяти лет передвигался по Враджу из одного места в другое. Но к концу жизни он пришёл во Вриндаван и поселился в *ашраме* своего духовного дяди в Раманарети, который назывался Радхараман-ниवास, где в настоящее время находится его *самадхи*. Ему нравилось это место, в особенности, потому что там росли *калтатару*, деревья *ним*, которые он очень любил. Баба разговаривал с ними, пел им песни и читал вслух "Радха-раса-

судханидхи" и другие священные писания, имеющие отношение к лилам Радхи и Кришны. Они взаимно от всей души любили Бабу и не могли подолгу выносить его отсутствие в *ашраме*, как и он не мог оставаться без них длительное время. Баба не позволял никому лазить по деревьям, обламывать у них ветки и даже рвать листья. Но однажды случилось так, что он сказал своему ученику Манохару привязать у одного дерева нижние ветви к верхним, поскольку они опустились слишком низко и мешали проходить по дорожке. Через некоторое время Манохара исполнил его указание. Баба в тот момент находился в своей комнате и не знал, что ветви уже подвязаны. Но как только работа была закончена, он почувствовал мучительную боль в груди и закричал: «Манохара, Манохара!» Манохара незамедлительно прибежал. «Ты уже связал ветви?» — спросил Баба.

«Да, Баба».

«Пойди и побыстрей развяжи их».

Как только Манохара освободил ветви, боль у Бабы в груди затихла.

Следующим утром, когда Баба прогуливался по *ашраму*, он увидел возле того самого дерева, с низко опущенными ветвями, прекрасного мальчика с лицом, излучающим ангельское сияние, сказавшего ему со слезами на глазах: «Даже ты хотел связать меня!»

Баба также заплакал и, поклонившись мальчику, извинился.

В 1951-м году Гауранга Дас Бабаджи снова серьёзно заболел. Его ученик Г. Н. Вьяс, известный доктор из Агры, предоставил ему место в своей частной клинике. Но его состояние продолжало ухудшаться. На последней стадии, когда уже не осталось надежды на выживание больного, он привёз его обратно во Вриндаван. Машина доктора приехала во Вриндаван около шести часов утра, и Баба по-прежнему оставался без сознания. В это же самое время Рама Дас Бабаджи с помощником совершал утреннее служение в своём *ашраме* в Калькутте. Внезапно он вошёл в медитативное состояние. Когда помощник хотел привлечь его внимание к совершаемому ритуалу, Бабаджи воскликнул: «Ты ничего не понимаешь, Гауранга Дас хочет уйти вперёд меня. Я не позволю ему это сделать!» С этого момента состояние Гауранги Даса стало улучшаться, и он выздоровел.

В один день 1953-го года, в два часа ночи, Рама Дас Бабаджи проснулся, позвал своих учеников и объявил: «Меня позвали. Я ухожу!»

Воспевайте *киртан!*» Они стали петь. Когда *киртан* был в самом разгаре, он воскликнул: «Радхараман!» и оставил тело, чтобы встретиться со своим гуру Шри Радхараманом Чаранадасом Девом в трансцендентном Вриндаване.

Это случилось на Кришна *чатурдаши* месяца *аграхаяна* в Калькутте. В тот же самый день Гауранга Дас Баба воскликнул во Вриндаване: «Все ушли, все ушли». И с этого дня Баба вошёл в состояние неполного *самадхи*, которое обернулось в полное на *шукла экадаши* того же месяца, когда он вышел из тела на встречу со своими гурудевом и *парам-гурудевом* в исполненный блаженства Вриндаван, чтобы помогать им совершать *према-севу* (любственное служение) Радхе и Кришне.

Шри Кришнапрема (Рональд Никсон)

Шри Кришнапрема (Рональд Никсон) родился десятого мая 1898-го года в религиозной семье в Англии. Он с отличием окончил университет в Кембридже и получил учёную степень бакалавра гуманитарных наук по английской литературе. Во времена студенчества в нём проявились религиозные наклонности. После окончания университета он применил свои способности в изучении буддизма, христианства и теософии. Но когда началась первая мировая война, он поступил на службу в военно-воздушные силы Великобритании.

Когда Германия оккупировала Бельгию и готовилась к новым наступлениям, командование английской армией вынесло решение ударить по ним с воздуха. Английские пилоты, среди которых был Рональд Никсон, полетели на своих бомбардировщиках в сторону Бельгии. Но германские истребители были на страже. Они атаковали английские самолеты, в результате чего бомбардировщики были сбиты, а их пилоты погибли. Та же самая судьба ожидала Рональда Никсона, если бы не вмешательство сверхъестественной силы, которая сжала ему запястье и направила самолет выше, очень высоко и затем развернула его в обратном направлении. Когда он очнулся, то обнаружил себя в военном госпитале неподалёку от Лондона.

Во время лечения в госпитале он часто находился в полусознательном состоянии, в котором ему несколько раз слышался чей-то голос: «Твоя жизнь была спасена сверхъестественной силой. Ты можешь найти её в Индии».

Мистическое вмешательство не только спасло его жизнь, но и направила её в новое русло. Он стал искать возможность уехать в Индию, чтобы докопаться до секретов божественного или сверхъестественного. По счастливому предопределению в то время в Лондоне был доктор Джнанендра Натх Чакравати, вице-директор университета в Лакнау. Он искал подходящую личность на место преподавателя английского языка в своём университете. Ему очень сильно понравился Рональд Никсон не только блестящим образованием, но так же — а может быть в особенности — своей

заинтересованностью индийской философией, религией и культурой. И он с радостью предложил ему вакантное место.

Рональд Никсон поступил на работу в университет Лакнау. Он жил вместе с Джнанедрой Чакравати и его женой Моникой Деви. Моника Деви была хорошо образованной и культурной дамой, и к тому же глубоко религиозной. Её впечатлила искренность устремлений и доброжелательность Рональда. Она пролила на него всю свою симпатию и стала относиться к нему как к своему сыну. Рональд звал её Ма, а она называла его Гопал.

Рональд продолжал свои поиски Божественного. Поскольку его раньше интересовал буддизм, он выучил язык пали и читал писания буддизма в оригинале. Он также практиковал медитацию в соответствии с учением этой религии. Но это не принесло ему удовлетворения. Поэтому он обратил внимание на Веданту. Рональд выучил санскрит и прочитал на нём «Упанишады», «Бхагават Гиту» и «Шримад Бхагаватам». В результате чего он всё больше и больше увлекался Кришной, пока не принял его *иштой*, почитаемым Господом, которому стал поклоняться. Это должно было произойти в силу его пронизательного интеллекта и глубокого духовного виденья.

Но наиболее важным фактором, который в конечном счёте перенаправил его к стопам Кришны, были близкие отношения с Моникой Деви. Внешне Моника Деви выглядела как ультрасовременная дама. Она вместе с мужем посетила Европу, Америку и много других стран и была знакома с западным этикетом. В общественных собраниях и на вечеринках в своём доме, которые были регулярными событиями мужниной светской жизни, по манерам, с которыми она играла роль хозяйки, двигаясь от стола к столу, смеясь и отпуская шутки, наполняя атмосферу вечера искромётным остроумием, можно было с лёгкостью ошибиться, приняв её за западную даму. Но она была мистической личностью, которая вводила в заблуждение обычных людей, принимавших только то, что лежит на поверхности. Было возможным увидеть её реальную личность, наблюдая, каким образом она откликалась на бенгальские *киртаны* и индийские *бхаджаны*, особенно на те, в которых пелось о Кришне и его развлечениях. Она слушала их с удивительной сердечностью и со слезами, непрестанно текущими по щекам. В такие моменты

наблюдателя не покидало чувство, что она обитательница глубин, живущая в абсолютно ином мире.

Её настоящая природа не могла ускользнуть от зорких глаз Рональда. Он заметил, что на вечеринках в их доме она иногда вдруг исчезала в своей комнате, и захотел узнать тайну этих внезапных исчезновений.

Однажды была особенная вечеринка в их доме, и Рональд заметил, что она, как только заиграла музыка, приглашающая всех к танцам, внезапно бросилась в свой будуар. Он осторожно проследовал за ней на некотором расстоянии. Когда он заглянул в замочную скважину будуара, он увидел её, сидящую неподвижно в углу и не осознающую окружающую действительность. Когда она через полчаса появилась снова, её глаза были влажными, а лицо, казалось, излучало непостижимое сияние. Рональд сказал со сложенными в *намаскаре* руками, как человек, совершивший оскорбление: «Ма, твой Гопал сегодня украдкой заглянул в твою тайную сокровищницу. Но разве сын не имеет право на достояния своей матери? Почему ты так долго скрывала от него эти драгоценности, Ма?»

Нежно прикоснувшись к его подбородку, она ответила: «Поскольку ты уже подсмотрел, я расскажу тебе об этом всё. Но не сейчас».

На следующий день Моника Деви позвала Рональда в свою комнату, когда там никого не было, и сказала: «Гопал, ты знаешь, что в теле находится *атма* (душа). Когда атма пробуждается, человек полностью преображается. Тогда он приближается к *Параматме*, Шри Бхагавану и обнимает Его стопы. Это и произошло в моей жизни, — сделав паузу, продолжала она, — ты знаешь, что мой муж не только педагог-теоретик, но также философ и ведущий теософ. Я тоже интересовалась теософией. Но она нас не удовлетворила.

Тогда мы оба обратились к вайшнавизму. Я приехала во Вриндаван и приняла инициацию у Ачарьи Шри Балакришны Госвами из храма Радхараман. С тех пор я увлечённо совершаю Кришна-према-садхану. Я хотела удержать это в строгом секрете. Но Кришна такой озорник, что привлекает меня к Себе, когда Ему вздумается. В это время сияние, исходящее от Его стоп, делает меня не осознающей собственное тело и окружающую обстановку. Я ничего не могу

поделать. Это Он, Кто сталкивает меня и затем погружает в океан Своего сладостного присутствия и Своей восхитительной компании».

В сердце Рональда засиял луч новой надежды. Он попросил: «Ма, почему бы тебе не направить и меня по пути Кришна-премы?»

Она ответила: «Ты, несомненно, можешь направить свои стопы по пути Кришна-премы, поскольку у тебя уже не осталось иллюзий по поводу буддизма и ты, изучая «Упанишады» и «Бхагавад Гиту», познакомился с основными принципами индуизма».

Рональд начал делать *садхану* под руководством Моники Деви.

Вскоре после этого Джнанедра Чакравати переехал в Варанаси в качестве заместителя директора Бенаресского университета. Рональд не смог оставаться в Лакнау и тоже согласился принять место профессора английского языка в университете Бенареса, хотя и с гораздо меньшим жалованием. Но он был настолько популярен в Лакнау, что, как только профессора, студенты и разного рода служащие университета узнали об этом, они стали группами приходить к нему и убеждать остаться на прежнем месте. Рональда любили за его исключительно яркую внешность, находчивость на общественных собраниях, абсолютное отсутствие тщеславия и почти неуловимую претенциозность, непринужденность и нежелание спорить в беседах, способность обобщать факты и делать убедительные заключения, и, кроме всего этого, за дисциплинированный образ жизни и любовь к Индии, её философии, религии и культуре.

Но никакие уговоры не могли отклонить его от принятого решения. Рональд занял новое место профессора в Бенаресском университете. Он обнаружил, что религиозная атмосфера в Бенаресе для него намного более благоприятна, и его *бхакти-садхана*, под руководством Моники Деви, совершалась без беспокойств.

Как-то раз он сказал Монике Деви: «Ма, я решил принять *вайшнава-саньясу*».

«Это хорошая идея», — согласилась Ма.

«Но я хотел бы принять *веш* у тебя».

«Я семейная женщина. Как я могу инициировать тебя в *саньяси*?»

«Я ничего не хочу знать. Ты обязана дать мне *саньяса-дикшу*».

Ма помолчала немного и ответила: «Хорошо, я дам тебе *саньяса-дикшу*».

Она приехала во Вриндаван и сперва сама приняла *веш* у Ачарьи Балакришны Госвами, а затем, вернувшись, инициировала Рональда. После *саньясы* её стали звать Яшода Ма, а Рональду дали имя Кришнапрема. Кто бы мог подумать, что Моника Деви, родившаяся в роскоши, аристократка до кончиков пальцев, которая каждые два года летала в Англию, станет *саньясини* и побреет свою голову! В действительности, она была женщиной, которую надо было видеть, чтобы в это поверить. И Кришнапрема также был удивительным феноменом. Он, возможно, оказался первым европейцем, кто стал вайшнавом и сменил английский костюм на шафрановое одеяние, взял в руки чётки из Туласи и украсив свой лоб U-образной тилакой, спускающейся к переносице.

Через некоторое время Джнанендра Натх Чакравати ушёл из этого мира. Этим событием ознаменовалась новая глава в жизни Яшоды Ма. Она удалилась в Гималаи вместе с Кришнапремой и дочерью Моти Рани и основала *ашрам* с храмом Миртола, находящийся на расстоянии около восемнадцати миль от Алморы. Места вокруг *ашрама* они называли Уттара Вриндаван. В храме были установлены прекрасные Божества Радхи и Кришны. С начала пригласили *брахманов*: *пуджария* и повара, но потом Кришнапрема взял на себя эти два служения, которые исполнял в соответствии с традиционными ритуальными стандартами. Он также собирал продукты, прося подаяние.

Молва о приверженности Кришнапремы к ортодоксальной вайшнавской практике ходила у всех на устах. Как-то один его друг, бенгальский учёный, пошутил над ним: «Когда моя вдовья бабушка следовала всем ритуальным процедурам, я мог это понять. Но у тебя совершенно другое происхождение. В дни твоего студенчества в Кембридже ты, должно быть, съел много говядины. Как это могло произойти, что сейчас ты соблюдаешь все эти ортодоксальные предписания?»

Кришнапрема рассмеялся и ответил: «Я верю, что любая возложенная на себя дисциплина, внутренняя или внешняя — весьма хорошая вещь в наступивший век, когда все виды общественных и самостоятельных ограничений списаны за ненужностью. И ещё, уже имеется путь, проложенный другими, кто шёл по нему до меня и достиг цели. Кто я такой, чтобы, только встав на этот путь, говорить: я

буду делать это, но не буду другое, приму эту дисциплину, но не ту? Я принимаю всё целиком, как оно есть».

С течением времени два друга Кришнапремы присоединились к нему в Миртоле. Одного звали Мадхава Ашиша, кто прибыл из Англии и служил инженером по эксплуатации самолётов во вторую мировую войну. Когда война закончилась, он взял короткий отпуск и приехал в Гималаи. До него дошли какие-то слухи о Кришнапреме. Он пришёл познакомиться с ним и больше никогда не возвращался обратно. Другой был Алек (доктор Р. Д. Александр), кто ушёл в отставку с должности главного хирурга госпиталя в Лакнау, принял Яшоду Ма своим гуру и стал постоянным членом Миртола-ашрама.

Кришнапрема полностью предался стопам своего гуру и, таким образом, открылся её милости, которая снизошла на него не слепым дождиком, а ливнем с небес. Ма как-то сама предоставила два примера его совершенного предания. Она рассказывала: «Когда Гопал захотел принять меня своим гуру, я сказала: я могу принять тебя только в том случае, если ты пообещаешь, что никогда не оставишь меня, даже если у тебя не будет больше никаких духовных переживаний до конца твоей жизни. Конечно, я знала, что если он примет обет инициации, то для его падения не останется никаких шансов. Я просто хотела, чтобы у него засело в уме понимание, что должно быть не равнодушное принятие, не обусловленность и не противоречивость в принятии того или этого. Он дал обещание и принял меня полностью, как ребёнок принимает свою мать в спонтанном доверии».

Другой пример является чудом, случившимся с ним, чудом, которое никогда не смогло произойти без полного предания гуру.

Какое-то насекомое укусило его в лодыжку, когда он медитировал на свежем воздухе. В ранку попала инфекция, и Алек и два других приглашённых доктора ничего не могли поделать. Заражение распространялось всё больше и больше до тех пор, пока состояние ноги не стало настолько критическим, что было сделано предложение её ампутировать. Тогда Ма предрекла: «Он вылечится, если перестанет принимать лекарство и будет пить только *чаранамриту*». Он тотчас согласился, игнорируя бесполезное лечение докторов, и чудодейственно излечился.

О духовных достижениях Кришнапремы достаточно сказать, что маленький Кришна, Бала-Гопал, принял его Своим старшим братом. У

Яшоды Ма была материнская привязанность к Бала-Гопалу. Она также любила Кришнапрему, как своего сына. Таким образом Кришнапрема стал старшим братом Бала-Гопала. Бала-Гопал не только не возражал, но с радостью согласился на это, о чем свидетельствует событие, происшедшее как-то ночью.

В эту ночь, когда Кришнапрема спал, он услышал, как кто-то зовёт его: «Дада, дада (брат)!» Проснувшись, он настороженно огляделся вокруг, но не смог никого увидеть. Подумав, что это иллюзия, он закрыл глаза. И опять услышал сладкий зов: «Дада!» На этот раз было достаточно ясным, что голос доносится из храма. Но внутри храма не было никого, кроме Тхакурджи (Божества). Мог ли это быть голос самого Тхакура? Он подошёл к храму поближе и снова услышал: «Дада Мне холодно. Дует из открытого окна».

Его, как будто, ударило электрическим током. В спешке он открыл двери храма, вошёл внутрь и закрыл окно. Заботливо закутывая Бала-Гопала в одеяло, он спросил: «Тхакур, ты тоже чувствуешь холод?» По щекам Божества заструились слёзы. Кришнапрема окаменел и, задыхаясь, произнёс: «Ха, Тхакур!» И заплакал. Но, так или иначе, собравшись с чувствами, он вытер слёзы Бала-Гопала своей *бахирвасой*.

Тхакур уснул. Но для Кришнапремы не было сна. Бала-Гопал, назвав его «дада», как будто, через одно это слово излил всю Свою привязанность к нему. Могло ли маленькое человеческое сердце выдержать такую любовь? Она бесконечным потоком вытекала из глаз Кришнапремы в виде слёз.

Для слёз Кришнапремы была причина, но почему плакал Бала-Гопал? Кришнапрема просто спросил у Него: «Ты тоже чувствуешь холод?»

Чтобы это понять, необходимо понять реальную природу Тхакура. Его сокровенная суть — любовь (*према*). Любовь или према — высшая *раса* (трансцендентное блаженство). Поэтому Господа называют *раса* — «*расо вах сах*». Он одновременно *раса* и *расика* (наслаждающийся *расой*). Высшая *раса*, которой Он наслаждается, является *премой* или, вернее, любовным служением *бхакты*. Поэтому взаимоотношения между Ним и Его преданным — всеобъемлющие и неотъемлемые. Он несовершенен без *бхакты*. В своей сокровенной и настоящей сути Он осознаёт Себя полностью только в связи с любовным служением

Своего преданного. Его *сидха-бхакты* служат ему непосредственно в вечной обители, трансцендентном Вриндаване. У *садхака-бхакты*, кто ещё не реализовал себя полностью, нет доступа в Его обитель. Но Тхакур, для того чтобы удовлетворить Своё вечно растущее желание наслаждаться любовным служением Своего *садхака-бхакты*, нисходит на его уровень в облике Божества. Его нисхождение в форме Мурти — одновременно акт милосердия и самоудовлетворения. Поскольку в этом образе Он также совершенствуется посредством наслаждения служением Своего *садхака-бхакты*. *Бхакта*, оказывая Ему любовное служение, кормит и украшает Его, поёт и танцует для Него, и Тхакур с любовью принимает это служение и наслаждается им. Оно приносит Ему наслаждение, потому что Он в действительности страстно желает этого.

Без сомнения, стремление к чему-либо намекает на несовершенство, и великий Господь, творящий и разрушающий вселенную, всемогущий, всезнающий и вездесущий, не имеет желаний и не стремится к чему-либо. В Нём нет недостатков. В этой форме, хотя Господь и наслаждается своей *айшварьей* или величием, Он лишён наслаждения высшей *расой*, возникающей из любовного служения Его преданного. Для того, чтобы наслаждаться этой *расой*, Он ограничивает себя и принимает человеческий образ. В этом образе Его *айшварья* полностью затмевается в сиянии *мадхурьи*, и Он действительно чувствует голод и жажду, холод и жару и страстно стремится к тем вещам, которые предлагает Ему *бхакта*. Господу доставляет чрезвычайное наслаждение, если преданный что-то говорит или делает в соответствии с этим образом. Но если он поступает противоречиво, Господь чувствует боль в самых сокровенных и нежнейших уголках Своего сердца. Кришнапрема причинил Ему страдание, спросив, чувствует ли Он тоже холод, и слёзы, пролитые Господом, были единственно адекватным ответом на этот вопрос. Кто мог оценить слёзы Тхакура лучше, чем Кришнапрема? Он оторвал угол своей *бахирвасы*, которым вытирал слёзы Бала-Гопала, и носил его в амулете возле сердца до конца своих дней.

В процессе совершения *садханы* взаимоотношения между Кришнапремой и Божествами в храме становились всё более и более близкими. Божества дали ему почувствовать многими путями не

только Свое реальное присутствие в храме, но и благодарное принятие его любовного служения.

Как-то Кришнапрема приготовил *халаву* (пудинг из манки) и предложил это блюдо Божествам. После предложения он вышел из храма, закрыл дверь и как обычно сел медитировать вместе с другими близкими обитателями *ашрама*. Во время медитации он внезапно вскочил и воскликнул: «Пойдёмте, посмотрим, в действительности ли Господь попробовал *халаву*». Когда преданные открыли двери храма, то с изумлением обнаружили, что почти половина *пудинга* была съедена Господом, и они стали танцевать от радости.

Однажды, проведя ритуал, подготавливающий Божества ко сну, Кришнапрема вышел из храма и как всегда закрыл двери на замок. На следующее утро, открыв двери, он изумился, увидев золотое ожерелье Радхарани на шее у Кришны, а золотые *нупуры* (ножные колокольчики) Кришны на лодыжках у Радхи. Он сразу же позвал преданных *ашрама* и объявил: «Посмотрите на амурные развлечения нашего шаловливого Господа!»

Постепенно Кришнапрема стал так близок к Радхарани, что Она начала разговаривать с ним. Этому служит примером один интересный случай, произошедший с учениками Кришнапремы.

Сунил и его жена Арати были его учениками. Они жили в Аллахабаде, но при всяком удобном случае приезжали в Миртолу насладиться общением с гурудевом. Как-то им не терпелось приехать в Миртолу. Но у них не хватало денег, чтобы оплатить железнодорожный тариф на билет. Арати предложила продать свои золотые браслеты. Итак, они продали браслеты и приехали в Миртолу. Через несколько дней Кришнапрема вышел из храма после утреннего служения, держа в руках два золотых браслета, и обратился к Арати со словами сердечной привязанности: «Арати, не могла бы ты рассказать мне, что ты сделала со своими золотыми браслетами?» Арати стояла, опустив глаза в землю, ошеломлённая и молчаливая. Кришнапрема продолжил с улыбкой: «Я всё знаю. Радхарани рассказала мне, что, горячо желая приехать сюда, ты продала их из-за нехватки денег. Она дала мне свои золотые браслеты и сказала: «Дай эти украшения Арати, чтобы она их носила. Мне не нравятся её руки без браслетов». Он передал ей подарок Радхарани. Удачливая Арати! По её спине прошла дрожь. Она была потрясена и так переполнена

бхавой, что чуть не упала в обморок, но всё-таки совладала с собой, и, поклонившись гуру, омыла его стопы своими слезами.

Кришнапрема обычно проводил зимний сезон во Вриндаване, общаясь со своим *парам-гурудевом*, Шри Балакришной Госвами. Первый раз он приехал во Вриндаван восемнадцатого февраля 1931-го года вместе с Яшодой Ма. Его визит произвёл сильное впечатление на жителей Вриндавана, поскольку он был первым европейцем, которого они увидели в одежде вайшнава с *тилакой* и *кантхималами*, повторяющего Харинаму на чётках, сделанных из Туласи. Он был также первым западным человеком, которому позволили войти в храм Радхарамана, хотя этому сначала была некая оппозиция со стороны вайшнавов, она утихла, как только они поняли, что Кришнапрема истинный вайшнав, каких мало во Вриндаване. И не только это. Преданные организовали в его честь собрание под председательством Шри Ванамали Дала Госвами и удостоили англичанина титулом «*Гаура-према-нидхи*» (океан любви к Чайтанье Махапрабху).

В 1944-ом году над Уттара-Вриндаваном нависли облака скорби. Яшода Ма оставила тело. Это поразило Кришнапрему, подобно удару молнии. Но Ма, даже после ухода из материального мира, никогда не оставляла своего Гопала без присмотра. В тот день, когда Кришнапрема вернулся с водопада Дандешвара в свой *ашрам* после кремации тела Яшоды Ма, он был сильно уставшим и проспал до поздней ночи. К концу ночи он услышал голос своей *гурудеви*: «Гопал, ты всё ещё спишь. Поднимайся, это время для *бхаджана*». После небольшой паузы она продолжила: «Гопал, будь уверен, я, как и раньше, всегда живу рядом с тобой». Кришнапрема вскочил и, оглядываясь вокруг, сказал со слезами на глазах: «Если ты так близко, Ма, то почему я не могу тебя видеть? Неужели, я никогда не увижу тебя снова?»

«Нет, Баба, продолжай делать *садхану*. Ты шаг за шагом приблизишь меня к себе, а в завершении мы встретимся здесь в *чинмая* (трансцендентном) Вриндаване».

То, что Ма, даже после оставления своего тела, была всегда рядом с Кришнапремой, направляя его, и тот слышал её советы, когда считал, что в этом есть необходимость, — свидетельствует одно событие. Однажды после ухода Яшоды Ма, когда Кришнапрема отправился во Вриндаван вместе с Мотирани и доктором из Варанаси

Говиндагопалом Мукхопадхьяя, он получил телеграмму от своего старого друга, старшего брата Говиндагопала, с просьбой навестить его в Вадьянатх-дхаме прежде, чем вернуться в Миртолу. Во время обсуждения вместе с Мотирани и Говиндагопалом, следует ли им поехать в Вадьянатх или нет, Кришнапрема внезапно поднялся и сказал: «Подождите минутку». Затем он ушёл в свою комнату и, вернувшись через некоторое время, объявил: «Ма велела нам: «Сразу возвращайтесь в Миртолу. Ваше присутствие там необходимо»». Кришнапрема немедленно поехал в Миртолу. Достигнув своего *ашрама*, он узнал, что *пуджарий*, которому было доверено служение Божествам, куда-то подевался. Если бы он в этот день не приехал в Миртолу, то Тхакуру пришлось бы поститься.

В 1948-ом Кришнапрема отправился в паломничество по святым местам Южной Индии. Он посетил *ашрам* Махариши Рамана в Тируваннамалайи, где получил символические и очевидные откровения. Войдя в холл, где Махариши ежедневно отдыхал на своём диване, он молча сел рядом с другими посетителями и стал медитировать на его стопы. Но как только он сел, то услышал голос, спрашивающий его снова и снова: «Кто ты такой? Кто ты такой?» Кришнапрема пытался игнорировать его, но тот не унимался, подобно назойливому визитёру, стучащемуся в дверь. В конце концов, ему пришлось сформулировать ответ: «Я слуга Кришны». Немедленно вопрос изменился: «Кто такой Кришна?» Он ответил: «Сын Нанды». Но голос продолжал задавать тот же самый вопрос. Кришнапрема обдумывал другие ответы, такие, как Он *аватара*; один во всех, пребывающий в сердце каждого и так далее. И всё же расспрашивание не прекращалось, пока он не прервал его, покинув холл, и не вернулся, глубоко обеспокоенный, к своей медитации. Однако, это не принесло ему желанного покоя. Голос не давал передохнуть. В завершение Кришнапрема был вынужден призвать на помощь Радхарани. Она прояснила ответ, сказав: «Ничего не существует вне Кришны. Поэтому, как ты можешь Его описать? Ты только можешь сказать, что Кришна — это... Кришна!» На следующее утро, когда Кришнапрема сел перед стопами Махариши, тот взглянул на него просветлённым взглядом и улыбнулся, из чего можно было легко понять, что за всеми этими вопросами стоял именно он. Затем, когда Кришнапрема закрыл глаза, погрузившись в медитацию, на него снизошло восхитительное умиротворение. Он в уме спросил

Махариши: «Могу я задать нескромный вопрос, а кто Вы такой?» После этих слов его глаза невольно приоткрылись и увидели, что на диване никого не было. Он ещё раз закрыл глаза, но в следующий момент, опять открыв, увидел Махариши, сидящего на своём месте, как ни в чём ни бывало. Стало ясно: его исчезновение подразумевало, что он вне *нама-рупы* (имени и формы) и что это был единственный способ, с помощью которого он мог ответить на заданный вопрос с точки зрения реализовавшего себя *гьяни* (мудреца).

Это молчаливая беседа, имевшая место между двумя великими душами, обнаруживает различия между *гьяни* и *бхактами*. *Гьяни* плавают в океане так называемого покоя и безмятежности, который пуст, недвижим и бесцветен, но *бхакты* действительно привольно наслаждаются плаваньем в океане любви и блаженства, вздымающихся на волнах развлечений великого Господа, являющегося сосредоточением всей красоты, любви и великодушия.

Из Тируваннамалайи Кришнапрема направился в Шрирангам. Там, в главном храме, у него была удивительная реализация. Как только он распростёрся в поклоне перед Божеством, то потерял внешнее сознание и увидел обширный океан жидкого света. Океан волновался, и на его голубых волнах один за другим возникали бесчисленные белые лотосы, а на каждом лотосе стояли очаровательные Кришна и Радхарани. Радха улыбалась, а Кришна играл на своей завораживающей флейте! От этого видения всё тело Кришнапремы покрылось мурашками, а из глаз потекли слёзы.

Как-то Кришнапрема сказал: «Если мы хотим достичь цели, вечного счастья, то должны вести корабль к противоположному берегу напрямик, пересекая расстояние кратчайшим путём». Его корабль теперь оказался очень близко к желанному берегу. И четырнадцатого ноября 1965-го года он достиг назначения, вечного Вриндавана, где Радха и Кришна с нетерпением ждали его, чтобы устроить тёплый приём.

У Кришнапремы было много западных почитателей и учеников, но число индийцев, зажёгших свои свечи от его огня, было гораздо больше. Есть много индийских гуру, у чьих стоп мы можем увидеть много иностранных учеников, но он был, возможно, единственным западным человеком того времени, у чьих стоп сидело такое большое количество учеников из Индии. Осознавая учение великих *риши* и

живя в соответствие с ним, он заново пробуждал и усиливал в них понимание их собственного духовного наследия. Его три книги: «Поиск истины», «Йога Бхагават-гиты» и «Йога Катхопанишад», по-прежнему притягивают проницательных искателей, кто чувствует необходимость руководства в поисках вечного и блаженного.

Кришнапрема подчёркивал, что имеются две необходимые вещи для достижения цели. Это непоколебимая вера и беззаветное предание стопам гуру и Господа. Он дал определение вере, как свету, посланному возвышенными личностями падшему человечеству. В действительности, твёрдая убеждённость в существование вечного поддерживает пламя вдохновения в темноте сомнений и безнадёжности. Он писал: «Я позволяю всей коллекции сомнений вырасти фактически, подобно горчице или салату, и когда они созревают, съедаю их все».

Он определял *шаранагати* (предание) как предложение *ахути* (смертного) на погребальный огонь бессмертного. Вручение себя Господу должно быть полным и безоговорочным. Оно включает в себя пожертвование всего, что не имеет значения ради одного, имеющего значение — полное замещение ложного эго волей Кришны.

Шри Гаураговинда Дас Бабаджи

Гоураговинда Дас Бабаджи, чьё изначальное имя было Гурудас, родился в 1879-м году в деревне Дварибена, находящейся возле Пичалады в районе Мединипура. Его отца звали Харипрасад Бера. Гурудас, будучи ещё ребёнком, проявлял признаки великого человека. Не в пример другим детям, он был умиротворён, любил одиночество и часто забывался в медитации. Он больше интересовался *киртанами* и образованием, чем детскими играми. Мальчик удивил всех, изучив грамматику санскрита, именуемую «Мугдхабодхой» в одиннадцатилетнем возрасте. Он завоевал сердца необразованных жителей деревни, читая им каждый день «Шримад Бхагаватам» и «Шри Чайтанья Чаритамриту».

Ему нравилось находиться в компании Шри Мадхусудана Даса, отличавшегося большой преданностью Бабаджи, который практиковал *садхану* в соломенной хижине и читать возле неё философию и наставления *шастр* тому, кого считал своим единственным другом. Мадхусудана Дас Баба внушил ему необходимость *бхаджана* и важность Харинамы. Он говорил: «В этот век Кали Харинама и только одна Харинама является средством, с помощью которого можно осознать Кришну.

*харенама, харенама, харенамаива кевалам
калу настьяева, настьяева, настьяева гатирньятха*

Нет различия между Кришной и Его именем. В отличии от других имён и названий имя Кришны, как и сам Кришна, состоит из знания, вечности и блаженства (*сам-чит-ананда*). Оно так же могущественно и милостиво, как Кришна. Оно удаляет все загрязнения в сердце и делает его достойным для осознания Кришна-лилы. Имя Кришны одновременно средство (*садхана*) и цель (*садхья*). Если ты примешь прибежище в Харинаме, она будет защищать тебя от всех бед и вымостит путь к достижению высшей реализации».

Гурудас принял близко к сердцу совет Мадхусудана Даса Бабаджи и начал повторять Харинаму. Он уходил в какое-нибудь уединённое место и часами занимался повторением святых имён или собирал

деревенских ребяташек и устраивал *киртан*. Это сильно насторожило его отца, — он предчувствовал, что сын отречётся от мира и станет затворником. В надежде, что паломничество изменит настрой его ума, он отправил сына вместе с Мадхусуданой Дасом посетить святы места.

Вдвоём они побывали во всех святых местах Гаурамандалы, включая Амбика Калну, где Гауридас Пандит, близкий спутник Чайтаньи Махапрабху, поклонялся Божествам Гаура-Нитай, которые ему достались от самих Гаура-Нитай. Там Гурудас принял дикшу от Шрипада Акхилачандры Госвами, потомка Гауридаса. Гурудас вернулся домой через год.

Паломничество привнесло изменения в Гурудаса, но не те, которые желали его родители. Во время путешествия он встретил Шри Гауракишора Даса Бабаджи, кто посоветовал ему всё оставить, как сделали Рупа и Санатана, и уйти во Вриндаван. Вследствие этого в его сердце еще сильнее запылало пламя отречения. К тому же в этот огонь топлива добавило то, что он лишился общества Мадхусудана Даса Бабаджи, который теперь ушёл во Вриндаван, чтобы провести там остаток своей жизни.

Отец Гурудаса подумал, что лучшим способом потушить разгоревшийся пожар будет женитьба сына. И он не стал мешкать, чтобы подыскать ему невесту.

В ночь перед свадьбой Гурудас, казалось, стоял на распутье. Ему необходимо было немедленно решить, или идти путём семейной жизни, который, на первый взгляд, казался усыпанным розами, или пробираться тернистой тропой отречения. Его мать умерла незадолго до этого и перед смертью наказала ему жениться. Гурудас должен был принять решение: действовать согласно воле матери или следовать совету Гауракишора Даса Бабаджи. Он решил отречься. Ночью жених потихоньку выскользнул из дома и убежал в Навадвипу принимать *веш* от Гауракишора Даса Бабаджи. Там он узнал, что Гауракишор Баба никому не даёт *саньясу*, поэтому принял *веш* от *маханты** Бана Акхана в Навадвипе и получил имя Гаураговинда Дас. Затем он пришёл за наставлениями к Шри Гауракишору Дасу Бабаджи. Баба наставил его следующим образом:

Поддерживай достоинство своего отречения, как Рупа и Санатана.

Принимай деньги за врагов.

Держись подальше от женщин. Помни о том, как Махапрабху наказал Чхота Харидаса даже за то, что он ходил за подношением к пожилой женщине.

Практикуй *садхану* под руководством *маха-бхагаваты* или святого, осознавшего Кришну.

Не развивай близких отношений с мирскими людьми.

Живи на *мадхукари*, прося *его* у *враджабаси*.

В 1900-м году Гаураговинда Дас пришёл во Вриндаван. Некоторое время он бродил по нему, посещая прекрасные места, связанные с божественными лилами Шри Кришны и повторял Харинаму. Ел Баба только то, что в качестве *мадхукари* собирал у *враджабаси*, а спал под деревьями.

Спустя какое-то время он поселился в Самаджабани храма Шьямасундара во Вриндаване. Здесь он совершал *бхаджан* под руководством Сидха Шри Джагадиша Даса Бабаджи из Калиядаха. Вечером в его *кутире* он читал ему «Чайтанья Бхагавату», а всё оставшееся время проводил в своей хижине, повторяя Харинаму.

Он узнал, что некоторые вайшнавцы Вриндавана медитируют на Кришна-лилу в соответствии с *гутикой*^[122], написанной сидха Кришнадасом Бабаджи из Говардхана, и последовал их примеру. Но, когда он стал медитировать на Кришна-лилу подобным образом, то не мог дочитать до конца свою *джапу*. Гаураговинда Баба не знал от чего отказаться: от медитации или от *джапы* и обратился за помощью к Джагадиша Дасу Бабаджи. Тот посоветовал сначала заканчивать повторять *джапу* и, если останется время, медитировать на *лилу*. Ему пришлось отказаться от медитации, потому что количество кругов, установленных им самим для ежедневного повторения, было настолько велико, что у него не оставалось времени для чего бы то ни было ещё.

Через некоторое время репутация Гаураговинда Бабы как святого распространилась по всему Враджу, и люди стали приходить к нему на *даршан*. Это стало причиной беспокойств для *бхаджана*. Поэтому он переселился в деревню Ари, расположенную в четырёх милях от

Говардхана. Баба каждый день обходил Говардхан и возвращался в Ари после *парикрамы*. Таким образом, он ежедневно преодолевал расстояние в двадцать миль, повторяя Харинаму.

Однако, его репутация следовала за ним, увеличивая количество почитателей, и не позволяла жить спокойной жизнью. Поэтому ему пришлось сбежать из Ари и поселиться в разрушенном здании возле Киллолакунды, на некотором расстоянии в северо-западном направлении от прежнего места. Его *бхаджан* и *парикрамы* продолжались, как и раньше. Естественным результатом длительного *бхаджана* явилось автоматическое развитие в нём духовных сил. Он мог легко видеть будущее и прошлое человека.

Однажды он сжалился над одним, попавшим в беду, *враджабаси* и рассказал тому о многом из его прошлого и будущего. И с этого дня у него начались ухудшения в *бхаджане*. Обеспокоенный, он пришёл к Пандиту Бабе за советом. Только благодаря милости и советам Пандита Рамакришна Бабы, он с успехом развязался с мистическими способностями, заблокировавшими путь *бхаджана*.

С целью предостеречь его в будущем, Пандит Баба посоветовал: «Харинама подобна *калпатару*. Она дает *садхаке* всё, что он ни пожелал бы. Если во время повторения *джапы садхака* думает о мистических силах Кришны, это стимулирует в нём развитие этих сил; а если он думает о любви Кришны, то в его сердце привносится любовь к Кришне. Преданный может наслаждаться роскошной сладостью Кришна-лилы только с помощью любви. Без любви он может осознать Кришну, но не его *мадхурью*. Осознание Кришны без любви развивает мистические силы, например, всезнание, которое блокирует духовное продвижение».

С того времени Гаураговинда Дас присоединился к собранию *садху*, которое обычно собиралось каждый вечер где-нибудь на Говардхане под общепринятым предводительством Пандита Бабы для обсуждения религиозных вопросов. Однажды собрание проходило во дворе храма Нрисимхи. Как только оно закончилось, начался дождь. Гаураговинда Дас сказал: «Было бы лучше, если дождь пошёл бы немного позже, когда каждый из нас вернулся бы в свой *кутир*». Пандит Баба сделал ему выговор: «Что? Своекорыстие! Ты не сможешь осознать Кришну до тех пор, пока у тебя имеется малейшее желание собственного счастья. Если ты хочешь осознать Его, тебе

необходимо избавиться от стремлений к личному счастью или благоденствию, как в этом мире, так и в раю, и желать только счастья Кришны».

Согласно совету Пандита Бабы, Гаураговинда Дас начал делать *бхаджан* в *кутире*, неподалёку от Апсара-кунды в Пучхари. Это было уединённое место. Никто не жил там, кроме него и другого махатмы в образе дерева *бел*, стоявшего напротив *кумира* и беседовавшего с ним о Кришне и его играх. Когда на дереве *бел* в первый раз появились плоды, оно предстало перед Бабой в человеческом облике и произнесло: «Ты поливал и заботливо растил меня с моего младенчества. Я хочу попросить тебя об одном одолжении. Когда мои плоды созреют, собери их и раздай для служения Кришне махатмам Враджа и в разные храмы». Через некоторое время плоды созрели, и Гаураговинда Дас исполнил просьбу дерева.

Однажды кто-то пришёл и повесил на дерево свою одежду. Оно попросило Бабу: «Не позволяй никому развешивать на моих ветвях тряпки. Они мешают мне делать *бхаджан*».

Гаураговинда продолжал устойчиво прогрессировать в *бхаджане*. Он теперь мог в течение одного дня прочесть восемь *лакхов* Харинамы. Для него не было разницы между днём и ночью. Он никогда не спал и не бодрствовал, а находился в полусознательном состоянии, повторяя свои круги. Во время повторения *джапы* его часто переполняло *бхавой*, и он танцевал и плакал.

В Ади-пуране Кришна говорит Арджуне:

*гитва ча мама намани нартьяна мама саннидхау
идам бравыми те сатъям критоахам тена сарджуна
гитва ча мама намани руданти мама саннидхау
тешамахам парикрито наньякрито джанарданаха*

«Слушай! О, Арджуна! Тем, кто, повторяя Мои имена, танцует и плачет передо Мной, Я вручаю Себя в такой степени, в какой не вручаю кому-либо ещё».

Гаураговинда Баба ничего не делал, только воспевал Харинаму, танцевал и плакал перед Шри Хари. Поэтому было естественным, что

Шри Хари отдал Себя в его собственность. Степень, с которой Он вручил себя ему, можно увидеть в следующем интересном эпизоде.

Как-то Бабу, собиравшего *мадхукари*, застал дождь, и он вернулся в свой *кутир* очень поздно. Ему сильно хотелось есть, поэтому перед едой он забыл предложить Кришне *мадхукари*. Он уже глотал первую щепоть, когда внезапно понял, что ест непредложенную пищу. Баба сдавил своё горло, пытаясь остановить глотание, но безуспешно, — еда попала в желудок. Его сокрушениям не было конца, чувство голода исчезло, и *мадхукари* лежало нетронутым. В это время внутри его *кутира* раздался сладкий голос и проник ему в уши: «Каждый день ты предлагаешь Мне остатки еды от *враджабаси*. Разве небеса упадут на землю, если сегодня ты предложишь Мне остатки своей еды? Иди и сейчас же предложи! Не колеблись!»

Нервная дрожь пронзила всё существо Гаураговинда Даса Бабы. Тело покрылось мурашками, волосы встали дыбом, и слёзы брызнули из его глаз. В нерешительности он предложил Кришне то, что уже отведал сам и затем съел. Вкус *прасада* в этот день был необыкновенно восхитительный. Так и должно было случиться, поскольку Кришна сам отведал подношение с большим удовольствием. Мог ли кто-нибудь даже просто услышать о столь любимом и любящем Боге, как Кришна во Врадже?!

В 1959-м году Гаураговинда Дас Бабаджи оставил своё материальное тело, чтобы присоединиться к божественным развлечениям Шри Кришны. Его *самадхи* находится возле Апсара-кунды.

Шри Шачинандана Дас Баба

В декабре 1972-го Шри Шачинандана Дасу Бабе было сто десять лет, я приехал познакомиться с ним вместе со Шри Рама Дживана Дасом Бабаджи, проживающим на Варшане, кто был хорошо ему известен. Баба жил в старой, разрушенной *чатари* (комнате, в которой находится самадхи) около *смашана-бхуми* (места, где сжигают мёртвых) на берегу Бханусаровары на Варшане. Войдя в *чатари*, мы увидели Бабу, который сидел, прислонившись спиной к стене, со скрещенными ногами в состоянии глубокой медитации. Его губы медленно двигались, а изо рта раздавался резонансный звук. Рама Дживана Баба сказал мне, что он повторяет «Раи, Раи» (краткое имя Радхарани). Постоянное повторение этого имени стало его привычкой и шло автоматически даже в глубокой медитации.

Баба потерял зрение, но у него оставался хороший слух. И всё же он не мог слышать слов Рама Дживана Бабы, поскольку у него отсутствовало внешнее сознание.

На неровном полу *чатари*, с выбоинами здесь и там, с одной стороны стояли глиняные кувшины с водой, *карава* и блюдо. С другой стороны лежали кусок рогожи, на котором Баба сидел и одеяло, сшитое из лоскутов, одна половина которого висела на его плече, а другая валялась на полу. Ничего больше в комнате не было. Баба был полуголый, он носил только набедренную повязку. Казалось, пронизывающий холод в декабре месяце не являлся для него чем-то, заслуживающим малейшего внимания.

Баба обычно не давал *дику* всем желающим. У него было всего лишь четыре ученика, из которых самым известным был Анураги Баба. Он не позволял ученикам жить вместе с собой. Однако, Анураги Баба время от времени приходил и жил у него, но сейчас он был совсем один.

Мы сели и стали ждать какого-нибудь признака, указывающего на то, что Баба вернулся во внешнее сознание. Но на протяжении длительного времени ничего не появлялось. Баба сидел, не шевелясь, как статуя. Это было его нормальным состоянием. Он, как правило, всегда находился в во внутреннем мире, трансцендентной реальности

развлечений Радхи и Кришны и выходил из него по воле случая, в особенности, когда к этому его принуждали потребности тела. Даже удовлетворяя запросы тела, он по обыкновению терялся в медитации, и телесная активность, такая, как приём пищи или посещение туалета, становилась автоматической, то есть, делом привычки, или замедлялась, или останавливалась и оставалась сдерживаемой на многие часы.

После того, как мы прождали до вечера, Рама Дживана крикнул: «Радхея, Радхея!» Ему пришлось громко кричать несколько раз прежде, чем послышался тихий голос Бабы: «Кто?» Казалось, он находился на большом расстоянии от нас. Рама Дживана ответил: «Я, Рама Дживана». Затем представил меня и сказал: «Он приехал из Вриндавана получить Ваш *даршан*. Пожалуйста, окажите ему милость». Баба некоторое время сохранял молчание. Потом начал петь песню, описывающую, как вечером Кришна и Баларама возвращаются из леса вместе с пастушками и коровами. Кришна играл на флейте, а пастушки трубили в рожки и танцевали в то время, как *гопи*, переполненные радостью и эмоциями от созерцания Кришны, стояли на своих балконах и пели благоприятные песни. Баба описывал события, которые только что видел. Он был хорошим певцом, даже в сто десятилетнем возрасте его голос был очень приятен. Когда он пел, казалось, что это поёт не старый Баба, а пастушка Враджа, охваченная эмоциями от вида Кришны, которая не может удержаться от желания излить своё сердце в песне. Закончив петь, Баба опять погрузился в глубокую медитацию. Мы, стараясь не шуметь, вышли из комнаты, оставив его наслаждаться возвращением Кришны домой.

Очень мало известно о ранней жизни Шачинанданы Даса Бабаджи. Он родился в Бенгалии, но в каком месте, никто точно не знает. Баба как-то рассказывал Анураги Бабе, что с детства очень любил слушать Кришна-катху и *киртаны*. Даже если *катха* или *киртан* организовывались ночью в месте на расстоянии в десяти милях от его дома, он, не раздумывая, отправлялся туда, даже не предупредив никого из своей семьи, и оставался там на всю ночь, а утром возвращался домой. Когда его ругали и наказывали за это, он молился об освобождении от семейных связей. Его молитвы были услышаны, и Господь даровал ему необходимые силы разорвать семейные узы. Как-то ночью он сбежал из дома, а после двухлетнего

паломничества по разным святым местам пришёл во Вриндаван. У него уже была *дикша*, и, придя во Вриндаван, он принял *веш* от сидха Джаганнатха Даса Бабаджи. Некоторое время он бродил по Враджу и, в конце концов, поселился в *чатари*, где прожил больше восьмидесяти лет, к тому моменту, когда я в первый раз увидел его вместе с Рама Дживана Бабой.

Анураги Дас рассказывал, что однажды, когда он жил вместе с Шачинанданой Бабаджи, случился невиданный доселе ливень, в результате чего затопило всю территорию вокруг их прибежища и было очень трудно заходить и выходить из *чатари*. Анураги Дас попросил своего гуру переселиться в какое-нибудь другое место, главным образом, из-за того что змеи и другие ядовитые твари, спасаясь от наводнения, заползали в *чатари*. Но он не соглашался куда-либо уходить. Ночью, когда продолжало лить, как из ведра, его в палец ужалил скорпион, и Баба застонал от мучительной боли. Анураги Дас перетянул ему палец шнуром, чтобы яд не распространился по всему телу и затем хотел пойти узнать о каком-нибудь способе лечения. Но из-за ливня было невозможно выйти наружу. Баба сказал ему: «Не волнуйся. Я скоро погружусь в лилу и не буду чувствовать боли». Что и произошло на самом деле. На следующее утро, когда Анураги Дас спросил его о боли, Баба о ней уже забыл.

Баба всегда служил Радхарани, Божеству храма на Варшане, многими способами. Он собирал в разных местах цветы и нанизывал для неё цветочные гирлянды. Иногда, когда на Варшане не хватало цветов, он ночью пешком уходил во Вриндаван и возвращался следующим утром с розами и жасмином, из которых делал гирлянды и предлагал Радхарани. Во время фестиваля Холи он был весь день занят, убирая мусор на дороге от Бханусаровара до храма Радхарани.

Однажды он увидел красивые цветы, распустившиеся в саду возле города Коси. У него появилось желание сделать из них гирлянды для Радхарани. Он спросил разрешение у владельца сада собрать цветы. Но тот отказал. Тогда ночью Баба устроился на ночлег в соседнем пустом доме, на открытой веранде. В полночь несколько воров собралось возле этого пристанища с целью обворовать какого-то богача. Они увидели Бабу, спящего на веранде. Их главарь растолкал его и спросил: «Кто ты такой?»

«Вор», — ответил Баба.

«Вор? Где ты собираешься воровать?»

«В этом саду».

«Что можно украсть в саду?»

«Цветы».

«Что цветы будут печь для тебя хлеб?»

«Да, будут».

«Как? Продав их, ты едва ли получишь достаточно денег».

«Я не буду их продавать. Я сплету из цветов гирлянды для Радхарани. Она будет довольна мной. Её удовлетворение приведёт к моему освобождению из оков *майи*, и любые мои желания на все времена будут исполнены». Воров впечатлила преданность Бабы. Они сказали: «Очень хорошо, Баба. Пойдёмте все вместе. Мы хотим присоединиться к твоему плану воровства». Баба с помощью воров украл не одну охапку цветов. Они также помогли ему делать гирлянды и другие цветочные украшения для Радхарани. Воровство для Радхарани привело воров к забвению воровства для себя. Они стали преданными Радхарани и часто приходили к Бабе в *чатари* за общением и наставлениями.

Баба обычно на протяжении всего дня совершал *бхаджан* в своей *чатари*, а вечером выходил за *мадхукари*. Иногда ему давали больше лепёшек, чем он мог съесть. Он их не выбрасывал и никому не давал, а сушил, чтобы в периоды глубокой погружённости в медитацию можно было не отвлекаться на сбор *мадхукари*, поддерживая своё тело сухарями. Позднее, когда у него не осталось зубов, и ему стало невозможно грызть сушёные роти, он растирал их в порошок и, смешивая его с водой, делал шарики, которые затем проглатывал. Если шарики имели неприятный вкус или не удовлетворяли его голод, он начинал повторять: «Раи, Раи». Баба наслаждался именем Радхарани в такой степени, что полностью забывал о вкусовых ощущениях языка, голоде и жажде. Он часто пел одну бенгальскую песню, в которой описывалось святое имя и его возможности побеждать потребности тела:

*дхури кхела ара кхелиба на
харинама манна мендже че
майера каче ара джабо на*

*кшудха пеле ара кхабо на
Раи, Раи амара кшудха-тришна
саба харе че*

«Я не буду больше играть с пылью^[123], ибо сейчас я стал наслаждаться Харинамой. Я не пойду к моей матери, когда проголодаюсь. Я не буду удовлетворять голод, поскольку имя Раи победило мой голод и жажду».

Баба всегда повторял «Раи» и был погружён в медитацию на *аштакалья-лилу* Радхи и Кришны. После некоторого времени, когда его погружённость в святое имя стала очень глубока, он прекратил ходить за *мадхукари*. Баба сидел на своей *асане*^[124], как статуя. Для туристов, посещающих Варшану, он был чудом, а для паломников — объектом поклонения. *Панды*^[125] приводили к нему людей, так же, как они приводили их к различным *мурти* богов и богинь, рассматривая свои собственные интересы. Паломники кланялись Бабе, так же, как они кланялись Божествам, предлагали пожертвования и уходили. Пожертвования позднее забирали *панды*. Баба ничего не знал о подношениях так же, как и не нуждался в них. Если случалось так, что во время посещения паломниками, он был во внешнем сознании или в полусознательном состоянии, тогда Баба развлекал их песнями, описывающими *аштакалья-лилу*, которая происходила в данный период суток.

В 1974-м году, на десятый день Кришна-пакша месяца *вишакха*, Баба оставил материальное тело, чтобы служить Радхарани в своём духовном теле в образе *манджари* (юной пастушки, беззаветно преданной Радхарани).

Баба был великим и удивительным. Кто-то может спросить: «Разве можно полностью победить *майю*, оставаясь в материальном теле, которое является продуктом *майи*? Как возможно жить, полностью завися от Господа, и даже не собирать себе пропитание? Неужели Господь сам берёт на себя заботу о благополучии такого человека? Продолжительность жизни Бабы, несмотря на его

совершенное безразличие к материальному миру и своему телу и его удовлетворённость и счастье, сама предоставляет убедительные ответы на эти вопросы.

Шри Авадха Дас Бабаджи

В штате Бихар, в Митхилапуре, жил Шри Харикинкара Иогендравара, святой *Мадхава-гаудия сампрадаи*, имевший безграничную веру в «Шримад Бхагаватам». Одним днём, будучи совершенно здоровым, он позвал своих учеников и объявил, что в определённое время месяца *картика* оставит своё материальное тело, читая «Шримад Бхагаватам» на берегу Ганги, на Семариягхате. В этот назначенный день он пришёл вместе с учениками на Семариягхат, сел на берегу Ганги и стал читать «Шримад Бхагаватам». Как только он дошёл до «Расарапанчадхьяя», главе писания, описывающей расалилу^[126], его с такой силой переполнила *бхава*, что с восклицанием «Ха, Кришна!» святой вышел из тела и в своём *сидха-дехе*^[127] присоединился к *раса-лиле* в трансцендентном Вриндаване.

Шри Ямуна Дас и Шри Авадха Дас были наиболее известными его учениками. Прежде чем пойти на Семариягхат, святой позвал их обоих. Он наставил Ямуна Даса: «После того, как я оставлю тело, иди в разные части страны и проповедуй вайшнавизм». А наставление, данное Шри Авадха Дасу, говорило: «Иди во Вриндаван и совершай *бхаджан*».

Авадха Дас родился в 1826-м году в брахманской семье Майтхила в деревне Мандара-Мадхусудана, принадлежащей к району Бхагалапура в штате Бихар, который был освящён пылью с лотосных стоп Шри Чайтаньи Махапрабху, когда он ходил в Гаю. Авадха Дас в раннем возрасте отрёкся от мира и принял инициацию у Харикинкара Иогендравара. Пока тот был жив, он оставался в *ашраме* своего гуру в Митхилапуре.

Шри Харикинкара был не только *сиддха* махатма, но также великий *пандит*. Он был признан как *крест-джуэл* среди *пандитов* Митхилы, которая на протяжении многих веков была знаменитым центром образования. Авадха Дас изучал *шастры* у своего гуру. Он прошёл специальное изучение «Шримад Бхагаватам» и выучил его наизусть.

После ухода гурудева Авадха Дас Баба пришёл во Вриндаван и поселился в доме Дхоби Гали, который с течением времени

превратился в его *ашрам*. Всю свою жизнь он находился в пределах этого *ашрама*. Баба выходил из него только дважды в год, когда вёл *нагара-киртан*^[128]: один раз — на празднование годовщины ухода Шри Мадхавачарьи, а второй раз — своего гурудева. Он обычно всегда был погружён в *бхаджан* и спал только два или три часа ночью.

Его бхаджан состоял исключительно из *патха* (чтения) и *пуджи* (поклонения) «Шримад Бхагаватам». Баба начинал декламировать *шлоки* этого писания и переворачивал страницы, даже не глядя на них, поскольку он не только помнил книгу наизусть, но также знал, на какой странице каждая *шлока* начинается и на какой заканчивается. Он поклонялся «Шримад Бхагаватам» в точности так же, как поклоняются Шри Мурти Кришны, потому что считал «Шримад Бхагаватам» воплощением самого Шри Кришны. Его книга «Шримад Бхагаватам» была обвёрнута в шёлковую материю, помещена на украшенную *симхасану*^[129], ей подносилась *бхога*, которая после предложения съедалась, как *прасад*. Также он обмахивал её летом веером, укутывал в одеяльце зимой и качал на качелях в сезон дождей. Каждый посетитель, приходивший к нему в любое время, всегда заставлял его, или читающим «Шримад Бхагаватам», или говорящим о нём. Он едва ли говорил сам или позволял говорить другим о чём-нибудь ещё.

Как-то один молодой человек пришёл во Вриндаван из Аллахабада. Он прослышал о том, что если кто-нибудь съест остатки еды после сидха святого, то будет благословён *даршаном* Радха-Мадхавы. Кто-то сказал ему, что Авадха Дас Баба завоевал расположение Радха-Мадхавы. Юноша пришёл в *ашрам* Бабы, когда тот вкушал *прасад* и направился прямо к нему, хотя получил предупреждение от учеников Бабы — не подходить к их гуру близко во время принятия *прасада*. Он сел рядом с ним и со сложенными в намаске руками попросил немного остатков с его подноса. Но Баба забывался в медитации или *даршане* какой-нибудь *лилы*, даже во время еды и, естественно, ничего не услышал. Молодой человек подумал, что Баба игнорирует его просьбу, поэтому протянул свою руку и сам взял с подноса горсть *прасада*. Когда он уже собирался съесть добытые таким образом остатки еды святого, Баба поймал его за руку. Юноша разжал кулак и, быстро подхватив *прасад* другой рукой, положил его себе в рот. Как только *прасад* попал ему в рот, он упал без сознания на землю. Он оставался в бессознательном состоянии до позднего вечера,

пока Баба не закончил своё ежедневное чтение «Шримад Бхагаватам» и не попросил несколько *садху* встать вокруг его бесчувственного тела и петь *киртан*. Как только раздался *киртан*, юноша открыл глаза. Некоторое время он в замешательстве оглядывался вокруг, затем внезапно ухватился за стопы Авадха Бабы и начал плакать, причитая: «Простите меня, махарадж. Я нанёс тяжкое оскорбление Вашим лотосным стопам. Но теперь я узнал о Вашей настоящей сущности. Я буду оставаться у Ваших стоп и служить Вам всю мою жизнь. Я больше не пойду ещё куда-нибудь. Вы должны принять меня. Окажите милость, гурудев, окажите мне милость!» Баба не только извинил его, но дал ему *дикшу* и возложил на себя всю ответственность за нового ученика. Один из *садху* спросил у юноши о том, что тот узнал о Бабе. Он ответил: «Как только я положил его остатки еды себе в рот, то перенёсся в трансцендентное пространство. Там был полдень, и я увидел *бходжана-лилу*^[130]. Враджендрананданы. Баба и Кришна сидели в середине, окружённые *сакхами* (друзьями Кришны) и в радостной атмосфере оба клали руками остатки своей еды друг другу в рот».

Один бенгалец принял *дикшу* и *веш* у Бабы и стал жить в его *ашраме*. Он был очень непостоянен, поэтому не мог оставаться в одном месте долго. Позднее он попросил у Бабы разрешение пойти в паломничество по Индии. Баба не согласился. Но даже после отказа, через какое-то время, он упаковал свои вещи в дорогу. Баба спросил его: «Куда ты собрался?»

«Никуда, — ответил он, — я просто погуляю вокруг и вернусь».

Баба предостерег его: «Ты ничего не выгадаешь из непослушания гуру и слоняясь без дела, как обезьяна».

«Я так долго подчинялся гуру. Разве я должен слушаться его всю мою жизнь?» — ответил бенгалец и ушёл.

Несколько лет никакой информации о нём до Бабы не доходило. Он стал беспокоиться о своём ученике. Однажды, когда он повторял *джану* и прогуливался во дворе своего *ашрама*, к нему подбежал молодой самец обезьяны и ухватился за его стопы. Баба понял, что эта обезьяна когда-то была его бенгальским учеником. Он умер и родился опять обезьяной, поскольку не послушался гуру. Но за счет практики *бхакти* он вспомнил о совершённом им в прошлой жизни оскорблении, раскаялся и пришёл извиниться перед своим гуру. Баба

смиловивился над ним и сказал: «Ты сделал хорошо, вернувшись обратно. Теперь никуда не уходи. Живи неподалёку от *ашрама* и приходи принимать *прасад* два раза в день». Баба завязал ему вокруг шеи *туласи-кантхи* и попросил учеников заботиться о нём. Обезьяна стала жить на крыше *ашрама* и на прилегающей территории. Она спускалась и садилась во дворе два раза в день, когда раздавали *прасад*. Вечером, когда Баба читал «Шримад Бхагаватам», она приходила, садилась у окна и очень внимательно слушала *катху*. Баба назвал этого самца Рамадасом. Одним днём он сказал своим ученикам: «Я два дня не видел Рамадаса. Вы тоже его не видели?» Сразу после этого один ученик поднялся на крышу *ашрама* и нашёл обезьяну мёртвой. Об этом сообщили Бабе, и он объявил: «Рамадас был вайшнавом. Его погребальная церемония должна быть совершена, согласно вайшнавской традиции». Таким образом, тело Рамадаса уложили на *виман*^[131], и ученики Бабы, совершая *киртан*, унесли его на берег Ямуны, где опустили в святую реку. По случаю его ухода была организована *бхандара*^[132], и вайшnavов накормили *прасадом*.

Однажды Баба получил *даршан* Кришны очень необычным и удивительным образом. Вечером после декламации «Шримад Бхагаватам» он увидел Кришну, совершающим *парикраму* вокруг книги «Шримад Бхагаватам», которую он обычно читал. Это было удивительно, потому что обычно поклоняющийся совершает *парикраму* объекту, которому поклоняется. Неужели Кришна относится к Шримад Бхагаватам, как к объекту поклонения?

Но ответ простой. «Бхагаватам» не только словесное воплощение Кришны, он также словесное воплощение *премы* или трансцендентной любви. *Према* — высшая цель не только для ограниченных душ, но также для Кришны. Без сомнения, сам Кришна является любовью, и всё же Он жаждет больше и больше любви. Ибо такова природа любви. Чем больше человек имеет любви, тем сильнее он к ней стремится. Это природа Кришны как воплощения любви заставляет его говорить: *ахам бхакта парадхинах* — Я всегда становлюсь в подчинённое положение по отношению к Своим преданным, которые любят Меня. Кришна получает более великое счастье от любви Своих преданных, чем от Своей собственной, наполненной блаженством, природы. «Шримад Бхагаватам» изображает Его любовные игры со своими преданными. Поэтому Он расценивает своё воплощение в

качестве «Шримад Бхагаватам» как превосходящее Его самого и как заслуживающее Его поклонения. И также поэтому Он всегда жаждет слушать *катху* «Шримад Бхагаватам». Шри Джива Еосвами описывает Кришну в «Гопала-Чампу» как слушающего с великой жадностью истории Своих собственных *лил* от Мадхукантхи и Снигдхакантхи.

Итак, в тот день Шри Кришна, должно быть, присутствовал в *ашраме* Бабы как один из слушателей Бхагавата-катхи и был обязан совершить *парикраму* «Бхагаватам», подобно другим слушателям. Он также, видимо, особо наслаждался *катхой*, которую вёл преданный, подобный Авадха Дасу Бабе, и захотел дать ему что-нибудь в подарок. Поскольку Он ничего не мог дать в подарок Бабе, что могло бы удовлетворить его, кроме Своего *даршана*, Он был вынужден дать ему *даршан*.

Катха и *пуджа* «Шримад Бхагаватам», проводимая Бабой, продолжалась, как обычно, даже когда он вошёл в сто десятилетний возраст. В 1937-м году он заболел. Баба так ослабел, что для него было невозможно пройти даже маленькое расстояние. Возникла необходимость поднимать его и переносить. На второй день Кришна-пакши месяца *пхалгуна* состояние Бабы стало ухудшаться. Его тело лежало безмолвно и неподвижно. Ученики подумали, что наступила смерть. Поэтому они начали петь *киртан*. Но как только Баба услышал первую строку *киртана*: «Шри Кришна Чайтанья Прабху Нитьянанда», он восстал и начал танцевать. Учеников охватила тревога. Они остановили *киртан* и уложили Бабу на кровать. Спустя короткое время ему стало очень плохо. Было очевидно, что Баба собирается сделать свой последний вздох. Затем, согласно наставлениям, которые он раньше дал ученикам, они принесли и рассыпали по полу пыль из *гьяна-гудани*^[133] и положили на неё своего гуру. В эти минуты его губы медленно двигались, и было слышно, как Баба немощным голосом декламирует *шлоки* из «Шримад Бхагаватам». Он, продолжая читать таким образом *шлоки*, оставил тело в три часа утра, чтобы участвовать в вечных *лилах* Шри Кришны в трансцендентном Вриндаване.

Шри Гопал Дас Бабаджи

Шри Гопал Дас Бабаджи родился в 1851-м году в Имфале, городе в штате Манипур. Его отец Мегхаварна Шарма был великим преданным. Гопал дас пошёл в своего отца. Будучи очень молодым, он, казалось, был безразличен к миру и проводил всё своё время в *бхаджане*. Мегхаварна был очень счастлив, видя такое поведение сына. Как истинный отец, он дал ему *дикшу* и посоветовал идти во Вриндаван, совершать *бхаджан* после принятия *веш* от святого, находящегося в ученической преемственности, названной в честь Шри Нароттама Тхакура Махашая.

Гопал Дас был необыкновенно удачлив. Обычно людям приходится пробираться через многие подъёмы и падения, сомнения и трудности, периоды неопределённое™ и неуверенности прежде, чем они поймут, что единственный смысл жизни — совершать *бхаджан*, чтобы осознать Бога; и они должны тяжело сражаться сами с собой и с родственниками, если захотят отречься от мира. Но *самскар*ы Гопала Даса, его пронизательность и благотворное руководство отца сделали путь юноши лёгким и гладким.

Он пришёл во Вриндаван и принял *веш* от Шри Винодадасаджи, ученика Шри Дамадара Дасаджи, в Нароттама *париваре*^[134]. Винодаджи жил возле храма Чаклешвара Махадева на Говардхане. Он посоветовал Гопала Дасу поселиться на Радха-кунде и изучать писания у Шри Ишвара Дасаджи. Гопал Дас прожил на Радха-кунде три года и изучил «Шримад Бхагаватам» и различные писания Гаудия Госвами у Ишвара Дасаджи. Он также хотел выучить *враджа-бхаша*. Но Ишвара Дасаджи предостерёг его: «Было бы лучше для тебя не изучать *враджа-бхаша*. Если ты выучишь его, то сблизись с *враджабаси*. Близкое общение с ними создаст беспокойства для твоего *бхаджана*, и также увеличится шанс совершить им оскорбление». Поэтому Гопал Дас отбросил идею выучить *враджа-бхаша*.

Закончив изучение *шастр*, Гопал Дас некоторое время посещал разные места во Врадже. Он не жил в каком-нибудь определённом месте дольше, чем один день, но, в конце концов, пришёл в деревню Конхи и поселился там возле Вамшикунды. Он собирал *мадхукари* у

враджабаси и ел только один раз в день. Если ему давали больше, чем необходимо, тогда он не ходил за *мадхукари* в последующие дни, пока не заканчивалось уже собранное. Он ел с удовольствием всё, что ему удавалось собрать, даже если лепёшки, которые ему обычно давали, были чёрствые и заплесневевшие. Но если кто-нибудь угощал его сладостями или чем-нибудь вкусным, он это не ел, а отдавал другим. Баба использовал только утварь, сделанную из глины, которую собрали во Врадже.

Он прожил в Конхи сорок лет. Но ему очень нравилось общаться со Шри Харигопал Дасом Бабаджи, учеником Сидха Мадхусудана Даса Бабаджи. Харигопал Баба жил на Сурьякунде. Поэтому после сорока лет Гопал Дас Баба поселился возле него, на веранде одного старого храма на берегу Сурьякунды. Баба обычно прочитывал каждый день одну главу «Шримад Бхагаватам». В девяностолетнем возрасте у него пропало зрение. Это доставило ему сильное огорчение, поскольку он не мог читать «Шримад Бхагаватам». Как-то днём, погрузившись в раздумья о своей участи, он задремал. В состоянии дрёмы он увидел изысканно красивую девушку, сияние её тела наполнило окружающую атмосферу божественным светом, несказанно умиротворяющим. Она ласково поглядела на него и спросила сочувствующим голосом: «Баба, ты кажется сильно огорчён. Скажи мне, что причиняет тебе страдания?»

Баба ответил: «Лали, я потерял зрение и не могу читать «Шримад Бхагаватам». Бремя жизни тяжело повисло на моих плечах. Какая польза от жизни, в которой невозможен Бхагавата-патх, *даршан* Божеств и махатм?»

«В таком случае, Баба, тебе не нужно огорчаться, — продолжила с уверенностью девушка, — у тебе есть *чадр*, расписанный именами Радхе-Шьям. Повяжи им свои глаза, когда пойдёшь спать сегодня ночью и утром ты обнаружишь своё зрение восстановленным».

Как только Баба услышал эти слова, его дрёма прервалась. Но сладкий голос девушки продолжал звенеть в его ушах, а её лучезарная фигура не выходила из ума. Согласно её совету, он лёг спать, повязав на глаза *чадр* с именами Радхе-Шьям. Следующим утром, проснувшись, он безумно обрадовался, поскольку мог видеть всё, как раньше. Ежедневные обязанности чтения «Шримад Бхагаватам» были возобновлены. Но прекрасная девушка украла его сердце. Он был

убеждён, что Она была самой Радхарани, на Кого он медитировал день и ночь. Кто ещё мог быть так добр и внимателен?

Но теперь для него стало невозможно существовать без Неё. Баба постоянно лил слёзы разлуки. Он не смог выносить разлуку долгое время. В 1971-м году, третьего июня, в полдень, когда, согласно *аштакалья-лиле*, Радхарани со своими подругами приходит на Сурьякунду поклоняться богу солнца, Баба оставил тело, чтобы встретиться с Ней в своём сидха *сакхи-дехе*^[135] на трансцендентной Сурьякунде.

Баба обычно говорил, что для садхака важны три вещи: 1. *Санта-сева* (служение святым). 2. Харинама. 3. Вера в Враджа-радж. Вера во Врадж важнее, чем служение святым и даже Харинама потому что во время смерти *санта-сева* невозможна, а Харинама часто оставляет сознание преданного, но Враджа-радж никогда не покидает *садхака*, с верой живущего во Врадже до последнего конца.

Шри Харигопал Госвами

Шри Харигопал Госвами был потомком Шри Нараяна Бхатта Госвами, кому первому явилось Божество Радхарани из храма на Варшане, и кто по распоряжению Шри Рупы и Шри Санатаны закончил оставшуюся работу по обнаружению святых мест, связанных с *лилами* Шри Кришны, начатую ими и их предшественником Локанатхой Госвами^[136]. Харигопал Госвами был учеником Шри Дхулешвары Госвами из Учаграма. Он обычно жил в Нимарана, в районе Алвар, где в храме Тхакура Шри Ланиле Саракара^[137] находилось его *гадди*^[138]. Раджа Алвара был его учеником.

Он был вайдья (врач) по профессии, а кроме того являлся великим *пандитом*, хорошо знавшим языки санскрит, хинди, телугу и английский. У него было основательное знание шести систем индийской философии и «Шести сандарбх» Дживы Госвами, и он прошёл особое изучение «Шримад Бхагаватам».

Харигопал Госвами от природы был очень прост и свят. И его жизнь было простой и скромной, несмотря на его образованность, происхождение и статус раджа-гуру царя Алвары. И всё же его слава дошла до населения Харьяны. Многие Тхакуры, Гуджары и Ядавы из Харьяны были его учениками.

Обычно большую часть своего времени он умиротворённо проводил в *бхаджане*. В старости он переселился вместе со своим Тхакуром (Божеством) Шри Ланиледжи из Алвары в Учаграм, деревню неподалёку от Варшаны, чтобы иметь возможность беспрепятственно тратить всё своё время на *бхаджан*.

В Учаграме он разместился в старом храме Дауджи, построенном его предками, в котором раньше жил Нараяна Бхатта. Напротив этого храма, на вершине холма, находится старый храм Лалиты Сакхи. С правой стороны храма Лалиты находится прекрасное местечко, укрытое в зелёной густой листве. Здесь Госвамиджи обычно сидел и совершал *бхаджан* на протяжении всего дня. Он возвращался домой ночью, но большую часть ночи также проводил в *бхаджане*. Его глаза от памятования Радхарани были всегда влажными.

Таким образом, в уединённом *бхаджане* он провёл последние двадцать лет своей жизни. В 1990-м году, тридцатого марта, ночью, в возрасте более ста лет, но вполне хорошем здоровье он внезапно воскликнул: «Я ухожу, я ухожу! Двери храма Шри Джи (Радхарани) открыты. Паурнамаси пришла!»

Другие члены его семьи поднялись с постелей встревоженные. Они спросили его в замешательстве: «Куда ты собрался? Сейчас двенадцать часов ночи. Храм Шри Джи закрыт».

Только Господь один знает слышал ли их Госвамиджи. Он продолжал повторять: «Радхея, Радхея!» В два часа ночи темя на его голове разверзлось, и его комната озарилась божественным сиянием. Его тело упало назад на подушку, и душа, пройдя через *Брахма-рандхру*^[139], улетела в *кунджу* к Радхарани в образе Её *сакхи*, чтобы служить Ей вечно.

Шри Рамакришна Дас Бабаджи

Авьявритабхаджанат

(Нарада-бхакти-сутра, 36)

В этом афоризме Шри Нарада Муни говорит, что успех в практике преданности достигается посредством непрерывного *бхаджана*.

Квинтэссенцией *бхаджана* является постоянное памятование Господа. Шри Кришна сказал в «Бхагават Гите»:

*ананья-четах сататам е мам смарати нитьяшах
тасьяхам сулабхам партха нитья-юктасья йогинах*

(Гита 8. 14)

«О, Арджуна, Я легко достигим для йога, кто постоянно думает обо Мне, у кого нет других мыслей и кто непрерывно привязан ко Мне».

Преданный не может вынести даже секундного перерыва в постоянном памятовании Господа. «Шримад Бхагаватам» говорит: «Если преданному предложить всё богатство и великолепие трёх миров в обмен на прекращение памятования лотосных стоп Господа даже на полсекунды, он останется непоколебимым. Как может он оторвать себя от Божественных стоп, которые не могут осознать даже полубоги в постоянной медитации?» («Бхагаватам» 11.2.53).

Жизнь Шри Рамакришна Даса Бабаджи является выдающимся примером непрерывного *бхаджана*. Родившийся в 1911-м году с сильными *самскарами бхакти* в деревне неподалёку от Яшохары, в Восточной Бенгалии, он не терял времени на определение цели своей жизни, а бросился к ней, словно стрела. Он отрёкся от мира в раннем возрасте, в семнадцать или восемнадцать лет, немедленно после сдачи экзаменов в школе, уйдя к Шри Рамадасу Бабаджи Махараджу, известному святому из Патхабани-Ашрама в Калькутте, приняв у него инициацию и оставшись на некоторое время, чтобы

служить ему. Затем, с его разрешения и благословения, ушёл в Варанаси изучать санскрит и священные писания. Он изучил «Шримад Бхагаватам», «Шатсандарбхи», «Бхакти-расамрита-синдху», «Уджваланиламани» и другие важные вайшнавские писания. Закончив изучение *шастр*, он ушёл во Вриндаван, принял *веш* от своего брата в боге Шри Раджани Бабаджи Махараджа из Говиндакунды и проследовал в Мукхару, небольшую деревню, находящуюся в четырёх милях от Чатикары, чтобы погрузиться в непрерывный *бхаджан* длиною в жизнь.

Основной частью его *бхаджана* был *киртан*. Он пел четыре раза в день: рано утром, в три тридцать — *прабхати киртан*, в полдень — *мадхьяхна киртан*, вечером — *арати киртан* и ночью, около десяти часов — *абхисара киртан*. Он пел на таких высоких тонах, что его голос был слышен в самых отдалённых уголках деревни. Его погружение в *киртан* было настолько глубоко, что иногда во время воспевания он, громко воскликнув «Нитай!» или «Ха, Радхея!», падал без сознания на землю. Всё остальное время он тратил на Гиридхарисеву и *лила-смаранам*. В его жизни даже мгновение не проходило без *смаранам*. Часто можно было слышать, как он повторяет следующие слова Ханумана:

*каха ханумана випати прабху сои
джаба тава сумирана бхаджана на хои.*

«О, Господь, когда нет памятования Твоих лотосных стоп или *бхаджана*, тогда существование является величайшим несчастьем!»

Его *бхаджан* не прерывался даже во время удовлетворения телесных потребностей, таких, как посещение туалета или принятия омовения. Эти периоды времени он использовал в основном для *бхаджана*, а его телесная активность происходила автоматически под воздействием привычки.

После трёх лет строго дисциплинированной жизни и постоянного *бхаджана* он победил сон и голод. Он обычно был занят в *бхаджане* с трёх с половиной часов утра до двух с половиной часов ночи следующего дня, таким образом, уделяя сну всего один час в сутки. В

полдень Баба собирал *мадхукари*, посещая только три дома. Если ему ничего не давали, он возвращался в свой *кутир* и постился вместо того, чтобы тратить время, заходя в ещё какие-нибудь дома. Он съедал только две *роти* в полдень и одну четвертую *роти* ночью.

Это могло бы показаться невероятным с материальной точки зрения, что человек может прожить длинную жизнь, если он так мало спит и ест. Но, как мы уже увидели во многих других случаях, святые, которые постоянно практикуют *бхаджан*, возвышаются над бренным телом. Во время *смаранам* они упиваются нектаром, стекающим в их сердца свыше. И это то, что поддерживает жизнерадостность и счастье *бхаджанананди* ^[140].

Условия жизни, в которых жил Баба, сами собой доказывают, что он поднялся над телесными потребностями. Его *кутир* был настолько мал, что он едва мог уместиться в нём с вытянутыми ногами. *Кутир* находился в низине, и в сезон дождей вся территория вокруг него затапливалась так, что Баба был отрезан от остальных частей деревни. Всякий раз, когда он отправлялся собирать *мадхукари*, ему приходилось переходить в брод мелководье. К тому же свирепствовали комары и в крайней степени донимали его тело. И всё же он, казалось, или совершенно не чувствовал зуда от укусов кровопийц, или не обращал на них внимания. Деревенские жители упрашивали его переместиться в какое-нибудь другое место, но он не соглашался. Баба считал такое состояние дел даже более благоприятным для себя, потому что оно удерживало людей от того, чтобы часто посещать его и создавать беспокойства *бхаджану*.

Через какое-то время Баба ослеп. Но это не сделало его несчастным, поскольку после того, как он потерял материальное зрение, у него открылись духовные глаза. Он видел Радху и Кришну и беседовал с ними. Люди часто видели его разговаривающим с кем-то невидимым.

Баба долго не давал никому *дикшу*, но после потери зрения принял двух учеников: Пранагаурангу Даса и Маданамохана Даса, которые всегда жили рядом с ним в отдельном *кутире* и служили ему. Баба сказал им обоим не брать от кого-либо деньги. Сам он никогда не прикасался к деньгам и не позволял своим ученикам делать это. Даже если ему было нужно что-нибудь для служения Гиридхари или для поддержания своего собственного тела, он не принимал необходимые

вещи от кого попало. Вопросы о принятии даров даже не подымались, если они доставлялись из-за пределов Ваджа или были куплены на деньги человека, живущего вне Ваджа. Если из-за невнимательности такие вещи попадали в его *кутир*, он всегда узнавал об этом и просил вернуть их обратно.

Однажды Баба заболел. Его увезли лечиться в *гуру-ашрам* во Вриндаване. Поскольку я знал его какое-то время, и он был добр ко мне, я пришёл увидеться с ним и попросил его выпить немного молока, потому что он был очень слаб. После долгих уговоров он согласился. Я организовал для него ежедневную доставку молока. Через несколько дней мой друг Шри Харирама Сингхания, предприниматель их Калькутты, приехал во Вриндаван. Он обратился ко мне с просьбой привести его к сидха святому для *даршана*. Я взял его к Бабе. Мой друг был под большим впечатлением от встречи с ним и захотел оказать ему служение. Я предупредил: «Баба не принимает никаких услуг от кого-либо. Он также не нуждается ни в чём, кроме *мадхукари*. Он с большим трудом согласился несколько дней принимать от меня молоко». Мой друг сразу предложил: «А может, пусть молоко покупают за мой счёт?» Я неохотно согласился. Сингхания ещё даже не заплатил за молоко, но я не смог скрыть от пронизательных духовных чувств Бабы, что с этого дня оно будет покупаться на деньги человека, проживающего за пределами Ваджа. Прямо на следующий день он позвал своего ученика Маданамохана и сказал: «Мадана, я не хочу больше оставаться здесь. Немедленно увези меня обратно». Мадана возразил: «Баба, здесь всё так благоприятно и Ваше здоровье стало улучшаться. Вам необходимо оставаться здесь, пока Вы полностью не поправитесь».

«Нет, нет. Ты ничего не понимаешь. Здесь — *парапекша* (зависимость от других людей). Я не могу находиться здесь даже на мгновение дольше. Немедленно принеси *тонгу* (паланкин)».

Мадан вынужден был принести *тонгу* и в тот же день доставить его обратно в Мукхару.

В 1984-м году Баба снова заболел. Его брат в боге Шри Вишварупа Дас Баба, проживающий в Рале, в деревне, расположенной в четырёх милях от Мукхары, привёз его в Рал для лечения. Он устроил Бабу в комнате в Васанти-ки-багичи, рядом со своим *кутиром*. Баба был физически больной, но на духовном плане, казалось, всегда

плавал в океане блаженства. Волны океана бросали его вверх и вниз, и он иногда смеялся, иногда плакал, а иногда громко ревел, подобно сумасшедшему, поскольку блаженство было так велико, что его бренное тело и ум не могли его выносить. Как-то ночью он закричал: «Джай Нитай! Джай Нитай!» и потерял сознание. Прибежал Вишварупа Баба. Когда он увидел его, лежащего без сознания, то предположил, что Баба сделал свой последний выдох. Он схватил его запястье, чтобы проверить пульс. Но как только он прикоснулся к нему, душераздирающий звук изошёл из горла Бабы, и удар подобный электрошоку отбросил Вишварупу Бабу на три или четыре фута от его кровати. Возможно, Баба увидел Нитьянанду Прабху, и его тело зарядилось божественным электричеством, вызвавшим удар тока.

На следующий день был *экадаши*. В час ночи, когда Баба погрузился в *бхаджан*, он увидел, что его гуру Шри Рама Дас Бабаджи, *парам-гуру* Шри Радхараман Чаран Дас Дев и большое количество махатм вошли в сад и начали танцевать и петь *киртан* под аккомпанемент *картал* и *мриданг*. Они объявили ему: «Мы собираемся во Вриндаван. Ты тоже приходи». После этих слов они внезапно исчезли, и Баба упал в обморок.

Днём на *трайодаши*, тринадцатого мая 1984-го Баба послал за Шивачарана Варшанея, учеником своего брата в божестве. Когда он пришёл, Баба повторял *джану*, затем прервался и произнёс: «Бабаджи Махарадж (Шри Рама Дас Баба) и Бане Баба (Шри Радхараман Чаран Дас Дев) сказали мне идти во Вриндаван. Поэтому немедленно возьми меня туда».

Варшанея ответил: «Баба, сейчас очень жарко. Давайте отправимся вечером».

«Нет, нет, я должен идти сейчас же. Не будем тратить время впустую».

Варшанея принёс *тонгу*. Баба подошёл к *тонге* вместе с Варшанеей и Маданамоханом. Когда Варшанея коснулся Бабы, чтобы помочь ему сесть в *тонгу*, то почувствовал, как электрический ток прошёл по его телу. Тело Бабы до сих пор было заряжено божественной энергией, которая в *экадаши* вошла в него и лишила сознания. В два часа тридцать минут дня Баба прибыл в *гуру-ашрам*.

В *гуру-ашраме* тридцать лет, не прерываясь, поддерживался Харикиртан. Баба попросил: «Отведи меня к месту, где поют *киртан*». Они

пришли туда, и Баба сел и оставался сидеть в медитации около тридцати минут. Он, возможно, ждал Нрисимха *чатурдаши*, который должен был начаться через полчаса. Как только наступил день Нрисимха *чатурдаши*, он воскликнул: «Джай Нитай! Джай Радхея!» и оставил тело, чтобы встретить своего гурудева и *парам-гурудева* в трансцендентном Вриндаване, где под их руководством сыграть свою роль в божественных *лилах* Радхи и Кришны.

Все думали, что Баба сейчас во Вриндаване и вернётся в Мукхару спустя несколько дней, как он делал прежде. Но на этот раз его позвали в трансцендентный Вриндаван, откуда никто не возвращается. Если и могло показаться, что он отправился в земной Вриндаван, так это потому, что местность, проявившаяся как земной Вриндаван, в действительности, является непосредственно трансцендентным Вриндаваном. Он кажется земным тем людям, чьё зрение искажено. Для преданных, подобных Бабе, чьи духовные глаза открыты, он был тем же самым трансцендентным Вриндаваном, где вечно проходит Кришна-лила, где не только *гопи* и *гопы*, но также птицы и животные, деревья и лианы и даже трава и пыль сотворены из *сам* (существования), *чит* (знания), *ананды* (блаженства) и вечно заняты служением Кришне; где всё настроено в тон флейты Кришны, где в соответствие со сладкой волей Кришны даже время останавливается или течёт и пространство распускается или сжимается, как лепестки лотоса. Это был тот же самый Вриндаван, который превосходит красотой все другие *локи* (духовные планеты), включая Вайкунтхи и Голоку и тот же Вриндаван, на который указывал Прабодхананда Сарасватипад, когда говорил:

«О, мой Вриндаван, находящийся над всеми другими дхаммами! Как ты сияешь возле меня, подобно большой луне во всей своей ослепительной красоте!»

(«Вриндавана Махимамрита» 4.83)

Шри Радхараман Дас Бабаджи

Жить и умереть во Вриндаване расценивается, как надёжный путь напрямик к вечной жизни, наполненной любовным служением Радхе и Кришне в трансцендентном Вриндаване. В «Санаткумара Самхите» говорится: «Если человек просто предастся Вриндавану, что значит, будет жить в нём с верой и преданностью до конца своих дней, тогда ему не надо делать что-либо ещё для достижения высшей цели. Вриндаван добродетелью своей собственной природы (как воплощения внутренней потенции Бхагавана, которая состоит из *сам, чит, ананды*) даст ему *парама-пада*, что значит, место в высочайшем трансцендентном пространстве (которое есть сам трансцендентный Вриндаван), не беря во внимание его заслуги и недостатки». («Санаткумара Самхита» 32.5).

Но поскольку *адхишвари* (императрицей) Вриндавана является Радхарани, никто не может умереть в нём без Её благословения. Как было замечено, некоторые люди, прожившие во Вриндаване всю свою жизнь, перед смертью были отправлены за его пределы, поскольку у них не было благословения Радхарани; в то время, как другие, прожившие свою жизнь за пределами Вриндавана, перед тем, как умереть, приходили во Вриндаван, потому что у них было Её благословение.

Шри Радхараман Дас Бабаджи был одним из таких особо удачливых людей, кого позвала во Вриндаван сама Радхарани в тот самый день, когда им было предназначено оставить тело.

Шри Радхараман родился четырнадцатого апреля 1932-го в уважаемой семье *брахмана*, в деревне Милати, занимающей территорию двадцати четырёх *параганов* в Восточной Бенгалии. Его отец Шри Винная Кришна был землевладельцем и адвокатом в верховном суде Калькутты, а мать Налита деви была очень религиозной женщиной. Она была ученицей Шри Рама Даса Бабаджи Махараджа, знаменитого сидха святого из Ратхабани в Калькутте. Она также инициировала у Рама Даса Бабаджи своего сына, когда он был в юном возрасте.

После инициации в нём обнаружилась внезапная перемена. Он стал уединяться в тихом месте и часами медитировать. Его глаза всегда были влажными от слёз. В этом состоянии он, так или иначе, закончил своё образование и сдал экзамены в Калькуттском университете. Но, когда его родители начали вести переговоры о женитьбе сына, он обнаружил себя стоящим на распутье. Радхараман выбрал путь отречения и пришёл во Вриндаван.

Во Вриндаване он принял *саньяса-дикшу* у Мадхава Даса Бабаджи, затем пришёл в деревню Мукхара, где жил его старший брат в боге Шри Рамакришна Дас Бабаджи. Под его руководством он изучил «Шримад Бхагаватам», «Шри Чайтанья Чаритамриту», «Шри Чайтанья Бхагавату» и другие писания, после чего стал жить и практиковать *садхану* в Вихара-ване возле деревни Рал. Его погружённость в *бхаджан* была такой глубокой, что он даже не ходил каждый день за *мадхукари*. Он делал это только два или три дня в неделю и собирал достаточно *роти*, чтобы есть их несколько дней. Когда *роти* засыхали, он размачивал их в воде и съедал. В результате этого у него образовалась язва желудка. Острая боль в желудке создавала большие трудности в *бхаджане*. Ему пришлось лечь в госпиталь. Его младший брат Шачидулала и медсестра Кумари Нандини ухаживали за ним. Но его состояние день ото дня ухудшалось. Однажды вечером боль в желудке стала невыносима. Позвали врачей. Больной подслушал, как один из них сказал другому: «У него может ночью пойти горлом кровь, что приведёт к смерти».

Радхараман не боялся умереть, но беспокоился о том, что ему придётся оставить тело вне Враджа, в калькуттском госпитале. В таких мучениях он начал молиться Радхарани: «О, Свамини (госпожа)! Почему Ты изгнала меня из Вриндавана, умереть, подобно собаке? Возможно, я совершил какие-то оскорбления? Может быть, вместо того, чтобы совершать *бхаджан*, я только обманывал себя и других, обезьянничая с тех, кто погружён в медитацию. Если я не поступал таким образом, Ты должна дать мне шанс умереть во Вриндаване. Ты думаешь, что я не заслуживаю смерти во Вриндаване? Но моя госпожа! Даже если недостойный, разве я не Твой? Даже если я обезьянничал, разве я имитировал не Твоего слугу, а кого-то другого? Ты по своей природе настолько милостива, что если даже кто-то случайно произнесёт Твоё имя, он получит Твой *даршан*. Я не знаю,

почему Ты столь безразлична ко мне. Я не прошу Твоего *даршана*, поскольку знаю, что не заслуживаю его. Я прошу только о том, чтобы умереть во Вриндаване. Будь милостива ко мне, *Свамини*, будь милостива!» После этих слов он в глубоком горе громко заплакал и потерял сознание. Его плач не оказался тщетным. Он тронул сердце Радхарани. Она прибежала вместе с Кришной и удостоила Радхарамана Даса Своим *даршаном*, когда тот был в бессознательном состоянии. С милостивой улыбкой на Своём прекрасном лице Она показала ему правую ладонь, как будто, благословляя на смерть во Вриндаване, в то время, как Кришна нежно провёл рукой по его животу и спросил ласковым голосом: «Баба, в каком месте у тебя болит?» Кому и как Баба мог сказать, где он чувствует боль? Ведь боль и вопрошающий исчезли вместе с заданным вопросом, и Радхарани также не было видно.

На следующий день доктора были удивлены, увидев, что пациент, всего восемь часов назад корчащийся от мучительной, невыносимой боли, обречённый утром умереть, сел на кровати и попросил поесть.

Баба вернулся во Врадж и снова стал жить в Вихараване. У него пропала боль в желудке, и он восстановил своё здоровье. Но его стала мучить другая боль, для излечения которой у докторов не было лекарств. На него нашла тяжкая боль разлуки с Радхой и Кришной. Он и раньше ощущал эту боль, но тогда она не была постоянной и такой невыносимой. Это было естественно, потому что с тех пор, как Радха и Кришна в ответ на молитвы умирающего Бабы благословили его не только Своим *даршаном*, но также милостивой улыбкой и сердечной привязанностью, у него возникла новая убеждённость, убеждённость в том, что Радха и Кришна были ему близки, как никто другой. Как он мог вынести мысли о том, что Те, Кто были ему близки, как никто другой, находились от него вдалеке, как никто другой? Эти мысли доставляли ему такую сердечную боль, что он часто терял сознание.

Спустя некоторое время Баба пришёл в Джатипуру и поселился в пещере, известной как пещера Рагхава Пандита, близкого спутника Шри Чайтаньи Махапрабху. Но его *вираха* (боль в разлуке) увеличивалась день ото дня. Иногда, испытывая *вираху*, он лишался чувств и лежал без сознания многие часы подряд. У него также стало расти безразличие к своему телу. Он поддерживал жизнь в теле только *батермилком* и листьями дерева *ним* и в результате такой диеты очень

ослаб. Его ученики, в особенности Шри Баладева Рама Гупта из Джаяпура и Шри Шива Чарана Варшанея из Рала, стали беспокоиться о его здоровье.

Уступив их настойчивым уговорам, он приехал в Джаяпур, чтобы Баладева Рамаджи мог должным образом заботиться о нём. Но всё же его *вираха* не уменьшалась. В этом состоянии Баба мог бы оставить тело в любое время, если бы Радха и Кришна спонтанно не являлись перед ним, принимая тот или иной образ. Однажды во время проживания в пещере Рагхавы Пандита он увидел Радхарани вместе с подругами, собирающую в саду цветы. Она улыбнулась ему, как если бы хотела уверить, что Её милость продолжает проливаться на него. В другом случае, когда Баба и Баладева Рама после захода солнца возвращались из одной деревни в Джаяпур, они в темноте потеряли дорогу и оказались в лесу. Когда они пытались выбраться из леса, перед ними внезапно предстали какие-то местные мальчики. Один из них, кто выглядел наиболее привлекательно, обратился к Бабе: «Вы держите путь в Джаяпур. Идёмте, я покажу вам дорогу». Сказав эти слова, он взял Бабу за руку. Баба с мальчиком едва ли сделали два шага, как окружающая их сцена вдруг изменилась. Не было ни леса, ни пастушков, и Баба вместе с Баладева Рама Гуптой обнаружили себя стоящими на станции возле Джаяпура.

Но хотя эти духовные переживания являлись Бабе, подобно оазисам в пустыне и доставляли ему временное облегчение, они не могли утолить его жажду *даршана* Радхи и Кришны. Она постоянно увеличивалась, пока не достигла своего предела. Двадцать шестого ноября 1987-го, когда Баба всё ещё находился в Джаяпуре, он увидел Радхарани и получил от Неё послание. После чего он позвал Баладева Рама и сказал ему: «Радхарани позвала меня во Вриндаван. Увези меня туда». На следующий день Баладева Рама и Баба поехали во Вриндаван на машине. По дороге они заезжали к нескольким ученикам Бабы и другим преданным, и Баба говорил им при расставании: «Я оставляю вас. Пусть Радхарани прольёт на вас Свои благословения!»

Баба говорил эти слова с видом, указывающим, что он покидает их навсегда. Это встревожило Баладева Раму. Он начал думать: «Неужели Баба собирается оставить нас навсегда? Что значит этот зов Радхарани, может, Она зовёт Бабу в вечный Вриндаван?» Но такие мысли были слитком тяжелы для него. Он объяснил слова Бабы себе

тем, что тот просто собирается поселиться во Вриндаване до конца своей жизни и больше не вернётся увидеться с учениками и преданными, живущими в Джаяпуре. Баба прибыл во Вриндаван вечером. Он намеревался остановиться на некоторое время у своего последователя Шри Атмарамаджи, который жил в Гьянагудани. Итак, Баладева доставил его туда. Какое-то время спустя он пошёл с Баладевой на Лой базар, где купил две картины: Гаура-Нитай и Радха-Кришна. Затем он сказал Баладеве: «Ты иди обратно к Атмараме. Я вернусь после встречи с Мурари Лалом». Мурари Лал был ещё одним последователем Бабы.

Баладева вернулся в дом Атмарамы и прождал Бабу до поздней ночи. Затем Баладева и Атмарама направились в дом к Мурари Лалу узнать о нём. Им сказали, что Баба там не появлялся. В течение двух дней Баладева, Атмарама и Мурари искали его, заглядывая в каждый закоулок Вриндавана, но безуспешно. После двух дней поисков они прочитали в газете, что мёртвое тело махатмы было найдено в пещере под Ранга Махала Радхарани в Нидхуване. По их телам прошла дрожь. Они побежали в указанное газетой место и увидели, к своему изумлению и горю, тело Радхарамана Даса Бабаджи.

Поскольку смерть произошла в мистических обстоятельствах, полиция увезла его тело в Матхуру для вскрытия. Экспертиза была произведена. Ничего указывающего на преступление не нашли. Было ясно, что Радхараман Дас ушёл в трансцендентный Вриндаван по зову Радхарани, которая приняла Бабу в его *сиддха манджари-дехе* как свою *сакхи* в своей Ранга Махала или *нитья-никундже* в трансцендентном Вриндаване.

Шах Кундан Лал (Лалит Кишор) и Шак Пхундан Лал (Лалит Матхури)

Шах Кундан Лал и Шах Пхундан Лал, два брата, воздвигнувшие прекрасный храм Шахджи во Вриндаване, были сыновьями Шаха Говинды и внуками Шаха Бихариджи, сказочно богатого землевладельца из Лакнау. Кундан Лал родился в 1882-м году, а Пхундан Лал в 1885-м. Два брата унаследовали огромное состояние своего деда. Но своими *самскарами бхакти* они были богаче, чем наследствами. С детства они любили Кришну и Вриндаван и искали возможности оказаться во Вриндаване, чтобы увидеть своё семейное Божество Тхакура Радхарамана и различные места, связанные с Кришна-лилой, о которых они так долго только читали и слышали.

Такая возможность появилась, когда Шах Бихариджи построил существующий в настоящее время храм Радхарамана во Вриндаване и сделал золотой алтарь для Божеств. Он попросил внуков доставить алтарь во Вриндаван. Они прибыли туда и получили *даршан* изысканно прекрасного Божества Радхарамана. Божество бросило на них магический взгляд. То, что случилось с ним, напоминает о предостережении, данном Рупой Госвами тем, у кого появилось желание увидеть Говиндаджи. Он написал в одной *шлоке*: «Дорогой друг! Если ты хочешь наслаждаться со своими друзьями и родственниками, то не ходи смотреть на Божество Шри Хари, под именем Говинда Дева в Кеши *тиртхе* (святом месте). Оно стоит там, улыбаясь, в позе изогнутой в трёх местах, с павлиньим пером в короне и с Шах Кундан Лал флейтой у рта и бросает из уголков своих огромных глаз взгляды на смотрящих на него людей, чтобы украсть их сердца. Если ты взглянешь на него один раз, то забудешь своих родных, близких и всё остальное». Два брата, глядя на Радхарамана, забыли о своих друзьях, родственниках и окружающем мире. Каждое утро и каждый вечер они смотрели на Него и желали смотреть всегда и до конца своих дней служить Ему так хорошо, как это только возможно. Но братья не были свободны от семейных связей и находились под присмотром старших членов семьи. Как они могли остаться во Вриндаване навсегда? Ожидалось, что они вернутся по

прошествии трёх или четырёх дней, но они пробыли во Вриндаване больше месяца, посещая различные места, где проходили игры Кришны, а затем вернулись в Лакнау, оставив свои сердца во Вриндаване.

Они стали молиться Радхарани, прося у Неё милости, чтобы Она разбила кандалы майи и предоставила им возможность жить во Вриндаване и совершать там *бхаджан*. Оба брата были талантливыми поэтами и музыкантами. Они стали проводить своё время, сочиняя поэмы и совершая *киртан*, всегда поглощённые мыслями о Вриндаване. Сборник поэм Кундана Шаха, опубликованный под названием «Абхилашам Мадхури», отражает состояние его ума в то время. Братья писали под псевдонимами. Шах Кундан Лал — под именем Лалит Кишор, а Шах Пхундан — Лалит Мадхури. Под этими псевдонимами они были известны больше.

Через какое-то время один за другим скоропостижно умерли Шах Бихари Лал, Шах Говинда Лал и его жена. Облака *майи*, долгое время бросавшие свои мрачные тени на братьев, развеялись, и их путь во Вриндаван, казалось, очистился. Но объятья *майи* были ещё очень крепки и не позволяли им сразу же умчаться во Вриндаван. На их плечи неожиданно упала ответственность за управление делами огромного наследства. Их владения были настолько велики, что Шах Бихари Лал для их защиты должен был содержать армию. Это было необходимо, поскольку титул Шах (царь), которым удостоил деда *навоб* или мусульманский правитель Лакнау, был не только честью для семьи, а действительно указывал на её влияние и могущество.

Казалось, их семейному Божеству Радхараману сейчас даже сильнее, чем самим братьям, не терпелось отправиться во Вриндаван. Божество сказало Кундану Лалу во сне: «Возьми Меня во Вриндаван и построй Мне там возле Нидхувана храм».

Шах Кундан Лал был очень счастлив получить поручение напрямую от Радхарамана. Он решил отбросить все другие соображения и как можно раньше отправиться во Вриндаван. К тому времени, согласно воле Радхарамана, к ним из Вриндавана прибыл Шри Радхаговинда Госвами, гуру Шаха Кундана Лала. Когда гуру собрался идти обратно, Кундан Лал дал ему Божество и напутствовал: «Возьми Тхакура с собой во Вриндаван и служи Ему, пока я не приду туда. Я буду там очень скоро».

Кундан Лал собрал большое количество средств для сооружения величественного храма для своего Божества. Процессия состояла из служебного персонала, повозок, пеших солдат и всадников. Вооруженный конвой был обязательным, поскольку в то время на дорогах промышляли шайки разбойников. Путешествие было долгим, и каравану приходилось разбивать каждую ночь лагерь, преодолевая за день пятнадцать или двадцать миль. Последняя ночёвка была прямо на границе Ваджа. Следующим утром слуга как обычно принёс и поставил перед Шахом Кунданом кальян. Кундан Лал пинком отбросил его в сторону и никогда больше не курил. Также оба брата выбросили свою обувь, потому что не могли ступить на святую землю сапогами. Они вошли во Вадж босиком и впредь никогда не носили обувь. Достигнув Вриндавана, вначале они остановились в *кундже* царя Ратанимала, возле старого храма Радхарамана. При них находились придворные и слуги. Оставшийся персонал и армия разместились в лагере на берегу Ямуны.

Прибытие братьев во Вриндаван со своей свитой и армией ознаменовало новую главу в его истории. Оно привнесло в сердца *ваджабаси* чувство безопасности. Смирение братьев, их необыкновенная щедрость и любовное отношение к *ваджабаси* дало тем почувствовать, что в их лице они имеют защитников, которые будут заботиться о них в случае нужды или бедствий.

Братья прибыли во Вриндаван в 1856-м году. А 1857-ой был годом индийского восстания, которое потрясло английское правительство до самого основания. Вся Индия была в смятении. Однако, правительство успешно подавило мятеж. Затем оно стало вешать тех, кто помогал повстанцам. Шах Кундан Лал во время восстания укрывал у себя мятежника Хирасингха и его последователей. Поэтому последовал приказ возбудить против него дело, после чего был назначен день судебного разбирательства в суде Матхуры.

Мрачные тени отчаянья и уныния легли на Вриндаван. Все очень сильно беспокоились, но Шах Кундан Лал был непоколебим и бесстрашен, о чём свидетельствует написанная им в тот период поэма: «Разве есть оружие острее, чем брови Говинды? Если Говинда выбрал кого-то Своей мишенью, разве будет такой человек бояться любого другого оружия или правительства? Неустрашимый и невозмутимый, я стою перед судом правительства, чтобы встретить лицом к лицу

судебное разбирательство и его последствия, поскольку на мне одеты доспехи защищающих глаз Говинды».

Шах Кундан Лал отправился в Матхуру, совершая *киртан* вместе с тысячами своих поклонников и доброжелателей, и предстал перед английским судом. Его заставили дать клятву: говорить только правду. Затем судья спросил: «Кундан Лал! Вы знаете мятежника Харисинха?»

«Да, сэр», — ответил Кундан Лал.

«До нас дошли сведения, что во время восстания Вы укрывали Харисинха и его людей в своём доме и содержали их».

«Да, сэр».

«Вы знаете наказание за укрывание мятежников?»

«Да, сэр, это смерть».

«Если Вы знали, то почему помогали им?»

«Сэр, Харисингх был бандитом под личиной повстанца. Он пришёл во Врадж убивать и грабить *враджабаси*. Я пригрозил ему своей армией, но пообещал дать прибежище, если он не причинит вреда *враджабаси*. Харисингх пообещал никого во Врадже не трогать. Он хранил своё обещание, и я хранил своё. Таким образом, я спас *враджабаси* от шайки грабителей. Долг правительства — защищать своих граждан, а долг людей служить правительству. Предоставив убежище Харисингху, я помог правительству защищать подданных».

«Вы очень умны. Вы подтасовываете факты, чтобы скрыть своё преступление. Но Вам не избежать участи быть повешенным».

«Сэр, если Вы хотите, можете меня повесить. Но перед смертью преступнику позволяют попросить об исполнении последнего желания. Я открою вам своё желание. Я хочу быть повешенным во Вриндаване под звуки *киртана*. Если вы повесите меня таким образом, я буду рассматривать казнь, не как наказание, а как награду».

«Вы готовы быть повешенным таким образом?»

«Да, сэр».

На судью произвели сильное впечатление преданность и бесстрашие Кундана Лала. Он решил, что всё сказанное им было правдой и объявил приказ об его освобождении. *Враджабаси*, собравшиеся в зале суда и снаружи, закричали: «Шах Кундан Лал, ки джай!» Радостно танцуя и воспевая в *санкиртане*, они доставили Кундана Лала во Вриндаван.

Вскоре Шах Кундан Лал занялся постройкой храма для своего Божества Радхарамана. Работы начались в 1859-м году и были завершены в 1867-м. Под всеобщее ликование Божество Радхарамана было установлено в храме. Храм назвали «Лалит-никунджа», но он общеизвестен как Шах-Джи-Ка-Мандир (храм Шаха). С огромной преданностью оба брата служили Радхараману. И момент своей жизни они не проводили без *бхаджана*, отдавая сну только три или четыре часа.

Шах Кундан Лал был очень заинтересован Раса-лилой. Он писал диалоги и песни для спектаклей и учил актёров танцам и музыке. Его также признавали хорошим доктором. Он использовал все свои таланты в служении Радхараману, вайшнавам и *враджабаси*. Его вера во Вриндаван и Ваджа-радж была уникальна. Он постановил для себя жить во Вадже до смерти, никогда его не покидая. Для него было невозможным ходить в туалет на землю Ваджа. Он обычно справлял нужду в глиняные горшки, сделанные из земли Агры, и затем их вывозили за пределы Ваджа. Шах Кундан Лал повелел, чтобы, когда он умрёт, его тело не несли на плечах, а протащили по улицам и переулкам Вриндавана, таким способом изваяв его в пыли Вриндавана.

Хотя и всегда занятый различными служениями Божеству Радхарамана и вайшнавам, Шах Кундан Лал, однако, всегда жаждал непосредственного служения Радхарани и Радхараману. В месяц *картика шукла пратипада* 1873-го он услышал зов Радхарани. В тот же самый день он принял *саньясу*. На следующее утро он сказал своему брату: «Радхарани позвала меня к Себе. Я должен уйти. Приготовь для меня *кабутару* (небольшую насыпь) из *Ваджа-раджа*, чтобы я мог на ней сидеть; размести вокруг стволы банановых пальм с листьями, укрась всё цветами и изображениями Радхарамана, чтобы это место выглядело как *кунджа* (естественная беседка из деревьев и лиан)".

Для Пхундана Лала это было обескураживающей неожиданностью. Но он начал сооружать *кунджу*, согласно инструкциям брата. Спустя два часа, когда всё было готово, Шах Кундан Лал сел на *кабутару* внутри *кунджи* и попросил преданных петь *киртан*. Он также присоединился к пению. Его лицо светилось счастьем, из глаз катились слёзы, а тело было охвачено дрожью,

оцепенением и гусиной сыпью. Через некоторое время он устремил взгляд на изображение Радхарамана, его дыхание постепенно замедлялось, пока совсем не остановилось. Шах Кундан Лал оставил материальное тело в *кундже* земного Вриндавана, чтобы вскоре оказаться в своём духовном теле *сакхи* в любовных объятиях Радхарани в *кундже* божественного Вриндавана.

Новость о его уходе, подобно лесному пожару, распространилась во все уголки Вриндавана. Толпы людей стали стекаться, чтобы засвидетельствовать почтение великой душе. Организация похорон была организована, согласно его личным инструкциям. На улицы Вриндавана насыпали песок Ямуны, и его тело осторожно проволокли по нему. Именно таким способом, волоча тело, похоронная процессия прошла вокруг главных храмов Вриндавана, и, в конце концов, тело Шаха Кундан Лала было захоронено в *самадхи*.

В 1885-м году^[141], в день *джьёштха шукла панчами*, Шах Пхундан Лал оставил тело таким же образом, — внезапно и в хорошем состоянии здоровья, сидя на *кабутаре* из *Враджа-раджа* и воспевая *киртан*. *Самадхи* обоих братьев находятся по обоим сторонам ворот в Лалита *никунджу*.

Гулаб Сакхи

На Варшане есть место, называемое Пилипокхар. Если идти от Пилипокхара к Премасароваре, то можно увидеть в прилегающем лесу старую *чабутру* или платформу. Платформу называют Гулаб Сакхи-качабутра. Даже в наши дни люди кланяются ей, когда проходят рядом.

Гулаб Сакхи был бедным мусульманином, с самого рождения живущим на Варшане, в обители Радхарани. Мусульманином он был только по рождению, поскольку с детства соприкасался со святой пылью Варшаны, дышал её воздухом, был заряжен чувствами и *бхакти враджабаси* и наслаждался их обществом. Его жизнь была устроена так же, как у *враджабаси* Варшаны.

Он был простосердечный и смиренный, хотя безграмотный, но хороший игрок на *шаранге*^[142]. Он регулярно играл на *шаранге* в храме Радхарани во время *киртана*. У него была дочь семилетнего возраста, которую звали Радха. Она танцевала в храме, когда он играл на *шаранге*. Её танец был завораживающим. Гулаб Сакхи получал небольшое жалование в восемь или десять *рупий* в месяц за служение, выполняемое им в храме, кроме того, получал *прасад* от Радхарани два раза в день, которого хватало ему и дочке. Он был счастлив и обеспечен всем необходимым. Не было ничего, в чём бы он нуждался.

Бедный музыкант очень сильно любил свою дочку. Он был так доволен служением Радхарани посредством своей игры и танцев дочери, совершаемых утром и вечером, что чувствовал себя обитающим на высшей райской планете. Он никогда не задумывался о том, что его дочь когда-нибудь выйдет замуж, и его райскому существованию придёт конец. Но со временем девочка превратилась в девушку, и ей надо было подыскивать жениха. Все Госвами Варшаны любили его дочь. Они говорили ему: «Гулаб, Радха сейчас — на выданье. Почему бы тебе не отдать её замуж?» Всегда, когда ему так говорили, он отвечал: «Увы, где взять необходимые средства для свадьбы?» Госвами решили собрать необходимые деньги и сказали, чтобы он нашел достойного жениха. К счастью дочери, жених был найден, и их поженили. Она уехала к мужу, и Гулаб остался совсем один.

Теперь Гулаб уже не был счастливым, неунывающим музыкантом. Безжалостная судьба набросила на него чёрные тени. Он не только потерял свою жизнерадостность, но также сон и аппетит. Три дня и три ночи он сидел возле ворот храма Радхарани и жалобно плакал. Он лил слёзы, вздыхал и восклицал: «Радха! Радха!» Госвами подумали, что старик сошёл с ума. Они пытались успокоить его, но тщетно.

На тридцатый день, в двенадцать часов ночи, когда Гулаб с закрытыми глазами всё ещё лежал у ворот храма, он услышал голос дочери: «Папа! Я пришла. Разве ты не сыграешь на *шаранге*, чтобы я могла станцевать?» Трудно сказать: спал Гулаб или бодрствовал. Но он видел с закрытыми глазами себя играющим на *шаранге* и танцующую дочь. В эту ночь её танец был более обворожительным, а звон её ножных колокольчиков был более приятен для слуха и сильнее захватывал сердце. Это было закономерным, потому что сейчас танцевала не его дочь Радха, а сама Радхарани, обернувшаяся молодой танцовщицей. Гулаб осознал это, поскольку трансцендентный звон ножных колокольчиков Радхарани открыл ему духовные глаза. Он смотрел на Неё широко открытыми, влажными от слёз глазами и говорил: «Лали!^[143]» Как только он хотел что-то добавить, пытаясь приблизиться к Ней с сердцем наполненным любовью, Она убежала в сторону храма, увлекая его за собой.

После этого никто больше не видел бедного музыканта. Госвами решили, что он не смог вынести разлуку с дочерью и умер или покончил с жизнью. Они построили выше упомянутую *чабутру* в память о нём.

Однажды один Госвами, *пуджарий* в храме, закончив *арати*^[144] и уложив Радхарани спать, возвращался из храма домой. По дороге он услышал, как из-за группы деревьев в близлежащем лесу кто-то позвал его: «Госвамиджи, Госвамиджи!» Он развернулся на голос и спросил: «Кто здесь?» «Ваш Гулаб», — последовал ответ, и Гулаб вышел из леса. Госвами изумился, увидев его, и сказал: «Разве ты не умер?»

Гулаб от начала до конца рассказал ему историю о том, как Радхарани явилась ему под видом собственной дочери и добавил: «Она милостиво приняла меня как Свою *сакхи*. Я сейчас пришёл сюда, после того, как сыграл Ей на шаранге, когда Она легла спать. Вот Её *пан-прасад*^[145]. Возьми же!»

Гулаб дал *пан* Госвами, тот изумился, увидев, что это был тот же самый *пан*, который он только что предложил Радхарани. С этого момента игрока на *шаранге* стали звать Гулаб Сакхи.

Кто-то может спросить: «Какого вида *садхану* совершал Гулаб, чтобы заслужить такую милость Радхарани? Он даже не был инициирован у гуру. Разве *шастры* не утверждают, что инициация у гуру вайшнава и практика одного или всех девяти процессов *бхакти* являются необходимыми составляющими для достижения милости Радхи и Кришны?» Бедный музыкант завоевал Радхарани только тем, что рыдал у ворот Её храма, восклицая: «Радха! Радха!» Но как его плач мог тронуть сердце Радхарани? Неужели Она не знала, что он плачет не о Ней, а о своей дочери?

На этот вопрос очень трудно ответить. Однако, можно поставить на вид, что содержание *шастр* и их правила и предписания — только для нас, а не для Радхарани. Радхарани — сама милость. Когда океан Её милости начинает волноваться, он разбивает все барьеры правил и предписаний. Правила для нас, а Радхарани является исключением. Как говорится, исключения подтверждают правила.

Можно так же заметить, что Гулаб был смиренным, простосердечным и свободным от совершения всех видов оскорблений. Милость Радхарани течёт более свободно к людям с чистым сердцем, и менее к тем, чьи сердца загрязнены, даже если они совершают долгий и напряжённый курс *садханы*. Гулаб не практиковал *джану*, *тану* (аскезу) или любые другие виды *садханы*, которые мог бы наблюдать посторонний. Его жизнь сама по себе была тихой *садханой*. Служение *шарангиста* в храме он принял, как основу своей жизни. Зарабатывание средств для поддержания своей семьи было вторичным. Он мог бы уйти из Варшаны, чтобы развлекать людей своим искусством игры на *шаранге* и заработать больше денег. Но он не мог даже на одну секунду допустить мысли о том, чтобы оставить служение Радхарани. Его преданность Радхарани была непогрешимой и полной. Всё, что Гулаб имел, включая дочь, служило исключительно Радхарани. После того, как его дочь Радха ушла, он лил слёзы не от своей привязанности к ней, но потому, что она являлась для него необходимым средством служения Радхарани. Как Радхарани могла воспрепятствовать свободному течению своей милости к предавшейся душе, подобной Гулабу Сакхи?

Чхота Баба

Он был очень молодым, когда появился во Вриндаване, поэтому его назвали Чхота Баба (юный Баба). Чхота Баба был известен под этим именем до конца своих дней. Он полностью отдал свою судьбу в распоряжение Джая Кришна Даса Бабаджи, поскольку ему понравился приятный и милостивый характер того. Юноша принял Бабаджи как *шикша* гуру и решил никогда не покидать его. Джая Кришна назначил ученика служить Божествам Радха-Маданамохана.

Джая Кришна был очень доволен его служением и спонтанным любовным отношением к Божествам, поэтому он решил направить Чхота Бабу на путь *рагануга бхакти*^[146]. Как-то он спросил юношу: «У тебя есть *гуру-пранали*^[147]?»

Тот ответил: «Я не знаю, что такое *гуру-пранали*».

Бабаджи объяснил ему значение *гуру-пранали* и дал указание: «Тебе надо ещё один раз сходить в Навадвипу, чтобы получить у своего гуру *сидха-пранали*. Это необходимо для *рагануга бхаджана*, которому ты должен посвятить свою жизнь». Он также рассказал ему о важности и сладости *рагануга бхаджана*. Но Чхота Баба был так сильно привязан к Джая Кришна Дасу Бабаджи, что не мог даже думать о том, чтобы оставить его хотя бы на мгновение. Он считал, что общество Бабаджи и служение ему более важны и приятны, чем все виды *бхаджана*. Чхота Баба не мог ничего сказать в ответ и хлынувшими слезами выразил своё нежелание идти в Навадвипу. Бабаджи снова и снова внушал ему необходимость и важность *рагануга бхаджана* и, так или иначе, убедил его отправиться в Навадвипу за *сидха-пранали*.

В те времена не было поездов, идущих в Бенгалию из Матхуры. Нужно было добраться до Хатхараса, чтобы сесть на нужный поезд. На следующий день Чхота Баба отправился в Хатхарас. Джая Кришна Дас Бабаджи попрощался с ним, и они разошлись со слезами на глазах.

На пути в Хатхарас у Чхота Бабы постоянно текли слёзы. Когда он пришёл на железнодорожную станцию, его сердце начало ныть. Юноша чувствовал, что как только он сядет в поезд, его душа сразу выйдет из тела. Он был в плачевном состоянии, поскольку для него

подчинение приказу гуру означало смерть, смертью также являлось неподчинение. Он начал молиться Радхарани и Вриндадеви, шепча: «О, Радхе! О, Вринде! Вы наверняка знаете о моём затруднительном положении. Я принял прибежище у ваших лотосных стоп, ожидая, что вы будете милостивы ко мне и когда-нибудь примете меня вашей служанкой. Почему вы оттолкнули меня от своих лотосных стоп? По крайней мере, благословите меня, чтобы я умер прежде, чем настанет роковой час посадки в поезд». Радхарани и Вринда деви услышали его молитву. Как только он вошёл на станцию, то с облегчением вздохнул, поскольку узнал, что его поезд уже отправился. Чхота Баба решил вернуться и рассказать Джая Кришна Дасу Бабаджи о том, как Радхарани и Вринда деви предотвратили его поездку в Навадвипу.

Джая Кришна Дас Бабаджи уже сожалел, что убедил Чхота Бабу уехать за *гуру-пранали*. Поскольку Вринда деви отругала его во сне: «Зачем ты послал его в Навадвипу, когда его *гуру-пранали* уже здесь, на алтаре Радха-Маданамохана?» Бабаджи в изумлении действительно обнаружил на алтаре *гуру-пранали* Чхота Бабу и был очень счастлив увидеть, каким образом Вринда деви пролила на него милость. Но его горю не было предела, когда он подумал, что Чхота Баба, должно быть, уже находится на большом расстоянии и скоро достигнет станции прямо к отправлению поезда. Бабаджи стал молиться Вринда деви, чтобы она устроила опоздание Чхота Бабу и заставила его вернуться обратно. Он, таким образом, плача, молился Вринда деви и вечером, к своему удивлению, вдруг увидел возвратившегося Чхота Бабу. Джая Кришна Дас Бабаджи подбежал к нему и заключил в объятия прежде, чем тот успел поклониться и извиниться за то, что не смог вовремя прийти к поезду в Хатхарас.

Не было границ счастью Чхота Бабу, когда ему рассказали о милости Вринда деви и о том, как она нашла и предоставила его *гуру-пранали*.

Он начал практиковать *рагануга бхаджан* под руководством Джая Кришна Даса Бабаджи. Через некоторое время Бабаджи оставил тело. Прежде, чем уйти, он наставил Чхота Бабу: «Продолжай совершать *бхаджан*. Не покидай Врадж даже на один день. Радхарани обязательно будет этим довольна и удостоит тебя Своим *даршаном*».

Чхота Баба продолжал практиковать *бхаджан*. Он уже состарился, но всё ещё не получил *даршана* Радхи и Кришны. Страдания в разлуке

стали невыносимы для него.

Однажды два ребёнка, мальчик и девочка, оба шести или семи лет, пришли к нему в *кутир* и попросили: «Баба! Дай нам попить воды». Баба вышел из *кутира* и увидел детей. Он очаровался их красотой, поскольку никогда не видел таких красивых детей раньше. Баба лил воду из своей *каравы* в сложенные чашечкой ладошки мальчика, и тот с удовольствием её пил. Напившись, мальчик сказал: «Баба! Дай также напиться моей жене».

Баба рассмеялся и произнёс: «Твоей жене! Вы оба так молоды. Неужели вы муж и жена?»

«Нет, Баба, мы ещё не обвенчаны, но в будущем обязательно обвенчаемся».

«О, ты собираешься пожениться. Но как она может быть твоей женой до замужества?»

Мальчик ответил: «Баба, Вы ничего не понимаете».

Девочка сказала: «Нет, Баба, он говорит неправду. Я пришла в лес собирать цветы. Он отвлек меня своими шутками и привёл сюда».

Затем Баба стал лить воду в её ладошки, которые были плохо сложены. Вода проливалась на землю, и она не могла напиться. Баба обратился к мальчику: «Твоя жена не знает, как правильно сложить ладошки чашечкой».

«Она чересчур наивна», — ответил мальчик, поставил свои сложенные ладошки к её рту, и она напилась из них.

После этого Баба предупредил мальчика: «*Лала*, уже темнеет. Вам надо возвращаться домой».

Мальчик взял девочку за руку, и они стали уходить.

Баба, замороженный, продолжал глядеть им вслед. Они также часто оборачивались и смотрели на него с хитрыми улыбками. Пройдя небольшое расстояние, мальчик и девочка внезапно исчезли. На Бабу сразу же нашло озарение. В сердце заблагоухал странный букет ощущений, состоящий из заблуждения, счастья и горя. Он осознал, что эти дети были никто иные, как два Божества его сердца, которым он так долго поклонялся. Они предстали перед ним именно так, потому что у Бабы было желание напоить их когда-нибудь водой, подобно тому, как Джая Кришна Бабаджи напоил Кришну своими руками. Чхота Баба был счастлив тем, что Радха и Кришна явились ему и одновременно несчастлив, поскольку Они исчезли и из-за своей

неспособности опознать Их. Их исчезновение после непродолжительного *даршана* заставило его ощутить такую сильную боль разлуки, какую он никогда прежде не чувствовал. Он плакал и плакал, пока не пришёл сон и не дал ему облегчение.

Во сне Радха и Кришна снова явились ему и сказали: «Баба! Продолжай делать *бхаджан*. В положенное время Мы удостоим тебя *сакшат даршаном*». Чхота Баба, наверняка, был благословен Их *даршаном* опять, но кто знает, где и как.

Карта Кришнадас Баба

Карта Кришнадас Баба принял инициацию от одного *садху* в линии ученической преемственности, восходящей к Нитьянанде. Сидха Кришна Дас Бабаджи был его *шикша* гуру. Практикуя *садхану* под его руководством, Карта Баба, как и его *шикша* гуру, стал сидхой. Его звали Сидха Баба, потому что он стал сидхой в *упасане*^[148] *аштакаля-лилы*. У него также было имя Гутикавале Баба, поскольку он расширил и перевёл на бенгали *гутику*^[149]. Сидха Кришна Даса Бабаджи, написанную на санскрите, и предал ей такую форму, в какой она доступна сейчас. Ещё одно его имя было Карта^[150], потому что, за счёт своего высокого духовного уровня, он был естественным главой и лидером общества вайшнавов в те времена. Все *садху* и вайшnavы приходили к нему за наставлениями. Они не могли ничего предпринять, если это не санкционировалось им.

Карта Баба прожил сто четыре года. Он не тратил зря даже одной секунды — без служения Радхе и Кришне или вайшнавам. У него едва ли было время для самого себя. Ему не хватало времени даже для сбора *мадхукари*. Он собирал *мадхукари* только раз в два или три дня. Если у него был какой-то досуг после *сева-пуджи*, он тратил его на шитьё *гадади* (одеяло из обрезков) или, делая копии *гутики* для *садху*. Но даже тогда, когда Карта Баба, казалось, внешне занимался служением посредством материального тела, он был всё равно погружён в медитацию на *лилы* Радхи и Кришны. Иногда он был с такой силой поглощён *бхаджаном*, что терял сознание, и его внешняя активность сдерживалась на несколько часов. Как-то один *киртания* пришёл из Бенгалии, чтобы служить *садху* и вайшнавам посредством пения *киртанов*. *Садху* сказали ему: «Если ты сможешь удовлетворить Карту Бабу из Говардхана своим исполнением *киртана*, то будешь вправе думать, что совершил реальное служение». *Киртания* пришёл к Карта Бабе и обратился к нему с просьбой послушать его пение. Баба, только что принявший омовение и собиравшийся поставить на своё тело *тилаку*, вежливо ответил: «Баба! Где взять время для *киртана*?» Но потом, глядя на упорство посетителя, согласился: «Хорошо, пой, а я буду ставить *тилаку*». *Киртания* запел. Карта Баба налил немного

воды на левую руку и стал растирать на ладони глину из Радхакунды для *тилаки*. *Киртан* рассказывал о *лиле*, относящейся к первому любовному свиданию Радхи и Кришны. *Киртания* пел *киртан*, а перед внутренним зрением Бабы разворачивалось действие *лилы*. Он так погрузился в *лилу*, что его правая рука, трущая глину, иногда двигалась, а иногда замирала. В конце концов, растирание прекратилось совсем. На Бабу нашло оцепенение, его ум полностью зафиксировался на *лиле*. *Киртан* начался в восемь часов утра и продолжался до четырёх часов дня. Когда пение закончилось, Карта Баба так и оставался без поставленной на тело *тилаки*.

В те времена святые Враджа обычно посылали своих учеников к Карта Кришнадасу Бабе для обучения *аштакалья-лила-смаранам*. Но Баба не принимал всех и каждого, а тренировал только тех, кто поднялся над уровнем обычных людей и обрёл способность контролировать чувства. Поэтому прежде чем принять кого-либо для тренинга, он некоторое время держал желающих в своём *ашраме*, чтобы выяснить их пригодность для *бхаджана*.

Однажды к нему пришёл *садху* и попросил *шикшу* в *аштакалья-лила-смаранам*. Баба хорошо принял его и предоставил место для проживания в *ашраме*. Ночью он дал вновь пришедшему *садху* кусок хлеба, предварительно размочив его в воде, поскольку хлеб, превратившийся в сухарь, был принесён в качестве *мадхукари* три дня назад. Затем Баба ушёл и сел неподалёку, наблюдая за *садху*. По выражению лица *садху*, получившего размоченный хлеб, Баба смог понять, что тот не годится для *аштакалья-лила-смаранам*. Он вернулся к нему и, претворившись, что дал ему это кушанье по ошибке, сказал: «О! Что я наделал?! Я дал тебе несвежий хлеб». Затем Баба дал *садху* свежий хлеб, а сам съел размоченный в воде.

А позже он сказал *садху*: «Ты всё ещё раб своего языка. До тех пор, пока человек привязан к миру чувств и к его наслаждениям, он не квалифицирован для *рагануга бхаджана*. Тебе надо продолжать практиковать *ваидхи бхакти*. Посредством практики *ваидхи бхакти* твоё сердце будет очищаться, и, когда желания чувственных удовлетворений полностью из него исчезнут, тогда ты можешь прийти ко мне за инструкциями по *рагануга бхаджану*».

До тех пор, пока Сидха Кришнадас Бабаджи из Говардхана был живой, Сидха Карта Кришнадас Баба жил на Говардхане, возле

бхаджана-кутира Санатана Госвами на Манаси-Ганге. Место, где он жил, даже сейчас сохранило название Сидха Баба-ки-тхаура в честь его имени Сидха Бабы. После ухода Сидха Кришнадаса Бабаджии Карта Баба переселился в Нутан Гхеру на Радхакунде.

Однажды право на владение Радха-кундой стало предметом спора между бенгальскими *садху*, живущими в деревне Радхакунда и местными *враджабаси*. *Враджабаси* объявили: «Мы не позволим бенгальским *садху* даже прикасаться к воде Радха-кунды». Бабаджи из Бенгалии пришли к Карта Бабе и спросили, что им делать. Он ответил: «Нам не надо сражаться с *враджабаси*. Если Радхарани желает, чтобы мы не касались Радха-кунды, мы не будем этого делать». *Садху* подчинились его совету.

В день Кришна-аштами месяца *картика* омовение в Радхакунде имеет особое духовное значение. В этот день Карта Баба забеспокоился о том, чтобы омыться в Радхакунде. Он сел на берегу *кунды*, возле *самадхи* Рагхунатха Даса Госвами и обратился с молитвою к Радхарани: «Всемиловитая Радхарани! Я знаю, что из-за каких-то оскорблений, совершённых нами, Ты забрала у нас привилегию омыться в Твоей *кунде*. Но если сегодня Ты милостиво как-нибудь организуешь для меня хотя бы пригоршню воды из Твоей *кунды*, я обрызгаю ею своё тело и буду благословён».

В это время на Радха-кунду из деревни Кунджары пришли восемь или десять *враджабаси* с палками в руках. Когда они снимали свою одежду, чтобы омыться в Радхакунде, то увидели сидящего рядом Бабу со слезами на глазах. Они спросили: «Баба! Почему Вы сидите в стороне и проливаете слёзы? Луна уже появилась на небе, это самое время для принятия омовения».

Баба рассказал им о споре между *враджабаси* и бенгальскими Бабаджи и о решении первых не позволять бенгальцам омыться в Радха-кунде. Они все разом закричали: «Баба! Вы должны принять омовение. А мы посмотрим, кто посмеет запретить Вам сделать это!»

Баба отказался омыться. Но они силой привели его к Радхакунде и заставили в ней искупаться. Местные *враджабаси* подняли вокруг страшный шум, но они не смогли ничего поделать, поскольку испугались кунджарских *враджабаси*. После того, как Кунджарцы ушли, *садху* опасались нападения местных *враджабаси*. Но в ту же ночь Радхарани сказала им во сне: «Радхакунда — Моё озеро. *Садху*

также принадлежат Мне. Кто вы такие, чтобы запрещать им принимать омовение?»

На следующее утро *враджабаси* рассказали друг другу о сне, увиденном каждым из них. Они поняли, что совершили оскорбление Радхарани и бенгальских *садху*. Им ничего не оставалось делать, как идти к Карте Бабе, припасть к его стопам и молить о прощении.

Карта Баба прожил в Нутан Гхере десять или двенадцать лет, после чего оставил тело. Его самадхи находится там же.

Шри Навалакишор Баба

Во Врадже, в деревне Нандаграм, есть храм Нандалалы (сына Нанды, Кришны). Во время этих событий храму было сто пятьдесят лет и он находился в заброшенном состоянии. Пол галереи перед храмом был неровным и потрескавшимся. Нандалала подумал, что если бы пол отремонтировать, покрыв гладким мрамором, Ему было бы легко бегать по галерее и играть.

Для Нандалалы это было пустячным делом, поскольку Он Господин, творец и разрушитель вселенной. Его *лила-сакхи* Йогамая может исполнять любые Его желания, как только они появляются у Него и в уме. Но Йогамая знает, что её Господь явился в этой инкарнации не как повелитель вселенной, а как сын Нанды и Яшоды, как друг Судамы, Шридамы и других мальчиков пастушков и как возлюбленный гопи, — чтобы наслаждаться их любовью. Назначение этой инкарнации было только в том, чтобы любить и быть любимым. Поэтому в этой инкарнации Его *айшварья* была полностью покрыта Его *мадхурьей* или очарованием, и в ней Он зависит в исполнении Своих желаний не только от Йогамаи, но в большей степени от любовного служения Своих преданных. В соответствие с этим, Нандалала стал ждать подходящего случая, когда Он смог бы вдохновить какого-нибудь преданного сделать мраморный пол в галерее храма.

В деревне Чандхари-ка-нагала района Алавар в Раджастане жил преданный *брахман*, чьё имя было Навалакишор. Он был инициирован в Рамануджа *сампрадае* и поклонялся Вишну. Его мать Шримати Хира Деви была преданной Нандалалы, и Он был очень добр к ней. Однажды, когда она упала с крыши, Он поймал её на Свои колени и таким образом спас от увечья и страданий. После этого случая она переехала в Нандаграм и стала жить там вместе с Навалакишором и его женой. Шримати Хира Деви прожила в Нандаграме только несколько месяцев, после чего Нандалала, устроив так, что она оставила своё бренное тело, взял её служить Себе в Своей трансцендентальной *дхаме*.

Навалакишор уже имел сильные *самскар*ы *бхакти*, но после ухода матери его *бхакти* и *вайрагья* стали ещё сильнее. Он на короткое время уехал в свою деревню и, продав всю унаследованную в ней собственность, вернулся в Нандаграм. Деньги, вырученные таким образом, были потрачены на служение *садху* и вайшнавам.

Как-то он сказал своей жене: «В Нандаграме много воров. Они уже приглядели твои украшения. Отдай драгоценности мне, я вручу их в надёжные руки». Жена отдала ему украшения. Через какое-то время она спросила его, где он их хранит. Он ответил: «Они находятся в казне Нандалалы». Жена поняла, что украшения были также проданы, а полученные деньги израсходованы на служение вайшнавам. Она не возражала, поскольку тоже была преданной женщиной.

Вайрагья Навалакишора усиливалась день ото дня. Он отослал жену в дом её отца, принял *саньясу* и стал жить, собирая *мадхукари*. Никто не знал его имя, полученное во время принятия *вешу*, поэтому люди называли его Навалакишор Баба.

Поскольку Навалакишор являлся *брахманом*, у него были *сильные самскар*ы в различии чистого и нечистого, благоприятного и неприкасаемого. Исходя из этих соображений, он собирал в качестве *мадхукари* только зерно или муку и сам готовил *чапати* (лепёшки) и съедал их после предложения Вишну. Во время готовки он строго присматривал, чтобы даже тень какой-нибудь другой личности не упала на его приготовления.

Естественным поведением Нандалалы является отношение к любому, кто связан с Ею преданными, как к Своему близкому, несмотря на то, есть у того любовь к Нему или нет. Навалакишор был сыном Ею преданной Хира Деви, поэтому он был близок Ему в такой же степени, как и его мать. Нандалала задумал попросить его сделать в Своем храме мраморный пол, но по двум причинам колебался. Первая была в том, что хотя Он относился к Навалакишору, как к своему преданному, тот не осознал ещё своей связи с Ним. Он часто ходил в Его храм получить *даршан*, поскольку жил в Нандаграме, но не поклонялся Ему, как своему *иште*^[151]. Его *иштой* был Вишну. Вторая причина была в том, что Навалакишор был слишком одержим брахманическими правилами и предписаниями, указывающими на чистое и осквернённое. Ведь они были несовместимы с *раганугой бхакти* Ваджа, в которой главным фактором была любовь, а не

различия между чистотой и грязью. Поэтому Нандалала обдумывал способ, каким можно сперва полностью изменить Навалакишора сообразно с теми двумя причинами, которые заблокировали путь любовных взаимоотношений между ними.

Однажды Навалакишор Баба пришёл за *мадхукари* в дом женщины *враджабаси*. Она ушла за мукой. Её два сына сидели на веранде и ели из горшка *мадхери* (ячмень с молоком и йогуртом). Навалакишор увидел, что Кришна и Баларама также сидели вместе с ними и с большим удовольствием ели из того же горшка, насмешливо глядя на него. Он застыл в изумлении и некоторое время стоял, глядя на них, подобно человеку, находящемуся под гипнозом. Женщина принесла муку и сказала, протягивая к нему руку: «Возьми, Баба». Но Баба потерял внешнее сознание под чарами красоты Кришны и Баларамы. Он не видел женщины и не слышал её голоса. Она повысила тон: «Баба, почему ты так странно глядишь на моих детей? Бери *мадхукари* и уходи». Баба настороженно взглянул на неё и затем, немного подумав, проговорил: «Ма! Не надо муку, дай мне немного *мадхери* из горшка, из которого едят твои дети».

«Что, — продолжила она с удивлением, — ты сошёл с ума? До этого ты не принимал ничего приготовленного мной и к чему прикасались мои дети, а сегодня просишь остатки *мадхери*, которое они только что ели!» Для женщины более естественно испытывать удивление. Откуда она могла знать, что за короткое время её отсутствия с Бабой случится метаморфоза? Он был уже не фанатичный *брахман*, считающий всё, на что просто упала тень другого человека, осквернённым и не принимающий даже *прасад* от Божеств, если он готовился не им самим. Теперь Баба понял, что Тхакур (господин) Ваджа больше ценит чистоту сердца, а не чистоту предлагаемого Ему подношения. Он является Богом любви, и может быть покорён только любовью, а не соблюдением строгих правил и предписаний, касающихся чистоты или нечистоты предлагаемых вещей.

Баба ей ответил: «Ма! Я не сошёл с ума. Наоборот, моё сумасшествие сейчас излечилось. Теперь, не раздумывая, дай мне *мадхери*». После этих слов голос Бабы прервался, а из глаз покатались слёзы.

Женщина подумала, что Баба на самом деле сошёл с ума. Она замерла, глядя на него. Но он в один прыжок подскочил к горшку и быстро взял из него горсть *мадхери*. Баба со вкусом поедая *мадхери* и, казалось, плыл в океане блаженства. Слёзы любви и счастья стекали вниз по его щекам и орошали грудь.

После этого случая *упасана* (метод поклонения) Бабы взяла новое направление. В его сердце происходили вулканические извержения переживаний. Он начал думать: «Я так долго поклонялся Вишну, но Он ни разу не дал мне *даршана*. А Тхакур Враджа благословил меня Своим *даршаном*, хотя я никогда не поклонялся Ему. Как Он добр, прост и милостив!» В *упасане* Вишну имеется элемент благоговейного трепета. Вишну желает, чтобы Его почитали и поклонялись Ему, как Богу. Но Нандалала даже не осознаёт Своей божественности. Он хочет любить и быть любимым. Он не Бог, а любовь. Вишну сидит на Своём алтаре, на расстоянии принимает *бхогу*, предложенную Своим преданным и оставляет ему остатки Своей трапезы. Но Тхакур Враджа идёт от двери к двери и ест остатки еды *враджабаси*.

Навалакишор обнаружил, что трон в его сердце, на котором раньше восседал Вишну, теперь завоёван Нандалалой. Даже если Баба пытался медитировать на Вишну, в его уме возникал Нандалала, а не Вишну. Теперь он только внешне поклонялся Вишну, но в своём сердце он всегда размышлял о Нандалале.

Однажды, когда Навалакишор медитировал во дворе храма Нандалалы, он увидел, как Нандалала передвигается по полу галереи храма. Время от времени Он останавливался и тёр свои колени руками. Медитируя, Баба погрузился в дрему. В этом состоянии он услышал, как Нандалала сказал ему: «Баба! Мои колени в ссадинах».

Для Навалакишора это было невыносимо. Он решил, что, собирая пожертвования или прося взаймы, он покроет пол в галерее гладким мрамором, как можно раньше. На следующий день он приехал в город Макарану в районе Джодхпур и попросил у одного крупного торговца строительным камнем пожертвовать мрамор для храма Нандалалы. Торговец сказал: «Бери столько, сколько хочешь. Вчера во сне Нандалала также сказал мне дать тебе камень».

В те времена не было железной дороги из Джодхпура в Матхуру. Камень привезли на повозках, запряжённых быками. В течение короткого времени храм Нандалалы, включая галерею, был выложен

мрамором. На одной стене храма выбита *шлока*, описывающая, как Нандалала вдохновил Навалакишора сделать в храме мраморный пол.

После этих событий Навалакишор стал известен как сидха Баба, который наслаждается благосклонностью Нандалалы и Его благословениями имеет могущество исполнять желания людей и использует своё мистическое могущество для служения Нандалале. Однажды Навалакишор пришёл в Матхуру вместе со своим учеником Югалакишором. Он сказал ученику сходить попросить *гхи* для служения Тхакуру. Югалакишор пришёл к владельцу магазина и обратился к нему с просьбой пожертвовать топлёное масло. Владелец магазина дал *гхи*, но попросил: «У меня нет ребёнка. Твой гурудев — сидха махатма. Попроси у него от моего имени благословение на рождение сына». Югалакишор с рождения был немного наивен и добр. Он согласился: «Хорошо, хорошо, я скажу ему. У вас его благословениями обязательно будет сын». Югалакишор вернулся и рассказал всё Бабе. Навалакишор рассердился и, ударив ученика по спине своими щипцами^[152], прикрикнул: «Глупец! Ты торгуешь моими благословениями. Уходи отсюда. Я не хочу видеть твоего лица». Югалакишор припал к стопам гуру, моля о прощении, и сказал: «Я никогда не сделаю такое опять. Я пойду к владельцу магазина, верну ему *гхи* и скажу: «Мой гурудев ничего не сделает для Вас»». Гнев Бабы утих, но он сказал: «Теперь, поскольку ты пообещал, Нандалала непременно благословит владельца магазина рождением сына. Но торговец обманул тебя, — *гхи* он дал немного, а получит сына. Сейчас пойди и скажи ему, чтобы он ежедневно преподносил Нандалале розовую воду». Владелец магазина был счастлив услышать это предложение и в тот же день начал предлагать Нандалале розовую воду. В положенное время у него родился сын.

После рождения сына он начал новое дело по продаже мрамора и других стройматериалов. Его фирма получила название «Нандалалкишор Югалакишор». Под этим именем она известна и сегодня.

Сетх Бхагаван Дас Беривал из Харьяны был богатым торговцем, но страдал от убытков, и бизнес его терпел крах. Он пришёл в Нандаграм, рассказал о своём положении Навалакишору и взмолился о милости. Баба посоветовал: «Если ты будешь служить Нандалале, твоё положение поправится». Сетх начала служить Нандалале и его бизнес

пошёл в гору. Семья бизнесмена до сих пор занята в служении Нандалале. Его правнук Ратан Лал Беривал реконструировал храм Нандалалы, усилиями Ратана храм принял сегодняшнюю форму.

Навалакишор обычно каждый день своими собственными руками готовил для Нандалалы десять ладду. Восемь из них предлагались Нандалале на завтрак следующего дня, а две оставшихся хранились у божества мамы Яшоды, чтобы она, если её сын проголодается, накормило его ночью. Это начинание Навалакишора продолжается и в наши дни.

У Навалакишора была *ватсалья-бхава* (родительские отношения), но она перешла в *мадхурью*. Этому свидетельствует одна *шлока*, высеченная Бабой на стене храма.

Самадхи Навалакишора находится в Асесшваре в Нандаграме, где он обычно совершал *бхаджан*. На *самадхи* высечена дата 1937-ой по календарю Викрама, что соответствует 1880-му году по христианскому календарю.

Пандит Джагадананда Дас Бабаджи

Шри Джагадананда Дас Баба был современником Сидха Джая Кришна Бабаджи из Камьявана и Сидха Шри Кришнадаса Бабаджи из Говардхана. Он родился в деревне Фаридпур, в Западной Бенгалии. В раннем возрасте восемнадцати или девятнадцати лет он принял *дикшу* и *веш* у Шри Бхагавана Даса Бабаджи, проживающего в том же районе, и пришёл во Вриндаван. Совершенно неизвестно, где и у от кого он получил образование. Но он был признан великим *пандитом* того времени, у него учились многие *пандиты*. В их числе знаменитый ученый и *киртания* Шри Адвайта Дас Бабаджи.

У него были очень близкие отношения с Джая Кришна Дасом Бабаджи, а Кришнадас Бабаджи и Мадхусудана Дас Бабаджи обычно наслаждались с ним любовными распрями. Джагадананда Баба имел абсолютную веру в трансцендентальную природу Враджа. Однажды святая *дхама* удостоила его непосредственным восприятием этого факта. Как-то вечером Баба, проживая в то время на Радха-кунде, отправился на Сурьякунду к Мадхусудана Дасу Бабе. Сурьякунда находится на расстоянии трёх или четырёх миль на север от Радха-кунды. Это расстояние можно легко преодолеть в течение одного часа. Но он достиг Сурьякунды на следующий день утром. Баба ни разу не сбился с пути и не останавливался отдыхать. Увидев его, Мадхусудана Баба спросил: «Откуда ты появился в столь раннее утро?»

«Утро?! Разве сейчас утро? Я вышел с Радхакунды только что!»

Мадхусудана Дас сказал: «*Дхама* милостиво продемонстрировала тебе свою способность сжиматься и раскрываться как лотос. Ты хорошо сведущ в *шастрах* и знаешь, как пространство и время контролируются *лилой-шакти* Бхагавана, сворачиваясь и расширяясь в соответствии с происходящей *лилой* Кришны.

Шри Югал Дас Баба

Шри Югал Дас Бабаджи был *махантой* старого храма Маданамохана, в котором изначально Божествам поклонялся Санатана Госвами. Он родился в районе Гая штата Бихар. Баба был неграмотным, но простым и чистосердечным. Жизнь свою он посвятил служению вайшнавам. Рано утром, после принятия омовения, он кланялся всем вайшнавам, живущим в его *ашраме*, включая своих собственных учеников. Если кто-нибудь спрашивал его, почему он кланяется своим ученикам. Баба отвечал: «Я кланяюсь их вайшнавской *сварупе* или форме. Если я не буду этого делать, как они смогут научиться смирению?»

Двери *ашрама* Бабы всегда были открыты для вайшнавов. Когда бы они не пришли, их обеспечивали питанием и жильём. Обычно с утра до ночи Баба был занят служением вайшнавам, поскольку верил, что Кришне больше нравится, когда служат его преданным, а не Ему самому. По случаю вайшнавских праздников в *ашраме* устраивались пиры и фестивали. На это требовалось много денег. Никто не знал, откуда они приходят. У *ашрама* не было никаких постоянных доходов. Баба в кредит покупал продукты и другие вещи, необходимые для служения вайшнавам и, когда появлялись средства, оплачивал покупки. Владельцы магазинов рано или поздно всегда получали свои деньги. Поэтому они, не раздумывая, давали Бабе всё, что ему нужно.

Однако, как-то долг торговцам вырос до двух с половиной тысяч рупий. Деньги ниоткуда не поступали. Баба стал сильно беспокоиться. Через какое-то время пришёл человек и доложил: «Из Бомбея приехал Сетх^[153] Говинда Дас. Он очень заинтересован в служении вайшнавам. Он узнал, что в Вашем *ашраме* постоянно организуется служение вайшнавам, из-за чего у Вас появился долг в размере двух с половиной тысяч рупий. Сетх послал Вам эти деньги, чтобы Вы смогли погасить долг».

Посланец положил перед Бабой кошель с объявленной суммой. Баба некоторое время с изумлением глядел на него, затем спросил: «Где сейчас этот Сетх?» Человек ответил: «Он остановился возле

Шрингаравата. Вечером он придёт к Вам на *даршан*». После этих слов посланец поклонился Бабе и ушёл.

Баба вечером долго ждал Сетха, но тот не пришёл. Тогда он послал своих людей разузнать о нём в различные места, близлежащие к Шрингаравату, но его не нашли.

Кто такой Сетх Говинда Дас? Кем был человек, принёсший кошель с деньгами? Эти вопросы оставались под покровом мистики. Югал Баба часто думал, кем мог быть этот посланник, кроме, как не самим Сетхом Говиндой Дасом? И кем был необычайно щедрый Сетх Говинда Дас, кроме, как не самим Говиндаджи? В любое время, когда такие мысли приходили ему на ум, по его телу пробегали мурашки и на глаза наворачивались слёзы.

Однажды полицейский увидел дровосека, везущего по Вриндавану дрова на двадцати ослах. Он предположил, что дрова — ворованные и приказал дровосеку направить свой обоз в полицейский участок.

«Почему?» — спросил дровосек.

«Потому что дрова ворованные».

«Нет, эти дрова для Югала Даса Бабаджи. Он купил их для проведения фестиваля».

«Ты говоришь ложь. Я сам узнаю у Бабы. Иди за мной».

Полицейский вместе с дровосеком пришёл в *ашрам* Бабы и спросил: «Баба! Эти дрова для Вас? Вы просили доставить их?»

Баба, в действительности, готовился к фестивалю, который должен был начаться на следующий день. Он купил всё необходимое за исключением дров. Магазин, где Баба обычно покупал топливо, отказался снабжать его дровами, поскольку он не оплатил прежние закупки. Поэтому он сильно волновался. Когда полисмен задал ему этот вопрос, Баба услышал, как кто-то шепнул ему на ухо: «Скажи, да. Я отдал распоряжение». Баба повторил эти слова и, повернувшись к дровосеку, указал на угол в *ашраме*, сказав: «Складывай дрова здесь».

Полицейский был удовлетворён. После того, как дровосек разгрузил свой обоз, Баба сказал ему: «Приходи через три или четыре дня за своими деньгами».

Дровосек ответил: «Баба! Вам не нужно беспокоиться о деньгах. Дрова ворованные. Вы спасли меня от полиции. Это стоит дороже, чем подношение дровами».

После того, как дровосек отошёл на некоторое расстояние, он исчез вместе с осликами. Кем был этот дровосек? Не был ли он той же самой личностью, которая приходила под видом Сетха Говинда Даса? Кто-то может подумать, что он не мог быть той же личностью, поскольку Господь не врёт, не ворует и не делает ничего безнравственного. Но разве *шастры* не говорят, что нет ничего аморального или морального в том, чего бы Он не сделал для своего преданного?

Югал Дас Баба служил вайшнавам всю свою жизнь и никогда не принимал служения от них. В 1941-м году он в девяностолетнем возрасте внезапно оставил тело. В это время Баба также не позволял никому служить себе, но когда испытывал трудности, сам Говинда всегда помогал ему. Господь не мог поступать иначе.

Гвария Баба

В Индии во времена правления Британской империи было много независимых царств, управляемых раджами. Одно из них было Датия. Раджа Датии обожал крокодилов. В огромном количестве он содержал их в обширном пруде. Охранник присматривал за прудом и не позволял людям приближаться к воде. Но однажды он в изумлении увидел молодого Бабаджи, стоящего в водоёме. Охранник закричал: «О, Баба! Выбирайся из воды. Разве ты не видишь крокодилов? Они сожрут тебя в одну секунду!» Баба продолжал оставаться среди зубастых тварей, спокойный и неподвижный. Он, или не слышал предостережений охранника, или не обращал на них внимания. Возможно, Баба к тому же, или не осознавал угрожающую ему опасность, или пренебрегал ею.

Охранник несколько раз подряд криком предостерёг Бабу, но безрезультатно и, в конце концов, прокричал: «Если ты не выйдешь оттуда, я доложу радже, и тебя накажут». И всё же Баба, казалось, был глух и нем.

Охранник отправился к радже и доложил ему о случившемся. Раджа пришёл со своей свитой. Он приказал Бабе выйти из пруда и пригрозил наказать, если тот не подчинится. Царские угрозы также оказались не услышаны. Раджа удивился непреклонности и бесстрашию незнакомца. Его любопытство очень сильно возросло, когда он увидел последнего, стоящего неподвижно и умиротворённо, как будто бы он находился в *самадхи*, а вокруг него — плавающих крокодилов, даже не приближающихся к нему. Раджа повелел нескольким придворным из своей свиты остаться у водоёма и привести незнакомца во дворец, когда тот выйдет из воды.

Молодой Баба стал всеобщим предметом для разговоров в городе. Большинство граждан говорило, что он сумасшедший, кто-то доказывал, что Баба по какой-то причине разочаровался в жизни и хотел покончить с нею, бросившись в пасть крокодила. Однако, некоторые решили, что Баба был *маханурушей*, по причине сияния, исходившего от его лица.

Как только молодец вышел из воды, его привели к радже. Радже не пришлось долго разговаривать с незнакомцем, чтобы понять, что перед ним действительно стоит *махануруша*. Он хорошо отнёсся к Бабе и настоял, чтобы тот оставался в Датие, по крайней мере, на некоторое время, чтобы благословить своим присутствием его самого и подвластных ему людей. Баба остался в царском дворце.

Молодой Бабаджи родился в 1843-м году в *брахманской* семье Бундел Кханд. У него были *сильные самскар*ы *бхакти*. Его родители предчувствовали, что сын отречётся от мира. Поэтому они женили его на очень красивой девушке, когда ему исполнилось только шестнадцать лет. Но женитьба не смогла держать его долго привязанным к мирской жизни. Он отрёкся от мира, будучи довольно молодым и стал тут и там бродить в поисках Кришны. Он обычно называл Его Яра, что значит, закадычный друг. Неизвестно, принимал ли он инициацию у кого-либо, или нет. Но он знал, что Кришна любит дружить с человеком, который любит только Его и никого другого и желает только Его дружбы и ничего другого. Позднее он отрёкся от всего с единственным желанием осознать Его, как своего друга или Яру. Баба был убеждён, что Кришна уже принял его Своим другом и должен стремиться встретиться с ним так же, как и он.

Кришна уже вошёл в его ум и расположился там. Господь не позволял ему думать о чём-либо, кроме Него и не разрешал ничего делать, кроме того, что удовлетворяет Его. Баба знал, что Кришна любит музыку, поэтому выучил ноты и стал хорошим певцом. Хотя Кришна всегда пребывал в его уме, он надеялся, что когда-нибудь встретится с Ним лицом к лицу и насладится Его обществом. Баба бродил вокруг из одного места в другое, всегда думая о Нём и повторяя Его имена. Он, бывало, с такой силой погружался в мысли о Кришне, что забывал о себе и в течение многих часов оставался в состоянии *самадхи*, сидящим или стоящим в одной и той же позе. В процессе своего блуждания Баба достиг Датии. Общение с ним полностью изменило ум местного раджи. Он стал проводить большую часть своего времени в компании Гвария Бабы, *бхаджане* и *киртане*. Также сама Датия изменилась в потоке *бхакти*, который прежде на нее не проливался.

Ни раджа, ни население Датии не хотели, чтобы Гвария Баба когда-нибудь покинул их царство. Но Баба должен был идти во

Вриндаван, где, он предполагал, его Яра должен, волнуясь, ожидать его.

Баба ночью, стараясь быть никем не замеченным, ушёл из Датии во Вриндаван. Во Вриндаване он бродил по лесам и кунджам в поисках своего Яры, но не мог Его найти. Баба падал на землю, валялся в пыли Вриндавана и плакал, восклицая: «О, Кришна! О, мой друг, моё сердце, моя душа! Где Ты?» Иногда в его воображении возникали яркие образы Яры, подобно реальным объектам в непосредственном чувственном восприятии. Он бежал к Нему навстречу, но Яра исчезал, и Баба, бесчувственный, падал на землю. Он больше не мог выносить разлуку с Кришной. В крайнем отчаянии, ведущим к безрассудству и безысходному негодованию Баба оставил поиски Яры. Он сказал себе: «Я сделал всё, что мог, ища Его. Он, кажется, водит меня за нос. Больше я не буду докучать Ему. Если Ему нужна моя дружба, тогда пусть Сам ищет меня. Дружба — двустороннее движение, она не поддерживается только усилиями одной стороны».

Баба оставил поиски и стал проводить своё время, посещая Расалилу и репетируя с актёрами, обучая их музыке, которая является важнейшей частью спектаклей. Он надеялся, что его обида и показное безразличие к Нему, возымеют желанный эффект, и Он придёт сам. Но эти надежды тоже не оправдались, что привело Бабу в страшный гнев. Он мысленно сказал Ему: «Я слышал, что Ты милосердный и любящий. Если кто-то сделает по направлению к Тебе один шаг, Ты с готовностью сделаешь десять, чтобы встретить и обнять его. Но это всё ложь. Я сейчас сделал открытие того, что Ты очень жестокий и безжалостный. Дружба с Тобой означает только разочарование и страдания. Итак, больше никакой дружбы. Если Ты гордишься своим положением принца Нандаграма, то я горжусь господством над самим собой. Я клянусь, что если когда-либо наши пути пересекутся, то я даже не взгляну в Твою сторону».

Негодую, Гвария Баба перестал повторять Его имена. Он также больше не посещал Расалилу в храме. И не только это, он иногда стоял у ворот храма и пытался разубедить людей заходить на *даршан*, говоря: «Собратья, слушайте, если вы не хотите потерять своё счастье, то не связывайтесь с Кришной, Он самый ненадёжный и

жестокосердный. Он развлекается только с девушками Ваджа и не заботится больше ни о ком».

Шри Кришна был, таким образом, отлучён от *даршана* своего дорогого друга, кто настроился недружелюбно и перестал ходить в храм. Также он был напуган, что может лишиться *даршана* других своих преданных, если они попадут под влияние Гвария Бабы. Выносить это всё Ему было тяжело. Он чувствовал, что Ему надо что-то предпринять, чтобы исправить положение.

Однажды вечером, когда стемнело, Баба прогуливался по Раманрети и вдруг увидел небольшое стадо коров, вышедших из леса. Вскоре после этого вся окружающая природа вспыхнула голубым сиянием тела прекрасного пастушка, и он услышал сладкие звуки флейты. Корону пастушка украшало павлинье перо, в его курчавые волосы были вплетены цветы, и Он обворожительно улыбался.

«О! Это же Яра!» — воскликнул Баба и почувствовал, как по его позвоночнику пробежала дрожь. Он забыл о своей клятве: не смотреть на Него. С широко открытыми глазами, утопая в слезах любви, он на некоторое время впился в Него взглядом, подобно человеку в пьяном ступоре. Кришна также глядел на него взглядом, наполненным глубокой симпатией. Спустя какое-то время Кришна произнёс: «Гвария, почему ты пришёл так поздно? Я всё время с волнением ожидал тебя». Эти слова возбудили ущемлённую гордость Бабы. «Прекрати это, — сразу же отрезал он и продолжил, — если бы Ты действительно так стремился встретиться со мной, то почему не мог прийти раньше? Ты не мог, поскольку Ты принц Ваджа, а я бедный пастух. Какое Тебе до меня дело?» Сказав так, Баба повернулся, чтобы уйти.

Кришна крикнул вслед: «Гвария! Когда мы встретимся снова?»

«Ты можешь прийти и увидеть меня в любое время, когда захочешь. Я никогда не покидаю Ваджа», — ответил на прощание Баба.

Этот случай ознаменовал начало новой главы в дружеских отношениях между двумя пастушками. Они часто встречались и, играя в разные игры, развлекались насмешливыми беседами, почти всегда наполненными сарказмом и сатирой. Иногда они с любовью служили друг другу, а иногда ссорились по пустякам. Время от времени шаловливый Кришна приходил к Бабе, изменив свой облик.

Однажды Гвария Баба вместе с Сен Рагхунатхом Дасом и его другом Шри Чантамалом уехали в Вайрату, находящуюся в районе Джаяпура. В Нандаграм они вернулись около десяти часов вечера. Путешественники сильно устали и легли спать, не поужинав. К этому времени пришёл мальчик с горшком молока и сказал: «Баба! Рамакали послала Вам молочка». Баба удивился, откуда Рамакали могла так быстро узнать о его прибытии. Он взял молоко, и они втроём выпили его. Молоко обладало сверхъестественным вкусом, хотя его было немного, оно полностью насытило их.

На следующий день Баба пришёл в дом Рамакали, вернуть горшок и сказал: «Рамакали! Возьми горшок. Молоко, посланное тобой, было очень вкусным!»

Рамакали оторопела и через минуту из себя выдавила: «Баба! Когда же я послала тебе молоко? Да и горшок этот — не мой. Он очень похож на тот, который я часто вижу в храме Нандалалы».

Баба отправился в храм. Как только *пуджарий* Кишан Лал увидел горшок в руках Бабы, он сразу набросился на него: «Баба! Зачем Вы брали этот горшок? Я ищу его с самого утра. Вчера ночью я забыл взять горшок домой, оставив после предложения молока Нандалале на алтаре». Гвария Баба понял, что это сам Нандалала принёс ему молоко и долго со слезами любви глядел на Шри Виграху (Божество) Нандалалы.

Как-то раз Баба по случаю фестиваля Холи, купив четыре килограмма *гулабджамунов*^[154], расположился в доме Кишана Лала Госвами в Нандаграме. К этому времени подошли два местных мальчика, они обычно играли в Раса-лиле роли Кришны и Баларамы. Мальчики обратились к нему со словами: «Баба! Мы голодные. Дай нам что-нибудь поесть». Баба усадил ребят на свои колени и из своих рук накормил *гулабджамунами*. Наевшись до полного удовлетворения, они сказали: «Баба! Не надо больше. Мы уже объелись».

На следующий день Баба пригласил всех актёров труппы, к которой принадлежали эти два мальчика. Вместе со всеми пришли и вчерашние гости. Баба накормил всех *гулабджамунами*, но сказал мальчикам: «Я не буду кормить вас сегодня, поскольку вы наелись сладостей вчера».

Мальчики возразили: «Баба! Разве мы приходили к Вам вчера? Мы даже не знали, что Вы приехали. Если Вы не хотите кормить нас,

то и не надо, но не говорите неправду». Кишан Лал и другие, кто видел, как вчера Баба кормил этих мальчиков, возмутились: «Эй, врунишки, это не Баба, а вы говорите ложь. Мы собственными глазами видели, как Баба вас кормил».

Услышав это обвинение, *свами* (руководитель) труппы Раса-лилы и другие мальчики, участвующие в спектаклях, бросились на защиту своих друзей, восклицая: «Эти двое вчера были с нами весь день! Как они могли оказаться у вас?»

Баба сразу же понял, что это не мальчики артисты сидели на его коленях и ели из его рук *гулабджамуны*, а сами Кришна и Баларама, принявшие их обличие. Как только Баба это осознал, его переполнило *бхавой*. Из его глаз хлынули слёзы, тело задрожало, и он потерял сознание. Придя в себя, он усадил обидевшихся мальчиков на свои колени и накормил их так же, как Кришну и Балараму.

Гвария Баба любил пошалить не меньше, чем Кришна, порой он сильно удивлял и смешил людей своими проказами. Когда Баба прожил во Вриндаване много лет, до раджи Датии дошли сведения о месте его пребывания. Он приехал во Вриндаван и обратился к Бабе со смиренной просьбой вернуться вместе с ним в Датию. Баба отказался. Но, когда раджа стал слишком настаивать, Баба сказал: «Хорошо, хорошо, я поеду». После этого назначили дату отправления. В установленный день утром Баба подъехал к радже на осле и промолвил: «Я готов. Мы можем отправляться».

Раджа изумился, увидев его лицо, покрытое сажей и самого Бабу, восседающего на спине осла. Он спросил: «Баба! Зачем Вы появились здесь в таком виде? Что с Вами случилось?»

Баба ответил: «Так случается с тем, кто приходит во Вриндаван, святую обитель Кришны, а затем замышляет отправиться ещё куда-нибудь».

Раджа припал к стопам Бабы и взмолился: «Я никогда больше не буду принуждать Вас приехать в Датию. Я совершил оскорбление, упорствуя в своём желании забрать Вас с собой. Милостиво простите меня».

Джаяпурский Махарадж Мадху Сингх начал строить во Вриндаване знаменитый храм, под названием Джаяпур. Баба вместе с рабочими также стал работать на строительстве. На заработанные деньги он купил сушёный горошек и раздал его работягам. Однажды

Махарадж прибыл на стройку, поглядеть ход строительства. Он увидел среди рабочих высокого человека с сияющим лицом, работающего не в пример остальным с большим энтузиазмом. Подойдя поближе, махарадж признал в нём Гвария Бабу и удивленно спросил: «Баба! Как Вы попали сюда? Вы не должны так тяжело трудиться».

Баба ответил: «Почему? Ты служишь Богу деньгами, а я руками. Кто ты такой, чтобы вмешиваться?»

Махарадж почувствовал стыд и сказал: «Баба! Я буду очень счастлив если Вы милостиво посетите Джаяпур».

«Яра не хочет, чтобы я покидал Вриндаван», — возразил Баба.

Махарадж настаивал: «Вас пригласил Говиндаджи. Он послал меня за Вами».

«Если Он пригласил, тогда я должен идти. Как я могу не принять Его приглашение?» — согласился Баба.

Он уехал в Джаяпур вместе с Махараджем и через несколько дней заболел. Придворный лекарь стал его лечить. Во время болезни Баба написал письмо Говардхану Лалу, *тикаялу*^[155]. Натхадвары: «Я поймал льва. Приготовь для него клетку. Я приеду в Натхадвару со львом».

Баба сказал Махараджу: «Сегодня я уезжаю в Натхадвару». Махарадж посоветовал: «Вы больны.

Поезжайте, когда выздоровеете». Но он не послушал. Лекарь дал ему на один месяц лекарств. Баба выпил все лекарства за один приём и проговорил: «Сейчас я должен выздороветь». К удивлению окружающих он поправился в тот же день.

Баба прибыл в Натхадвару. Тикаяла спросил: «Баба!

Где лев?»

Баба ответил вопросом: «А где клетка?»

Тикаяла показал ему клетку. Баба вошёл в клетку, уселся на пол и промолвил: «Лев в клетке».

Живя в Натхадваре, Гвария Баба был свободен и бесстрашен, как лев. Он делал всё, что ему вздумается, урезонить его никто не мог. Однажды он увидел Дамодара Лала, сына *тикаяла*, одетого в пальто, брюки и сорочку с галстуком. Баба отозвал его в сторону. Когда тот подошёл поближе, он хлопнул его по спине и спросил: «Разве это традиционная одежда семьи, к которой ты принадлежишь?» Затем Баба пришёл в тюрьму и обратился к тюремщику: «Я совершил оскорбление. Посади меня в камеру». Начальник тюрьмы был захвачен

врасплох. Он не мог послушаться, и у него не хватало смелости не подчиниться, поэтому смиренно стоял перед Бабой со сложенными в *намаскаре* руками, не зная, что предпринять. Но Баба сам вошёл в тюрьму и стал в ней жить, подобно заключённому.

Когда *тикаяла* узнал об этом, он пришёл в тюрьму и обратился к Бабе: «Баба! Вы прекрасно поступили. Вы дали хороший урок моему сыну. Теперь милостиво покиньте Вашу камеру».

Баба вышел из тюрьмы и вернулся во Вриндаван. Там он остановился в *ашраме* Сидха Шри Рамакришна Даса Пандита Бабы. Один раз он съездил на Варшану и просидел там целый день в саду до поздней ночи, потерявшись в мыслях о своём Яре. В саду он нечаянно услышал разговор воров, планирующих обокрасть дом Госвами. Баба подошёл к ним и сказал: «Я тоже вор. Я хочу вместе с вами участвовать в преступлении». Воры согласились. Они вошли в дом Госвами вместе с Бабой и стали собирать вещи, которые, по их мнению, имели какую-то ценность, чтобы их украсть. Баба случайно увидел Божество Гопала, спящего в домашнем храме на небольшом алтаре. Он подошёл к Божеству и произнёс: «Яра! Я пришёл к Тебе в гости. Тебе надо развлечь меня, а Ты спишь. Сейчас же просыпайся и дай мне что-нибудь поесть».

Гопал спал глубоким сном, поэтому не проснулся. Баба крикнул: «Тебе этого недостаточно, чтобы подняться», и, схватив верёвку колокола, висевшего в алтарной, стал громко звонить. Воры побросали всё, что успели собрать и убежали.

Некоторое время Баба жил в Матхуре и обучал музыке одного человека по имени Мунгамал. В Матхуре был дом, в котором жило привидение, названный Бхута-махал (замок с призраками), пустующий многие годы. Призрак избавлялся от всех людей, кто приходил жить в этот дом. Баба арендовал дом с призраком за пятьдесят рупий в месяц. Он попросил Мунгамала нанять кого-нибудь убраться в доме. Мунгамал пытался найти уборщика, обещая хорошо заплатить, но никто не соглашался. С большими трудностями Баба уговорил одного рабочего, заверив его, что сам тоже придёт помогать. Дом вычистили, и Баба стал в нём жить.

Однажды Баба похвастался Мунгамалу: «Я в этом доме обучаю музыке привидение. Если хочешь, то можешь прийти и послушать». Мунгамал пришёл в дом вместе с Бабой. Как только Баба

принёс фисгармонию и поставил её на полу комнаты, она начала играть сама собой, а стены резонировать мелодии. Мунгамал испугался. Поэтому Баба сказал призраку перестать, и музыка оборвалась.

Призрак хотел избавиться от своего бестелесного существования. Баба устроил *ягью*^[156], и дух освободился. Дом, прежде захваченный приведением, теперь также стал свободен.

После этого события Баба приобрёл большую популярность в Матхуре, и толпы людей, в основном женщины, начали ходить к нему на *даршан*. Это превратилось в проблему. Баба придумал странный способ избавиться от беспокойств. Он пришёл к Панне, самой красивой проститутке города и сказал: «Если ты согласишься покататься со мной по городу несколько дней, я тебе хорошо заплачу. Она согласилась. Жители Матхуры в течение недели каждым вечером видели Бабу в коляске вместе с проституткой. Они перестали посещать его, потому что подумали, что он распутник. Была ли для Бабы в этом какая-то разница? Он поднялся на уровень, находящийся вне досягаемости *майи*. Хвала и хула, вожделение и распутство для него не имели никакого значения. Сидха святой, подобный ему, живёт в мире *майи*, не соприкасаясь с нею, как лотос, растущий в мутной воде, не соприкасается с мутью. Пример полной отстранённости Гвария Бабы от мира предоставляет следующий эпизод. Как-то он снял комнату в храме *брахмачариев*^[157] во Вриндаване и украсил её подсвечниками разных цветов, свисающими с потолка, большими зеркалами на стенах и дорогими коврами, разостланными на полу. Баба оделся в шелка и уселся на ковре, облокотившись на бархатную подушку. Одним днём, когда он таким образом восседал в своей комнате, к нему пришёл его друг Гиридарвал. Он удивился, увидев Бабу в такой обстановке, и воскликнул: «Баба! Что это такое?! Что с тобой случилось?!»

«Я стал раджой», — ответил Баба.

На следующий день он позвал *враджабаси* и попросил их забрать из комнаты всё вещи. Баба наслаждался, глядя, как расхищают его добро и лишился всего. Кто знает, зачем он устраивал эти *лилы*? Может быть Баба хотел впечатлить людей незначительностью всего, принадлежащего к материальному миру, чтобы они могли практиковать непривязанность?

Полное отречение от мира возможно только тогда, когда человек полностью предан и привязан к Господу. Сила привязанности Гвария Бабы к Нандалале проявились в одном случае, происшедшим с ним во время *абхишеки* (церемонии омовения) Божества Гопала в Джатипуре. Госвами, совершающий ритуал, сначала облил Божество топлёным маслом, затем ароматизированной водой и другими благоприятными жидкими продуктами. В завершении церемонии Госвами облил Гопала густым сахарным сиропом, таким образом, что Он был полностью покрыт сахаром. Затем он стал медленно, капля за каплей, лить воду. Когда вода растворила сахар, и стали видны некоторые части тела Божества, преданные, участвующие в ритуале, закричали: «Быстрее, быстрее! Яра задыхается!» Баба кричал вместе со всеми с таким видом, по которому было ясно, будто он сам чувствует удушье и находится на грани смерти из-за невозможности дышать. Взволнованный Госвами начал лить много воды, которая немедленно смыла сахар с лица Гопала. Баба вздохнул с облегчением и дал наставление Госвами: «Не делай так снова, поскольку Божество живое и имеет дыхание».

Однажды Баба созвал много преданных на собрание в храм Рангаджи во Вриндаване. Никто не знал назначения встречи. Когда все собрались, Баба объявил: «Собратья! Я позвал вас сегодня, чтобы вы выразили свои соболезнования по поводу моей смерти». Все преданные, услышав это объявление, рассмеялись, поскольку подумали, что Баба опять разыгрывает свою очередную шутку. Но это не было розыгрышем. Баба настаивал, чтобы собравшиеся провели церемонию оплакивания. Он стал их уговаривать: «Предположим, что я умер, и вы собрались здесь, чтобы выразить свои соболезнования. Разве вы не будете плакать по мне, когда я действительно умру? Если вы сделаете это сейчас, тогда я также увижу этот ритуал. Поэтому немедленно приступайте, не ждите моей смерти». Преданные уступили настойчивым просьбам Бабы, и церемония по усопшему была произведена. Несколько человек выступило с речью и выразили всеобщие соболезнования. Баба, слушая посмертные речи в свою честь, был в восторге.

Когда выступающие закончили говорить, Баба опять взял слово: «Собратья! Вам не надо сожалеть о моей смерти. Умрёт только тело, а не я. Я нахожусь под указанием к перемещению. Мой Яра устроит мне

повышение по службе — с места, где мои встречи с Ним имеют причинный характер, переведет на место, где мы с Ним будем вместе целую вечность. Поэтому вместо того, чтобы горевать по моей смерти, радуйтесь моему уходу и в преддверии моего отправления скажите мне: до свидания».

Спустя всего несколько дней, после собрания, Гвария Баба действительно оставил материальное тело и в трансцендентном теле отправился из этого мира на встречу со своим Ярой, чтобы оставаться с Ним вечно в Его вечной обители, в трансцендентном Вриндаване.

Дурлабха Дас Бабаджи

В тот период, когда Манохара Дас Баба жил и совершал *бхаджан* на берегу Говинда-кунды на Говардхане, там, на северном берегу кунды, жил Дурлабха Дас Бабаджи, также практикующий *бхаджан*. Он совершал *нама-джану* день и ночь напролёт и никогда не останавливался даже на мгновение, за исключением короткого отдыха во время сна. Как-то Манохара Баба рассказал своим ученикам о том, как его сосед победил смерть с помощью могущества Харинамы.

Это случилось во Вриндаване во время эпидемии чумы. Как-то в полдень, когда Дурлабха Дас, сидя под тенью дерева *ним*, повторял Харинаму, к нему подошла гигантская, мрачная фигура и стала обходить его по окружности. Баба спросил: «Кто ты? Зачем ты пришёл?»

«Я Кала-дата (повелитель смерти). Я пришёл забрать тебя», — ответила зловещая фигура.

«Я готов. Можешь сделать своё дело», — спокойно согласился Баба.

«Отложи чётки и перестань произносить святыя имена. Я не могу забрать тебя, пока ты повторяешь Харинаму», — беспомощно произнёс Кала-дата.

«Я не оставлю Харинаму», — возразил Дурлабха Дас.

Кала-дата был вынужден вернуться восвояси. Вечером, когда Манохара Дас вышел из пещеры, Дурлабха Дас рассказал ему о случившемся. Манохара Баба резюмировал: «В этот час тебе пришло время умирать. Смерть была неизбежна. Но ты был способен отворотить её посредством *бхаджана*».

Ананта Дас Бабаджи

Во Врадже есть деревня, называемая Карахала. Она знаменита тем, что в ней находится *самадхи* Враджанатха, внука Шри Кришны. На берегу её пруда стоит *кутир*, окружённый деревьями *кадамба* и заросший лианами. В этом месте так плотно растут деревья, кусты и лианы, что солнечные лучи не могут пробиться сквозь их густую листву. Для птиц, змей и скорпионов заросли — идеальное прибежище. Трудно себе представить, чтобы в них смог жить человек. Но всего несколько лет назад в этих зарослях обитал святой, которого звали Ананта Дас. Ничем не обеспокоенный, он жил здесь в своём *кутире* и практиковал *бхаджан* после принятия *дикши* и *саньясы* у Адвайта Даса Бабаджи.

Подобно Дурлабха Дасу Бабе, о котором мы рассказали в предшествующей истории, он также предоставил прекрасный пример победы Харинамы над смертью. Ананта Дас был сильно предан Харинаме и даже одного момента своей жизни не проводил без повторения *джапы*. Он не мог прожить без Харинамы столько же времени, сколько не мог прожить без дыхания. На протяжении всего дня Баба повторял святые имена в *кутире* и только небольшой промежуток времени — на свежем воздухе, когда вечером собирал *мадхукари*. День за днём, месяц за месяцем, год за годом проходили в повторении четырёх или пяти *лакхов* Харинамы. Люди говорили: «Баба в такой степени посвятил себя Харинаме, что Харинама стала его жизнью и душой, и можно услышать звук Харинамы, исходящий из каждой поры его тела».

Одним днём, когда Баба вернулся с *мадхукари* и уже собирался войти в свой *кутир*, кобра, расположившаяся у его дверей, раздула капюшон и зашипела на него, преградив проход. Но как Баба мог расслышать её шипение? Он не был во внешнем сознании, поскольку полностью погрузился в Харинаму и медитацию на лилы Радхи и Кришны, проявленные Харинамой у него в уме. Он подошёл совсем близко к двери, и кобра укусила его. В это время его внешнее сознание восстановилось.

Обеспокоился ли Баба укусом змеи? Нет, нападение кобры нисколько его не взволновало. С другой стороны он подумал, что Ананта Дев^[158] милостиво дал ему знать посредством змеиного укуса о том, что его смерть уже стоит на пороге, чтобы Баба прежде, чем умереть, мог собрать все свои силы и от всего сердца повторять Харинаму. Итак, он положил в сторону сумку с *мадхукари*, сел, скрестив ноги, на пол и стал повторять святые имена. Повторяя Харинаму, Баба вошёл в *самадхи* и находился в этом состоянии двое суток. На третий день, когда к нему вернулось внешнее сознание, он обнаружил себя совершенно здоровым. Баба не чувствовал никакого эффекта или каких-либо признаков отравления змеиным ядом.

Для вайшнава, полностью посвятившего себя Харинаме, жизнь и смерть не имеют значения. В состоянии, в котором они пребывают, их связь с материальным телом минимальная. Для них нет разницы между связью или разъединением. Они могут по собственной воле или по желанию Господа оставить тело в любое время, подобно тому, как путешественник покидает гостиницу или птица улетает из гнезда. Нам может показаться, что иногда они умирают из-за болезни, которая причиняет им страдания. Но боль существует в теле, а не в душе. Вайшnavы находятся в совершенном умиротворении, поскольку их ум всегда пребывает у стоп Господа.

Ананта Дас умер от болезни, в результате которой перекрывается мочеиспускательный канал. Когда такое случается с больным, он испытывает мучительные боли, но Баба не испытывал никаких страданий. Деревенские жители, любившие и уважавшие его, много раз настаивали на том, чтобы организовать ему лечение. Но Баба всю свою жизнь ни от кого не принимал, ни служения, ни лекарств. Он отказывался от их предложений, говоря, что где присутствует Харинама, там нет никакой необходимости принимать какие-либо виды служения или лечения. Ананта Дас Бабаджи оставил тело, повторяя Харинаму, в совершенном умиротворении и счастье.

Шримати Гириджа Деви

Гопи Враджа не делают никакой *садханы* для достижения Кришна-премы. Кришна-према в них унаследована и самопроявлена (*нитья-сидха*). Они любят Кришну, даже если никогда не слышали о Нём и не видели Его. Рупа Госвами объясняет их любовь в «Уджвала ниламани», ссылаясь на речь Радхарани, обращённую к Лалите, в которой объясняется состояние Её ума до того, как Она ещё не видела Кришну и ничего о Нём не слышала. Радха сказала: «Дорогая сакхи! Я не знаю, что случилось со Мной. Моё сердце без нужды изнемогает по общению с юношей, который несказанно прекрасен, чьё тёмное тело напоминает грозовую тучу, и кто носит блестящие одежды из ярко-жёлтого шёлка. Он вместил все хорошие качества и всегда приятен сердцу и нежен. Я никогда не видела такой личности и не слышала о ней. Я не могу даже вообразить возможность существования такой личности, как он. Но всё же я не знаю, почему я люблю его и лью по нему слёзы».

Невозможно для дживы, принадлежащей этому миру, иметь *нитья-сидха* Кришна-прему, которой обладают *нитья-сидха* гопи. Однако, мы можем сказать, что Гириджа Деви, по крайней мере, имела подобие такой Кришна-премы. Она была благословлена всем самым лучшим в этом мире, о чём другие могут только мечтать.

Она была любимая жена Шри Нритьунджая Прасада Сингха, богатого землевладельца, в районе Ара в Бихаре. У неё было два красивых сына и две дочери, которые были надлежащим образом выданы замуж за молодых людей из достойных семей. У неё было также много слуг, готовых служить ей в любое время. Её называли царицей Джамира. Но она знала, что её положение и богатства были преходящи, а любовные узы, привязывающие её к своим родным и близким не были чистыми и полностью свободными от эгоизма. Поэтому она всегда томилась о ком-то, кто был вечно истинным и вечно принадлежащим ей, чья любовь была бы чиста, кто любил бы её и хотел бы быть любимым ею. Она не знала, кто был такой личностью, но всегда помнила о нём и лила по нему слёзы.

Внезапно в восемнадцатилетнем возрасте умирает её старший сын. Вскоре после этого она лишается и младшего сына. Смерть двух сыновей в один год повернула её спиной к чужой мирской жизни и лицом к своему внутреннему миру. Она оставалась безучастной даже к своим собственным телесным потребностям. Она мылась, когда слуги мыли её, ела, когда они кормили, и делала всё, что они просили сделать. Но вся эта деятельность происходила механически и не осознавалась ею.

Её муж очень сильно беспокоился. Он обратился к их семейному гуру с просьбой сделать что-нибудь для восстановления нормального состояния жены. Гуру стал читать ей «Шримад Бхагаватам». Слушая «Бхагаватам», она осознала, что личность, так долго обитающая в её сердце незамеченной и заставляющая её плакать, была Шри Кришной. Кришна также не мог больше оставаться незамеченным. Он предстал перед ней. По причине чрезвычайного блаженства, возникшего от созерцания Его облика, к которому её слабое тело и ум ещё не привыкли, она упала в обморок.

Придя в себя, она стала искать везде Кришну и, не найдя Его, вновь потеряла сознание. Ей стало очень трудно жить без Кришны. Она попросила своего мужа отправить её во Вриндаван, где она решила прожить остаток своей жизни, совершая Кришна-бхаджан.

Её муж не мог разрешить дилемму. Он не мог послать жену одну во Вриндаван, поскольку это было несовместимо с традициями и достоинством его семьи. Как могла дама из очень уважаемой семьи Тхакуров, до этого тщательно скрываемая от глаз чужих мужчин, получить разрешение на проживание во Вриндаване у всех на виду? Как он мог позволить ей уехать во Вриндаван и жить там в арендованном доме, совершая аскезы, когда она с детства жила в роскоши во дворце? С другой стороны, как можно было запретить ей жить во Вриндаване? Если удерживать её вдали от Кришны и Вриндавана, то значит обречь на верную смерть. В конце концов, он принял решение послать жену во Вриндаван с двумя или тремя слугами.

Гириджа Деви приехала во Вриндаван и арендовала дом, позади храма Радхарамана. Дом принадлежал Шри Ниламани Госвами, одному из слуг Радхарамана. Поскольку она сейчас оказалась в непосредственной близости к Радхараману, Он имел возможность играть с

ней в прятки. Радхараман иногда наяву являлся перед ней, а иногда во сне, после чего исчезал. Несколько раз Он входил в тела других людей и таким образом разговаривал с ней через них.

Гириджа Деви приняла Шри Хари Госвами, другого слугу Радхарамана своим *тиртва-гуру*^[159]. Телом Шри Хари Госвами несколько раз овладевал Радхараман, и в этом состоянии он приходил к своей ученице, давал определённые инструкции и уходил обратно. Когда Божество оставляло его тело, он не знал, зачем он ходил к Гиридже Деви и какие давал наставления. Иногда Госвами, одержимый Радхараманом, разговаривал с ней и вдруг приходил в нормальное состояние, тогда он удивлялся и стыдился, находя себя сидящим рядом с ученицей. Гириджа Деви знала, что это Радхараман разговаривает с ней через гуру и поэтому следовала инструкциям, полученным таким образом.

Но ей не нравилось, когда Радхараман общался с ней через кого-то, вместо того, чтобы явиться наяву. Она притворилась рассерженной на Него и хотя обычно повторяла Его имена через *махамантру*, теперь решила повторять имена Радхи. В день принятия этого решения, Радхараман вошёл в тело Ниламани Госвами, жившего в доме рядом с ней. Госвами в это время болел и лежал в кровати. Одержимый внезапно Радхараманом, он начал кричать, находясь в бредовом состоянии: «Позовите Гириджу биби (сестру), позовите Гириджу биби». Его жена пошла и привела Гириджу Деви. Как только она пришла Госвами взял её руку и спросил: «Неужели ты бросила меня? Скажи мне». Гириджа Деви молча глядела на него, поскольку не понимала, что тот имеет в виду. Он снова спросил: «Что, теперь ты повторяешь только имена Радхи, а не мои? Неужели ты действительно оставила меня?» Гириджа Деви сразу поняла, кто разговаривал с ней через Госвами. Слезы брызнули из её глаз, и она ответила: «Нет, нет, как я могу бросить тебя?» Услышав это, Госвами немедленно пришёл к себе и спросил её: «Почему Вы здесь?»

«Вы позвали меня», — ответила она.

«Нет, я не звал».

Что Гириджа Деви могла сказать Госвами ещё? Она поклонилась ему и ушла.

Гириджа Деви всегда скрывала свою *бхакти-бхаву*. Трудно было понять, что она великая преданная. Она курила кальян. К ней также

обычно приходили *садху*. Когда люди видели её, курящую хуку и беседующую с *садху*, они думали, что она дама мирского склада ума, которая от нечего делать сплетничает с *садху*, хотя она не говорила с ними ни о чём, кроме Кришны. Рамаканта Госвами, ещё один слуга Радхарамана и в настоящее время секретарь управляющего комитета храма Радхарамана также имел подобное мнение о ней. Но, как преданный может скрыть свою природу, если Кришна хочет, чтобы его знали и почитали? Поэтому Радхараман как-то устроил одну *лилу*, чтобы Рамаканта Госвами смог узнать Гириджу Деви поближе.

Слуги Радхарамана служили Ему по очереди. Это *лила* произошла, когда наступила очередь служить Рамаканту Госвами. Однажды Госвами поехал в Матхуру по каким-то важным делам и передал своё служение другому слуге. Он вернулся поздно ночью и удивился, увидев Гириджу Деви и несколько Госвами, ожидающих его приезда. Собравшиеся Госвами сказали: «Сегодня было серьёзное упущение в служении Радхараману».

«Какое упущение?» — спросил обеспокоенный Рамаканта.

«Перед тем, как Радхараману отправиться спать, забыли поставить кувшин с водой для питья возле Его кровати».

«Такое не могло случиться. Откуда вы об этом узнали?» — спросил Рамаканта.

«Радхараман сам пришёл к Гиридже Деви и пожаловался».

«Это действительно было так, *биби?*» — Рамаканта спросил Гириджу Деви.

«Да, махарадж, Шри Джи (Радхараман) пришел ко мне и сказал, что Он хочет пить».

Рамаканта Госвами не поверил. Он подумал, как Радхараман мог быть так близок к даме, которая только курит хуку и сплетничает, чтобы пойти к ней жаловаться о Своих переживаниях и страданиях. Однако, он немедленно принял омовение, открыл храм и очень удивился, не обнаружив кувшина на месте.

Однажды Ниламани Госвами попросил Гириджу Деви освободить арендованный ею дом, чтобы сдать его другому клиенту по более высокой цене. Радхараману это очень не понравилось. Он устроил *лилу*, вследствие которой Ниламани Госвами самому вместе со своей семьей пришлось на некоторое время оставить свой дом. Как-то Госвами закрыл свой дом и отправился куда-то вместе со своей семьей.

Вернувшись, он вставил ключ в замок, но тот не открывался. Госвами снова и снова проворачивал ключ, но безуспешно. Сбежались соседи и стали помогать, но замок не поддавался. Никто не мог понять, почему он, так легко открывающийся в другие дни, сегодня свел на нет все их попытки открыть его. Соседкой Ниламани Госвами была одна преданная дама из Рампура. Она почувствовала, как Радхараман вдохновляет её пойти и сказать Госвами: «Махарадж, Вы совершили оскорбление Гиридже Деви, по причине которого замок заблокирован. Если Вы попросите её помочь Вам, тогда он откроется». Дама из Рампура пришла и повторила эту фразу. Госвами подумал, что, возможно, через неё говорит Радхараман, поскольку он действительно совершил оскорбление Гиридже Деви, захотев утром прогнать её из дома и вследствие чего получил соответствующее наказание: сам был изгнан Радхараманом из своего дома. Извинившись в уме перед Радхараманом и Гириджой Деви за совершённое оскорбление, Госвами пришёл к Гиридже Деви и сказал: «*Биби джи*, замок моего дома не открывается. Все соседи пытались помочь мне, но тщетно. Я думаю, что если Вы милостиво попытаетесь открыть его, то у Вас получится. Извините меня за то, что я обратился к вам с подобной просьбой».

Гириджа Деви рассмеялась, сказав: «Если никто не может открыть замок, то как это сделаю я?»

«Вы можете, по крайней мере, попробовать», — настаивала Госвами.

Гириджа Деви согласилась. Как только она вложила ключ в замочную скважину, то, к её удивлению, он немедленно открылся. Она поняла, что это была ещё одна *лила* Радхарамана, любителя развлечений.

Гириджа Деви иногда наслаждалась таким близким общением с Радхараманом, что на её теле и одежде оставались следы от соприкосновения с Ним, даже после Его ухода. Однажды на её сари остался сверхъестественный аромат и сохранялся несколько дней. Как-то она в этом сари пришла в храм на *даршан* к Радхараману. Её присутствие наполнило храм сверхъестественным запахом, которого никто до этого не испытывал. Один из Госвами сказал: «*Биби джи*, даже в столь почтенном возрасте, Вы всё ещё увлекаетесь духами». Гириджа Деви застыдилась, но что она могла сказать в ответ. Она

только упрекнула Радхарамана, выразив свой гнев, за то, что Он тем больше хочет выставить её напоказ, чем больше она хочет скрыть себя.

Её сердце теперь было переполнено Кришна-премой. Поэтому оно всегда не просыхало от слёз в её глазах. Даже когда она просто сидела и разговаривала с кем-нибудь, слёзы наворачивались у неё на глазах, несмотря на все её усилия контролировать их. Иногда она с такой силой погружалась в переживания Кришна-лилы, которые проявлялись перед её внутреннем взором, что теряла все связи с материальным миром. Она ничего не видела и не слышала, хотя её глаза и уши оставались открытыми. Если кто-нибудь хотел привлечь её внимание, ему приходилось громко кричать ей в ухо: «Радхея». Но даже и тогда она, бывало, ничего не слышала. Когда она слышала, то отвечала: «Радхея». При этом звук её голоса, казалось, звучал из какого-то отдалённого места. Иногда, когда Гириджа Деви, закрывшись изнутри, сидела одна в комнате, люди слышали, как она говорила с кем-то или позвякивание ножных колокольчиков, производимое какой-то персоной, носящей *нупуры* и разгуливающей по комнате или чувствовали изысканные ароматы, исходившие из комнаты и наполняющие весь дом.

Однажды Гириджа Деви пришла к Сидха Шри Гауранге Дасу Бабе получить его *даршан* и *сатсангу* в принадлежащий ему *ашрам* в Раманрети во Вриндаване. Баба в то время был в окружении многих преданных. Когда Гириджа Деви ушла, Баба взял пыль с того места, где она сидела, прикоснувшись к нему ладонью, и затем приложил руку к своему лбу. Преданные спросили: «Баба! Что Вы делаете?»

Он ответил: «Я делаю то, что делали Брахма, Уддхава и сам Кришна. Это дама не является обыкновенной женщиной. Она *гопи*».

Гириджа Деви приехала во Вриндаван с решением никогда не возвращаться назад. Но спустя какое-то время её муж умер, и она была вынуждена воротиться в Джамиру. Она стала молиться Радхараману, чтобы Он забрал её в вечный Вриндаван, откуда не возвращаются. К тому времени в Джамиру пришёл один махатма, сказавший, что он хочет провести великую *ягью*, которая будет происходить в течение двух месяцев.

Гириджа Деви взяла на себя всю ответственность за проведение огненного ритуала. *Ягья* была совершена с огромной пышностью. На протяжении двух месяцев Джамира была заряжена энергией *бхава-*

бхакти, которую никогда не испытывала раньше. Немедленно после завершения *яги* Гириджа Деви оставила материальное тело, чтобы повстречаться со своим Радхараманом в божественном Вриндаване.

Шри Гауранга Дас Бабаджи из Мадана Тхора

Мы уже описали жизнь Сидха Гауранга Даса Бабаджи из Раманрети во Вриндаване. Другой сидха махатма с таким же именем жил возле *самадхи* Санатана Госвами, в Мадана Тхоре во Вриндаване. Он был очень стар и передвигался с большим трудом. Бабе не было необходимости выходить из своего *кутира*, поскольку люди почитали его как сидха махатму и хотели служить ему со всем сердцем и душой. Но он верил, что зависимость в чём-то от кого бы то ни было является препятствием для *бхаджана*. Даже хотя ему было тяжело ходить и требовалось полчаса, чтобы взобраться на несколько ступеней по лестнице, ведущей к *самадхи*, он каждый вечер ходил собирать *мадхукари*. Баба вёл очень аскетичную жизнь и никогда не касался денег. Как-то Гауранга Дас Баба не мог заснуть. Он ворочался всю ночь в постели, испытывая своеобразный вид беспокойства. Утром Баба позвал вайшнава, жившего неподалёку и сказал: «Посмотри, Баба, нет ли в моей постели клопов. Они не давали мне спать всю ночь».

Когда вайшнав поднял покрывало, то обнаружил не клопов, а рупии, разбросанные по матрасу. Он собрал деньги и показал их Бабе. Как только Баба увидел рупии, он был шокирован и испуган, как будто, у него перед глазами не рупии, а скорпионы и змеи. Он произнёс: «Посмотри, вот, оказывается, почему я сказал, что под моим покрывалом лежит что-то, не дающее мне спать. Деньги! И деньги не обычного человека, но безнравственного раджи, приходившего ко мне вчера! Разве могли они дать мне поспать? Яд змей и скорпионов убивает, когда они жалят, но яд денег убивает без их укусов. Немедленно заведи их отсюда. Предложи Маданамохану какую-нибудь *бхогу*, купленную на эти рупии и затем распространи *прасад* среди вайшнавов».

В предшествующий день, когда раджа приходил к Бабе получить *даршан*, он понял, что Баба не прикасается к деньгам и поэтому незаметно положил их под покрывало, чтобы тот мог использовать деньги через кого-нибудь, не прикасаясь к ним. Раджа не подозревал,

что деньги будут вредить Бабе, даже если тот не будет дотрагиваться до них. В связи с этим можно вспомнить о том, что чувствовал сидха Шри Джаганатха Дас Бабаджи, когда ему предложил деньги один богач. Бабу вследствие его преклонного возраста нёс на своих плечах слуга Бихари. Бихари положил деньги в свой карман. Но даже тогда рупии начали жалить Бабу, подобно скорпионам, поскольку он знал о них и таким образом прикоснулся к ним если не руками, так умом. Бихари прошёл уже большое расстояние, но Баба приказал ему повернуть обратно. Они вернулись к дому богача, пожертвовавшего деньги, и Баба сказал ему: «Ты богатый человек. Я не могу вынести укусы одной рупии. И поэтому удивляюсь тому, как ты терпишь укусы тысяч монет».

Деньги сами не кусают и не жалят, но они могущественные агенты *майи*, которая кусает и жалит. Эти укусы не чувствуются мирскими людьми, поскольку они привыкли к ним. Но махатмы, чьи сердца чисты, не могут выносить их. На нечистом белье нелегко обнаружить пятна грязи, но их сразу видно на белой, безупречно чистой, ткани. Подобно этому, даже тончайшие прямые или косвенные воздействия *майи* легко обнаруживаются и отражаются сидха махатмами, подобными Гауранге Дасу Бабаджи, чьё сердце чисто, как кристалл.

Гауранга Дас Бабаджи не позволял любым формам *майи* приближаться к себе, это видно из того, как он оставил материальный мир. Всего за час до оставления тела, он позвал управляющего храма Маданамохана и сказал ему: «Вынеси из моего *кутира* все вещи».

Управляющий ответил: «Баба, в твоём *кутире* нет ничего, что могло бы пригодиться кому-нибудь».

Баба почувствовал удовлетворение. Через несколько секунд он сказал Санатане Дасу, *пуджарию самадхи* Санатаны Госвами: «Санатана! Посмотри, Махапрабху пришёл. Дай ему *асану*, дай ему *асану*». После этих слов люди, пришедшие на *дарилан* в *самадхи* Санатаны Госвами, увидели вспышку сверхъестественного света в *кутире* Бабы. С исчезновением света Баба исчез из этого мира.

Шри Нитьянанда Дас Бабаджи из Нандаграма

Нитьянанда Дас Бабаджи родился примерно в 1890-м году, как сын раджи района Дхаракоты в Ориссе. Во время его рождения было принято решение, что он будет усыновлён раджей провинции Парикред и в будущем будет управлять этими владениями, после смерти раджи. Но Нитьянанда Дас был рождён с сильными *самскарами бхакти*. В соответствие с желанием Господа, он не стал раджей Парикреда, а стал царём тысяч людей, как их духовный учитель и наставник. Он сбежал из дома перед тем, как была произведена церемония усыновления. Юноша сперва пришёл в местечко Аланатх? находящееся позади города Джаганнатха Пури. Там он получил даршан *шилы* ^[160] восьми футов длиной, на которой Шри Чайтанья Махапрабху сделал *дандават* перед Божеством Аланатха и оставил на камне отпечаток всех частей своего тела, прикоснувшихся к нему. Как только Нитьянанда поклонился *шиле*, его сердце переполнилось *премой*, и он потерял сознание.

Из Аланатха он пришёл в Пури, оттуда в Навадвипу и затем во Вриндаван. Во Вриндаване он принял *мантра-дикшу* у Шри Мадхусудана Госвами, находящегося в *париваре* Гададхара Пандита, одного из ближайших спутников Шри Чайтанья Махапрабху, а *саньяса-дикшу* — от Шри Шьямачарана Бабаджи, который был в *париваре* Гопала Гуру. Одетый, как вайшнав *саньяси*, молодой Бабаджи, кто должен был бы стать раджей Парикреда, стал бродить по деревням и лесам Враджа, всегда повторяя Харинаму и поддерживая жизнь в теле тем, что собирал на *мадхукари*. Он не жил долго на одном месте, поскольку боялся, что родители найдут его и заберут обратно. Баба спал каждую ночь под разными деревьями. Во время сна он не ложился, а сидел, прислонившись к стволу дерева, чтобы спать так мало, как только возможно и повторять *джану* так много, как только возможно. Постепенно юноша победил сон в такой степени, что мог спать всего два или три часа в сутки.

Однажды он решил совершать *киртан* на протяжении трёх суток, не прерываясь. В своём воображении он написал письмо Нидра Деви

(богине сна), в котором молился, чтобы она не подходила близко к нему в течении этого периода и положил это письмо у стоп Господа. Таким образом он на три дня положил комфортно спать у стоп Господа саму Нидру Деви. Баба провёл трое суток в *киртане*, не смыкая век. В течении этого времени Бабе не нужно было ходить за *мадхукари*, поскольку другой Бабаджи приносил ему *прасад* и вместо него совершал *киртан*, пока тот ходил в туалет, мылся и ел.

Нитьянанда Баба несколько лет переходил с одного места в другое, затем поселился в местечке Кадамбакхапди^[161] в Нандаграме. Там он один раз совершил обряд *пуруш-чаран* с повторением *махамантры*, после которого стал *сиддхой*. Его слава как *сиддхи* махатмы стала широко известна. На Кумбха-меле во Вриндаване он был выбран *махантой* четырёх *сампрадай*. У него вскоре стало много учеников. Империя, над которой Господь хотел поставить его царём, начала принимать форму. В какой степени Господь становился инструментом в создании этой империи, можно увидеть на следующем примере:

Юноша, отрёкшийся от мира, стоял перед Господом Джаганатхой в Его храме в Пури и говорил: «Прабху! Я отрёкся от мира для того, чтобы приблизиться к Твоим лотосным стопам, совершая *бхаджан* под руководством гуру. Но обрести гуру можно только по Твоей милости. Я слышал много историй о Твоей беспричинной милости к беспомощным и недостойным *дживам* (душам), подобным мне. Неужели Ты не прольёшь на меня свою милость?» Он молился таким образом и плакал. В это время две фигуры: Баларама и Субхадра, стоящие по обеим сторонам Господа, исчезли из поля его видения. Он видел только большое круглое лицо Господа Джаганатхи, проливающее слёзы. Джаганатха плакал, потому что Он так же сильно тосковал по общению с ним, как юноша стремился к Нему. Но юноша не смог этого понять, поэтому думал: "Господь плачет из-за того, что я нанёс Ему какие-то оскорбления".

Он пришёл в храм Бимала Деви и таким же манером молился и плакал перед ней. Внезапно юноша увидел, как одна рука божества Бимала Деви начала двигаться. Возможно, движением руки она давала ему знак, что благословляет его. Но он также не смог понять этого.

Затем в поисках гуру юноша пришёл в Навадвипу. Там одним днём, получив *даршан* Гауранги Махапрабху в Его храме и молясь

Ему, чтобы обрести гуру, он увидел странную сцену: сперва в Махапрабху проявилась фигура Шри Кришны, затем — Радха и в завершении — голубого цвета *сакхи*. Он очень удивился. Вся эта сцена оставалась для него под покровом мистики. Но, получив этот *даршан*, он почувствовал, что Махапрабху побуждает его отправиться во Вриндаван.

Как только он достиг Вриндавана и сошёл на станции с поезда, то увидел Нитьянанда Даса Бабаджи. До этого он один раз встречался с ним в Пури. Поэтому Бабаджи признал его и взял с собой в Нандаграм. Какое-то время юноша жил вместе с ним и вскоре признал в нём своего гуру. Он принял от него *дику* и почувствовал освобождение от всех беспокойств.

Юноша обратился к гурудеву с просьбой, чтобы тот дал ему свою фотографию, которую он мог бы хранить у себя и поклоняться ей. Гурудев послал его к фотографу Кали Бабу, имевшему студию на Гопинатха базаре во Вриндаване. Когда Кали Бабу настроил фотокамеру, чтобы снять гурудева, тот попросил юношу пойти посмотреть правильно ли фотокамера сфокусирована на нём. Юноша с разрешения фотографа накрыл свою голову чёрной тканью, прикрепленной к задней части камеры. Он через линзы сфокусировал зрение на гурудеве и очень удивился, увидев не гуру, а *сакхи*, которую видел в Божестве Шри Еауранги в Навадвипе. А когда убрал с головы чёрную ткань, то снова увидел своего гуру Шри Нитьянанда Даса Бабаджи.

Юноша понял, что его Гурудев является *сакхи* Радхарани и что Гауранга Махапрабху, явившийся ему как Кришна, Радха и его Гурудев в облике *сакхи*, хотел сообщить ему, что Кришна и Радха не отличны от Него и что его гурудев в образе *сакхи* был также не отличен от Радхарани как одно из Её проявлений. Он также понял, что Гауранга Махапрабху, побудивший его следовать во Вриндаван и Нитьянанда Баба, пришедший на станцию прямо к его приезду, милостиво помогли ему найти своего гурудева.

Таким же образом Шьмасундара Дас, Гопинатх Дас, Гаураговинда Дас и многие другие, кто позднее стал известными махатмами, так же, как тысячи семейных преданных, были побуждены Господом принять Нитьянанда Даса Бабаджи своим гуру и увеличить славу империи, в которой он был раджой.

С тех пор, как Нитьянанда Дас Баба стал сидхой, он всегда пытался скрыть это от других. Но как он мог спрятать себя, если Господь хотел, чтобы все знали его и почитали? Никто не знал о Нитьянанде Бабе в Амритсаре. Но и там Господь сделал его известным через одного преданного, который служил Божествам Радха-Шьямасундара. Шьямасундара как-то сказал ему во сне: «Возьми нас обоих к Нитьянанде Бабе во Вриндаван, чьим любовным служением Мы хотим насладиться». Преданный привёз Божества к Бабе и рассказал ему о своём сне. Баба принимал *арчану* или служение Виграхе как одну из самых важных форм *бхакти*, но сам Божествам не поклонялся. Он был, как свободный художник, любящий жить, где ему нравится и идти туда, куда ему захочется, питаясь только *мадхукари* и совершая *киртан*, который он расценивал как самую высшую форму *бхаджана*. Служение Божествам прикрепляет преданного к одному месту и вынуждает его просить в качестве пожертвования различные вещи, необходимые для служения Божествам или требуемые Ими. Но поскольку Радха и Шьямасундра пришли к нему по собственному желанию, он был вынужден сказать преданному, доставившему Их: «Рассуди, я не способен нести должное служение Радха-Шьямасундре. Но, поскольку Они хотят, чтобы я служил Им, оставь Их здесь. Я буду делать, что смогу».

Преданный почувствовал сильную горечь в сердце, заметив безразличие и непочтительное отношение Нитьянанды Бабы к Божественной чете, которая по собственному желанию пришла к нему в гости. Любые другие гости, почувствовав такое отношение, ушли бы восвояси с нахмуренными бровями. Но Радха-Шьямасундара не захотели вернуться. Они знали, что незваных гостей не только плохо встречают, им также иногда приходится страдать от негодования и порицания хозяев. Тем не менее, Они пришли. Они были странными гостями, которые наслаждались возмущениями и выговорами Своих преданных даже больше, чем восхвалением.

Баба установил божества Радха-Шьямасундара в *кутире*, неподалёку от Мукхашодан-кунды в Нандаграме и передал своим ученикам полномочия служения Им. Этот *кутир* превратился в небольшой *ашрам* Бабы. Он не прикладывал никаких специальных усилий для организации служения Божествам. Им предлагали в качестве *бхоги* всё, что Баба собирал на *мадхукари*. Если кто-нибудь из

учеников намеревался как-то улучшить организацию служения для Божеств, Баба говорил: «Мы не собираемся менять себя из-за Них. Мы должны оставаться Бабаджи, просящими подаяние, что мы из себя и представляем. Это Они — те, кто должен изменить себя. Поскольку Они пришли к Бабаджи, Им придётся жить, как живут Бабаджи. Они должны есть то, что мы едим, если Им когда-нибудь захочется *ладду* или *малпур*, Они могут уйти во дворец Нанды Бабы, находящийся неподалёку и усесться там».

После того, как Нитьянанда Дас Баба обрёл сидхи, он решил провести остаток своей жизни, проповедуя Харинаму Санкиртану. С этой целью он основал общество, названное Хайбхакти Прачарим Сабха, центр которого находился в Матхуре. Баба организовал Акханд^[162] Харинаму Санкиртану в Натхдваре, Алигархе, Джаяпуре, Дели, Амритсаре, Вриндаване, Джаганнатхапури и во многих других местах. В каждом месте Харинама заканчивалась через один месяц, два месяца или год. Он также устраивал каждый год *акханда киртан* на протяжении месяца в Джаганнатхапуре во время фестиваля Ратхатры и в Праяге, Харидваре и других *тиртхах* (святых местах), когда там проходила Кумбха-мела. Баба обычно говорил, что *нама-киртан* является самым важным видом *бхакти-садханы*. Харинама приносит плоды не только, если поётся, но также, когда слушается, пишется или созерцается в письменном виде.

Он говорил, что есть две стадии *нама-садханы*. Первая это *нама-граха*, на которой *садхака* совершает усилия, чтобы прочитать положенное количество кругов. Вторая называется *намашрая*, на этой стадии преданный полностью предаётся святому имени. Он не может жить без святых имён и ничего не хочет знать, кроме Харинамы. На этой стадии Нама притягивает Кришну, и Он чувствует себя обязанным предстать перед *садхакой*.

Баба не был против *аштакалья-лила-смаранам*. Но он говорил, что Нама-санкиртана превышает *лила-смаранам* и что Нама является *калпатару* (деревом желаний). Если *садхака* принимает прибежище Харинамы, тогда для него не остаётся ничего, чего требовалось бы достигать. Постоянно поливая лиану *бхакти киртаном* или *джапой*, преданный возвращает на ней плоды Кришна-лилы. Баба отвергал *лила-смаранам* на начальных стадиях развития преданного. Он говорил: «*Лила-смаранам* это не шутка. *Садхака*, практикующий *лила-*

смаранам, должен совершать в медитации определённый вид служения Божественной чете. Радха и Кришна принимают только регулярное служение. Неудача в совершении служения в назначенное время означает оскорбление. Как-то Нитьянанда Баба рассказал своим ученикам историю об одном Бабаджи, совершающим в медитации для Радхи и Кришны служение *пекадан*^[163] в Сева-кундже. Один раз у него не получилось сделать это служение из-за занятости другими делами. На следующие утро, придя в Сева-кунджу, он ужаснулся, увидев здесь и там краснеющие плевки разжёванного бетеля. Этот случай — наглядный пример того, что *садхака*, практикующий *лила-смараном*, должен быть свободен от всех других видов деятельности.

Нитьянанда Баба также верил в важность *садху-севы*. Где бы он ни организовывал Нама-ягью, в этом месте параллельно в больших масштабах проводилась *садху-сева*. В этом было удивительно то, что Баба никогда не прикасался к деньгам. Он с пустыми руками приходил в место *садху-севы* и с пустыми руками возвращался оттуда. Но во время проведения служения *садху* люди и деньги появлялись откуда-то мистическим образом. Иногда он говорил торговцу: «Я должен организовать *садху-сева* после Нама-ягьи. Ты предоставь все необходимые продукты. Я расплачусь деньгами, пожертвованными в связи с *ягьей*. Если я не смогу оплатить всю стоимость товара, то остатки будут выданы тебе с процентами деньгами, собранными для следующей *ягьи*. Если я в это время умру, то приму новое рождение, чтобы заплатить долг». Торговцы знали, что Бабе всегда жертвовали достаточно денег, для оплаты счетов и у него никогда не было долгов. Поэтому они снабжали его всем необходимым товаром в таком количестве, в каком он нуждался.

Однажды он проводил Нама-ягью во Вриндаване во время Кумбха-мелы. Сетх Харгулал, в те времена самый богатый человек во Вриндаване, пришёл к нему и сообщил: «Баба! Я знаю, что Вы организовали Нама-ягью, если я могу быть при служении, милостиво дайте мне знать».

«Служение! Если я не ошибаюсь, ты собираешься оказать служение?» — громким голосом спросил Баба.

«А что в этом такого, Баба? Вы только прикажите».

«Хорошо. Доставь сто *тине* (пятнадцатикилограммовых жестяных контейнеров) *гхи*».

«Что Вы будите делать со ста банками *гхи!*»

«Ты увидишь, что я с ними сделаю».

Харгулал не мог поверить своим ушам. Он доставил только десять *тине гхи*. В масштабах развёрнутой Бабой *садху-севы* такое количество масла не имело особого значения. В ту же ночь Радха и Кришна сказали во сне богатому торговцу из Канпура: «Сейчас во Вриндаване пришло время Кумбха-мелы, и маханта Нитьянанда Дас Бабаджи проводит Нама-ягью. Отправь ему сто *тине гхи*, муку, сахар и другие продукты в соответствующем количестве».

На следующий день торговец прибыл в лагерь Бабы на грузовике, нагруженном ста банками *гхи* и другими продуктами. Он сказал Бабе: «Баба! Это Вы *маханта* Нитьянанда Дас Бабаджи? Прошлой ночью Радха и Кришна сказали мне во сне снабдить Вас этими продуктами для *бхандары*, которую Вы намереваетесь провести. Милостиво примите их».

Баба ответил: «Я не *маханта*. Я также ничего не знаю о *бхандаре*. *Маханты* это те, кто явились тебе во сне. Они будут проводить *бхандару*, а я буду просто глядеть. Ты можешь оставить продукты».

После завершения Нама-ягьи Баба устроил пир, на котором накормили *садху* из всех *сампрадай*. Размеры *бхандары* можно представить из того факта, что в приготовлении угощения участвовало двести поваров.

Баба организовал подобную, продолжительностью в один год, *киртан-ягью* и *бхандару* в Хатхарасе.

Особенностью *ягьи* было то, что её удостоили своим визитом Божество Махапрабху из Гопинатха базара и Сидха Шри Гауранга Дас Бабаджи из Раманрети во Вриндаване. Когда преданные, проживающие в Хатхарасе, попросили Нитьянанду Даса Бабаджи, чтобы к ним в город была доставлена Шри Виграха Махапрабху, Баба сказал: «Как такое возможно? Шри Виграха не может переноситься из одного места в другое, кроме как в случае чрезвычайной опасности. Вы не знаете сколько неудобств будет испытывать Шри Виграха, когда её повезут из Вриндавана в Хатхарас. Даже если вы будете упорствовать в том, чтобы доставить Божество сюда, мне не следует делать это». Но, почувствовав настойчивое любовное желание своих преданных, сам Махапрабху забеспокоился о переезде. Он сказал Нитьянанде Дасу Бабе: «Я поеду». Баба объявил в храме: «Я поеду».

только в том случае, если поедет Махапрабху». Слуга Махапрабху, Шри Кришна Чайтанья Госвами не знал, что ему делать. Он не мог ни игнорировать настойчивую просьбу *маханурыши* и преданных, ни стерпеть неудобства и трудности Махапрабху во время столь дальнего путешествия. Когда преданные обратились к нему за разрешением доставить Махапрабху в Хатхарас, он ответил: «Что я могу сказать? Сами спросите Махапрабху, вытянув перед Ним жребий». Они взяли два кусочка бумаги, на одном написали: «Я поеду», а на другом: «Я не поеду», затем свернули их и поместили перед Махапрабху. После этого попросили ребёнка взять одну из бумажек. Он взял ту, на которой было написано: «Я поеду». Преданные запрыгали от радости, восклицая: «Махапрабху Ки Джай!» Они с величайшей осторожностью и заботой доставили Божество в Хатхарас.

Организованные в Хатхарасе *акханда-киртан* и продолжались целый год. *Киртан* велся круглосуточно, *катха* — каждый день вечером. *Катха* начиналась с лекции Нитьянанда Даса Бабаджи, затем говорил Гауранга Дас Бабаджи. Нитьянанда Баба обсуждал *садхану*, Гауранга Баба — *расу*. Нитьянанда Баба обычно говорил преданным: «Я очищаю ваши сердца, говоря о *садхане*, а Гауранга Бабаджи делает их привлекательными для Кришны, наполняя *расой*». Даже в наши дни, когда преданные из Хатхараса вспоминают Раса-Гангу, разлившуюся в их городе в те далёкие дни, в которой они привольно омывались, их глаза наполняются слезами, а волосы на теле встают дыбом.

После Хатхараса Баба организовал подобную, продолжительностью в один год, *киртан-ягью* в Алигархе. В *ягье* участвовали тысячи мужчин и женщин. Женщины приходили днём, а мужчины — ночью. Во время проведения *ягьи* обнаружилась нехватка *гхи*. Баба попросил каждую женщину принести одну ложку *гхи*. Таким образом было собрано столько масла, что оно лилось не ложками, а бесконечным потоком в огонь *ягьи*. После завершения *ягьи*, остались сладости в таком огромном количестве, что их собрали в пакеты и послали по одной упаковке во все дома индусов, проживающих в Алигархе. Кроме этого было пожертвовано столько много денег, что на них построили два новых зала: для *киртана* и *сатсанги*.

Во время *ягьи* люди имели возможность взглянуть на сверхъестественные силы или сидхи Нитьянанды Даса Бабы, включая

асана-сидхи. Он был обычно занят на протяжении всего дня в *катке* и *киртане*. В шесть часов вечера он принимал *прасад*, с шести до восьми — отдыхал, с восьми вечера до четырёх утра — оставался сидящим на той же самой *асане*, повторяя Харинаму.

Баба также проповедовал Харинама-киртан в Ориссе. Там он начал проводить *киртан-саптаха* или однонедельный *киртан*, подобный *бхагават-сайтах*, распространённый в Южной Индии.

Баба не пользовался своими мистическими способностями нормальным образом. Однажды, во время *акханда-киртана*, организованного в Хатхарасе, один человек жалостливо попросил вылечить своего единственного сына, умирающего от неизлечимой болезни. Баба выразил свою неспособность исправить что-либо. Один из его учеников сказал: «Баба! Если бы Вы просто соврали, сказав, что мальчик обязательно выздоровеет, то несчастный отец был бы, по крайней мере, на время освобождён от страданий». На что Баба ответил: «Глупец! Даже если бы я просто соврал, то мальчик был бы спасён. Но какое благо вышло бы из этого? Он продолжал бы находиться в грязной канаве *майи* и страдал бы от бесконечных рождений и смертей. Я Баба, вытаскивающий людей из этой канавы вместо того, чтобы глядеть, как они увязают в ней по уши».

Баба иногда использовал свою духовную силу, чтобы вселять в сердца людей веру в божественное или усиливать её. Однажды Гопинатха Дас Баба, один из его учеников, кто был профессором английского языка в Бараханипур колледже спросил его: «Баба! Я слышал о благословляющей руке гуру. Я не понял точно, что это значит. Не могли бы Вы мне милостиво объяснить?»

Баба ответил: «Благословляющая рука — это значит». Сказав это, он поместил свою руку над головой ученика на расстоянии одного фута. Гопинатх Дас Баба немедленно почувствовал умиротворяющий поток, прошедший по телу сверху вниз и наполнивший его блаженством. Он также был атакован такими интенсивными мурашками, что не смог их сдержать.

Об авторе

Доктор О. Б. Л. Капур родился в 1909-м году. Он сдал экзамены на магистра гуманитарных наук на факультете философии в университете Аллахабада в 1931-м году, а в 1938-м получил степень доктора философии в том же университете. Он работал научным сотрудником в Индийском институте философии в Амайнере, в качестве доктора литературы в университете Аллахабада, профессором и руководителем департамента философии, в В.Р, колледже в Агре до 1952-го, затем поступил на службу в Е. С. К. штата Уттара Прадеш в качестве профессора и руководителя департамента философии К. Н. Государственного колледжа Гьянпур (Варанаси) и после занимал пост директора этого учебного заведения до ухода на пенсию в 1967-м году. С 1967-го доктор Капур жил во Вриндаване, где писал книги и статьи на религиозные темы, в основном связанные с *бхакти*. Он за короткий срок написал двадцать пять книг и большое количество статей, опубликованных в различных журналах. Его работы вдохновляли академиков и обычных людей, помогая им утвердиться на пути *бхакти*. Доктор О.Б.Л. Капур оставил тело в 1999-м.

Глоссарий

Аватара: инкарнация, воплощение Бога, действующие как самостоятельная личность.

Айшварья: величие и великолепие.

Апарадхж оскорбления.

Ананда: блаженство.

Ангада: браслеты.

Атма: душа.

Ачарья: духовный наставник, учащий своим примером.

Бахирваса: кусок ткани, носимый вокруг бедер.

Брахман: человек, принадлежащий к высшей касте общественного деления в Индии.

Бхава: духовные эмоции или настроения.

Бхагаван: Бог, обладатель шести достояний в высшей степени таких, как богатство, сила, знание, отречение, красота и слава.

Бхаджан: духовная практика для осознания Бога.

Бхандара: большой пир.

Бхикша: подаяние.

Бхога: пища, предназначенная для предложения Божествам.

Ваидхи-бхакти: служение Богу в соответствии с правилами и предписаниями шаштр.

Вайдья: врач.

Вайшнав: преданный Вишну или Кришны.

Ватсалья-раса: родительские взаимоотношения.

Вирах: страдания в разлуке.

Враджабаси: жители Враджа.

Враджа-бхаша: язык враджабаси.

Гхи: топленое масло.

Гони: девушки-пастушки.

Гопы: пастухи, друзья Кришны и Баларамы.

Грихастха: семьянин, домовладелец.

Гуру-дакшина: подношение духовному учителю в благодарность за обучение.

Гьяна: знание.

Гьяни: мудрец.

Дада: брат.

Дандават: поклон, выражающий высокую степень предания объекту поклонения, когда кланяющийся ложится на землю, прислоняется к ней лбом, вытягивает руки и ноги.

Даршан: созерцание Божеств. Предстать перед гуру, святым или Божествами.

Дас: слуга.

Даси: служанка.

Дев: Бог, полубог.

Девы: богиня. Употребляется в женских именах, для указания на женский род.

Диди: сестра.

Дикша: инициация в духовную жизнь.

Джапа: повторение предписанного количества кругов Мантры.

Джива: душа.

Дхама: святая обитель.

Дхарма: религия, обязанность человека перед Богом и обществом.

Кадамба: (nauclea cadamba) дерево с круглыми, ароматными цветами.

Калпатару. дерево желаний.

Камандалу. глиняный горшок, используемый садху для воды.

Кантха: одеяло, сшитое из обрезков.

Кантхи: бусы из дерева Туласи, которые носят вайшнавцы.

Караталы: небольшие кимвалы.

Карма: действия и последствия действий.

Каупина: набедренная повязка.

Катха: религиозные обсуждения.

Киртан: пение махамантры или стихов, описывающих духовные темы.

Киртания: исполнитель киртанов.

Кунда: пруд, озеро.

Кунджа: естественная лесная беседка, образованная деревьями, лианами и другой растительностью.

Кутир: хижина садху.

Кшатрии: каста воинов и правителей.

Лакх: сто тысяч.

Ланготи: набедренная повязка.

Лила: игра, спектакль.

Лила-смаранам: медитация на игры Радхи и Кришны.

Мадхукари: форма сбора пропитания святыми, превалирующая во Врадже.

Мадхурья. сладость, очарование.

Майя, иллюзорная материальная энергия.

Манаси-сева: служение, производимое в уме.

Манджари: (букв, бутон цветка) юные служанки Радхи.

Мантра: (букв, освобождение ума) трансцендентная звуковая вибрация.

Маха-бхагавата: сидха святой.

Маханта: глава общества преданных.

Махатма: великая душа.

Мриданга: двусторонний вытянутый барабан.

Мурти: Божество.

Нупуры: ножные колокольчики.

Пандит: учёный.

Парампара, паривар: цепь ученической преемственности.

Парикрама: обход по кругу.

Патх: обсуждение священных писаний.

Прасад: пища, предложенная Богу.

Прабху: Господь, господин.

Према: любовь к Богу.

Прыти: любовь.

Пуджа: поклонение Божествам.

Пуджарий: служитель Божествам в храме.

Пурашчаран: постоянное повторение особой мантры определённый период с целью получить даршан Бога.

Рагануга-бхакти: спонтанное любовное служение Богу. *Раджа*: царь.

Раджа-гуна: страсть, модус материальной энергии.

Раса (1): вид взаимоотношений преданного и Бога, вкус которых очень сладок.

Раса (2): особое чувство, вкус, переживание во взаимоотношениях с Богом.

Раса (3): круговой танец пастушек с Кришной. *Раса-лила*: спектакль о развлечениях Радхи и Кришны.

Расика: ценитель рас.

Риши: святые мудрецы.

Роти: пшеничные лепёшки.

Сабджи: блюдо, приготовленное из овощей.

Садхака: преданный, совершающий духовную практику.

Садхана: практика религиозной дисциплины.

Садху. человек, принявший религиозный образ жизни.

Сакхи: подруга.

Саюсья-бхава: дружеские отношения с Богом.

Самадхи (1): состояние глубокой медитации, характеризуется отсутствием внешнего сознания.

Самадхи (2): захоронение святого, царя.

Самадхистхсг. в состояние самадхи.

Сампрадая: религиозное движение.

Самскар: эффект воздействия на ум нынешней и предыдущей жизни.

Саньяси: принявший обет отречения.

Сати: обряд сжигания жены в погребальном костре мужа.

Сатсанга: общение со святыми личностями.

Сатвика-бхава: внешние признаки духовных переживаний у святого достигшего према.

Сварупа: духовная форма живого существа.

Сева: служение.

Севика: служитель.

Сидха: достигший совершенства в бхаджане.

Сидха-деха: духовное тело.

Тантрики: последователи тантрических писаний, предписывающих ритуальные обряды поклонения Шиве или Дурге.

Тьяги: человек, отрёкшийся от мира.

Тхала: поднос.

Упасана: метод поклонения.

Утсава: празднование.

Учишта: остатки еды.

Хука: кальян.

Чаранамрита: вода, которой были омыты стопы Божеств, святого или брахмана.

Чинмая: трансцендентный.

Шастры: священные писания.

Шикша-гуру. гуру дающий наставления, без совершения обряда инициации.

Шила: камень.

Шлоки: строфы, стихи.

Ямадутьы: посланники бога смерти.

notes

Примечания

1

Территория в Индии, где проходили игры Кришны.

2

Вкус, переживания во взаимоотношениях с Богом.

3

Высшая обитель Кришны.

4

Любовное преданное служение Кришне.

5

Божество.

6

Пища, предложенная Богу.

Бенгальские преданные, поклоняющиеся Кришне.

8

Человек, практикующий религиозную дисциплину с целью осознать Бога.

Практика религиозной дисциплины.

10

Режим духовной жизни, соблюдаемый начинающим преданным.

Гуру, дающий преданному наставления, без совершения обряда инициации.

Подношение гуру за обучение.

Шрингара значит наряд, а бата — дерево баньян. Это место названо Шрингараватом, потому что Кришна как-то здесь, под деревом баньян, наряжал Радхарани.

Сладость из гороховой и пшеничной муки.

Созерцать Божество, гуру, святого или предстать перед ними.

Повторение мантры и подсчитывание количества кругов с помощью чётки.

Собирание милостыни, превалирующее во Врадже. Святой посещал несколько домов и просил немного хлеба в каждом, подобно пчеле, собирающей мёд со многих цветков. Он отказывался принимать полный обед в одном доме.

Страдания в разлуке с Кришной.

Канайя и Баладау — уменьшительно-ласкательные имена Кришны и Баларамы. Это также обычные имена мальчиков во Врадже.

Глиняный кувшинчик с носиком, которым обычно пользуются святые во Врадже.

В мадхурья-расе садхака отождествляет себя с гопи, или возлюбленной Кришны, или подругой Радхи.

Женская одежда. Лаханга — юбка, ангия — накидка, чоли — блузка.

Обсуждение правильности заключения писаний.

Победитель мира в диспутах по шастрартхе.

Достигший совершенства в бхаджане.

Самый большой драгоценный камень, находящийся в центре короны.

Мантра — (букв, освобождение ума) трансцендентная звуковая вибрация.

Жена, принимающая добровольную смерть на погребальном костре, после смерти своего мужа.

Человек, ведущий религиозный образ жизни.

Садху, принявший отречение от мира.

Страсть — модус или принцип деятельности в материальном мире.

Помещение для проживания преданных, обычно расположенное рядом с храмом.

Листья нима отличаются сильной горечью.

Уменьшительно-ласкательное обращение к юной девушке.

Внешние признаки эмоций, проявляющиеся на теле преданного, после того, как он обретёт Кришна-прему: стамбха (оцепенение), сведа (выделение пота), романча (вставшие на теле дыбом волосы), випатхи (дрожь), свара-бханга (прерывающийся голос), вайваранья (изменение цвета кожи), ашру (слёзы), пралая (потеря сознания).

Грамматика санскрита, составленная Шри Дживой Госвами.

Игры Радхи и Кришны, разбитые на восемь частей суток.

*мине ниджа сидха деха кария бхавана, ратри дине каре врадже
кришнера Севана*

Шри Вишванатха Чакраварти интерпретирует этот стих следующим образом: Бхагаван наделяет преданного в точности таким духовным телом, какое тот воображает в своём уме и которое является необходимой основой для определённого настроения бхакти, практикуемого этим преданным. Бхагаван обязан поступить таким образом, потому что всегда ставит Себя в подчинённое положение по отношению к Своему преданному.

Весенний праздник, на котором участники красятся разноцветными красками.

Когда какие-либо эффекты божественной лилы проявляются на материальном теле, это рассматривается как достижение сидхи или совершенного бхаджана.

(буквально бутон цветка). Сакхи более склонная служить Радхарани, чем Кришне. Её бхава чище, чем бхава других подруг, в результате этого она допускается к самому интимному служению Радхе и Кришне.

Духовное тело.

Пояс украшенный множеством мелких звенящих колокольчиков.

Ножные колокольчики.

Конец лунного месяца. Новолуние.

Поклон, выражающий высокую степень предания объекту поклонения, когда кланяющийся ложится на землю, прислоняясь к ней лбом, вытягивает руки и ноги.

Название озера и деревни неподалёку от холма Говардхана.

49

Высшая каста в ведической системе общественного деления.

Мантра, получаемая при инициации.

51

Название озеро находящегося на холме Говардхан.

Кришна, держащий холм Говардхан.

Танец раса.

Вода, которой были омыты стопы Божеств, гуру или брахмана.

Совместное воспевание.

Имя Шивы.

Три горизонтальные линии, рисуемые на своих лбах поклоняющимися Шиве или Кали.

Праздник колесниц.

Вид пудинга.

Вытянутый двусторонний барабан овальной формы, обычно используемый на санкиртане.

Постоянное повторение мантры определённый период, соблюдая специальные правила и предписания, с целью достижения даршана Бога.

Транс, состояние совершенной погружённости в мысли о Боге.
Место захоронения святого.

Тот, кто нисходит. Наделённая полной или частичной властью инкарнация Господа, нисходящая из духовного мира для выполнения определённой миссии.

Холл перед храмом

Остатки их еды.

Последователи тантрических писаний, предписывающих ритуальные обряды поклонения Шиве или Дурге.

Церемония поклонения богине Кали.

Махашая значит уважаемая личность или махатма.

Место над входом в храм или дворец, устроенное для музыкантов, бьющих в барабаны или играющих на инструментах, подобных флейте. В наубатакхане обычно селятся голуби, которые там счастливо пребывают, совершенно не обеспокоенные громкими звуками барабанов.

Принятие пожертвований за проведение Бхагавата- патха рассматривалось как оскорбление. Также вайшнавом не полагалось принимать подношения от царей, цариц или других людей с мирским складом ума.

71

Единица измерения длины, равная примерно трём километрам.

Духовный учитель духовного учителя.

Сто тысяч.

Обширные земли, включающие множество деревень.

Ритуал совершаемый обычно во время установления Божеств, чтобы оживить Мурти.

Когда-то в Индии вместо мелких монет использовались определённого вида ракушки, (прим, переводчика)

Индийский наркотик.

Воздействие на ум прошлой деятельности.

Набедренная повязка.

Сшитое из лоскутов одеяло.

Подношение царю или землевладельцу.

Блюдо приготовленное из риса и дала (бобовых).

Блюдо из овощей.

Рис сваренный в молоке с добавлением сахара.

Молочные сладости.

День полной луны.

Рагануга-бхаджан проистекает спонтанно из любви к Радхе и Кришне, поэтому не зависит от правил и предписаний *ваидхи бхакти*. Он преимущественно состоит из медитации на божественные *лилы* Радхи и Кришны.

Чёрные овальные камни, собираемые в реке Гандаки. В Индуизме им поклоняются как форме Вишну.

Лекции по священным писаниям.

Сладкие лепёшки жареные в масле.

Даха — глубокое место в реке.

Любовь к богу.

Специальная мантра Нараяны.

Грамमатिका संस्कृता.

То, что Шримад Бхактисидханга Сарасвати высоко ценил Пандита Бабу, подтверждает тот факт, что во время Враджамандалы парикрамы организованной им в 1932-м году, в которой участвовал автор этой книги, он советовал всем участникам зайти к Бабе на даршан.

Здесь говорится о времени, когда автором писалась эта книга.

Набедренная повязка.

Кусок ткани, носимый вокруг бёдер.

Большой плоский камень в форме лодки, на котором растирают в пасту специи или любые другие продукты.

100

Маленький камень, которым растирают.

101

Название овощей.

Одиннадцатый день убывающей и пребывающей луны, на который согласно вайшнавской традиции принято поститься.

Смесь воды, молока, йогурта, мёда и гхи, которой омыли Божества.

Наиболее возлюбленный.

Духовное тело манджари.

В Индии масло взбивают из йогурта. Батермилк это то, что остаётся после взбития.

Круглые пирожки с начинкой из дала, жареные во фритюре.

Солёные лепёшки, жареные во фритюре.

Глиняный или деревянный кувшин, используемый аскетами.

Девять ночей Дурга-пуджи.

В 1931-м году сын Ашвини Кумара, Гаура Бабу построил прекрасный храм для Гопиджанаваллабха в Гопинатха Бхаге во Вриндаване, где ему сейчас поклоняются, (прим, автора)

Особый вид спектаклей, превалирующий во Владже.

Полное прочтение «Шримад Бхагаватам» за семь дней.

Свёрнутый кулёчком лист бетеля для жевания с начинкой из молотого ореха бетеля, извести и специй.

Территория окружающая храм Маданамохана.

Напиток из батермилка со специями.

Учитель пуритан. Пуритане те, кто строго придерживался аскетического образа жизни и были нетерпимы к отступлению от требований принятой морали, (прим. переводчика).

Ученик Радхарамана Чарана Даса Бабаджи, носивший женскую одежду, для более глубокого отождествления себя с гопи. Его жизнь подробно описана в других книгах Капура, (прим. переводчика).

Духовный учитель духовного учителя.

Камень с холма Говардхана.

Танец Кришны с гопи Враджа.

Книга, описывающая занятия Кришны на протяжении суток, разделённых на восемь частей. Во время каждого такого периода преданные медитируют на игры Кришны присходящие в данное время.

123

Объекты чувств, которые с течением времени превращаются в
пыль.

То, на чем сидят — коврик или специальное кресло.

Каста потомственных служителей храма.

Круговой танец Кришны и гопи.

Духовное тело.

Киртан, совершаемый в процессии по городу.

Трон, почетное место.

Многозначительная трапеза [?].

Специальные носилки.

Большой пир.

Место во Вриндаване, где Уддхава пытался дать знание гопи.

Цель ученической приемственности.

Духовное тело гопи, подруги Радхарани.

Смотрите биографию Нараяна Бхатта Госвами в книге «Враджа-ке-расикачарья».

Ланиле Саракар — Божество Балагопала, подаренное Нараяне Бхатте Госвами самим Шри Кришной. Ланиле Саракар, подобно Божеству Гокулананды, принадлежащего Локанатхи Госвами, помогал Нараяне Бхатте Госвами в обнаружение лили-стхали (мест игр Кришны) во Врадже.

Асана ачарьи (наставника) или религиозного лидера.

139

Отверстие в черепе, расположенное на макушке.

Тот, кто наслаждается бхаджанаом.

Почему-то у автора в этой истории совпадают даты рождения и смерти Пхундан Лала, возможно, даты указаны в различных летоисчислениях (прим. переводчика).

142

Музыкальный инструмент, напоминающий скрипку.

Во Врадже отцы ласкательно называют дочерей лали. У Гулаба были родительские взаимоотношения с Радхарани, поскольку Она явилась ему как его дочь.

Вечернее поклонение.

Предложенный Божествам, лист бетеля, свёрнутый кулёчком и наполненный разными добавками такими, как специи, мёд и ароматические вещества.

Состоит из спонтанного любовного служения Радхе и Кришне и совершается посредством воображаемого духовного тела под руководством гуру.

Данные духовным учителем ученику необходимые сведения о его духовном теле такие, как имя, возраст, цвет кожи, одежда, служение. И подобные сведения о духовных телах всех гуру в париваре.

Метод поклонения.

Книга описывающая аштакаля-лилу, составленная Сидха Кришнадасом Бабой из Говардхана.

Карта на языке бенгали значит менеджер, управляющий или глава общества.

Божество, выбранное преданным для поклонения.

Многие садху пользуются специальными большими металлическими щипцами, для самозащиты, для ворошения углей в костре и даже в качестве музыкального инструмента (прим. переводчика).

Слово Сетх перед именем обычно указывало на очень богатых людей.

Молочные сладости, жареные во фритюре и вымоченные в сладкой розовой воде.

Главный священник.

Огненное жертвоприношение.

Преданные практикующие целибат.

Многоглавый змей, частичное воплощение Баларамы, старшего брата Кришны.

Гуру, проживающий в святом месте и дающий наставления, каким образом получить милость этого места.

160

Камень.

161

Место с множеством деревьев кадамба.

Непрерывающийся.

163

Специальный горшок, в который сплёвывают излишки слюны, возникающие при жевании бетеля.